

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

**Жизнь и поражения
советского инакомыслящего**

Путешествия по Союзу

(1971 – 1978 гг.)

Том VI

Москва, 2016

Оглавление

Оглавление

ПРЕДВАРЕНИЕ К ТОМУ 6	5
НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ, 1971 Г.	6
КАРПАТСКИЙ ДНЕВНИК	6
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «УКРАИНСКИЕ ТЕМЫ»	33
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «КАРПАТЫ. КОСМАЧ»	43
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «КАРПАТСКИЕ ГОРОДА»	58
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ЛЬВОВ»	68
АЛТАЙ, 1972 Г.	81
АЛТАЙСКИЙ ДНЕВНИК	81
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «АЛТАЙСКИЕ БРЕДНИ»	141
КРЫМ, 1973 Г.	166
КРЫМСКИЙ ДНЕВНИК	166
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «КРЫМ ТАТАРСКИЙ»	185
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «КРЫМ РУССКИЙ»	199
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «КРЫМ РАЗНОПЛЕМЁННЫЙ»	211
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «КОКТЕБЕЛЬ ВОЛОШИНА»	227
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ОДЕССА»	247
ВОКРУГ МОСКВЫ, 1966-75 ГГ.	252
ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО ДИАФИЛЬМАМ ПО ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕМАТИКЕ	252
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ПАМЯТЬ РУССКОГО ОПОЛЯ»	282
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «РАССКАЗ ОБ ИКОНАХ»	295
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ДВА ПЕРЕСЛАВЛЯ»	310
СЦЕНАРИИ ДИАФИЛЬМОВ «УКРАИНА-77»	320
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «2. ПОДОЛИЯ. УКРАИНА ПОЛЬСКАЯ И ТУРЕЦКАЯ»	320

СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «З.ЦЕНТР –ХМЕЛЬНИЩИНА И РУИНА».....	338
СИБИРЬ, 1978 Г.	370
СИБИРСКИЙ ПОСТ-ДНЕВНИК.	370
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «СИБИРЬ ЯЗЫЧЕСКАЯ»	444
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «СИБИРЬ БУРЯТСКАЯ, БУДДИСТСКАЯ»	456
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ И СОВЕТСКАЯ»	481

Предварение к тому 6

Наш сын Алёша и я продолжаем переводить в бумажные тома размещённую на нашем сайте www.sokirko.info Витину подборку его воспоминаний, текстов, сценариев диафильмов, наших походных дневников, имеющую название «Жизнь и поражения советского инакомыслящего», позволяя себе некоторые передвижения, правки, но стараясь ничего не забыть. Этот том, аналогично т. 4, в каждый раздел включает один-два дневника похода (иногда его обсуждения) и навеянные походными впечатлениями сценарии диафильмов, в основном, 1971-1978 годов (за исключением диафильмов о шашках и диафильмов переполненного впечатлениями 1976года, которые включены в следующий, седьмой том). Витины комментарии написанных мною в походах дневников даны курсивом, цифры в сценариях - номера слайдов, подчёркивания – надписи на слайдах. Л.Ткаченко

На Западной Украине, 1971 г.

Карпатский дневник

Очередной отчет - себе на память - об отпускном путешествии 1971 года мне хочется начать с твердого себе обещания: больше не тратить время на писание путевых дневников, не насиловать память случайными подробностями, не расходовать свою и так слишком короткую жизнь на многократное переживание малоинтересных событий средней жизни. Но над летом 71 года я не властен. Дневник уже написан Лилей, и мне остается лишь печатать и дополнять по возможности...

22 июля. И опять в новый край увозит нас поезд. Мы готовы всему удивляться, радоваться, запоминать, понимать...

Как хорошо спать на верхней полке, радуясь сквозь дрему приятному покачиванию вагона. 29 часов дороги пролетели так быстро, что я не успела даже книжку про Львов прочесть до конца...

Дорожные часы, действительно, пролетели быстро - во сне, в разговорах с попутчиком - целинным трактористом, в рассматривании пейзажей Украины. Мало лесов, много полой, яркое солнце над влажной землей, деревни в тополях до Збруча, этой старой довоенной границы - без церквей, и множество трехбашенных грузных церковных толстух - после Збруча, по всей Тернопольщине - до Львова. Здесь не было разломных 30-х годов, не было "культурной революции", и потому остались церкви, старая культура и многое другое. И потому мы сейчас едем в При- и Закарпатье, эту доступную нам часть западного мира. Еще совсем недавно она входила в него административно, была частью Австрии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, и поэтому хранит память культуры многих народов. Мы уже встречались с

Западом в Прибалтике, мечтаем о встрече с древней Грецией и средневековой Генуей в Крыму, так почему же нам не ожидать удачи и на этот раз - обмана паспортного режима и исполнения "дерзкого набега на границу"?

День похода первый - 23 июля. 12 часов дня наш поезд совершает круг почета вокруг Львова. Разворачивалась панорама, как бы готовя зрителя, чтоб он, попав на львовские улицы, не ошалел от удивления.

И все же мы ошалели сразу. Уходим от вокзала. Он просторный и нарядный. Уже вокзал нам говорит об австрийской Польше: по сторонам центрального входа - аллегорические "Промышленность" и "Торговля".

Оглядываемся на город: в небо вонзаются шпили костела на привокзальной площади. Ага! Вот и объект № 1 нашего нового туристского сезона. Костел поздний, времен последнего императора Франца-Иосифа. Дитя XX века, он тоже псевдостилия. В этот раз перед нами псевдоготика. Но это не мешает горожанам его любить и огорчаться от мысли, что скоро его снесут. «Кому-то он мозолит глаза своей "неметчиной", так не похожей на "украинское народное искусство".

Костел громаден. Стоит и не верит, что доживает свое последнее, что посмеют разрушить его каменное кружево на острых высоких окнах, что дотянется паскудливая рука до высоченных шпилей. Откуда ему знать, что знаем мы: много есть чесучих рук, узколобых нетерпимых голов... А вот для первого нашего львовского знакомого, говорящего с забавным одесским акцентом (печать детства), этот костел - неотъемлемая часть города, самого красивого во всем Союзе... *Этот львовский одессит (он торопился играть в каком-то ресторанном оркестре), в меру "веселый", привязался к нам при фотографировании привокзального костела - настолько его обуревало желание рассказать приезжим, что этот костел был поставлен наследником последнего австрийского императора в честь чудесного его спасения на медвежьей*

охоте. Рассказывал и о том, что лишь один раз городская газета затронула щекотливую тему австрийского собора.

Нам жалко собор, мы сразу же почувствовали себя как в Калининграде: стыд и горечь, чувство неприязни к "хозяевам" города и инстинктивное чувство опасности - ведь вряд ли "хозяевам" могут нравиться твои съемки здания, которое у них стоит бельмом на глазу (фотографировать эту громаду хотелось в обязательном порядке несколько раз). Правда, нам пришлось отложить это намерение до завтра, потому что под натиском "воодушевленного аборигена" мы сразу же зашагали к центру города по брусчатке подъемов и спусков львовских улиц. И не остановились, пока за Старым Рынком не подошли к самому красивому, по мнению нашего целеустремленного гида, собору Львова и мира (за исключением, разве, Петра и Павла в Риме).

Особенно его зачаровывала надпись на фронте собора (Доминиканского), а из надписи последнее слово, напоминающее женское имя, только и читал он - но зато ведь какое красивое и таинственное слово... Здесь он оставил нас, отмахнулся от спасибо и умчался на работу, а мы помедлив, пошли сами и многое в тот день увидели...

Да, мы многое увидели. За оставшиеся до ночи полдня я истратил почти две пленки на львовских львов, готику аптек и контрфорсов, армянские уголки и итальянские дворики, немецкую скульптуру и польское барокко... Кажется, впервые мы увидели неизменно сохранившейся планировку центра типично средневекового европейского города: тесный квадрат площади "Старый рынок" с грузной ратушей в центре и четырем фонтанам по углам. Для меня - это не было просто похожем на Италию. Жаркое солнце, шумная толпа, античные фигуры фонтанов, дома в старинной роскоши барельефов - все это я принял, как самую подлинную Италию. Смутные воспоминания когда-то виденных кинокартин и строчки путеводителя о славном прежде "польском Париже", созданным многими итальянскими зодчими, расцвели в легковерной душе прочной уверенностью:

"Так вот она какая - старая Италия"! Хорошо быть легковверным.

Не обошлась без нас и Замковая гора. Откуда она только взялась среди этих равнин? Замковая гора очень почетна во Львове - ведь именно с нею связаны легенды о русской основе Львова, о русских укреплениях знаменитого галицкого о короля Данила Романовича. Но, наверное, я был исключением, потому что связывал Замковую гору, прежде всего и почти исключительно, с повестью С.Лема "Высокий замок". Мой любимый фантаст, так неожиданно рассказавший в этой повести о своем польском детстве - сразу же и до конца меня убедил: Львов - польский, и только польский город, не исключая даже русских камней на Высоком Замке. Наверное - это не вся правда, наверное, вокруг города было много украинских деревень, но сам город в детстве Лема был польским. Деревья замкового парка - здесь развились польские гимназисты, замковая длинная спираль подъема - здесь бегал маленький Стас, асфальт высокой смотровой площадки - отсюда они глядели на просторы подольских полей, озеро красных крыш и сдвоенные башни костелов.

Нам этот вид сильно напоминал панораму Вильнюса с горы Гедемина. Очень большое сходство. Но есть и различия. В основном - психологические. В Вильнюсе польско-литовское наследство нераздельно и неразличимо для литовских хозяев. Во Львове же - польское если не уничтожается, как австрийское, то только терпит. И если на горе Гедемина мы были очарованы длинными вереницами школьников, взбирающихся поглядеть вокруг хозяйским взглядом, то на Высоком замке мы с грустью прислушивались к мальчику с игрушечном автоматом, который допытывался у мамы, как именно русские здесь воевали и выгоняли отсюда немцев и... поляков, которые для него, конечно же, неразличимы. Его мама, кажется, тоже не различала этих тонкостей...

Поздним вечером послушали часть службы в Кафедральном Соборе, кстати, единственном из десятков католических соборов города, где не прекратили службу.

Для меня это было впервые: огромность собора, его готических пространств, неисчислимость поющих прихожан, невыразимая сила этого пения и органа - я впервые так явственно, всем телом почувствовал, как человеку хочется верить, веровать, как нужно ему приобщиться к той огромной и прекрасной силе, этой душевной благодати. Как станет тогда умиленно и хорошо. Мне, убежденному атеисту, такая нужда человека в религии была ясна и раньше, но только сейчас я ощутил ее в собственном теле.

В православных храмах этого я почему-то не испытывал, католическую службу слышал и видел впервые. Но, наверное, дело здесь не столько в красоте католического пения и органа. Главное, видимо, было в моем предвзятом сочувствии к прихожанам этого огромного польского костела - единственного клочка родной культуры для оставшихся в городе поляков (шаблонная память рисовала их прошлое в виде красивых и надменных шляхтичей и панянок)... И казалось мне, что дух человеческий рвался жалобой в этом пении, потрясая даже атеистические души. Впечатление было столь сильным, что когда через день, уже в городе Старый, нам выпала возможность еще раз послушать службу в местном костеле, то, рискуя опоздать на поезд, мы стояли и впитывали все снова и снова эту католическую отраву...

И еще в тот день встретились мы с регентом Пятницкой церкви. Он заговорил с нами об одной из новоправославных церквей, от служителя которой он вышел. Рассказывал, как в составе инициативной группы "сбрасывал" униатство. А потом повел нас в свою церковь, все там показал, и даже пропел некоторые мелодии. И лицо его при этом светлело...

Лично я разговаривал с регентом, как с плавучей миной. Настораживала его хвастливая самореклама себя как ниспровергателя униатства, даже его навязчивая приветливость к случайным московским любопытствующим, его хозяйское распаивание церкви и посмеивание над предрассудками, когда Лиля стеснялась проходить в

алтарную часть, его отработанные фразы: "Нас никто не преследовал, а вот польских жандармов я в-о-о-т как нагляделся"; "может, кому Америка и мила, а я ее в-о-о-т как навиделся; и, наконец: "Хотите, устройю Вам ночлег - у меня друзей много - и в милиции, и в органах". Когда он нас отпустил, я вздохнул с облегчением, как будто не из церкви вышел, а из филиала органов. Понятно, я был не прав в своих опасениях - старому регенту, наверное, просто скучно было, вот он и общался со случайными приезжими. Прихожан, видимо, в его храме было совсем немного, потому что, в отличие от костелов, униатские церкви после перехода в православие почти не закрывались. Но веры у прихожан осталось немного. На долю главного униатского собора Львова - Собора Юра, прихожан еще хватает, зато старый инициативник остается лишь с местными старухами... А, может, и не так все. Не знаю. Знаю только, что уничтожение униатской веры и перевод ее в московское православие было делом государственным, насильственным, и поэтому не могло до конца привиться. Две главных религии современной России (государственная и православная), внешне так враждебные друг другу, здесь трогательно объединились в религиозной дискриминации западно-украинского населения. И все это ради того, чтобы порвать все родственные связи с западным христианством. Знаю, что делалось это в разгар подавления националистического движения, теми же методами. Воссоединение униатства с православием проводилось отнюдь не руками искренне верующих людей, а, скорее, Иудами в рясах. Встреча с толстым регентом только укрепила меня в этом мнении. Казалось бы, он был очень хорош - ласков, гостеприимен и радушен к нам, москвичам и атеистам, умен, терпим и ироничен к религиозным предрассудкам, горд за красоту "своего" храма, хора, церковного убранства - он был почти "наш" - но мне инстинктивно был отвратителен союз с ним, его скромный атеизм, его предательство своего Бога.

День второй - 24 июня. Утром, вернувшись с озера и привычно засунув рюкзаки в привокзальную камеру хранения, мы продолжали трудолюбиво осваивать Львов.

Собор Юра - гора большая, на горе большой собор, на соборе большие барочные украшения: балюстрады, карнизы, вазы, скульптуры... Внутри - все как в католическом храме, только скамьи стоят не поперек храма, а вдоль стен. И нищие у ворот толкуются. А в это время с красивой лестницы спускается повенчанная пара со свитой. Все очень сосредоточенные, а может, торжественные. Любопытно, что "палац щастя" с Загсом размещён напротив собора. Удобно.

Прилежно осмотрели исторический музей и картинную галерею города. Самая интересная часть - огромные, богатые, роскошные портреты королей, классика шляхетской вольницы. А потом - картины конца прошлого века - сюрреализм, цветовая игра, пронзительная талантливость польской молодежи, впитавшей в себя дух парижской школы. И не знаешь, чему больше радоваться...

В этот день мы много и упорно ходили по городу. Как будто для того, чтобы в следующий раз сюда приехать уже как в знакомый город, чтобы тогда знать - все основное по первому разу уже просмотрено, теперь можно гулять просто так, для удовольствия. А сейчас - основные костелы, музеи, кладбища, парки. Не были только на знаменитой львовской толкучке, где советские родственники лиц, находящихся за границей, реализуют в денежных знаках свои связи с проклятым миром заграничных дядюшек. Мне очень хотелось поглядеть на вещественные доказательства этой тесной связи, но пришлось ограничиться лишь созерцанием костюмов львовской вечерней толпы. Последней электричкой мы уехали ночевать на 100 км ближе к Карпатам - в районный город Стрый.

День третий - 25 июля Утро началось Витиным купанием в холодном, недавно с гор, Стрые, продолжилось базаром с оригинальными, как в крепости, стенами и башнями. Котелок молока, черешня, яблоки, хлеб.

Потом набрели на костел, и опять, как во Львове, слушали, слушали... Перед концом службы в храм быстро вошли три девочки лет по 16, боковым нефом прошли к алтарю и стали на колени. Вместе с другими женщинами получили причастие, вышли - преемственность поколений. Даже "железный" атеист Витя дрогнул: "Люди выходят отсюда такие умиротворенные, что так и хочется стать как они, и получить отпущение грехов..."

Электричка повезла нас дальше на юг и запад и вытряхнула в Славском.

В Москве мы планировали обязательно побывать в Тухле - древнерусском гнезде Захара Беркута. Красивая повесть Ивана Франко о смелом и удачливом сопротивлении русской деревни во времена Даниила Галицкого десяти тысячному монгольскому отряду сулила нам живую память о древней Руси-родине в этих местах и о людях, здесь живущих, и, наверное, рассказывающих легенды. Мы ожидали окунуться в поэзию. Расспросы в поезде местных попутчиков не дали, правда, ничего утешительного: никто ничего о древнерусской Тухле не знает, музея нет, и только один парень сказал, что на одном из ближних холмов какие-то туристы установили "крест Захара Беркута", и с тех пор люди ходят к нему.

А за окном мелькали нефтяные вышки на зеленых пока холмах. Сама же Тухля оказалась длинным и хаотично разбросанным железнодорожным поселком меж пологих холмов. Эти пологие холмы нас окончательно разочаровали: здесь просто невозможно повторить подвиг тухольцев, даже если б их было в 10 раз больше... По инерции мы все же вышли на тухольской станции и в недоумении стали думать: "Что же делать до вечерней электрички?" - Посмотрели друг да друга, и полезли снова в еще не ушедший поезд...

Так безболезненно кончились наши, в Москве подготовленные, "поэтические восторги"... Обычно разочарование стоит дороже.

В Славском начинался наш пеший поход через Верховинский хребет на озеро Синевр. Учебно-физическая карта Львовской

области - наш единственный ориентир. Полагаемся, прежде всего, конечно, на расспросы. Но есть и польза от карты: в ней, например, упоминается примечательность Славска - скала с древнерусскими надписями. Конечно же, мы не пропустили это наглядное свидетельство присутствия наших предков. Однако никто не знал, где искать такую скалу, пока не попался нам парень в спортивном костюме, который и объяснил, что "Пысана гора" в 6 км отсюда, у родника с водой.

Пошли. Полого вверх, потом под огромными карпатскими елями, потом долгими травянистыми склонами. Утоптанная тропа удобна, как в Подмосковье, к тому же рядом, под тропой огромные - непривычно вниз - пространства! Часто встречались люди. "Как на Пысану гору идти?" - "Е-е"... А дорога вверх-вниз, но больше вверх. Жарко, тяжело. А главное - слишком долго тянутся эти 6 км - часа четыре.

Наконец, обогнули пологую, плоскую вершину, скалы так и не увидев. Расстроились. И только заметив на склоне хребта черногубых и чернозубых от черники девчонок с корзинами и совками, нашли эти злополучные "пысаны камни". Не удивительно, что мы пропустили эти невзрачные камни, спрятавшиеся среди кустов в рост человека. Так же не удивительно, что эти камни у маленького родника оказались сплошь записанными, вернее, заляпанными современными надписями и подписями плановых и прочих туристов.

Вот что делает простая заметка в учебной карте! Возможно, когда-то на этих камнях, действительно, было что-то древнерусское, а теперь... тьфу! Наверное, девчонки, глядя, как мы бежали к этим камням, думали, что тоже поспешаем оставить подписи на тех "пысанных камнях".

После такого приключения мы не стали спускаться в долину, а, сохраняя высоту, пошли на Синевир по "полонинам" - карпатским безлесным и пологим хребтам. Тем более, что оказалось, что карпатские дороги начинаются внизу, а потом идут по полонинам. Иногда в виде двухколейного следа грузовика, а иногда - в виде хорошей тропы.

Шли до самого заката солнца, уже еле поднимали ноги, пока очередная сборщица черники не сказала нам, что наша сегодняшняя цель - село Прислоп - лежит под нами - в 2 км спуска.

Большую часть пути тропа вилась мимо столбиков бывшей польско-чешской границы. Простенькие столбики 1929 года. Очень простая была граница - вся она заключалась в том, что в долине направо стояли в селах чешские пограничники, а налево - польские. Сейчас никаких пограничников здесь нет, и мы безнаказанно движемся по экваторальной полосе, впитывая "необыкновенные цветы" удовольствия... Вот если бы так - да по всем границам!

По обе стороны границы - сборщики ягоды. Прочесывают низкие кустики совками с прорезями. В основном дети. Сидит карапуз в зарослях и только ворочается, как медвежонок. А где-то пониже пасутся лошади, которые свезут их вечером домой (оставаться наверху ночью нельзя - медведь задерет). Все - чернозубые. Но мы не удивляемся - у нас самих все синечерно и во рту и на руках.

В этот день особо запомнились отец и сын на сенокосе в белых вышитых рубашках и шляпах, с приветливыми речами - как будто не на работе они были, а на празднике. Красивая женщина на чернике и бойкоречистая украинская тетка на стогу сена... Много добрых людей встречалось и в последующие дни, и ни одного неприветливого слова - ни с нами, ни друг с другом, как бы подтверждая гипотезу о том, что только городская скученность сделала людей злыми, неприветливыми. Хорошо, что еще остались места, где живут люда со "щирыми" душами и что можно сюда приезжать.

День четвертый - 26 июля. С нашей верхней стоянки, где в чистой кринице охладился чернично-яблочный компот, Прислоп не был виден, и лишь через два часа спуска почти бегом мы преодолели эти "два км".

Неожиданностью для нас оказалась прекрасная прислопская деревянная церковь - чистейшей воды барочная красавица, в своем естественном сельском окружении. Кроме нарядной,

правда, обшитой оцинкованным железом, главы, великолепно арокны над опасаньем и открытый бабинец. Рядом - небольшая, тоже деревянная, звинница, а вокруг чисто выкошенный двор, и чисто убранные камни надгробий в стороне. И как-то хорошо от ухоженности и красоты...

Дядя-сторож бросил косьбу в дальнем углу церковного двора, захлопотал вокруг нас, послал жену за церковными ключами. А потом даже сказал, что я разбираюсь в иконах, как и "пип", что окончательно нас друг к другу расположило. Много рассказывал нам на своем малопонятном "бойковском" диалекте - об этой Никольской церкви, о реставраторах из Львова, о священниках, о прихожанах, о молодежи, которой в клубе уже лучше, чем в церкви...

"О пани, жизнь сейчас много краше..." - ну, дай бог. Наверное, в этом бесхитростном убеждении не малую роль играет неприкосновенность прислопской церкви - ее реставрируют ("аж из Львива"), обхаживают и снаружи, и внутри, хотя прихожан очень мало, а священник приезжает лишь раз в неделю. И, может, именно благополучие, спокойствие, отсутствие унижений и усиливает безбожность молодежи, безболезненность отхода ее от веры...

Расстались мы приветливо, оставили приглянувшуюся ему Витину штормовку, и пошагали вниз по долине, чтобы, перешагнув через шоссе, начать новый подъем, последний перед Синевиром.

Долго еще я не мог успокоиться, и не только в этот день, но и в другие. Очень не хотелось отдавать или продавать эту куртку: собственно, поэтому и была сказана первая злополучная фраза о том, что, мол, продавать ее я не могу, не торгую, только если дарить ближнему... И старик было уже отступил, если бы не горячее вмешательство Лили: "Берите, берите - у него их много". - Бедняжка! Ей так мало приходилось видеть у меня примеров щедрости, что этот нехитрый маневр она попыталась превратить в мой "благородный дар" - широкий, вольный, красивый. Ей так хотелось видеть во мне нечто свое, отнюдь мне не присущее.

И хоть внешне все сошло благополучно - старик взял благодарственно куртку, обещая вечно в молитвах поминать, но со мной у Лили ничего не получилось: благородства в куркульской душе не прибавилось ни капельки. Это я уже сообразил по дороге, когда прошел первый приступ изумления и обманутой скарედности. И чем дальше, тем больше я злился уже на самого себя; что не могу, не способен дарить людям - просто и щедро. Без расчета и обмена. Как князь. Ведь есть же в этом, наверное, что-то красивое.

Путь в этот день был долгий, жаркий и трудный. Последний участок перевала - по бывшей вырубке, перпендикулярной вечернему солнцу - был крут, накален добела, и ноги с подожженными в кедах подошвами ныли от нежелания ступать. Но зато царским подарком был спуск вниз, к уже увиденному озеру. На очень крутом склоне, в тени огромного корабельного леса редкой вырубки - неспешно вилась вниз чистая и широкая тропа-дорога. Как будто бесконечный балкон.

Не успели мы как следует насладиться этой тропой, как показалось само озеро. Оно небольшое (не больше километра в длину), из чистой холодной воды. Очень красиво это синезеленое зеркало в горно-еловых берегах. Одна неприятность - вода у самого берега кишит черными жирными головастиками жаб. Прямо жабье заколдованное раздолье. Но, тем не менее, выкупались (и вечером, и утром), и, лишь уходя, узнали, что совершали преступление: Синевир объявлен заповедником, и потому на его берегах запрещено собирать ягоды, ходить без установленной тропы, ставить палатки, купаться и ездить на лодках и т.д. Всего этого мы не знали (ведь пришли сверху, а не с нижнего шоссе), и хорошо, что не знали, не нервничали и блаженно-благополучно провели синевирские - вечер, ночь, утро...

27 июля – день пятый. Этот день прошел в пешей и автомобильной дорогах: озеро - Синевирская Поляна - село Синевир - село Негровиц - село Колочава - потом снова к селу

Синевир - пешком до районного Межгорья - и, наконец, 30 км до железнодорожной станции Воловец.

И все это по невыносимой горно-долинной жаре в 40°. И все ради возможности самим увидеть деревянные церкви знаменитых сел, их разные стили: и барочные, и с готическим шпилем, и кубоватые в лемехе. А уж как я обрадовалась, неожиданно для себя открыв - увидев готический легкий шпиль негровицкой церкви! Ведь именно за такими церквями и ехала в Закарпатье. К сожалению, первая готическая ласточка оказалась и последней - в Хустский район нас не пустили приграничные запреты.

Церковь в Колочаве удивительно ладная. У нее не только главка, но и вся крыша в лемехе. Поэтому создается впечатление цельности, законченности. А рядом стоит зимняя, современная, видно - действующая, т.к. над входом очень любопытные иконы страшного суда и страстей Христовых. Это целые повести о том, как, кого и за что будут судить, и какие страсти пришлось перетерпеть Христу. Очень выразительны мужицкие лица святых и апостолов, а вот на Христе у художника, видно, немела рука от почтения, и потому вышел он совсем невзрачным.

Из Колочавы мы опять двинулись через Синевир-село на север, на Межгорье. На крутой перевал не так уж много ходит машин. Пришлось переться по жаре пешком. Очень мне не хотелось. Долго отдыхали на полпути у водопада. Здесь же проводила свое время группа ребятшек, что пасли своих коров: 2 девочки и 6 мальчишек. Они играли, не ссорились, и было как-то отрадно за ними наблюдать. Некоторые рожицы очень симпатичные.

Подниматься все же было нужно, и мы ушли от них, попрощавшись, только Витя старательно обходил карпатских буренок, помня, как сегодня утром одна из таких на Синевирской Поляне довольно решительно боднула его в подбородок.

Насколько неприятен был подъем по пыльной и каменистой дороге, настолько был приятен длинный, пологий спуск по тропе через цветущие луга мимо косарей-верховинцев.

Межгорье, вернее, рынок у его автобусной станции, встретил нас 20-ти копеечными помидорами и 10-ти копеечными огурцами. Набрали за рубль целый мешок овощей, и я начинаю глотать красную роскошь прямо из посуды, в которой их мыли. Огромные, как в Волгограде, и совсем спелые. Правда, 4 кг за раз съесть не смогли.

Имея в запасе 40 минут до последнего автобуса на Воловец, мы отправляемся осматривать вечерний город, тяжело дыша от усталости, а больше от сытости. Да, это, скорее большое и богатое село, чем город. Две церкви, обе каменные, с квадратными, как башни, приделами. Нет, устали мы уже для осмотра.

В Воловец приехали в темноте. Выбрались за дома, и где-то у ручья на лужайке бросили палатку, не разбивая ее. Небо было звездное, но рассматривали мы его очень недолго. Снов, как всегда, не видели.

День шестой - 28 июля. Утром приехали в Мукачево. Как-то так получилось, что с утра не нашли с Витей общего языка: мне хотелось есть, а ему не терпелось в Замок. Львовских четырехкопеечных мясных пирожков в Мукачево не оказалось, поэтому, естественно, на голодный желудок Замок смотрелся плохо. И, наверное, только на диапозитивах оценю его своеобразие. А может, он так и станется для меня некрасивым мрачным строением посреди удушливой жары все в те же 40°. Правда, он полон истории. Заново, зримо зазвучали имена Ирины Зрины, Ференца Ракоци, Шандора Петефи... Своими глазами впервые увидела старинную политическую тюрьму.

Неудачным оказалось посещение мукачевского женского монастыря. Предлога войти туда, кроме как послушать службу, я придумать не могла. Время было полуденное, до вечера далеко, да и не пустили бы меня в штанах. Так я и не

испробовала слив из монастырских садов, как Ирма Адольфовна 20 лет назад...

С жары и досады бросились в городскую речку Лоторицу, но не утонули, поскольку только в редких местах она выше пояса. Зато прохладна и быстра. И почти весь обратный путь от монастыря до моста Витя проплыл через камни порошков ногами вперед. Мы еще немного походили по городу, базару. Город вполне приятный, старинный в центре. Много красивых домов, а дальше от центра добротные дома - камень в зелени. Плохо здесь только деревянной церкви из села Шелестово. Ее поставили на остром углу двух улиц, и стоит она пропыленная, неухоженная, сирота сиротой.

После обеда укатили в Ужгород через Чоп. В последний раз использовали свои билеты Москва-Ужгород. Мукачево для нас было отмечено неудачей, но в Ужгороде еще хуже. В его замок нас не пустили - опоздали. Побродили немного по городу и отправились в Горяны. Здесь стоит старая церквушка XII века. Действительно, древность сказочная. Но еще больше нас привела в восторг внутренняя роспись церквушки - знаменитые фрески Горянской ротонды. Они, и вправду, выполнены художником высокого класса. Они нам, скорее, напомнили не древнерусское искусство, а виденные однажды в музее болгарские фрески этих же времен...

Показывал нам сторож-смотритель, большой любитель поговорить, так что, сперва обрадовавшись, через полчаса мы не знали, как уйти. К сожалению, мы плохо понимали его русинский диалект, а речь шла быстрая и оживленная, в основном об истории, причем события двух войн у него мешались в единую смесь: и как красные выгоняли петлюровцев, а поляки их принимали, и как чехи выдавали бендеровцев, а наши уже их стреляли. Кто, кого, и как стрелял, выдавал и принимал, понять было довольно трудно. Значительно более связны были рассказы о днях сегодняшних - кому, сколько и кто прислал из-за границы (Америки и Канады, в основном), о мануфактурных посылках, которые их годами кормят, о том, как пытаются их запутать почта или

местные власти, а они не поддаются... Он готов был рассказывать бесконечно, но нам нужно было искать ночлег... Мы намеревались на ночь выехать за 12 км от города и проснуться у Невицкого замка. То-то было б хорошо... Но не тут-то было. Нам разъяснили, что уже два месяца, как в Невицкое въезд приезжим запрещен - граница близко (но не ближе самого Ужгорода). Можно, конечно, ночевать где-нибудь в городском парке, но уже нет удовольствия, уже злоба только кипит на неповинный Ужгород. А завтра - весь день до вечернего поезда придется нам потратить на жаркий город и два музея - ведь в сторону Хуста и Сокирниц выезжать тоже не разрешалось, и можно было только выбираться обратным путем на Львов...

Естественно приходит решение: послать к черту эту приграничную местность с ее страхами перед братьями-"демократами" и уехать сейчас же на север, чтобы через Ивано-Франковск проникнуть в Гуцульщину.

Уныло залезаем в вагон, и уже не удивляемся очередному невезению: он оказывается из породы сидячих, старой и неудобной для сна конструкции. В Мукачево пустой вагон набивается до отказа, всю ночь наши соседи играют в карты, а из корзины, стоящей над моей головой, методично капает помидорный сок... А мы пытаемся спать...

Но вот миновали Карпаты. Пересадка в Стрию была на радость быстрой: из вагона в вагон, но уже с удобными новыми креслами. Через минуту мы уже ехали, а на третьей - спали под утреннюю свежесть...

День седьмой - 29 июля. Проснулись около восьми утра, уже в Иванове-Франковске, недавнем Станиславе.

Хорошо бродить по утреннему, еще не душному городу. Он и краше кажется. Впрочем, он действительно очень неплох. В центре - в виде четырехлепесткового темно-серого цветка - ратуша с высоким шпилем. Кондуктора по привычке объявляют: "ратуша", хотя там сейчас краеведческий музей. Город много перестраивается.

Чтобы запечатлеть это явление, Витя на одном из перекрестков дольше обычного выбирал кадр. Вот тут-то его и "запеленговали". Пожилой дядя в голубой рубашке стал настойчиво расспрашивать, почему он фотографируем именно эти развалины, а не тот пятиэтажный целый дом. На дядины громкие вопросы отвечать было невозможно, так как ответов он не слушал. Моментально собралась толпа, требующая ответа: "почему?" У меня было ощущение мути, которая захлестнула нас с головой, и надо, надо было что-то делать, чтобы выбраться, а то утонем. Мы сделали попытку выйти: "Держите их" - возмутился другой дядя и побежал звонить в милицию. Милиционер препроводил Витю в милицию. Я дошла своим ходом. Поскольку никто из свидетелей "преступления" туда, естественно, не явился, милиция оказалась в дурацком положении - привод есть, а обвинения нет. Наконец, явился первоначальный дядя: он сел дома обедать, и все думал: "Зачем он снимал все же?" Ложка стояла, видно, поперек горла, потому и пришел, выяснить отношения... Написал на Витю заявление, а тот - объяснение... Не прошло и пяти часов, как мы освободились, проводя жаркое время в прохладных помещениях дежурного милиции по городу, где нам не уставали петь гимн бдительности советских людей...

Конечно, "дядя" был прав в своей бдительности. Классовое чутье его не обмануло: я, действительно, не зря пытался снять старый центр таким образом, чтобы было видно, что это центр старинного польского города Станислава, чтобы были видны старые дома, и как их ломают и перестраивают (к сожалению, кадр так и не получился выразительным). Мне было больно не за то, что ломают старый центр (может, он, действительно, был безобразным и "аварийным" - это сейчас уже не видно), а больно за то, что "польское" ломают не законные наследники тех, кто строил этот центр, а новые хозяева, как раз те, кто кричал толпой вокруг нас, те, кто, в худшем случае, ненавидел польский Станислав, в лучшем - равнодушен к нему. Так что "пролетарский инстинкт" этого

украинского дядьки куркульского вида в данном случае сработал безошибочно. Однако время сегодня стало иным. И хоть довел "дядя" свое дело до логического конца, вызвав милицию, (на деле я первый обратился за помощью к милиционеру, случайно оказавшемуся на периферии готовящейся к линчеванию толпы; он-то и увел меня, и лишь позже меня разыскал вызванный "вторым дядей" наряд милиции в случайном отделении и перевез к дежурному города), но никакого морального удовлетворения "голубой" дядя не получил. Выявленный им "подозрительный" вел себя спокойно, сам пошел в милицию, никаким "мерам" не подвергся и был выпущен даже без засветки фотоаппарата. И остался дядя в недоумении, и даже стал сомневаться: "Если это не иностранец и не шпион, снимающий наши выгребные ямы, то зачем же он снимал? Ведь я же в Москве такое не снимал!! Допустить мысль, т.е. понять, что есть такие граждане, которым интересна неприкрашенная правда, даже любительски отснятая, он не мог...

Сейчас, когда все прошло, мне даже хочется по-человечески ему посочувствовать: ведь правильно угадал противника, но... удар оказался бессильным, родная милиция подвела, и, может, даже втихую внушение ему сделала за чрезмерное усердие. Пришлось даже ему в своей носорожьей вере заколеться. А ведь был прав.

Пять часов в милиции прошли относительно спокойно, объяснение к записи о задержании было дано (мы, туристы, не любим шаблонные фотокадры, процесс перестройки и улучшения города нам интересен, задержание же - не законно, имеется просьба "воспитать дядю"), документы наши проверены, но... административная машина - есть машина административная, медленная и неповоротливая. Пока не спеша расспрашивали, проверяли, записывали, писали и т.д. и т.п., потом откровенно ждали начальника с обеда, потом начальник откровенно ждал следователя из КГБ по столь необычному делу, пока они там совещались, так и

прошли эти часы: в скучном разглядывании до ужаса скучающего дежурного по городу. Господи, ну до чего же тоскливо здесь служить. Ей богу, за одну эту тоску надо прибавлять к зарплате коэффициент, как за вредность на производстве... Наконец, вызвали. В прощальной беседе оба этих значительных для города лица настаивали на том, что в центре были очень плохие, и очень "нехудожественные" дома в аварийном состоянии, что центральную площадь расширят, и станет много лучше, что город только недавно стал открытым для иностранцев, но уже были прецеденты, и потому мне следует выше и положительнее оценивать "бдительность граждан". Казалось, они многое понимают, но откуда? В ответ повторил просьбу о внушении "дяде", которая снова была оставлена без внимания. Таким образом, разошлись внешне без большего ущерба друг для друга. Думаю, что больше всего пострадал "дядя". Если у нас остался в памяти лишь опыт столкновения с "народной стихией" и поиска защиты у милиции, то у нашего "дяди", возможно, мораль бдительности дала существенную трещину. Так мне кажется...

Времени оставалось мало. Обежали краеведческий музей и помчались на автостанцию, чтобы ехать в Галич. И опять задержка - на мосту через Быстрицу застрял экскаватор, образовав длинную пробку на полчаса. Но это мы восприняли как стихийное бедствие, и потому - кратко.

Новый Галич стоит на новом месте, а о первоначальном - столице Прикарпатского русского королевства, напоминают лишь валы у деревни Крылос, да белокаменная церковь с часовней. Церковь, конечно, уже не прежняя, не Данииловская, но все же - XV века, только с поздними надстройками. С высокого холма далеко видно было великому князю и королю Даниилу Галицкому. Скульптурные его портреты во всех карпатских музеях напоминают Александра Невского мужеством и статью. Они ведь в одно время жили. И храбро воевали. И держали под своей крепкой рукой большие русские земли. Только вот врагов выбрали себе разных. И

разных союзников. И оттого-то и разделилась Русь на Восток-Московию и Запад-Украину. И теперь снова соединилась, но столицей уже не Галич, и не Киев, а Москва стала...

Вечером мы уехали очередной электричкой в Ворохту, ближе к горам, откуда совсем близко до Ясиной и Квасы - начала нашего второго пешего маршрута по высоким Карпатам. В темноте как-то быстро набрали на турбазу у Прута и заночевали на ее дворе...

День восьмой - 30 июля. В Квасы приехали рано, и, как всегда, начали с расспросов. Но дорога, которую нам указали, быстро почему-то выродилась в тропу, а потом увела в бурелом. Видно, мы ее сразу потеряли. Удивительное у нас свойство заблуждаться там, где людям кажется все совершенно ясным. Зато в очень приятное ущелье забрели - совершенно тенистое в этот знойный день. И даже было чуть жаль покидать его и уходить искать дорогу. Судьба оказалась милостивой - буквально через час мы вскарабкались к молочной ферме и маслозаводу - главным нашим ориентирам, вынырнувшим из лесу сами собой.

Не переставая удивляться, мы практически за раз проглотили котелок парного молока (терпеливо ждали, когда его наполнят от лучшей буренки) и, очень отягощенные, начали новый, уже безлесный подъем к Петросу. Дорога, петляя по склону, сделала путь к нему длинным-длинным. Мы шли до самого вечера. Только шли. Уже под Петросом, огибая его, встретили супружескую пару, шедшую из Ясиной в Квасы. Они были намерены неторопливо осматривать Закарпатье и немного походить. Забавно было видеть двойников, похожих и одновременно не похожих на нас. Ночевали под Петросом, найдя на полянке криницу; ночью погрохатывало и поблескивало на Востоке, но над нами успокаивающе висели звезды, и дождя так и не произошло.

День девятый - 1 августа. По холодку за 50 минут поднялись на Петрос в 7-ом часу. Тропа шла по каменному ребру, что немного напоминало Кавказ и молодость. Да, недолго длился

мой альпинистский век. Не подошла я к спорту. Сколько лет прошло, а все обидно...

Горы с Петроса виделись туманными и синими. Но все же настоящими горами, а не холмами. Разглядели сверху даже небольшой снежник внизу у Петроса, на другой стороне (может, в яме). Витя загорелся, но до него далеко, а день нам предстоял напряженный. Пришлось воспользоваться правом "вето". Сбежав вниз, мы быстро сварили и позавтракали. Двинулись к Говерле. На полпути к ней услышали нехитрый мотив дуделки, а потом увидели и самого музыканта. Инструмент его, "спилка", алюминиевая трубка 75x1 с 5-ю аккуратно просверленными отверстиями издавал довольно приятные звуки, разве что чуть металлические. Сыграл несколько мелодий. Этот парень, почти мальчик, пасет в этих горах быков (по 3 р. за больших и по 1р.80к. - за молодых). Проводил нас, рассказывал по дороге и про здешних зверей (волк в этом месяце много овец перетаскал), о змеях, которые, оказывается, довольно смирные здесь, и кусаются, только если их по ошибке за горло или за хвост хватают. Это меня малость успокоило, и я стала реже посылать Витю вперед "разгонять змей". С годами все больше обнаруживается живности, которой я боюсь. Что это? - Усиливающийся страх за жизнь, или разболтавшиеся нервы? Возможно, и то, и другое.

Парень, прощаясь, попросил поесть. Мы отрезали ему половину хлеба и сала, дали сахара. Больше просто ничего не было. И все же следовало отдать больше хлеба и все сало. Просто не сообразила, что мы сегодня же выйдем на большую дорогу, где можно купить еду. А ему еще неизвестно когда принесут. Тем более что под Говерлой мы встретили туриста, который равнодушно ковырял банку "Завтрак туриста" и страшно обрадовался, когда, пожаловавшись, что не знает, куда девать "завтрак", услышал от меня, что охотно его доем. Оставил нам еще полбуханки хлеба и... взвился вверх. Все друзья этого забавного туриста ушли вниз, не дойдя до Говерлы, т.к. за это утро уже прошли три карпатских

вершины. А у этого паренька сил и самолюбия оказалось побольше, и он поднимается на четвертую - Говерлу.

Поднялись туда и мы, и остолбенели; под ногами толстый слой битого стекла и ржавых консервных банок, а в центре вершинной площадки - полдюжины знакомых портретов разных размеров. "Красный уголок", - воскликнул Витя. Это впечатление еще усугублялось толпой туристов, поднявшихся сюда с трех сторон; фотографируются, шумят, почти митингуют... И только с краю этой поляны, рядом с перегибом, сидят два гуцульских пастуха: старый и малый, следят за своими овечками. Так сидят, как будто выжили их из родного места жизнерадостные туристы, и собака-волкодав помочь не может. Но сам старик объяснил, что ему просто противно ходить по стеклу и банкам... Мы быстренько оттуда убрались, расспросив его о пути на Космач. Подробно он все нам рассказал, в одном только был неточен: "что сразу за теми вот синими горками Космач". На деле он оказался подальше. Но самое главное, он указал нам старую, еще австро-венгерскую военную дорогу, по которой мы и пришли на другой день в Космач.

"Спасибо, до свидания", - сбегает с Говерлы, задерживаясь только у холодной маленькой еще речки из говерлинского цирка (здесь начинается Прут): я - для постирушки, Витя - для купания. Потом выбегаем на долинную автодорогу, почти не задерживаясь у группы туристов пансионатского вида - привезли их на автобусе, потом с трудом дотащили - подняли на опушку леса, чтобы лицезреть Говерлу, и остановили здесь для мучительного выбора: тратить или не тратить силы на дальнейший подъем к вершине. Но было видно, что дальше они не двинутся.

Потом 10 км по дороге нас подвезла машина. Шофер любезно остановил у тропы направо, к старой дороге. Зря он только нас обнадежил, сказав, что здесь хода 4 часа. Оказалось, что местные и то здесь за 5 часов не управятся, а уж мы под рюкзаками, да еще отвлекаясь на купание, чернику-землянику, и вовсе до вечера не управились.

К ночи оставалось еще 17 км до центра Космача (длина села 10 км) - об этом нас известил встречный гуцул, что шел на полонину свою телку посмотреть, да ягоды пособирать. После заката наши ноги больше идти не хотели, и так, не выполнив плана, мы остановились у ручья, рядом с дорогой, с трудом выбрав место на крутом склоне...

День десятый - 2 августа. С утра был спуск к Космачу. Он не был быстрым, потому что рядом с дорогой тянулись склоны с новой для нас ягодой - спелой малиной. Сперва мы обирали кусты довольно тщательно, а кончилось тем, что уже не могли есть и даже смотреть на нее.

Но в Космач мы все же попали до обеда, и потому посчастливилось нам увидеть праздничный базар. До чего же приятно видеть нарядно и старинно одетых женщин и детей, и мужчин. На каждой вышитая белая рубаша или кофта и многоскладчатая темная юбка: бархат, сатин, вельвет, саржа... На головах белые, в цветочек, косынки, на ногах... порой ничего нет. А до чего же хороши маленькие девчушки в таких нарядах!

Базар в Космачах был скорее барахолкой: почти ничего съестного, и больше городские вещи. Мы здесь купили игрушки из сыра и носки с красиво вязанным по-космачски верхом. А потом, уже случайно, разговоровшись с женщиной, "купили" у нее (фактически приняли подарок) "писанку" - раскрашенное яйцо. Вот это была радость. Только в Космаче делают писанки с таким мелким орнаментом. Эта женщина показала нам свои работы - вышивки: галстуки, полосы на продажу, потом свои рубашки и кофты, свой "кептар" (безрукавка из белой овечьей шкуры) в вышивках и американских заклепках. Заодно увидели интерьер гуцульской хаты - особенно хороша печь сложной формы и вся в красках. Обменялись адресами, приглашениями приезжать.

В Космаче вместо колхоза существует артель: мужчины занимаются резьбой по дереву, женщины - вышивками. Об этом мы уже знали, вернее, читали раньше, в статье Валентина Мороза. Посетили мы и прославленную им Довбушевскую

церковь, заступничество за которую стоило ему нового лишения свободы. Действительно, это первая из карпатских деревянных церквей, увиденных нами в таком умирающем виде: крыша проваливается, а одна часть стены совсем обвалилась, давая проход случайным людям и собакам. Спугнули мы потом одну.

По морозовскому рассказу знали, что космачские жители сильно переживали историю и первоначального возвеличения старой церкви, когда приехала ее снимать группа Параджанова, и последующего "изъятия" художественных ценностей (иконостаса), а в ответ на жалобу, приказа об упразднении "данного храмового строения". И, действительно, не успели мы остановиться у церкви, как к нам подошла маленькая и еще красивая старушка, празднично одетая, и стала жалеть горемычную церковь, которая разрушается, и которую районные власти запрещают ремонтировать. Говорят, хватит вам и одной...

Грустное это зрелище, даже для нас, с детства к такому привыкшим. Каково же видеть это непривычным русинам? Да еще местным гуцулам?

После обеда мы уезжаем автобусом в столицу Гуцульщины - Коломыйю. К вечеру были в этом районном, но очень хорошем городе, со старинными домами, ратушей и собором. Глазели на деревянную Никольскую церковь, перевезенную сюда из какого-то села. Ее реставрируют и берегут, хотя она лишь немногим старше Довбушенской церкви в Космаче.

После часового отдыха на Пруте простились с Коломыйей, чтобы поздним вечером, почти ночью, поздороваться с Черновцами.

День одиннадцатый - 3 августа. Проснулись довольно рано, и потому еще не было восьми утра, как, управившись с вокзальными делами и освобожденные от вещей, мы взбирались по "горбатым" черновицким улицам к центру.

До чего же хорош этот город! Нам он поправился, наверное, больше всех, увиденных в Прикарпатье. Умытый поливальными машинами, небольшой сравнительно, на своих

многочисленных холмах, разноуровневый, зеленый, с красивыми и богатыми отделкой зданиями, храмами, улицами. Конечно, нам не удалось попасть в бывшую митрополичью резиденцию, а ныне Черновицкий университет, осаждаемый, как раз, родителями абитуриентов, но "урвали" на пленку множество черновицких фасадов. Это немало.

Армянский костел строил тот же архитектор, что и Университет - тщательность резьбы-отделки, ее своеобразие заставляют подолгу любоваться - к сожалению, только через решетку и зелень. Ныне в костеле располагается какой-то досаафовский склад, и охраняет его весьма неприветливый дядя. Вообще, почти все черновицкие храмы не действуют и заняты под склады самых удивительных хозяев. Исключением является лишь бывший униатский, а ныне православный кафедрал (а, может, мы просто не заметили других действующих храмов).

Кафедрал очень необычен, своими наклонными, как бы витыми окнами на угловых барабанах. Он совсем недавно отремонтирован и "подновлен". Удивительно смотреть на церковные фрески исполнения 60-х годов, написанные сочно, с размахом, реалистично почти. Настоящие церковные повести в красках, глазами наших современников. А на куполе, в кольце барабана, расположен целый парад знаменитых православных храмов - чуть ли не из туристского проспекта, и среди них особенно эффектно выделяются 22-хглавые Кижская церковь.

Еще эффектнее католический собор с очень длинным и острым шпилем. Он завершает перспективу красивой и чуть "горбатой" улицы. Мы долго шли к нему, и он лишь постепенно вырос из-под уличного перегиба.

Красив, нет, прекрасен театр, и вся его театральная площадь, с народными домами - румын, евреев и пр. Много можно вспоминать о Черновцах, но главное - это наша радость и удовольствие от прекрасного города. Пусть и дальше хорошо живется его людям - жителям: 60 тысячам украинцев, 40 тысячам евреев, 38 тысячам русских... румынам и молдаванам,

... и 1 португалцу (сведения из уст одного из экскурсоводов на театральной площади).

Черновцы долго были столицей Буковины, входившей в состав Австро-Венгрии. До революции лишь небольшая часть Буковины с центром в крепости Хотин принадлежала России. Сегодня две трети Буковины входят в Румынию, а северная треть - в Украину. До присоединения к Австрии Черновцы были простой деревней в пару тысяч жителей, но затем, став оплотом австрийской власти, быстро росли и строились. Поэтому-то этот город так властно нам рисовал образ Вены, так баюкал наши иллюзии путешествия за границу - теперь в Австрию и Румынию. Влияние последней и, особенно, ее радио и телевидения, до сих пор в городе весьма значительно. Наше путешествие за границу можно было бы длить очень долго, особенно в этом чудесном городе. Но двухнедельный мой отпуск подходил к концу, а хотелось еще обязательно заехать в село Шевченково под Киевом к давно не виденным и очень хорошим родственникам.

С глазами, наполненными Черновцами, как в холодную воду опустились, приехав вечером в Хотин. Витю привлекла сюда огромная крепость, да и направление от Черновиц было взято уже киевское.

Крепость грандиозна, что и говорить. Ее реставрируют. Витя, как молодой олень, бегал по ее восстановленным и не восстановленным стенам и редутам, и щелкал аппаратом направо и налево, а я томилась. Крепость, даже эффектная на фоне Днестра и дальних полей, мне сегодня была не нужна, а сам Хотин нагонял ужасающую тоску.

Это - районная и не столь уж большая деревня, скучная и грязная, где чумазая детвора, как во времена Шевченко, первозданно играет в пыли; где даже вода в колонках на центральных улицах - чаще не бывает, чем бывает. Впервые мы столкнулись с тем, в городской автостанции на реке Днестр просто нет воды - ни на станции, ни в округе.

В девятом часу вечера черновицкий автобус повез нас дальше, в бывший областной центр Каменецк-Подольский (хоть и

ночью, но разглядели мы его близкое родство с Хотимом), а оттуда в час ночи - дальше поездом, на Киев. Какая же тоска жить в таких городах, как Хотин и Каменец. Не может эта серость не действовать на души горожан...

В Хотине наше путешествие на Запад окончилось. Хотя Хотин административно входил в Черновицкую область, на деле он всегда принадлежал к России и сформировался под ее влиянием. Таким, каков он есть сейчас, и таков Каменец-Подольский. И тысячи других украинских и прочих городов: серых, невыразительных, отдавших всю свою силу красоте и благоустройству царских столиц - Москве и Петербургу. Но это - уже другая тема, другого путешествия.

Дополнение

День двенадцатый 4 августа прошёл в дороге, скучной и утомительной: поезд, другой поезд, электричка, автобус до Шевченково.

Но с вечера началась сладкая жизнь на четыре дня. Сладкая даже не оттого, что мы много и вкусно ели, а оттого, что нежились во внимании и заботах родных. Они живут вчетвером - три сестры и брат (до сих пор я знала хорошо лишь одну Олю - она приезжала на нашу свадьбу). Но тогда было все впопыхах, тронул только дорогой, не по Олиным средствам подарок - ведь понятно, что денег у нее было в обрез. Сейчас же мы сошлись много ближе, и я не переставала ей удивляться - откуда в таком небольшом, перенесшем тяжелую болезнь теле, - столько доброты, веселья, интереса к миру. Да не только Оля. И быстрая, как огонь, Маруся, и спокойная Нина, и философ Юрко получили от матери "щирую" душу. Как будто для того, чтобы подчеркнуть их естественную, бескрайнюю доброжелательность, мы сходили в гости к другим Витиным родственникам, а потом с радостью вернулись "домой" (успели прижиться за пару дней).

Маруся сводила нас в музей Шевченко, показала домик, где жил брат Шевченко, а теперь живет его двоюродная внучка, потом дом, где жил Тарас у дьячка до года, когда померла его мать (дом под колпаком), а Оля повела нас в соседнее село -

Будущи, где стоит бывшая летняя резиденция пана Энгельгарда, а Тарас служил в малолетстве казачком... Очень хорошо и близко стало после этого читать мне книги Шевченко - знакомые названия, места, факты. А как они все знают шевченковские стихи! Вот уж поистине народный поэт. Витины две недели кончились - надо было уезжать. Уже забили мы все рюкзаки и сетки, а Маруся доставала то сало, то лук, то груши и яблоки... А наутро они все втроем пошли нас провожать. До чего же жаль, что так далеко от Москвы живут они - голубушки, и нельзя просто зайти вечером, вздохнуть душевно...

День шестнадцатый - 8 августа Киев. Смотреть его нам было трудно. От четырёхдневного переедания и жары мы были вялые и мало чему удивлялись. А может, сказалось то, что в Киеве я была третий раз, Витя - второй. Меня удивила только Лавра своей подновленностью. От прошлого раза, 10 лет назад, осталось впечатление заброшенного и захламленного места, а теперь здесь чуть ли не все реставрировано, и экскурсанты ходят огромными толпами, а в пещерах вообще - толчея, вернее, пропускают всех чуть ли не бегом. Но мы все же смогли остановиться и поклониться летописцу Нестору.

Это был последний день отпуска. На другой день мы уже были в Москве, на работе.

Сценарий диафильма «Украинские темы»

1-2,3. Когда в 71 году летом мы ездили на Карпаты, в Западную Украину, то попутно главели и на просто украинские места.

4. Тема православной, или русской Украины - это особая громадная тема, и нам ее пока не поднять. Потому мы лишь покажем то, что видели. Отрывочно. Без мотивов. Просто так.

5. Подпруженную у городского парка Рось мы видели лишь мельком из окна междугороднего автобуса. Попутчики удивлялись нашему возбуждению, но ведь они не читали

роман Валентина Иванова "Русь изначальная", и не знали, что еще в VI веке здесь жили росские славяне. Рось - Русь - самая-самая первоначальная, и в то же время - вот такая, обыкновенная, что даже останавливать автобус не хочется. Так и во всем: Киевская Русь стала обыкновенной Украиной.

6. В 30 км от некогда польского Станислава, а ныне Ивано-Франковска, лежит село Крылос со старым городищем. Историки утверждают, что здесь и стоял древнеславянский город Галич.

7. На княжьем холме в окружении валов в тени старых яблонь стоит ныне Успенская церковь, а в ней от древнего Галича только белые камни, бывшие здесь в изобилии после монгольского разорения.

8. Это обычная церковь, построенная в XVI веке, когда Галич уже опустел, а остались лишь монахи в крылосском монастыре.

9. Сам Галич, как некогда Рязань, переселился на новое место и перестал быть Великим. Великий князь, а потом и король русский, перенес столицу в Холм, а старый Галич умер, сохранившись только в имени этой страны: галицкая, да в названиях северных городов, куда бежали русские люди, спасаясь от половцев и монголов. И все же первый Галич был именно здесь.

10. Но обернемся к церкви. Невольно ищешь в ее облике древние черты от Киева и Византии. И они легко угадываются. Может от самогипноза, а может от влияния камней. Наверное, древние камни сами собой ложились по-старому в благородную высокую стену.

11. Да так, чтобы каменная резьба оставалась видна божьему миру.

12. Стерт был Галич с лица земли, в пыль, вернее, беспорядочные груды. Но вот оно, рядовое чудо: деревенская церковь из галичских камней хранит в себе его облик.

13. Рядом с Успенской церковью еще раньше из тех же обломков построили куб часовни - грубый, приземистый. Так и кажется, что люди после пожарища собрались, чтобы

почтить память усопших. Ведь в горе им было не до красоты. Надгробная плита (уже современная) гласит, что здесь захоронен в XII веке знаменитый князь Ярослав Осмомысл. Помните "Слово о полку Игореве"?

14. Князь Ярослав, ты назван Осмомыслом.

Тебя всегда мы верным братом числим.

Далече виден Галич твой богатый.

Железной ратью ты подпёр Карпаты.

Нет королю (угорскому) в твои пределы входа.

Твой ключ закрыл дунайские ворота,

За облака твои взметнулись башни,

Ты гонишь грозы на луга и пашни.

И, Киеву ворота открывая,

Вершишь свой суд на берегах Дуная.

С отцовского престола мечешь стрелы

В заморские султановы пределы.

Стреляй же, княже, в половцев поганых

За землю русскую, за Игоревы раны.

15. Нет, не отозвался тогда Ярослав и другие князья, они скорее роднились и братались с половцами, а потом с татарами, чтобы утвердиться в русской земле первыми. Чем все это окончилось, известно.

16. При виде этих тучных галицко-волинских полей в памяти невольно всплывают литовские стихи:

Ой, Даниле, Даниле, худо кончиши,

Коли на литовцах, как на волах, землю пашеши".

Так вот, где Данила Галицкий пахал землю на пленных литовцах! Но совсем скоро литовцы овладели Киевской Русью и Галицией.

17. Мы уходим из кольца земляных валов. Смеющаяся девчонка-пастушка кричит нам: к княжой кринице туда, туда. Об этом чудодейственном источнике мы краем уха слышали и потому спешим приложиться к очередной святыне, познать очередную историческую легенду, проникнуть в глубь прошлого, чтобы на дне его увидеть будущее.

18. Но вместо этого выходим из Крылоса. Кончилась экскурсия.

19. На реке Днестр на старой границе русской Малороссии и австрийской, а потом Румынской Буковины стоит крепость Хотин.

20. Наши официальные путеводители говорят, что не знают, когда она возникла, и кто ее строил.

21. Знают только, что ею владели многие, но в XVII веке здесь дважды проходили казаки Богдана Хмельницкого, а с 1812 года утвердились русские.

22. Кто же ее строил? Наверное, турки. Так что мы смотрим сейчас турецкую крепость-оплот мусульманского влияния на украинской земле.

23. Она нависает над рекой, над этой голубой дорогой купеческих караванов и военных отрядов. Она управляет этим пространством, она величествует над текущими внизу народами. Грубо господствует: камнями, стрелами, ядрами, пулями, бомбами. Фанфаронит солдафонским высокомерием, жеребьячим остроумием, бычьей голой силой. Она - реальный факт истории, нервный узел организма, развивающихся в Приднепровье наций, в том числе и русской, и украинской наций.

24. Сама крепостная цитадель есть лишь огромный феодальный замок, укрепленный штаб сражающихся войск.

25. Во всяком случае, уже в позапрошлом веке главную роль играли не высоченные замковые стены, а великолепная внешняя система земляных, не пробиваемых снарядами валов и редутов.

26-27. Никогда мы не видели еще такой огромной и хорошо сохранившейся крепости.

28. А ворота внешних стен до сих пор являются единственно удобным путем из селения в крепость и дальше к днестровскому купанию.

29. Эти ворота закрыты проволокой. Ведь чудо-крепость почти полностью восстановлена. Затрачено, наверное, не меньше денег, чем в Тракае, но нет тракайской популярности.

Даже плохенького краеведческого музея нет, не говоря уже о мировой туристской известности.

30. Почему? С земляных валов мы спустились до ручья и вместе с хотинскими мальчишками прошли по крепостному мосту.

31. Вслед за этими же ребятами мы подлезли под проволоку в воротах и пробрались во внутренний двор. Да, это не Тракай. Похоже, что реставрационные работы прерваны и не скоро возобновятся. А может, и правильно, ни к чему строить здесь музей, трудиться над экспонатами, заводить штат обслуживания, если сюда все равно не потянутся люди, если не являются эти камни для них интересными. Ведь и в самом деле, дешевле оставить здесь домик для сторожа и вообще закрутить ворота проволокой.

32. Может оно и так, а все же жалко. Уж очень красива крепость, по стене которой могут разъезжать автомобили.

33. Уж очень глубоки и таинственны крепостные подземелья и многочисленные склады.

34. Уж слишком много битв здесь прошумело, в этом вареве народов, и слишком много до сих пор нам неизвестно. И слишком интересны стены мальчишкам, которые, в отличие от взрослых, уверены, что не может это место не быть знаменитым и таинственным.

35. Конечно, это не украинская крепость. И все равно Хотин стоял на границе Украины и оказывал на ее судьбу большое влияние. Разве этого мало украинским историкам? А Тракай? Разве он интересен только литовцам?

36. Достаточно лишь заглянуть в дореволюционную энциклопедию Брокгауза, и мы с удивлением прочтем: "Достопримечательность Хотина - старая крепость, от которой сохранились лишь остатки стен и высокий минарет". Мы видим стены. Но где же минарет? Читаем дальше: "основан Хотин в X веке предводителем даков Хотинзоном, в честь которого и назван.

37. Каменную же крепость соорудили генуэзцы, рядом со своими торговыми складами и конторами, на Днестре".

Подобной недобросовестности я не ожидал даже от украинских историков.

38. Итак, перед нами чисто генуэзская крепость, перестроенная в свою последнюю пору французскими инженерами по заказу турецкого султана. Перед нами плод европейского мастерства и техники, перед нами Европа, лишь использованная турками. Не правда ли, это новый луч света в истории Хотинской крепости? Не правда ли, этот Брокгаузский луч приблизил Хотин к Тракаю? На нас повеяло экзотикой генуэзских караванов, смелых мореходов, купеческой отваги. А ведь это только лучик, лишь пара правдивых слов. Так почему же их не знают на Украине, и даже в Хотине?

39. Долгие годы эта крепость была оплотом мира и генуэзской торговли. Потом, когда турки захватили Украину, Хотин стал центром сопротивляющейся Молдавии. Здесь укрывался и копил силы молдавский господарь Стефан Великий.

40. А в 1673 году Ян Собесский именно здесь, под этими неприступными стенами, спас честь Польши, расторг позорный мир с Турцией и разбил десятки тысяч янычар, захватив 120 пушек, 66 знамен, и даже зеленое знамя пророка.

41. Весь XVIII век эти редуты были ареной кровопролитнейших сражений русских с турками. Хотин брали 4 раза, и раз за разом возвращались вновь. Только в 1812 году крепость перешла к русским и стала разваливаться за ненадобностью.

42. Но все же вы спросите, а при чем же тут Украина? Украина, которая сама не сражалась, может, за исключением краткого часа Богдана Хмельницкого, которая здесь только жила, страдала и наблюдала, как "наши дерутся", которая всегда имела лишь свои галушки, но никогда - собственные гарнизоны. Так что же - поучительна ли история этой крепости для самой Украины? Наверное, да, только надо подумать.

43. Киев.

44. Софийский собор гудит от воскресных экскурсантов. Его древность ощущается только внутри: в византийской строгости золотой мозаики, в огромных пространствах античной архитектуры, в каменных саркофагах древнерусских князей, изображений Ярослава Мудрого и его детей, в самой древней утвари, в гомоне экскурсоводов.

45. Снаружи все иначе - и грузная колокольня, и вычурные барочные маковки.

46. Эта роскошь алебастрового узора, само излюбленное сочетание голубого фона и желто-золотой окраски крыш, превращает Софию в чисто украинское явление русской веры - европейской полубразованности.

47. Киев - столица Украины, что особенно чувствуется на Крещатике, где когда-то в Ручье Владимир окрестил своих подданных, и веками носили церковные хоругви, а теперь - красные транспаранты.

48. Крещатик застроен пышно, с размахом, по-сталински, да и нынешние хозяева республики не жалеют средства для своей резиденции.

49. Но мы интересовались в Киеве не сталинским стилем, и даже не новейшими достижениями украинского радянского искусства, а больше старым Киевом, матерью городов русских.

50. Здесь, в историческом Киеве, новгородский дружинник убил Аскольда и Дира и стал великим князем Олегом. Здесь Владимир Красное солнышко принял с христианством византийскую культуру, здесь был впервые сброшен с кручи языческий бог Перун, и вместе с ним и груз общинных пережитков, достоинство и недостатки первобытного коммунизма. Здесь учились русские мастера строить храмы и крепости, писать и мыслить. Здесь родилось русское государство и русская цивилизация. И здесь же, над этими местами, впервые прозвучал знаменитый вопрос: "откуда есть и пошло русская земля?"

51. От того, древнего Киева, осталась самая малость - интерьер софийского собора, катакомбы Лавры, да спрятавшиеся в зеленом сквере вот эти камни золотых ворот.

52-53. Гораздо интереснее Киевско-Печерская Лавра. Она строилась почти одновременно с Киевом. Как и весь Киев, Лавра много раз горела, разрушалась и отстраивалась наново.

54-55, 56. В последний раз Лавра была разрушена в 41-ом году. Но, в отличие от прежних лет, древний Успенский собор не восстанавливается, а лишь законсервирован, по-видимому - навечно.

57. Темная история взрыва Успенского собора темна до сих пор. Она всколыхнула в нас воспоминанья Кузнецовского Бабьего Яра, неясные предложения, тревожные вопросы.

58. Потом уже, поздно вечером, мы разыскали Бабий Яр, бродили у зарастающего и быстро пустеющего могилами еврейского кладбища, и, наконец,

59. были выведены какой-то пожилой, чуть подвыпившей украинкой на обрыв. "Там дальше Куреневка, а тут их стреляли. Да... и они падали вниз, места много". Бабий Яр - будничное такое место, неприметное. Символ величайших жертв и неприязненного равнодушия.

60. Но это было уже вечером, а днем мы бродили по Лавре,

61. по ее многочисленным музеям,

62. прятались в тени деревьев,

63. проходили мимо семинарий и академий средневекового учебного города. Лавра лишь в катакомбах навеивает мысли о святых подвижниках, вопросах летописца Нестора. Здесь же она диктует посетителям иную нежданную тему украинского просвещения.

64. После монголов Киев перестал быть русской столицей, но Лавра еще очень долго оставалась главным центром русской учености, славяно-греческого образования.

65. Киев и его духовные училища были свободны от треволений московского двора и, наоборот, открыты европейским влияниям. В Киеве возникла жидовствующая ересь, этот правый оппортунизм православия, разбудивший

многие умы России. По Днепру шли связи русского православия с Византией и Средиземноморьем, с Палестиной и Римом.

66. А когда Киев после нескольких лет Хмельницкой независимости вошел в Россию, когда между ним и Москвой были уничтожены границы, он еще полвека оставался главным окном в Европу.

67. До тех пор, пока Петр не прорубил другое широкое окно - в Петербурге, и не заменил греко-славянское богословие европейской наукой.

68. Архитектура Кирилловской церкви -

69. дочь православной веры и католической формы.

70. А эту красавицу строил Растрелли. Однако Андреевская церковь лишь одна.

71. В своем большинстве облик киевских церквей обычен, неотличим даже от церквей других украинских городов.

72. Потому что Киев никогда, вплоть до Петра I, не был только украинским, а всегда лишь временно отторгнутой от России матерью. И не Москва, а именно сам златоглавый Киев так думал, и постоянно стремился к детям своим.

73. Но Петербург превратил мать городов в рядовой центр просто малороссийской провинции, в украинскую столицу.

74-75, 76. Шевенково - или, по старому, Кириловка - знаменито своим земляком Тарасом Шевченко. А эта хата, что видна в глубине сада - старый дом наших двоюродных теток и дядьки. Еще лет 10 назад в таких белых хатах, неотличимых от Шевченковских времен, жило почти все село.

77. Сейчас же большинство выстроило или строит новые дома с каменным фундаментом, из кирпича, с железной или шиферной крышей. Сам хозяин Юрко стоит у пчелиных уликов.

78. Он инвалид войны первой степени. Сколько я себя помню, Юрко непрерывно болеет, оперируется по больницам, прочищает кость ноги от нагноений - не живет, а мучается, наверное, во имя солнышка и пчелиной твари. Он так не говорит, только голос глух от перенесенных страданий, да

измождено тело. Да чрезмерная ровность духа, да богатство мыслей и переживаний, собственная философия этого мира.

79. А здесь они все. Старшая Нина - спокойная и медлительная. Она лесовод, и приезжает домой лишь в воскресенье. Средние Юрко и Маруся, непоседливая и быстрая, главная рабочая пчела в доме, застенчивая и робкая Оля, наша ровесница, самая младшая, потому, наверное, самая любимая в семье. С ними очень хорошо и очень просто быть и жить. Не только нам, всем родственникам, и здесь, в селе, и в Москве. У них были замечательные родители. Отец погиб в 37, а мать, "выгодував" их в лихие годы, умерла не так давно, оставив себя людям в своих детях. Святой был у нее характер, и ведь сумела, передала его по наследству.

80. Четыре счастливых, но слишком сытых дня прошли в саду

81. или в окрестных прогулках то ли за сеном в Юрковой рубаше,

82. то ли на озеро купаться.

83. Хозяйством заниматься, то бишь "годувать" кричающих и гогочущих, и хрюкающих "злыдней", мы не пытались.

84. Разве только доставлял я им удовольствие в жаркий день, наливая полные корыта и плескаясь в холодной колодезной воде сам.

85. Но главное наше занятие, конечно же, была еда. Угощали нас не только варениками, водкой, индюшатиной и т.д. и т.п., но и разговорами на самые разные темы с приправой стихами Шевченко.

86. Все село и соседние Будущи и Моринцы - сплошной мемориал Шевченко, действительно народного поэта. Мы тоже ходили в шевченковский музей и в Будущи к ветвистому дубу,

87. у которого играл и ховался маленький Тарас, когда служил пану Энгельгардту казачком. Сейчас это память, фетиш, куда приезжают делегации украинской советской литературы, клянущиеся жить как классик. Правда, результаты известны.

88. Шевченко, на наш взгляд, не был великим писателем и художником. Он очень сентиментален, а иногда неглубок, да и

неправ бывал. То он полон христианского смирения, то зовет к топору. Зато он великий поэт, которого признал народ, и за любовь к нему, и за чистое сердце, и за добрую душу. Всего этого у Тараса не отнимешь, даже если подходить и без славословий официального шовинизма.

89. Именем Шевченко клялась любая власть. Только что она берет у него? В чем оно - главное наследие Шевченко? Что нужно сейчас Украине?

90. Вот этим хорошим людям?

91. По дороге в Киев, у Корсуни, переезжаем знаменитую Рось, откуда пошла русская земля. Попутчики удивлялись нашему возбуждению, но ведь они не читали "Русь изначальная" Валентина Иванова.

92. А мы думали, когда еще сюда вернемся.

Сценарий диафильма «Карпаты. Космач»

1. Карпаты

2. Космач

3. Друзья и знакомые говорили нам: "Есть на западе зеленые горы Карпаты, а в них живут гуцулы. Они красиво одеты и хорошо поют".

4. И нам, конечно же, захотелось увидеть горы и гуцулов и синее-синее озеро Синевир.

5. И потом мы прочли повесть Ивана Франка "Захар Беркут", начинавшуюся так: "Печально и неприветливо ныне в нашей Тухольщине. Правда, реки по-прежнему омывают ее усыпанные гравием зеленые берега, луга ее весной по-прежнему покрыты травами и цветами, и в ее лазурном прозрачном воздухе по-прежнему плавает и кружит орел-беркут. Но все остальное как изменилось - и леса, и села, и люди!

6. Какая жизнь отбурлила в этих горах, среди непроходимых лесов, у подножья могучего Зелеменя! Какой свободный, сильный характер был у древних общинников!

7. И когда порой старая бабка, сидя на печи за пряжей грубой шерсти, начнет рассказывать внукам о седой старине, и малые, и старые, вздыхая, шепчут: "Ах, какая же это прекрасная сказка!" И нам остро захотелось увидеть древние места русской общины.

8. Наконец, весной мы прочли письмо Валентина Мороза о гуцулах и их святынях, о самобытной культуре народа. Это не была обычная славянофильская статья. Мороз знал, что ему грозит заключение за свободное слово, но, презирая опасность, он вылил из сердца слова любви к родине и ненависти к ее недоброжелателям, от не щадящей природы техники до тупого держиморды.

9. Мороз рассказал нам о Космаче - уникально одаренном селе, радостной вспышке талантов, удивительной даже для Гуцульщины.

10. Рассказал о Космачевской церкви. О том, как предки платили жизнью за ее постройку. И как сегодня эту святыню сперва обокрали, а потом запретили даже ремонтировать. Рассказал о гибели храма,

11. надругательстве над ним и над всем святым, и о духовном сопротивлении этому.

12. "Широкая чаша меж гор, а в ней Космач - такое непохожее на других село. Здесь я понял, Космач всегда будет иметь свое лицо. Этих людей никогда не разложит материализм. Материальное никогда не было для них главным, ни когда строили дом, ни когда шли в опришки, ни теперь, когда едут на сезонные заработки в далекие края. Здесь никогда не предадут свое право первородства за чечевичную похлебку выгоды.

13. И мы уже не могли не поехать в Карпаты - "в Карпаты, Тухлю и Космач".

14. И вот мы на самой-самой высокой карпатской вершине, и спрашиваем у старого гуцула, пасущего своих овец: "Дедушка, а дедушка, расскажи, как найти Космач".

15. А дед охотно отвечает: "Вот за теми синими горами прямо и есть Космач. Да вы не пугайтесь, тут недалеко, к вечеру

будете". Эх, дедушка, нам бы твои горные ноги. И машина нас везла, и шли, почти не отдыхая, а к вечеру все равно не дошли 7 км. Ну, да бог с тобой! Ты нам правильно показал на Космач. А вот старой общинной Тухли мы не увидели.

16. Видели только из поезда нефтяные вышки на зеленых холмах,

17. да разбросанное село-поселок.

18. Многое изменилось в Тухольщине не только со времен Беркута, но и со времен Франка. Наши попутчики-тухольцы даже не слышали о Захаровой легенде.

19. Эти поселковые ребята навели такую безнадежную тоску, что мы не решились на поиски Захарова креста. Вот и все. Закупили продукты, расспросили местных, взвалили рюкзаки и пошли вверх, искать дорогу на Синевир.

20. Вокруг нас были долгожданные горы с могучими лесами и цветущими лугами.

21. Полонины - это травянистые гребни карпатских лысых гор, ровные и прохладные в жаркий день, прирожденные карпатские дороги.

22. По этим дорогам мы намерены идти к удивительному селу Космач. Мы твердо уверены, что кроме радости движения,

23. красоты елей и далее мы сумеем понять в этих местах много важного и о нашей истории, и о нас самих.

24. "Полонины в летнюю пору исполнены усладой для человека, овец и скота: там различные цветы восхищают взор, и запах их приятно возбуждает обоняние; там пастухи перегоняют с места на место стада, улаждающие слух мелодичным перезвоном колокольчиков;

25. там земля предоставляет свою зеленую постель, и дерево бросает густую тень, и птица сладостно поет ко сну; там ветерок бодряще освежает сердце и члены человека, а скалы сдерживают течение холодной и возбуждающей голод воды,

26. оттуда глаз в одно и то же мгновение видит области королевств Галиции и Венгрии". Древний карпатский описатель не учел еще одного острого наслаждения этих мест

-

27. спелой ягоды черники, что сплошным ковром покрывает горные склоны, особенно для нас, только что приехавших из небогатой на ягоды Москвы. Мы не только набиваем ею свои рты, руки, котелки, но и палатку ставим у такого родника-криницы,

28. чтобы был в черничных зарослях.

29. Мы шли по полонинам, дышали ровным ветром, травяным настоем, красились черникой и малиной, радовали ноги удобной, как в Подмоскowie, тропой, глазели на невообразимые дали и,

30. конечно же, встречались с верховинцами: пастухами, косарями, и больше всего со сборщиками ягод. И сверху часто видели разноцветные платья девочек, процеживающих своими совками ягодную шубу склонов. Для фото они были слишком далеко, но ведь надо же было нам унести с собой хоть некоторых из них на память.

31. Большинство сборщиков были дети: или самостоятельные ватаги подростков, или вот такие, пришедшие с матерью, или совсем карапузы, которых привезли сюда на подводах. Паренек меня не боится, зато его сестренка забила под елку и никакой лаской ее под фото не вытатишь.

32. А с этими косарями мы лишь перекинулись словами: "Добрый день. Правильно ли идем на Прислоп?" "Е-е, правильно! Вот так и так-то дальше". И снова за работу. Удивительно хорошо действует на людей такая работа. Детский смех слышен далеко, лица взрослых при встрече расцветают добрыми улыбками гостеприимства. И кажется нам в этом что-то особенное, только здешнее, не городское.

33. И идя все дальше по Верховине, мы убеждаем себя, что Мороз прав, - эти люди по душевной щедрости, спокойствию и достоинству отличны от нас, горожан, и очень хорошо, что есть еще такие места, и что можно сюда приезжать и смотреть и слушать.

34. Здесь живут украинцы особой породы. - Потомки славянских племен белых хорват. Они веками жили в этих горах, окруженных со всех сторон враждебными равнинами

австрийской Венгрии, Польской Галиции, турецкой Валахии. Но до самого последнего времени они звали себя по древнекиевски - русинами, хотя давно им положено стать венграми, поляками или, по крайней мере, украинцами.

35. Но Карпаты оберегали их и яркость обычаев. Многие километры прошли мы по тысячелетним границам бывших государств.

36. Особую радость получает человек, вот так безвозмездно толкая пограничные столбы, вдыхая запахи цветов нейтральной полосы. Всегда бы так. Но нет, еще глубже, опаснее, хитрее и страшнее становятся государственные границы, а цветы на нейтральной полосе все резче пахнут пулями и годами лагерей.

37. А эти горы? Просто граница ушла от них на Запад, а Верховина впервые стала одной из русских провинций.

38. Веками эта земля была по венгерскому выражению "terra нулеус", т.е. ничейной землей, ненужной дерущимся королям и их враждующим богам, и потому сохранила своих древнеславянских хозяев и их веру.

39. Поезд еще втягивался в карпатское предгорье, а мы уже радовались частым церквям - они обещали нам встречу со знаменитыми деревянными храмами Закарпатья.

40-41. И только спустившись первый раз с полонины в закарпатское село Прислоп,

42. неожиданно увидели настоящую деревянную сказку - прислопскую Никольскую церковь XVIII века.

43. Из своих поездок по России мы вынесли глубокое убеждение, что самое красивое в русском селе - что ставится на лучшем месте - это церковь, и особенно деревянная. Ибо конструкция ее - не редкая удача одного заграничного или своего крепостного архитектора, а суммарный итог тысячелетних традиций работы с топором и находок мастеров.

44. Верховинцы и гуцулы не могут представить своей жизни без лесистых гор. И сейчас лесом живут очень многие: и те, кто рубит лес, и кто его охраняет, и кто ставит дома, и в чьих руках кусок дерева превращается в художественную вещь".

45. В своем отношении к дереву закарпатцы-русины родственны совсем не степнякам-украинцам, а лесным русским. Только в Карпатах до сих пор сохранилось и сохраняется мастерство работы с деревом, в то же время как у нас, в России, оно все больше становится лишь достоянием музеев и истории.

46. А это прислопская звинница - колокольня, большая и грузная, подстать храму. Нам после родных шатров северных часовен карпатские громадные звинницы казались зачастую слишком приземистыми и тяжелыми.

47. Но мы старались быть объективными.

48. К нам идет, отложив свою косьбу, сторож. Он словоохотлив и благожелателен. Быстро, и потому малопонятно, рассказывает о церкви, о большом снеге, о попе, о реставраторах из Львова, о жизни вообще.

49. Потом он пошлет жену за ключами, а сам, показав звинницу, усядется разговаривать с поповским племянником, 50. не забывая и о нас: "О, наша жизнь сейчас много лучше стала. А молодежь? Что ж, молодежи больше клуб нравится. Но не всем, не всем, пани".

51. Потом, когда, не спеша, приплывут ключи, откроет эту дверь и введет нас в свой благоухающий цветами и свечами рай. Нам интересны именно эти мужицкие лица святых, бесхитростные трактовки христианских сюжетов, языческая пестрота всего убранства дома божьего.

52. Прислоп стал для нас лишь первой церковной страницей. За свой ультракороткий отпуск в городах и горах, мы все же увидели много закарпатских деревянных храмов разных времен, влияний разных народов и традиций разных карпатских племен: гуцулов и бойков, полищук и лемков.

53. В Черновцах, столице Буковины, мы видели, кажется, одну из самых простых и древних церквей: почти простая изба с крестами на крыше. Там и вспомнились неприятельные серые часовни на дальнем Севере, что заботились больше не о красоте телесной, сколь о духовной святости.

54. И именно потому, что у буковинца, строящего этот храм, не было и намеков суетного украшательства, а было лишь тысячелетнее плотничье мастерство в руках недавнего язычника, этот старый и строгий православный храм заставляет опуститься на траву в тени каменной звинницы и молча созерцать языческое видение.

55. Видели мы и традиционные для православия центрально-купольные строения, так знакомые нам по русским и закавказским маршрутам.

56. Узнавали армянские и грузинские каменные формы в чудесном переложении карпатского дерева. Сколь тесен наш мир, сколь велико влияние настоящего искусства, сколь тесна связь времен.

57. Такие купольные храмы мы видели не только в Коломыее - полуофициальной столице гуцульщины, но и в остальных местах этой самой высокой горной части Карпат.

58. В этом крае дольше всего и упорнее всего держались старые традиции, новое воспринималось с сугубой осторожностью и оглядкой. Ведь в этом-то, в сохранении тысячелетних традиций, по морозовскому выражению, и состоит настоящая, самобытная культура.

59. И именно потому здесь сохранились только традиционные православные формы, или купольные, или по-украински трехглавые.

60. Да чего там. Совсем недавно эти храмы перестали быть православными, приняв униатство.

61. Только недавно консервативная гуцульщина повернула свое лицо к западным влияниям и начала их перерабатывать.

62. И вот снова резко, грубо, за шиворот оторвали от униатства. И снова упрямая гуцульщина сжимает зубы.

63. И вот уже в Космаче праправнуки тех, кто принял смерть за православие, упрямо твердят "Слава Иезусу".

64. В этой фразе многих людей, в их приверженности к церкви, нам чудится та сила протivления, которая единственной надеждой кажется народу: "Люди в этих горах

обладают удивительной способностью одухотворять все вокруг себя.

65. Я вернусь еще не раз в эти горы набираться сил, учиться сопротивлению нивелирующей силе, которая обезличивает человека, сдирает с него национальное и культурное своеобразие, делает рабочей человеко-единицей. Я вернусь в эти горы познавать себя и искать ответа на вопрос: "Кто они?"

66. "Кто еси?" Бродя по карпатским дорогам, мы не могли не решать для себя ту же проблему. Мороз твердит: культура - это накопление и совершенствование традиций, церковь - это тысячелетия, и мы согласны. Да, надо беречь это наследие.

67. Но, вместе с тем, он отвергает материализм и технику, он утверждает: "Атеизм пользуется услугами отбросов". И это повергает в недоразумение нас, инженеров и атеистов.

68. Может, мы, действительно, живем без веры и всего святого в душе? безродные и бескультурные? почти космополиты? Может, пристрастие к мировой, т.е. западной в основе, культуре вместе с ее безбожием и свободой мысли тоже предосудительно для украинцев и русских по крови? Но, наверное, такие вопросы затем задаются, чтобы всю жизнь искать на них ответы.

69-70. Лесовозная машина подбрасывает нас десяток километров на пути к синевирскому перевалу.

71. Дальше машина не пойдет, и потому рюкзаки у нас на плечах, а под ногами старая лесовозная дорога, которая чем выше, тем больше вырождается.

72. Мы вступаем в темный и таинственный карпатский лес. Он высок и могуче красив и полон, наверное, неизвестными легендами о духах, разбойниках - опришках и бандитах бендеровцах.

73. Скользят ноги на обомшелых бревнах, везде чуются змеи и всякая иная живность, а глаза все надеются увидеть какие-нибудь легендарные следы, но тщетно: лес быстро прибирает в свою вечную утробу все бывшее.

74. И только в Черногорье нам довелось увидеть клетушку, которую при богатом воображении можно было назвать и

опальной православной часовней, и сторожевой опришковой башней.

73. В Коломыйе, в гуцульском народном музее, я пытался заснять деревянное изваяние знаменитого вождя опришков Алексы Довбуша. У него нерусское, а резкое венгерское-полуваляхское лицо, да это и неудивительно в карпатском котле народов. Имя Довбуша - карпатского Робина Гуда, заступника бедных и грозы богачей, нам было известно еще в Москве, со слов Мороза.

76. А потом уже на карпатских дорогах мы не раз слышали: здесь Алекс родился, здесь была его свадьба, в том селе жила его невеста и ездил он к ней часто.

77. Потом сказали, как с помощью измены схватили неуловимого Довбуша. И плакала земля, печалилась Гуцульщина, ручьями текли слезы.

78. Мы взбираемся на перевал и еле переводим дух. А ведь говорят, совсем недавно эти горы отвечали бендеровскими выстрелами. Бог их разберет, этих опришков: где у них бандит, а где народный герой, кто защищает родину, а кто сичевик и пособник фашистов.

79. Нам ясно только одно, что все очень сложно, и нельзя ни осуждать, ни приветствовать гуртом ни опришков-разбойников, ни их наследников. Их можно жалеть, но трудно не видеть обреченности этого традиционного озлобленного жестокого вида сопротивления, и, как бы отгоняя нереальную возможность фантастических встреч, усиливаем работу ног.

80. Ну, вот и перевал - карпатское раздолье.

81. В глубоком елово-лиственном ущелье спряталось знаменитое озеро Синевир. Скоро мы отдохнем, встретимся с озерной

82. курортной цивилизацией, и, как говорят туристы: сходим на танцы, а точнее, закупим чего-нибудь съестного. Ну, посидели? Хватит.

83. На удивление отличная идет дорога. Леспромхоз, видимо, поддерживает ее для своих лесорубных дел.

84. Ну, как тут не вспомнить Ивана Франка: "В оврагах и чащах шумят лесорубы, пильщики и плотники, неустанно, словно не знающий смерти червь, подтачивая и подсекая красоту Тухольских гор, на доски и тес.

85. Когда-то густые непроходимые леса покрывали почти все пространство, кроме лугов, сбегая в долину до самых рек. Теперь они, как снег на солнце, истаяли.

86. Мы пришли на Карпаты почти через 100 лет после Франка и не увидели гибели леса. Леса много в Закарпатье и, наверное, будет еще больше.

87. И нам стала ясна неправота Франка. Не техника губит природу и природного человека, а губят их невежество, да неразумная жадность.

88. И все же спасибо славянофилам за крик предупреждения, да простится им отрицание техники, за святую боль и праведный спасительный гнев. Ругайтесь, милые, ругайтесь.

89. Не-ет! Нам, горожанам, эта радость до небес тоже нужна, даже больше - она необходима.

90. В древний венгерский город Мукачево из закарпатской украинской деревни Шелестова привезли эту Михайловскую церковь. Трудно ей сохранять свою красоту на грязном городском перекрестке, а в нашем веке, увидев ее на своей родине, в Шелестове, Грабарь причислил ее к лучшим образцам деревянного зодчества Закарпатья.

91. И мы всей душой с ним согласны. Эти высокие деревянные церкви с барочным или вот таким готическим завершением так наглядно свидетельствуют миру о культурной связи старых русинов с западными традициями.

92. К сожалению, церковь в Негровце оказалась для нас единственным примером деревянной готики.

93. Остальные, самые прекрасные, стоят в более западных селах, в Хустском, ныне пограничном районе. Да, ныне граница - это, конечно, не столбики на полонине.

94. Зато в селе Колочава, родине Олексы Довбуша, мы вдосталь насмотрелись на барочную, но какую-то очень русскую церковь.

95. От этого здания мы получили прямо чувственное удовольствие. Может, действовала сила воспоминаний о северных ярусных клетях,

96. может, душу баюкала память о деревянном лемехе русских маковок, но этот плод западнорусского культурного союза мы ощущали своими глазами и чуть ли не всем телом.

97. И, выходит, что карпатскому исконно русскому искусству топора отнюдь не мешаем западное барочное. Наоборот, только возвышает, помогает выявиться. И, может, нам не нужно так уж бояться, а наоборот вбирать его полной мерой.

98. Мало, конечно, прошли мы карпатских сел, но везде, где были, не замечали следов варварского или разбойничьего отношения к церкви.

99. Почти каждое село имеет два храма - приходский и на кладбище, что нас, привыкших, что на много деревень в России - одна церковь, да и та в 30-х годах разрушенная, очень удивляло.

100. Правда, и тут действующий лишь один храм. Но второй, обычно внутри, содержится в порядке. После письма Мороза мы ожидали другого, и теперь были даже в недоумении. Может, Мороз преувеличивал?

101. Но вот мы в Космаче, стоим перед тем самым храмом. Удивительно милая, голубоглазая старушка нам рассказывает: да-да, и иконостас забрали, церковь закрыли, и ремонтировать запрещают. Недоумение в ее жалостливых губах. А потом, перед тем, как уйти, глубоко вглядываясь в наши лица, она говорит твердо: "Хорошая теперь жизнь, плохо только, что люди бога забыли". И как будто повторила она слова прислопского сторожа, но совсем по-другому. Как будто уже не сельская молодежь бога забыла, а скорей мы, русские, и вот это плохо.

102. Храм с улицы выглядит еще крепким, и он, конечно, простоял бы не одну сотню лет, но при условии ухода, а так ему придется скоро погибнуть - попросту развалиться.

103. Мы прошли через полуразрушенную боковую стену внутрь, спугнув бездомную собаку, и вступили на захлащенный пол.

104. Наверно, эта запустелость не только непривычна для гуцулов, но просто страшна и даже оскорбительна. Нам же только грустно немного.

105. Глядя на останки позолоченного иконостаса, мы вспоминаем слова Мороза:

"В 1735 году Иван Чупурчук строит в Космаче православную церковь. Сам, без единого гвоздя, топором и пилой. Это был вызов. Рядом стояла уже униатская церковь. Чупурчук был осужден и умер в тюрьме. Год 1740. Алекса Довбуш жертвует большую сумму на новую церковь. С этого времени она зовется Довбушевой. Год 1741. Космачане поехали в Станислав и купили для новой церкви колокола. Двух приговорили к смерти, четверым пришлось идти в опришки". Да, понятно, почему она так дорога жителям Космача.

106. Но почему же так трудно понять их киевским хозяевам? - Жители просили устроить здесь музей Довбуша. Но помешал случай... Приехали киевские киношники, приехали вроде похорошему, для съемок. Но как они вели себя, бог мой! Следы мы видели сами. Разбито, оборвано, замалевано, в разбитых чашках - следы краски. Потом вывезли иконостас, а в ответ на просьбы вернуть, на жалобы - хамский окрик - "хватит вам одной церкви" и запрещение даже ремонтировать.

107. Наверно, эти "хозяева" выросли в годы культурной революции 30-х годов, когда вдребезги разбивалась культура. Поэтому они и здесь ничего не щадили.

108. Только сейчас мы поняли правоту морозовского гнева, ведь в свое время Закарпатье не было в зоне уничтожения церквей, наоборот, общим указанием было их охранение, и вот только сейчас, когда сила и страх общих указаний ослабевает, закарпатским церквям грозит опасность уже от местных коломыйских и киевских держиморд.

109. На фронте Довбушевой церкви еще улыбается милое солнышко-резетка. Древний, еще с языческих времен знак

бога солнца - живая связь времен. Как объяснил нам Мороз: в Довбушевской церкви с одной стороны Христос, с другой - солнце. Гуцул не выбросил старого бога ради нового. В этом и состоит искусство самосохранения народа: взять новое, не разрушая старое. Иначе духовность будет строиться на обломках, практически от нуля.

110. Но сама церковь, несомненно, гибнет. Гибнет уникальная культурная ценность, гибнет, несмотря на общегосударственное покровительство, несмотря на волю и желание тысяч жителей, на жертвенную защиту Мороза - все же гибнет - по указанию местных, но еще могущественных сил зла.

111-112. Наша палатка у Петроса. Здесь хорошее место для стоянки: есть и дрова, и вода, и ягода, и до вершины рукой подать. Вот ходим, а через день придем в Космач. Пора, ведь отпуск наш уже на исходе.

113. Ранним утром уходим от палатки, заходя, до солнца, как будто в настоящих горах, как будто в альпинистской молодости.

114. В молодости... Все чаще мы говорим себе эти слова - конечно, в шутку, с явным подтекстом, что до старости еще далеко. И мы еще и не то можем. А на деле - все меньше веселья, тусклее ирония, серьезней мысль - "кто еси?"

115. Вершина уже близко, оглядываемся назад, там только пустырь Говерлы. Через несколько часов мы и ее не пропустим.

116. Но, прямо скажем, не обрадовал нас этот туристский полукрасный уголок, полусвалка консервных банок.

117. Лучше оставить в памяти Петрос с единственным, и потому терпимым человеческим произведением - каменным туром.

118. Оглядываем по-утреннему зыбкие в белесом тумане горы. Оттуда мы пришли. Там прошли наши Верховинские дни. Хорошо прошли.

119. Идешь по такой вот травке-муравке, а перед тобой маячит Говерла, а под тобой глубокие леса и поля, деревни и целые страны.

120. В нашей памяти остались не только большие, богатые села в глубоких долинах, но скромные отдельные избы хуторского вида, а вокруг суетящиеся в работе приветливые люди, слова и интонации которых мы ловим с жадным вниманием.

121. Верховинцев мы видели почти всегда в работе, и не только в той, по-старинному праздничной, косьбе или сбору ягод, но и в будничной - на лесопункте или на пастьбе скота.

122. Огромные овечьи и коровьи стада белой сыпью переползают по зеленым склонам.

123. Стерегут и защищают их умные собаки, у которых ох карпатских волков лишь одна надежда - колючие ошейники да собственные зубы.

124. Куда ни помотришь, везде кошары и фермы (коровья техника - объедает когда-то лесистые склоны).

125. И работают на этих высокогорных фермах обычные рабочие производственники, как мы с вами.

126. Девушка-дойрка на нашу просьбу продать литр молока сказала: "хорошо", и длинно-длинно повела нас к своей лучшей буренке, надзынькала полный котелок, вспыхнула в ответ на наш вопрос о деньгах. И мы понимаем: она - современный человек - там, в городе, на базаре, в толкучке денежных расчетов; здесь же, в пустыне старых гор она - прежняя гуцулочка с неугасимым обычаем гостеприимства.

127. Паренек, пасущий быков и бычков, выводит для нас одну мелодию за другой на своей дуделке из обычной алюминиевой трубки 15x1. Он знает толк в быках и расценках, но он гуцул по рождению, и природная талантливость играет в нем вот этими переливами. Мороз говорит, что этих людей никогда не разложит материализм, материальное никогда не было для них главным. Но так ли это? Этот паренек уже знает туристов. Знает, что они могут купить за хорошие деньги коровий колокольчик или еще что. И его игра тоже не просто так, а для

нас, специально. Перед расставанием он об этом прямо признался, попросив поесть.

128. Съедят ли фермы, леспромхозы, нефть гуцулов? Разложит ли материализм этих людей? А разлагает ли он? А чем стал хуже этот паренек, что играл не только для коров, но и для туристов и собственной пользы?

129. Мы стоим на Петросе, и на воспоминания уходят у нас считанные секунды. Стоять холодно. Путь у нас долгий. Еще впереди - встреча с Космачем.

130. Впереди еще целый день и глубокий цирк Говерлы.

131. И купание в едва начинающемся, таком смешном Пруте.

132. А через час мы полоскались в уже сильно разлившемся, но все том же Пруте.

133. В этот длинный день мы еще долго будем идти мимо купающейся детворы,

134. и бодливых коров. По дороге обычной

135. и старой, еще австро-венгерской,

136. идти до самого поздна, так, чтобы устать, чтобы выложиться, чтобы наутро придти в Космач.

137. И вот мы входим в это село.

138. Оно такое длинное, что внутри него нас подвозит машина - до управления леспромхоза и

139. артели. Ведь Космач не сеет и не жнет, а живет искусством. Мужчины - резьбой по дереву,

140. женщины - вышивкой. Сбылось хоть одно желание Мороза.

141. Уже в Коломыйе, в гуцульском музее, мы находили многочисленные таблички "село Космач" и на резьбе, и на вышивках, и на яйцах-писанках.

142. Дальше мы шли пешком, предупреждённые, чтобы поспешали, если хотим успеть на базар. На базар? Но, сегодня же понедельник. Почему же базар, и почему так много празднично одетых людей?

143. И нам объяснили - Ильин день, церковный праздник.

144. О какой же работе может идти речь в праздник? Великий грех не гулять.

145. Ну, а базар? - базар здесь всегда по понедельникам. Ведь в воскресенье люди в город ездят, а перепродают здесь уже в понедельник. Ох, и походили мы и насмотрелись...

146. Мы даже торговались за носки с вышивкой. Покупка, правда, была делом решенным; ведь приобреталась память о том, к чему так долго шли, память о том ласковом дне и о космачском базаре в неурочный день.

147. А потом одна из женщин повела нас в свой дом, и уже не музеем, а настоящей хатой с раскрашенной печкой, красивыми половиками, со шкафом, набитым богатыми нарядами и обновами обернулся для нас гуцульский быт.

148. И малый кусочек от той хаты лежит теперь в нашей московской квартире, писанка той самой женщины Евдокии Ожиняк. Дай бог ей здоровья!

143. Последний взгляд на село Космач, на верховинские горы, на карпатскую Русь.

150. И надо бы сказать какие-то слова. Но нет у нас слов. Лучше всего сказал Валентин Мороз: "Я вернусь не раз еще в эти горы набираться сил, учиться познавать себя, искать ответа на вопрос: "Кто еси? "

Сценарий диафильма «Карпатские города»

1-2. Есть на нашем западе зеленые горы. Издревле они были заселены славянскими русскими племенами. Но потом, когда монголы разделили Европу и Русь,

3. здешние русины остались на западе. Но они продолжали жить в деревнях, селах, общинах, города же строили другие народы - поляки, венгры, австрийцы.

4. Так, в предгорьях Карпат издавна стоят чужие для нас города.

5. Вблизи многих из них на берегу быстрых рек ставили мы палатку.

6. Польша

7. Вот Стрий, небольшой городишко, ныне районный центр. Обидно, что у нас так мало кадров и вам не удастся увидеть

утренние умытые улицы, базар, как крепость, где пана и пани (нас, т.е.) зазывали украинки в белых рубахах, а потом через площадь пройти к католическому собору.

8. Полюбуйтесь с нами этим костелом в красной черепичной шапке.

9. А потом войдем внутрь, где

10. идет служба, звучат орган и чистые женские голоса.

11. В Коломыйю мы приехали жарким полднем. Из всех польских городов он показался нам самым знакомым, самым провинциальным и украинским.

12. Ведь был выстроен на южной границе Речи Посполитой. Поэтому здесь так силен местный культурный элемент.

13. Было очень жарко, и ребяташки или купались в фонтанах,

14. или прятались в таких глухих от старости дворовых подъездах, куда и заглядывать страшно.

15. Мы же были заняты музеем гуцульского народного мастерства, хождением по гуцульским магазинам, и почти не обращали внимания

16. на церкви - остатки польской городской культуры. Так Коломыйя и осталась в памяти украинским городом.

17-18. В этом старинном польском городе сейчас живут русские и украинцы, и делают из Станислава Ивано-Франковск.

19. В городском парке стоит невидный особняк, резиденция основателей города, знаменитых польских магнатов Потоцких. Старых графов здесь, конечно, и след простыл. Может, разве, осталась гробница на кладбище, не знаем. Но остался город.

20. До 65 года его так и звали, как при рождении - Станислав. Сейчас переименовали. Но город жив и, кажется, жив граф Станислав.

21-22. Жив в многочисленных, хотя и пустых ныне костелах на площади вокруг ратуши.

23. Это, конечно, костел иезуитов - неизбежный в каждом польском городе.

24. Как неизбежен Адам Мицкевич - лучшее воплощение польской культуры. Кому он, правда, теперь нужен в этом хохлеющем городе?

25. Армянский костел. Памятник тому времени, когда вольно жилось здесь армянам - прирожденным купцам и ремесленникам.

26. Дальше от старого центра в зелени тротуаров и простых, не имеющих польского колорита домов, здесь даже радуешься новостройкам. Конечно, не обычным блочным стенам, безобразным даже в чистом поле,

27. а вот таким, уступами, с выдумкой - почему ж не порадоваться?

28. Но случилась с нами и неприятность! Во время съемки вот этого кадра - перестройки старых зданий вблизи ратуши, нас окружила возмущенная толпа ивано-франковцев: "Да как мы смели это фотографировать?"

29. А потом пять часов мы провели в городском отделении милиции, борясь за пленку и доказывая, что можем, имеем право фиксировать все, что хотим, и даже перестройки Станиславского центра в новую благоустроенную и широкую площадь Ивано-Франковска. "Да вы поймите, - объясняли нам, - там стояли плохие аварийные дома, которые просто необходимо снести, а пленку вам все же придется отдать". "Да, да, - поддакивали мы, - город благоустраивается, но снимать мы можем все, кроме военных объектов". Наконец, после небольшого совещания начальника милиции и представителя КГБ, нас выпустили.

30. Убрались из города мы уже вечером. Прощай, Станислав, доведется ли когда-нибудь узнать тебя еще в Ивано-Франковске?

31. Венгрия В Ужгороде - этом недавно венгерском по преимуществу городке мы видели древнюю-древнюю православную церковь

32. Закарпатья, еще XII века.

33. Внутри ее стены покрыты фресками, удивительными для тех времен. Выполнил их, наверно, кто-то из болгар или чехов,

соединив византийское мастерство и стилистику с итальянским псевдовозрожденческим искусством.

34. Эта церковь - все, что осталось от древнеславянского Ужгорода. И она же одновременно свидетельствует, что Ужгород не отличался от европейских городов.

35. Сторож-украинец, проживший у ротонды всю жизнь, ничему не удивляется. Он рассказывал, что здесь когда-то были татары, потом заскакивали то бендеровцы, то петлюровцы, а потом церковь закрыли, а сейчас берут билеты за пустое помещение. Чего не бывает! Наверно, это в характере украинцев-русинов ничему не удивляться: за столько веков столько хозяев переменили. Изумляется он только современным порядкам. Русинам, отгородившимся от остальной России Карпатами, неплохо жилось в Европе, да и сейчас они живут богато, и не столько благодаря частым посылкам американских родственников, сколько из-за давних традиций, привычек размеренного труда и приличной жизни. Да какие это украинцы? Русские в них разве только готические фрески Горянской ротонды.

36. Сам же город для нас обернулся лишь вечерним видом своего замка, да кафедральным собором.

37. Вход в замок был закрыт, и нам ничего не оставалось, как только глазеть на городские гербы и стены.

38-39. Рядом другая религиозная твердыня - иезуитский костел, ставший в конце века униатским, но не потерявший католического облика.

40. Здесь была резиденция униатского владыки, пастыря душ западных русинов.

41. Сейчас в ней университетская библиотека, и входа просто так для глазения на витражи - нет.

42. Мы не смогли здесь быть долго, и этой же ночью уехали в Мукачево, оставив Ужгород на лучшие времена.

43. Высокая замковая гора - главная ценность этого, еще более венгерского города. Мукачевский замок - национальная святыня венгерского народа, родовое гнездо Ференца Ракоци,

вождя освободительной антиавстрийской войны повстанцев-куруцев.

44. Во все века замок перестраивался, сперва был деревянный, потом каменный, строители то тянули вверх сторожевые и боевые башни, то разрушали их в низкие укрепления, неуязвимые для артиллерии. Век за веком вокруг горы появлялись новые линии стен; средний замок, нижний замок, кольцевой рукав Латорицы.

45. Замок был неприступен, и за всю историю так никогда не был взят штурмом - только переговорами в безвыходных ситуациях. Не были, значит, напрасны муки его строителей, за что, по легенде, и получил город свое название.

46. В конце XVIII века замок три года оборонялся под началом княгини Илоны Зрини против австрийцев. А мы-то всегда воспринимали запад лишь сплошным единством, враждебным России. На деле он никогда не был единым.

47. Вот и Венгрия, в конце концов, добилась независимости. Но тогда Илона Зрини, обманутая предательством, все же сдала крепость. Что с того? Прошли годы, и сын Илоны Ференц Ракоци провозгласил себя королем Венгрии. И лишь немногого не хватило, чтобы независимая Венгрия была упрочена, а лозунг Ракоци "За свободу" был осуществлен.

48. В 1711 году австрийцы заняли Мукачевский замок, и этим покончили с войной куруцев, но не с венгерским движением, конечно. Австрийская монархия хвасталась своей культурой и цивилизаторской ролью по отношению к отсталым венграм, чехам, полякам, сербам и т.д. и т.п., в конце концов развалилась. Вместе с ней развалилась и иллюзия создать прочный "союз народов", каким бы либеральным и культурным он не был.

49. А Мукачевский замок? Он стал со временем политической тюрьмой, потом музеем, а сейчас профучилище, и рядом с рабочими-строителями бродят экскурсанты и экскурсоводы венгерского вида. Откуда они только берутся? Ведь нелегко теперь попасть из Будапешта в Мукачево!

50. Входим во внутренний двор, за ним идет другой. Корпуса домов. Нагромождение жилых объектов без видимого порядка, симметрии.
51. Хаосом как будто строила их сама судьба и жизненная необходимость.
52. И только редкостной деталью на пустынно белой стене герб - не украшение, а знак, символ, почти государственная печать.
53. Отсюда, с самой верхней замковой площадки Илона Зрини видела солдатские толпы на отдыхе после ночного боя. Здесь собирались приверженцы Ференца Ракоци на последний бой за независимую Венгрию, сюда приезжали венгерские революционеры и демократы перед своим жизненным подвигом... Здесь сейчас галдят туристы.
54. И это хорошо. Ведь победившая Австрия обратила замок в свою противоположность - политическую тюрьму, и не только для венгерских борцов за свободу, но и австрийских, греческих, французских.
55. В годы древние Илона Зрини/ Стяг свободы подымала тут... Но, увы, пристанище героев -/ Ныне жалких узников приют. Кандалов унылое бряцанье, / Каменная прочная стена... Черви нам грызут и дух, и тело.../ Темная сырая глубина.
56. Шандор Петефи - автор этих горьких слов - был здесь за год до революции 1848 г., чтобы потом стать великим национальным поэтом и погибнуть в бою с русскими карателями,
57. так и не испытал кандалов в обновленной мукачевской темнице. Политические тюрьмы! Сейчас это понятие стало постыдным для Европы, невозможным, хотя совсем недавно было в порядке вещей. Было.
58. Мукачевский замок тому пример.
59. Это утешает и вселяет надежду. Наверно, такой путь уготован и всем другим народам. Века понадобились, чтобы европейские крепости стали ненужными. Гораздо меньший срок они были тюрьмами для инакомыслящих, а теперь стали

туристскими объектами. Так может, просто - всему свое время?

60. От замка отлично проглядывается весь город. Он сильно разросся со времени князя Федора Кориатовича, выходца из русской Подолии, и ревностного слуги венгерского короля. Кориатовичу путеводители приписывают как первое строительство замка, так и строительство мукачевского, ныне действующего женского монастыря.

61. Мы побывали у его стен и разговаривали с монахиней-привратницей. Внутрь не проникли.

62. Раздосадовано окинув взглядом монастырь и его неприступные сливовые сады, мы бултыхнулись в Латорицу.

63. И поплыли, развлекаясь на перекатах, к центру города.

64. Смотрите: вот ратуша. Она построена в 1902 году, но,

65. говорят, построена очень хорошо, с сохранением всех старых национальных традиций.

66. Спешат на рынок старые жители, и даже венгры. Из окрестных сел приезжают не только грузовики, но и повозки на резиновом ходу.

67. Жизнь идет. Но нам уже достаточно впечатлений этого дня. Достаточно Венгрии. На этот день.

68. До свидания, Мукачево, до свидания, замок, до свидания, Ракоци.

68а. Румыния "Черновцы"

69. Ночевка в зоне отдыха последнего для нас западного города.

70. Раскладывались здесь мы в темноте, пожевали всухомятку, и заснули, как убитые. А утром нас будило ясное солнышко, прохлада купания в дымящейся воде. Хорошо-то как, господи! И отпуск еще не кончился. И рады мы, и готовы к чудесам Черновиц, о которых много слышали, и только хорошее.

71. И он не обманул наших ожиданий, этот не очень большой зеленый областной город на высоких холмах. Наверное, это солнечное утро настроило нас так доброжелательно, поэтому следует умерить восторг и следовать лишь самим кадрам.

72. Путеводители ведут происхождение Черновиц от устных преданий о древнерусском Черне, что поставил какой-то князь на холмах близ Прута. На деле же город выстроен недавно, с 1812 года начиная, когда по миру с Турцией большая часть Буковины вошла в состав Австрии и старая деревня-местечко Черновцы, в котором и жителей-то было меньше 5-ти тысяч, превратилась в центр новой австрийской провинции.

73. Кварталы старых Черновиц по нынешней Волгоградской улице сегодня тоже перестроились и потеряли свой первоначальный облик, но и не приобрели блеска новых. Сегодня это не лучшая часть, и лишь гористость улиц роднит их с остальным городом.

74. Новый город Черновиц был выстроен чуть в стороне на еще более высоких холмах, так, чтобы в самые жаркие дни духоту выдувало прохладным ветерком, чтобы густые кроны деревьев позволяли идти вольно и наслаждаться своей жизнью, гордясь своим городом-садом, чтобы в перспективе улиц стояли храмы, как прекрасный символ всего вечного и доброго.

75. Центральная площадь города с белой ратушей и башней и высокими учреждениями.

76-77. Правда, черновицкие храмы заняты под склады ДОСААФ, морские клубы, спортивные базы и неизвестно еще что-то. Что нас совсем не трогало - может, потому, что привыкли, а может, потому, что внешний вид у них в порядке, тоскующих глаз горожан-богомольцев не видно, а для своей зрительной утехи нам достаточно и наружного вида, по которому мы пытаемся распознать веру и традиции старых хозяев и строителей этого города.

78. Это явно католический храм поляков и австрийцев.

79. А вот к этому зданию из полукруглых куполов, наверно, тянулись к воскресной обедне православные - румыны, молдаване, русины.

80. В конце прошлого века их было здесь не так много - 10 тысяч украинцев, 7 тысяч румын. Однако XX век сильно

увеличил их число, сперва - румын, а после братского воссоединения - украинцев.

81. Сегодня лишь один православный храм действует в этом городе. В нем все необычно, не по-русски. И разноцветные черепичные крыши.

82. И ультрасовременная церковная роспись 1963 года, и витражи центрального купола,

83. и эти крученые купола пьяной церкви (а строил их чех Главка). Само православие здесь особое, буковинское.

84. Оно равноправно соседствовало с другими религиями в общем городе-саде.

85. Мы подходим к университету - бывшей резиденции буковинского православного митрополита.

88. Он выстроен в прошлом веке все тем же Главкой и занимает большой городской квартал.

87. Сейчас вход в него закрыт. Начинались приемные экзамены, и волнующиеся мамы отгорожены от своих любимых и ныне испытываемых на прочность и ученость детей дворцовой решеткой. Они ничего не слышат, ничего не видят, кроме вестей с поля боя. Им не до созерцания красоты строений, ставших учебными залами.

88. Их не восхищают парадоксы истории, сделавшие митрополичьи покои рассадником материализма и коммунизма, их не радует счастливый жребий судьбы, который уберег эти поповские чертоги от разгрома крестьянскими бунтами, от ликвидации торжествующим атеизмом.

89. Им не покажется смешным эта модернизация ангелочков, утверждающих ныне вместо святых фамилии русских ученых.

90. Они принимают как должное и естественное, что бури времени и войн обошли стороной эти крыши, и что сегодня рабочие заботливо и вовремя подновляют черепичные узоры, и что так будет и дальше.

91. Мамам, конечно, не до наших размышлений. Зато они преодолевают нас, стоящих в их толпе. Одна и та же решетка отделяет нас от учебных залов. И становится чуть-чуть

грустно, что нам не попасть внутрь, и вообще, что мы не учились в этом красивом университете (то-то есть, что вспомнить, его выпускникам), и что не мы будем стоять здесь в будущем, поджидая своих детей.

92. Посмотрим еще раз на буковинские крыши, на эту волнующую странную смесь каирской мечети, кенигсбергского форта, царицинского дворца и византийских куполов.

93. Последнее сожаление о не увиденном, и мы возвращаемся

94. к уже полюбившимся центральным улицам, бульварам, магазинам, столовым, фасадам, скульптурам, львам, атлантам.

95-96-97, 98. А вот в перспективе храм, армянский. Да-да, армян чуть-чуть мы не забыли, а ведь они тоже жили и строили, и спешили этой улице к молитве, и укрепляли себя в новых трудах.

99. Ей-богу, этот собор слишком огромен, чтобы влезть в кадр. Он, наверно, больше Эчмиадзина, эта черновицкая свечка армянскому Христу. Его строил все тот же архитектор, чех, и, конечно, это объясняет все: и кирпичную кладку, и уважение к национальной экзотике, и богатство декора, и немецкую основательность.

100. Но не саму возможность мирного сосуществования раньше враждебных культур и религий: восточного православия, западного католичества, северного лютеранства, армянского григорианства.

101. Но мы забыли еще одну важную часть Черновицких создателей и жителей - евреев. В начале века они составляли больше трети города. Черновиц был еврейско-немецким городом, ими был создан и населен. Сегодня статистики говорят, что евреев стало относительно меньше, и все же их, слава богу, много.

102. Старые хозяева еще живут в городе и содержат его по-старому на высоком уровне.

103. Есть там небольшая, но любимая горожанами площадь, на которой стоит тоже небольшой, но красивый театр. Мы узнаем в нем маленького собрата львовского оперного театра,

а знающие люди говорят, что он в родстве с Венским театром. Не знаем, но верим.

104. Черновицкие экскурсоводы повествуют обо всех домах, окружающих площадь.

105. И об этом солидном здании конца прошлого века с его главной достопримечательностью - керамическим пояском украинского орнамента,

106. и о здании братства, где в керамических медальонах видны древние гербы и инструменты ремесленных цехов и купеческих гильдий.

107. А сверху смотрели дозором за возлюбленными торговцами и покровительствовали им в делах тяжких прекрасные боги.

108. Расскажут и о еврейском народном доме, а ныне - не шутите - Доме работников легкой и пищевой промышленности.

109-110. Мы не видели синагоги, и потому с удовольствием зафиксировали еврейский дом, и этих четырех атлетов - тружеников и страдальцев, творцов и героев. Странное творилось в душе, в голове теснились неясные прозрения, а сердце наполнилось благодарностью к людям, создавшим и сохранившим Черновицы.

Сценарий диафильма «Львов»

1. Далеко-далеко на западе Киевской Руси, посреди украинских пологих полей, над пересохшей речкой Полтвой стоит невысокая песчаная Замковая гора, а под ней

2. раскинулся старинный город Львов, основанный здесь русским князем и королем Даниилом Романовичем в честь сына Льва.

3-5, 6. Многолюдно на смотровой площадке Высокого замка. Есть куда и на что посмотреть. Шутки, смех, вопросы. Раскрытые глаза малышей. И вдруг в уши проникает тонкий голосок: "Мама, мама, а откуда наши шли? Откуда они начали

поляков выгонять?" Поляков?... Никто не поправляет мальчишку,

7. а у меня неприятно сжимается сердце. А ведь и, правда, выгоняли, выгнали - репатриировали подавляющее большинство поляков-львовян, в том числе и Станислава Лема. Живет он сейчас в горах Закопане и пишет воспоминания.

8. "Тем, чем для христианина являлся рай, для нас, гимназистов, был Высокий замок. Туда ходили, когда из-за отсутствия учителя пропадал урок - одна из самых приятных неожиданностей, которыми изредка баловала нас судьба. В Высокий замок мы отправлялись открыто, шумно, в сладостном ореоле легального бездельничанья, упиваясь избытком неожиданно свалившейся на нас свободы.

9. Обычно мы шли вверх по Театынской улице, а в нескольких десятках шагов за домами... там, где кончаются трамвайные рельсы, склон холма улетал вниз,

10. открывая вид на огромную панораму Львова. Далеко внизу чернеет переплетение путей железнодорожной станции Подзамче с маленькими паровозиками, а еще дальше - до самого зеленого горизонта голубоватой дымкой дышало воздушное пространство.

11. За 8 гимназических лет я бывал в замке несчетное количество раз, но, кроме теней огромных каштанов, да низких живых изгородей, за которыми голубела панорама города, не помню ничего, потому что это собственно было даже не место,

12. а какое-то идеальное состояние, сравнимое разве что с первым днем каникул. Только Высокий замок открывался нам всего на 1 час, поэтому каждой минутой надлежало насытиться, испить ее до конца, заполнить откровенным бездельем,

13. мы утопаем в нем, позволяя ему нести себя словно темной реке под облачным небом. Это была скорее нирвана - никаких искуплений, желаний - блаженство, существующее само по себе".

14. Мы в историческом музее. Через окно еще раз любимся центральной площадью старого Львова. Редко у какого из средневековых европейских городов так хорошо сохранилась площадь старого рынка с Ратушей в центре. Если пройти по площади, а потом дальше, по Русской улице мимо колокольни Успенской церкви, то можно увидеть
15. остатки крепостных сооружений Львова,
16. огромную Пороховую башню. В 1340 г. Львов был занят королем Казимиром. Став польско-немецким городом, он был заново выстроен уже в камне. Русские князья никогда не строили рынков в центре и не защищали их толстыми стенами. Под защитой же этих башен торговый и ремесленный Львов мог надежно процветать, не опасаясь ни татарских набегов, ни турков, ни Богдана Хмельницкого.
17. Сейчас старая башня лишь оболочка клуба архитекторов, вход в который охраняет пара разнежившихся старых львов.
18. Львов в те первые времена был еще более многонациональным городом, еще большим Вавилоном, чем сейчас: поляки, немцы, украинцы, турки, румыны и прочая и прочая.
19. Здесь сходились пути деловых и торговых путей. Здесь им было вольно жить и творить добро и богатство. Здесь не было дискриминации по крови или вере. И, наверно, только острота купеческого ума, ловкость искусных рук или художественный талант выводили человека в первые ряды граждан города. Поэтому Львов и стал таким.
20. Здесь охотно селились и работали гонимые из других стран. На кадре - купол еврейской больницы - одного из самых красивых зданий города.
21. Конечно, - это лишь малый пример таланта и труда многочисленных львовских евреев (четверти жителей города).
22. Нашли приют во Львове и восточные братья евреев - армяне. В то время, как их родина горела в мусульманских погромах и резне, здесь, во Львове, как и в других европейских городах, закладывалась основа западного

23. католического армянства. Армяно-католический кафедральный собор расположен в тишине деревьев неподалеку от старого рынка.
24. Как удивительно было нам встретить знакомые конусы куполов, точно тесанные серые камни, полукруглые окна, резьбу - армянское древнее зодчество - здесь, на далеком-далеком от Кавказа западе.
25. Как здорово было прикоснуться вновь к аркам галереи - типичной армянской академии. Как радостно было сознание неистребимости великой культуры небольшого, но трудолюбивого и торгового народа.
26. Терпим был Львов, многим давал приют и защиту - для многих оказался сперва приемной, а потом и настоящей родиной! Но, несомненно, всегда, вплоть до недавнего времени, основу город имел католическую, польскую, был частью Речи Посполитой. Чтобы в этом убедиться, достаточно поднять глаза.
27. Доминиканский костел - великолепная громада, величие которого пытаются принизить, поместив здесь музей атеизма. Но наш добровольный гид привел нас именно к нему, как к своему любимому и, требовательно ища в наших глазах восхищение, заставил прочесть надпись. Затем, удовлетворенный, отправился по своим делам.
- 28-29. Мы видели такие соборы в итальянских книжках. И не чаяли увидеть наяву.
30. Какую же радость глазу доставляют эти непростые украшения
31. и ритм скульптурных форм после православных храмов, начисто лишенных скульптур.
32. Изящная светская женщина с мукой страдания на лице - Мария,
33. у костёла святого Антония.
34. Костел иезуитов, кажется, нарочито сдержан, ибо принадлежит ордену, который в XVII веке возложил на себя нелегкие функции воспитания детей.

35. Мы вспоминаем, вернее, пытаемся мобилизовать в памяти свои скудные сведения о качестве и чертах католического воспитания. И, конечно же, вспоминаем детство маленького Стасика Лема, гулявшего когда-то в этих местах с папой.

36. "Жили мы на Браеровской улице, а на прогулку обычно ходили в

37. Иезуитский сад.

38. Иезуитский сад был не очень велик, но все равно однажды я в нем заблудился. Однако это случилось так давно, и я был такой маленький, что, собственно, это даже не воспоминание, мне просто об этом рассказывали. В кустах, кажется, орешника, стояла огромная бочка с водой, спустя, вероятно, лет 30, я перенес ее в рассказ "Сад тьмы".

39. А потом я до умопомрачения влюбился в девочку, которая была старше меня года на четыре. На нее я глядел издали в Иезуитском саду, почти не двигаясь, словно загнипнотизированный.

40. Она обо мне, пожалуй, и не подозревала, я не обмолвился с ней ни словом. И, однако, линия ее профиля, подбородка, губ врезалась мне в память настолько основательно, что их след остался и по сей день.

41. Правду говоря, Иезуитский сад не был таким уж привлекательным. Другое дело Стрийский парк. Там было озеро в виде восьмерки,

42. а по правой стороне шла аллея, ведущая на край света. Может потому, что мы никогда туда не ходили, может, мне кто-нибудь так сказал. Но, пожалуй, я все-таки выдумал это сам и даже довольно долго был склонен в это верить...

43. Летним днем мы прогуливались с отцом по Маршалковской перед университетом Яна Казимира, где, задрвав голову, я мог рассматривать огромные полунагие каменные фигуры в странных позах и каменных шляпах. Постоянное задираание головы было мучительным, поэтому в основном я рассматривал шествующего рядом отца, примерно на уровне колена - немного выше.

44. Домой из сада возвращались или напрямик, или через площадь Смолки, посреди которой возвышалась его каменная персона, потом надо было идти по неинтересной улице Подлевского, а потом
45. по маленьким улочкам Шопена и Монюшко, где сильный запах кофе свидетельствовал о том, что вот-вот покажется наш дом".
46. Главой многочисленных храмов города всегда была Катедрa. А сейчас - это единственный действующий католический храм, последний оплот поляков-католиков, их духовное прибежище и крепость.
47. Огромное готическое здание с высокой колокольней
48. барочного завершения доминирует над старым рынком.
49. По готическому обычаю стены самой катедры сурово чисты, зато часовня -
50. у этих стен прямо усыпана резьбой из черно-серого камня, недаром ведь строилась она на пожертвования
51. богатых граждан города.
- 52-53, 54. Барельефы Катедры для всех давно уже стали лишь историей искусства.
55. Но для прихожан-католиков эти изображения еще живы, полны внутреннего света, одухотворены. И почему-то для нас, глазающих на эту старушку в качестве бесплатного приложения к памятнику, стало очень важно и очень нужно, чтобы старушка жила и дальше, чтобы эти камни оставались бессмертными.
56. Высочайшей художественной ценностью Катедры является часовня Боимов. Мы убеждены, что когда-нибудь эту безобразную новейшую пристройку, прилипшую к ее стенам, как медуза, обязательно снесут. Ведь надо же - просто уничтожить уже власти не хватило, а вот так унижить и обезобразить - рука поднялась.
57. Невольно кощунствуешь, углубляясь в подобные мысли, кажется, что даже боимский Христос об этом и печалится, и хочется невольно его утешить: ничего, все еще образуется.

58. Звучат гидовские голоса на польском, русском, украинском языках: Боимы... Боимы... Боимы...
59. 500 лет прошло. Давно умерли купцы Боимы. А мир вместе с гидами твердит Боимы, Боимы, Боимы, Боимы.
60. Очень долго мы кружили и вновь возвращались на Старый Рынок. Каждый из домов этого тесного квадрата - история и искусство,
61. каждый из них полон какого-то средневекового очарования южно-итальянской красоты. Каждый достоин бесконечных рассказов и показов.
62. Дом № 3. Утонченные галантные барочные атланты, красивая форма окон, легкий нарядный балкон.
63. Дом № 4 - черная каменица в ренессансном стиле. Очень интересно рассматривать барельефы: это богоматерь, Георгий и хозяйка дома. Они подтверждают подлинную старинность дома.
64. Дом № 6. Целый дворец, увенчанный широким аттиком со скульптурами усатых рыцарей и дельфинов. Все это так необычно для нас, что глаза все время норовят взглянуть вверх и не устают удивляться.
65. Еще один дом в этом ряду, и мы попадаем в филиал исторического музея Львова,
66. в котором самое интересное, наверное, заключено в этом светлом внутреннем дворе - детище итальянского юга. В путеводителях он так и значится "Итальянский дворик".
67. Вообще, каждая даже небольшая деталь в оформлении домов этой площади и прилегающих к ней улиц - удивительная по выразительности.
- 68-69. Особенно мы любили замечать Львовских львов, которых там великое множество, самых разных и интересных.
70. От Венецианских львов святого Марка до
71. официальных львов Ратуши.
72. Площадь Рынка в городе не единственная. Она лишь самая старая, и потому интересная для туристов.

73. Однако, другие кварталы и площади польского Парижа тоже полны своей историей и своих воспоминаний, тоже для кого-то бесценны.

74. "...Улицы, площади, костелы мне знакомы, близки, я чувствовал их как бы своими, но это ощущение можно, пожалуй, сравнить с ощущением доменной печи, для которой закоулки и щели квартиры более близки и "свойски", нежели для законных владельцев жилища.

75. Из дома до гимназии я, пожалуй, мог бы пройти с закрытыми глазами даже сегодня; эта дорога настолько мне запомнилась своими повторениями, что стала чем-то вроде мелодии. И опять-таки невольно напрашивается сравнение с мышью, которая, отлично ориентируясь в окружении, наверняка, не способна к его эстетической оценке -

76. так же, как не был способен я, будучи львовским гимназистом. Несомненно, я проходил мимо памятников архитектуры армянского собора, старых домов Рынка со знаменитой черной каменицей во главе, но я ничего не могу о них сказать.

77. Дальше дорога пересекала Рынок. Шла мимо огромного сундука магистрата с башней Ратуши, мимо каменных львов,

78. присевших на корточки у ворот Ратуши,

79. мимо колодца с Нептуном, через узкую Русскую улицу

80. на Подвалье, где стоял трехэтажный дом гимназии, окруженный деревьями. Я поистине был мышью, а общество делало все, чтобы с помощью педагогики превратить меня в человека".

81. Вообще-то Львов в большей части своей исторической застройки - барочный город.

82. По-барочному изящен, пышен, вычурно выгнут, роскошен, изыскан, утончен, прекрасен - и всем обликом и скульптурой, и деталями отделки.

83. В этих бывших особняках и дворцах магнатов и вельмож сейчас располагаются музеи и институты.

84. Но, наверное. Самым красивым зданием прошлого века является Львовский Большой театр, который маленькому Лему казался "прямо-таки баснословно роскошным".

85-86. Столь же роскошным нам показалось убранство собора св. Юра, или Георгия по-русски -

87. главный Униатский раньше, а ныне православный собор Львова, бывший кафедрал Униатского митрополита, собор стоит на одной из неожиданных львовских горок, и ведет к нему лишь одна улица - как в крепости. Да это и была раньше духовная крепость - твердыня особой национальной веры западноукраинцев.

88. Их было немного во Львове - одна шестая часть города, но зато много в окрестных деревнях. Со времен Владимира Киевского они твердо держались византийского православия, и лишь оказавшись в едином государстве с поляками и австрийцами, пошли на унию с католиками. Так униатство стало особой национальной религией русинов, так они духовно соединили Восток и Запад.

89. Но сейчас этому объявлен конец. Западноукраинцы-русины официально провозглашены православными, униатство запрещено и преследуется. И большинство прихожан смирилось с

этим, и считает, что ничего не изменилось.

90. Свадебная процессия спускается после венчания. Сейчас он пройдут через церковный двор, потом через улицу, войдут в ЗАГС и ... поедут "быть счастливыми". Для них, наверно тоже вопрос "униатство или православие" не стоит остро, лишь бы старые традиции были соблюдены, лишь бы родители были довольны, лишь бы вместе с ними были счастливы.

91. Ну, что особенного, если унию отменили, если древняя православная церковь св.Николая, долго бывшая униатской и водившая дружбу с католиками, ныне вновь стала московски православной, и эту дружбу теперь... отвергает? Для русинов-украинцев, может, немного. А для поляков-католиков?

92. Этот мрачноватый собор католического вида на Русской улице строился православным братством на деньги русских пожертвователей. На деле он строился как знамя украинцев-москвофилов, проповедовавших подчинение Российской империи.

93. Забавно видеть эту крепкую кладку черно-серых камней - приемы западного строительства, в стенах русского духовного форпоста. От форм православия здесь лишь трехглавие.

94. Польские города и украинские села враждовали и поддерживали врагов друг друга. И когда поляки боролись за независимость с Россией или Австрией, то украинские круги проявляли полную лояльность не только к русской, но и к австрийской императорской короне. Сама же корона боялась и поляков, и украинцев, и потому лишь умеренно поддерживал и тех, и других. После 17 года здесь взяли верх поляки, после 39 г. - украинцы и русские.

95. Торжествующая украинская деревня заполонила Львов своим говором, а сейчас и сама поселилась музеем деревянного зодчества.

96. В близком родстве эта украинская толстуха с тем

97. трехглавым собором на Русской улице. Видно только этих двух родственников и разрешено любить будущим архитекторам - деревня торжествует.

98. Закрыты польские костелы. Открыты православные церкви.

99. Их много, действующих и здравствующих. На удивленье много и больших, и малых.

100. Рассеиваются между ними прихожане и тоненькими струйками. И потому слабой, умирающей кажется в этих храмах вера, что угнетает заезжего туриста.

101. 20-40 годы - период модернистского Львова. Однако он не теряет своего

102. польского лица,

103. свято сберегая рыцарский облик

104. и львиное сердце.

105. В этом Львове и прошло детство Станислава Лема. В его книгах полно картин того времени: шарманщик, человек-муха, неоновые рекламы, Роцлавская панорама победы Костюшко над русскими (сейчас ее тоже репатриировали в Польшу), чудеса парков, улиц, кондитерских.

106. "А что вообще связывало ребенка, ходящего всегда по одним и тем же улицам, с их тротуарами и стенами. Может быть, дело тут в красоте? Я ее не замечал, не думал, что город может быть другим, т.е. не закованным в каменную броню мостовых, не холмистым,

107. не подозревал, что перспективы улиц могли бы и не взлетать вверх, трамваи - не спускаться вниз или взбираться в гору.

108. Я не замечал прелести костела Эльжбетты, восточной экзотики армянского кафедрального собора, а если я и поднимал голову, то только для того, чтобы посмотреть, как крутится на трубе жестяной петушок".

109. В конце 30-х годов гимназист Лем впервые проходит военную подготовку. Со львовского вокзала они уезжали в полевые лагеря готовиться защищать Родину. Горечью веет с его страниц, посвященных бездарной муштре в довоенной Польше, горечью человека, потерявшего родной город.

110. "Это было после смерти Пилсудского, вечером. Мы долго маршировали и все время в положении "смирно", так что руки замлели от тяжелой винтовки, прижатой к самому поясу; мы шли центральными улицами через Марцианскую площадь, где неподалеку от памятника Мицкевичу, тогда в темноте не видного,

111. стоял одинокий небольшой постамент с каменным бюстом, перевязанным только черной лентой, освещенный откуда-то сверху прожекторами, а мы под траурный грохот барабанов шли, изо всех сил колотя по брусчатке ногами. Был 35 год".

112. Когда приезжий выходит на Привокзальную площадь, ему в глаза бросается типично немецкий костел, выстроенный в неоготическом стиле.

113. Но строили его не фашисты - виновники поражения Польши и страданий Львова. Его поставил последний наследник австрийского императора.

114. И, тем не менее, нам рассказали, что его собираются снести. Его необходимо снести, как не имеющего ценности. А может, наоборот, как имеющего отрицательную ценность памяти о власти Запада на них землях?

115-116, 117. Как? Снести эту красоту ради быстреего забывания истории,

118. ради стирания памяти, которая все равно крепко вписана в этот город, что стереть ее можно, лишь уничтожив весь старый Львов.

119. Снова, как в Калининграде, мы столкнулись с тупой и жестокой силой, не ведающей, что она творит.

120. Несколько часов мы провели на Львовском кладбище. Бродили между новых памятников и старых, еще католических гробниц. Десятки поколений лежат здесь, зов для ныне живущих и их неизбывная боль и не забывающая память.

121. "Когда я был маленький, никто не умирал. Правда, я слышал о таких случаях, впрочем, как о падениях метеоритов. Каждый знает, что они падают, это случается, но какое это имеет к нам отношение?"

122. Однажды в ночь между двумя дождливыми днями в Закопане мне снился отец. Не такой нечеткий, туманный, неопределенного возраста, каким я его могу представить наяву, а в конкретном времени, живой. Я видел его серые, еще неутомленные глаза, короткие усы, небольшую бородку. Постоянно натираемые щеткой руки врача...

123. Где-то там есть Старый парк, и отец, прогуливающийся по аллейке зеленых деревьев, засунувший руки в карманы, и я, едва передвигающий ногами... стук копыт, неожиданно

124. пригложший на деревянной брусчатке Маршалковской перед Университетом Яна Казимира, протяжный, бьющий в окно класса плакучий скрежет трамвая, сворачивающего в своем трудном восхождении к Высокому замку...

125. А ведь какие лавины обрушились на этот мир, как могли не стереть его в порошок, не уничтожить его последние следы? Для кого же они существуют, от кого их так бережет память, недоброжелательная только ночью, только в беспмятстве сна, тревожащая нас недосказанными ответами? Для чего же она, память?»

Алтай, 1972 г.

Осенью 1971 года нас по старой памяти пригласили ребята, собиравшиеся повторить алтайский поход. Согласие мы дали с радостью, тем более что я на Алтае не был, вдвоем же идти туда сложно (многие перевалы можно пройти только со снаряжением и в группе). А главное, мы уже соскучились по товарищам, по совместным походам. После одиночных путешествий в Фанах и по Северу, после сложностей уральского трио, снова потянуло в родной туристский коллектив. Радовало, что у нас будет много времени (почти месяц), чтобы вволю наговориться, разрешить все недоумения и может, наконец-то, придти к какому-то согласию или взаимопониманию, взаимодоверию. Хотелось вернуться в молодость.

От этого похода у нас остались дневник и диафильм. Каждый из них писался совершенно по-разному, без взаимопересечения. Лиля писала дневник в самом походе, комментировал его я в поезде Барнаул-Москва. Диафильм же получился позже, в Москве, временной порядок похода при этом стал не нужен, впечатления обобщились, а кадры разбились по особым темам. Поэтому я буду приводить их отдельно, начиная с дневника.

Алтайский дневник

Август 1972 года мы провели в высокогорном Алтае среди умопомрачительной или, как говорят, чемпионской красоты природы – белоснежных вершин, рассыпных водопадов, могучих кадров, голубых озер... Но в отличие от прежних лет, мы были здесь не одиночки, а рядовые члены «дикой» туристской группы. Это было наше общество со всеми преимуществами и недостатками, правами и обязанностями. Почти все заботы о билетах, снаряжении, продовольствии, картах, выборе пути взял на себя Толя. Нам оставалось лишь

«советовать» ему и подчиняться ради своего же блага. Романтики самостоятельности и единоборства с природой как ни бывало. Она перешла целиком к Толе, как к «руководителю группы туристов» (эту формулу он применил в телеграмме, заказывая из Москвы билеты на автобус по Чуйскому тракту). Зато радость созерцания алтайских красот мы могли совмещать с комфортом беззаботности и безопасности, к которому так привыкли в нашем обществе (милиция бережет, право на труд охраняет покой, телевизор развлекает)...

Мы не оторвались на этот раз от города. Наша группа тоже была обществом, в котором трудности общения каждого с природой были во много раз слабее трудностей и опасностей отношений между нами.

Нас было пятеро. Четверо связаны старым, еще студенческим знакомством. В год окончания МВТУ, в далеком 1962-м, Толя собирал нас в поход на Алтай (правда, мне не удалось тогда вырваться с работы). Где-то около Белухи они обещали себе в шутку вернуться сюда через 10 лет и досмотреть Алтай. Прошло 10 лет, и Толя выполняет обещание.

Многое изменилось за эти годы. Два Володи теперь и слышать не желают о повторении горных тягот, Слава погиб на Ушбе, Лиля в тот же год бросила альпинизм и перешла вместе со мной на городской, по преимуществу, туризм, и, наоборот, Галя – тихая, кроткая Галя, всегда смертельно боявшаяся скал и высоких гор, за эти годы упрямо лезла в горы и только в горы, побывав в Туве, на Саянах, в Фанах и Гиссаре, Кодаре и Алтае, Кавказе и Крыму. Из всех нас она одна взошла на Эльбрус и стала мастером спорта по ориентированию. Только Толя за эти годы не изменился: все те же трудные ежегодные походы в горы Памира, Тянь-Шаня, Саян... И снова поход на Алтай – теперь уже юбилейный. Из прежних шестерых участников собрались трое: Толя, Галя, Лиля – со мной и новым, прежде

незнакомым нам Володей (ему еще предстоит догнать нас в Новосибирске).

Мы стоим на московском перроне у скорого поезда «Сибиряк» и разговариваем с провожающими. Я не привык к этому: ведь нас с Лилей никто не провожает, и путевое одиночество наступает уже в Москве, при первых сборах. Сейчас же нас окружает необычайное оживление: Галю провожают отец, мама и еще какие-то родственники. С Толей тоже четверо, но уже наших общих друзей. Для них Толя – тоже «туристский руководитель», а эти проводы – как проводы собственных надежд и не исполнившихся желаний...

Наконец, поезд тронулся, и мы на двое суток у ourselves друг против друга. Поход начался, а вместе с ним начался и очередной Лилин дневник.

28-31 июля. В этом поезде я мало (не все время) спала и это так необычно! Но зато, как всегда, совсем не скучно. Интересно, за сколько суток мне может надоесть дорога? – Ведь получаешь удовольствие от каждой минуты, проведенной в поезде. И никаких забот о будущем. Хотя впереди трудный поход и могут быть всякие осложнения. Но поскольку есть Толя, который берет на себя организационные трудности, кажется, что всяких треволений можно избежать. Ну, а дорога? Что-нибудь запоминающееся? – Все кажется так прозаично, может оттого, что очень покойно на душе, которую сейчас трудно чем-то расшевелить. Через час – Новосибирск... Я читаю эти строки уже на обратном пути, в поезде на Москву. Поход окончен и через день мы будем уже дома. А за окном все также стелятся плоскости западносибирской лесостепи. Тусклое и холодное небо. Очень холодно, хоть и пишут, что в Москве очень жарко. Все осталось без изменения, как и месяц назад. И все тот же за оконный видовой фильм разворачивается в обратной последовательности: сначала холод Зауралья, потом чистые и умытые уральские пейзажи под перистыми облаками, потом жаркое Поволжье и, наконец, полупромышленное, развороченное перманентными стройками Подмоскovie,

неприглядный вид которого на этот раз отягощен черными палами и стелющимся дымом горящих торфяников... И думалось, что этот неприглядный вид как раз и получился оттого, что «мы делаем ракеты». Месяц назад я сошелся с собою на таком рассуждении: «Наверное, техническая цивилизация украшает, а не обезобразивает землю, только если она растет естественно, сама по себе, т.е. по воле самих местных жителей, а не по принуждению сверху, без всеобщих и разрушительных реконструкций, способных скорее сломать существующую на земле жизнь, чем улучшить ее».

Почти с умилением я смотрел на редкие дома и дачи, сделанные если не красиво, то аккуратно: покрашенные заборы, подметенные дворы. Но до чего же их мало! До чего же много временного, брошенного, ржавого, развороченного и залатанного кое-как, наспех, нищенского, почти романтического... Наверное, именно постепенность развития западноевропейских стран плюс большой авторитет и власть местных муниципалитетов над промышленниками обеспечили знаменитую заграничную ухоженность и порядок в противоположность нашим революционным замахам и штурмам. Впрочем, сибирские и уральские пейзажи кажутся более чистыми – просто от того, что реконструкция на этих просторах протекает более медленно и незаметно, а в пригородах сибирских городов – все тот же «неприглядный вид».

Большую часть поездного времени провожу у окна, в бесцельном созерцании бесконечных разворотов этого роскошного кино. Никогда не понимал людей, считающих поездное время – чистой тратой. Можно понять эти слова в устах американского бизнесмена, для которого время – деньги, но советским отпускникам, время которых – все что угодно, только не деньги, им-то зачем избегать поездное кино, менять его на самолет за свои собственные деньги?

Из всей дороги самое замечательное – это получение автобусных билетов в Горно-Алтайске. Толя из Москвы

послал телеграмму с просьбой забронировать билеты на Чуйский тракт на утро 1 августа. Никто не верил в возможность такого, но, как в сказке – Толе выдали билеты!!! В Горно-Алтайске купались в мутной Майне и гуляли по городу-столице автономной области. Столица зажата в узком ущелье и имеет только две продольные большие улицы. Неряшливый город. Симпатичны в нем только центральный сквер, да девочки-алтаечки, но далеко не все...

Ночевали мы за речкой, напротив городка, самой бедной из всех виденных мною до сих пор столиц, у которой не хватает денег ни на то, чтобы отделать под жилье многочисленные каменные коробки (типичнейшая незавершенка), ни на то, чтобы заасфальтировать городские улицы.

В первый раз поставили палатку, выпили первый чай, а потом, уже в мешках, завели первый ночной разговор. О чем? – об автомобильной цивилизации. Первый тезис выдвинул Володя – он ненавидит автомобильного «частника», сожалеет, что автомобильного «джинна выпустили из бутылки», печалится о погибающей природе. Поехал он недавно по старой памяти на Истринское водохранилище: так весь берег автостоянками усыпан. Расположиться негде. Природу поганят. Хунвейбинов на них надо. Оставить одни автобусы... Даже известный коллективист Толя на это смог только предположить: «Такое впечатление, что тебе денег не хватило на машину!»

Что-то мямлил и я – о неизбежности автомобилизации (поспешаем за Америкой), что радость быстрого и самостоятельного передвижения становится насущной потребностью, как телевизор и хлеб; о необходимости сохранять природу не запретами, а путем развития автомобильного сервиса – моечных станций, дорог, стоянок и пр. и пр., т.е. в духе активного консерватизма. Слушали меня, слушали, и быстро заснули.

1 августа. С 7 часов утра и до 5-ти вечера нес нас автобус по Чуйскому тракту с перерывами на завтрак и обед. Хорошо вез

нас водитель, без ненужных остановок, доводя скорость на относительно ровных участках шоссе до 70 км и выше.

Обедали мы в Ине, откуда 10 лет назад ребята вышли в первый поход вверх по Катунь, чтобы потом по притоку Аккему подняться к самой Белухе. «Было так же жарко, - уверяют все трое, - а вот тот самый мост, по которому мы перешли Катунь... А вот там за поворотом, Володя устал и задыхал так тяжело и страшно... А там...» Сейчас у нас маршрут иной – автобус свернул вдоль Чуи к Кибиту – исходному пункту большинства маршрутов по Северо-Чуйским белкам.

Чуя здесь бешеная, глубокая, но мы с Витей все же нашли спокойную заводь и побарахтались в белесой, довольно холодной воде. Очень освежающее купание.

В этот вечер всем захотелось немного пронести рюкзаки. Как будто впереди не будет 22-х походных дней. Правда, надо было поискать чистой воды... Шли почти до полной темноты, а чистой воды так и не нашли... Перед сном мне не елось (от усталости), а потом не спалось (от нервов). Всю ночь боялась неожиданных гостей, разумеется, не алтайцев, а неких беглых... и все время с ними воевала. Чушь какая-то, очень надеюсь, что это больше не повторится. Страх усугублялся незакрытым входом палатки. А в общем это все от страха перед смертью, который начался, когда родился Артемка, и год от года все накапливается. В этот день я много боялась: и автомобильных серпантинов над Катунью, и перевала, а вечером – клещей с деревьев, что уж совсем глупо.

Еще несколько ночей мы плохо спали: сначала от избытка впечатлений, потом – от усталости. Начальный вес рюкзака – свыше 30 кг, и его в первые дни надо было постоянно тащить вверх, поднимаясь из чуйского ущелья в высокогорье. Иногда казалось, что мы переоценили свои силы и зря сюда приехали. Но успокаивало то, что от ребят мы не отставали, вслух особенно не жаловались, свои доли несли исправно, обязанности выполняли как следует – так какие к нам могут быть претензии? Главное правило: не нарушить

«общественного мира», а личные тяготы можно перетерпеть. Для того ведь и шли, «чтобы устать и похудеть».

2 августа. Первый полный походный день. Недолгие утренние сборы, и в половине девятого стоим на тропе - хорошей тропе от плановых туристов. Идем медленно, через полчаса перерыв на 15-20 минут. Никогда раньше так не ходили, но ведь никогда раньше и не было нам по 33 года. Последние перед обедом три ходовых полчаса были тяжелыми. А последний переход перед остановкой на ночлег – совсем невмоготу. Тяжело мне в горах всегда было, а сейчас, растолстевшей, и вовсе. Но как не хочется сдаваться болезням, которые, видно, уже не за горами (в последние недели перед отъездом часто болело сердце, даже бегать по утрам не могла). Такое ощущение, что рискнув поехать сюда, я все же вырвала еще один кус радости у будущих болезней. Может, напротив, ускорю их от перегрузок, но, наверное, жалеть не буду. Это ведь так здорово: ходить по горам с сильными ребятами, не отставая и не прося отдыха.

Сейчас вечер, ребята ушли смотреть дорогу. А мне не хочется двигаться, сижу у костра, и аппетита толком нет, и слабость. Ну, да скоро все восстановится. Тем более что завтра будет много меньше подъемов. Тем более что рядом всегда есть помощь Вити, внимательного, с устойчивой психикой, без комплексов. Он даже сегодня не обиделся, когда я с укором рассказывала, что он никогда дома не варит, и еще насчет плохого отца... Опять я говорю ненужное. Ведь правда, мои упреки лишь отчасти справедливы. Господи, удержи мой язык, который так часто меня не слушается.

Все пока хорошо. С ребятами очень доброжелательные отношения, много смеха, и сейчас, и на привалах. Толя весел и даже песни поет...

День был тяжелым, может, самым тяжелым. Вдобавок действовала стойкая жара, которая бывает только в горных ущельях – ни ветерка. Солнце немилосердно, лиственничный лес не спасает, пот льет непрерывно и очередное Толино

предложение о привале воспринимается с большой радостью. А после перерыва только первые 5 минут идешь хорошо, потом впрягаешься в рюкзак, потом он тебя сковывает, вернее даже, зарезает лямками в плечах так, что больно пошевелиться, и остается только тянуть. Дыхание постепенно учащается (это уже не нормально), а на подъемах кровь начинает давить в голове (это плохо). Но как раз тут наступает новый «передых», и ты сноваходишь в норму.

Сил на разглядывание окружи и фотосъемки почти не остается: глаза упираются в тропу вплотную за впереди идущим. Все мы на тропе держимся очень кучно. Галя задает темп, Лилина сверхзадача – от нее не отставать, потом я, Володя, Толя. Чувствуется, что всем одинаково тяжело – значит, веса распределены правильно, по силам каждого (я уже не удивляюсь, что и здесь действует извечный принцип человеческого общения – от каждого по его способностям)

Между прочим, в тот же день у меня был с Толей очередной спор о туристском варианте коммунизма, как ни странно, скорее практического плана. Еще раньше я убеждался, что в начале похода от усталости ешь мало и начальный вес рюкзаков снижается слишком медленно, чтобы эта усталость исчезла. Поэтому я предлагал сейчас ввести свободное, не нормированное потребление основных продуктов, т.е. ввести принцип изобильного коммунизма – «каждому по потребностям», а в конце похода, когда рюкзаки полегчают, мы освободимся от усталости и отсутствия аппетита, а продукты будут уже явно не в избытке, - вот тогда-то и ввести строгое нормирование.

Однако мои разглагольствования не были приняты даже в шутку. Толя, который все рассчитывал заранее, не мог отказаться от обязательного нормирования, не хотел понять прелести хотя бы временного «коммунизма» и его преимуществ (ведь вначале мы ели свои нормы через силу, не экономя) и даже обижался. Правда, через день пошел-таки на компромисс и обвил «коммунизм», но только на сухари, а на

остальные продукты – лишь послабления – вплоть до генеральной ревизии в середине маршрута. Я был доволен... Кстати, сухари мы доели лишь на вокзале, а нормированный и не потребленный сахар (Лиле каждый день приходилось откладывать себе в «загашиник» остатки сахарного пайка) мы довели чуть ли не до Москвы.

С другой «отрыжкой казарменного коммунизма» - необходимостью ежедневных дежурств на кухне, мне посчастливилось еще больше. Правда, мысль о том, что в такой маленькой группе, как наша, где все внимательны друг к другу и к общему благу, вполне можно делать сообща все дела без особых дневальных и регламента – сама эта мысль казалась ребятам странной и неожиданной. Однако все спасла Толина традиция и привычка – все делать вместе. Все кроме мытья посуды и утреннего разжигания костра. Только это вменялось в обязанность дежурного, т.е. мелочь... Желанный мною коммунизм был утвержден.

3 августа. Опять солнечный день. Легко начался, плоскогорной дорогой перегона скота. Немного поднялись, а потом – спуск по широкой долине. Все шире и ближе раскрывается панорама снежных гор, сильнее загораются глаза. Привороженные ребята решают идти к ним напрямик через моховое плато, ведь так заманчиво срезать крюк дороги. Но не учли ерник – колючие кусты карликовой березы, которые цепляются, рвут ноги. Идти противно и тяжело. Мы с Галей ворчали, Толя на нас сердился. Но вот несколько крутых спусков и мы встаем на обед у речки Маашей, прямо на тропе, по которой надо идти до озера, а завтра – под перевал. Все правильно.

Этот спуск к реке был мне, в кедах, нетяжелым, но Витя со своим неуправляемым рюкзаком помучился. Вот сейчас вечер, мы на озере, и он лежит очень усталый. Завтра заберу у него хотя бы свои ботинки, скажу, что хочу одеть.

Мы остановились на озере, что образовалось от пересекающей долину каменной морены. Озеро длинное, довольно широкое, ужасно холодное, с мутной водой... Я все еще плохо ем, но

много пью. Очень вкусный чай с ягодой – жимолостью и вороникой.

Чуть ниже нас расположились у озера студенты из Томска. У них цель – восхождения и перевалы. Молодые, сильные, двое мальчишек и четыре девчонки смеются и разговаривают так радостно, почти по-детски. Рядом с ними мы невольно чувствуем себя постаревшими, солидными. И как легко они смотрят на снежные перевалы и ледовые ночевки, на подъем с тяжелыми рюкзаками-снаряжением. Ведущего парня зовут Пинькой. Может, отсюда и название их группы – отряд «Пинелопы». Второго кличут Васькой. Беспечный девичий хохот: «Васька, сбегай туда, Васька...» (Мы так привыкли к этому имени, что про себя обоих мальчиков звали Васьками и, встречая их в следующие дни, шутили: «Ни дня без Васи» - как будто льнули к ним по-стариковски).

Хороший был вечер. Красивый вид через озеро на белую вершину и ледник, длинным языком спускавшийся в долину. Я валялся на склоне, пока над вершиной не проявилась первая звезда и не стало совсем холодно. Некоторое время рядом сидел Толя. На редкость мирно беседовали, осторожно, на нейтральные темы (о геологических эпохах, о жизни этого ущелья...), внутри не забывая об утренней короткой, но бурной, как лавина, перепалке. Суть спора: можно ли стоять за демократию, югославский путь или даже НЭП, и в то же время – защищать советскую власть? Для Толи эти вещи несовместимы, а моя позиция представляется сплошным лицемерием. Или ты принимаешь целиком и власть, и ее идеологию, или ты против власти. Лояльность оппозиции для него столь же непредставима, как для меня – кривизна пространства (и думаю, не только для него). Когда же я пытался пояснить свою мысль ссылкой на различия между «Движением в защиту прав» и теми мальчиками, которые пытаются время от времени писать листовки с призывами забастовок и нелегальной борьбы (ходят слухи), и второпях развивал мысль об антагонизме этих видов оппозиции в будущем, когда только либералы смогут снять опасности

молодого экстремизма... - Толя просто замолчал. Возможно, чтобы освоить новую мысль, а возможно, чтобы скорее ее забыть... А вот реакция Володи: «Что, что? В защиту прав? – Первый раз слышу».

К спорам с Толей я всегда относился очень болезненно. Собственный опыт подсказывал, что человек, упорный в отстаивании своих, пусть даже анахроничных убеждений – не просто упрямец, а выражает какую-то существенную часть сегодняшнего мира и уж во всяком случае заслуживает уважения: упрямыцы всегда делают погоду. В нашей компании Толя наиболее твердо отстаивает официоз, являясь естественным моим антиподом. Вся наша действительность представляется ему слитной и неделимой: вынь кусок – упадет и разобьется целое. А в этом целом содержатся такие абсолютные ценности, как революция, социализм, коммунизм... Такая же мысль, что наилучший (оптимальный) путь к свободному и изобильному коммунизму может показать только демократическое общество со свободной экономикой американского типа – для него «странна и чудовищна». А ведь, кажется, так просто и логично можно объяснить суть нашей реальности, вокруг которой накручено столько красивых и лживых слов.

Наш спор идет давно и мне доставляет удовольствие подчеркивать, что на деле я ближе, чем Толя, к реальному, живому коммунизму. Хотя, конечно, в этом больше дружеской подначки. Мы, особенно Толя, чувствуем опасность чересчур острых споров и потому глушим их, сводим порой к шутке, не всегда, правда, успешно. Так, недавно, на майской встрече Толя в разговоре бросил фразу: «И откуда в тебе такая злоба на нашу жизнь?». Помню, как сильно она меня задела и огорчила. Не только от того, что это неправда, а от того, что вот так тебя может видеть близкий человек – «злым врагом нашей жизни» (а что говорить уже о менее знакомых!). И нет сил изменить это представление.

Помню, после этого я даже договаривался с Толей о специальной встрече с выяснением отношений, но было решено, что в алтайском походе времени для этого будет больше. Правда, и это оказалось очередной шуткой. В поезде я от него услышал: «Ну что ты, ведь мы в отпуске, какие споры? – Живи спокойно, дорогой друг и товарищ!» Он прав: чрезмерные споры вредны в походе. Но независимо от этого решения отголоски наших недоумений вдруг вырываются и взбаламучивают тихую воду.

4 августа. День начался хорошо. Тропа шла вдоль озера, а выше, вдоль речки – к леднику. Погода заметно портилась, и к 12 часам пошел дождь. Галя же утверждала, что признаки хорошие: облака идут вверх по ущелью, значит, давление повышается. И так хотелось верить, но дождь-сеянец подрывал эту веру.

Нам надо было подойти к перевалу, как можно ближе, но так не хотелось ползти по мокрым камням морен с мокрыми кучками жалких дров в верхнюю сырость и мразь... И мы решили не выходить за границу леса, распалили жаркие кедровые пни. Очень уютная получилась стоянка с ручейками вокруг и костром. Как только поставили палатку и укрыли ее кусками полиэтилена, дождь стих, как будто понял, что дело его проиграно. Очень это нас развеселило, даже возникло желание сходить на ледник.

Как же приятно гулять налегке! Ледник здесь красивый, без фирна и трещин, чистый, как сахар. Полюбовавшись, мы спустились к палатке, сварили прекрасный морс из жимолости и, забравшись в палатку от нового дождя, с наслаждением выпили его горячим. Спали под шум дождя – хорошо.

Третий день, а мы уже вошли в туристский образ жизни, когда походная работа и природные условия подавляют, вернее, устраняют всякие желания размышлять и разговаривать о чем-либо ином, кроме самого насущного: укрыться от дождя, от холода, от солнца, высушить одежду, починить обувь, кожу рук и лица, вздохнуть после подъема, дать отдых ногам на привале, приготовить еду...

Забот хватает. И чем суровее погода, тем больше забот, тем скорее группа становится крепкой общиной одних интересов и единых желаний. Рождается братство туристской коммуны, когда у всех лишь одна цель и одна мысль – об общем пути, общей еде, общем дожде. Безлюдная кругом природа только усугубляет и подкрепляет это превращение. Грибы, ягоды, дичь – мы находимся на положении маленького племени обезьян, кочующего по собственной прихоти и обирающего попутно лесные плантации. Перестраивается наша психика – ведь здесь, в группе, ценятся совсем иные качества, чем в городе, совсем иные идеалы: смелая, выносливая женщина и решительный, добычливый «настоящий мужчина».

Правда, на этот раз мы идем без охоты. Единственный охотник в нашей среде (и, следовательно, единственный «настоящий мужчина») Толя после долгих колебаний оставил-таки ружье с припасами в Москве (из-за веса). Наверное, теперь он жалеет об этом. Во всяком случае, когда видна поднявшаяся утка или иная «подходящая птица», Толя не может утерпеть, вскидывает воображаемое ружье и кричит в упоении: «Бах-бах! – В ягдташ!»

5 августа. Утром мы не могли представить, какой тяжелый день нам предстоит, но вышли раньше 8 часов. Солнце светило весь день, камни высохли, и потому всю дорогу Галя призывала нас благодарить местного бога – гору Маашей-баши за хорошую погоду.

Утомительный путь шел все время по моренам. На лед вышли только в час дня, на сам перевал – в три. Последние 10 метров Толя рубил ступени в фирновом склоне и даже сбрасывал веревку Володе и Гале.

Что на перевале? – Традиционное мороженое из киселя и снега и шоколад. Солнце и виды. И страх перед спуском. Надо спускаться, но куда? – Под нами ледовые склоны с крутизной за 60°. Далеко внизу снежное поле, но до него лететь и лететь. Толя решает, что надо идти по границе этого льда и боковых скал. Идем. Трудно. Приходится выходить на сами скалы,

вернее, осыпь на крутом склоне. Главная трудность – в «живых», неустойчивых под рукой и ногой камнях. Не за что взяться, и временами почти отвес. Нужна веревка.

И тут-то во всем блеске раскрывается Толя-руководитель! – Он рубит ступени на фирновом участке, он навешивает веревку для спортивного спуска, он спускает нас по одному по веревке, а сам – спускается без нее! Он подбадривает, и вообще его уверенность, четкость действий изгоняют всякую панику: все будет хорошо.

После спуска по веревке шли дальше по выполаживающемуся участку к началу ледника. Начинался вечер и надо было спешить. Ледник протянулся не так уж далеко, но потом началась мучительная дорога через поперечные завалы морен. Нас доконали эти спуски-подъемы по крупным и средним осыпям. И только к 9 часам вечера (итого 13 часов ходьбы) увидели зеленый оазис с редкими деревьями и озерцо, голубой косыночкой лежащее в углу морены. Доковыляли до него на полусогнутых, сбросили рюкзаки и почувствовали, что проведя через чистилище поперечных морен, Толя привел-таки нас в рай!

На ровной зеленой площадке перед озером стоит очаг, припасены дрова, расставлены «кресла» из коряг и кругляшей. На самом удобном начертано: «Устал? – Отдохни». А Толя говорит, что так и должно быть. Мы хорошо поработали и заслужили такой отдых. Завтра отдыхаем до 12 часов дня, а потом спустимся на большое озеро Шавло. Безоблачное небо, безоблачно в душах. Засыпаем...

Здесь более всего меня задевало восприятие Толи-руководителя. Обожание и восхищение в каждой строке и каждом слове. И так было на протяжении всего похода. Понятно, что это характерно лишь для женской части группы. У Володи и у меня никакой паники или потребности опереться на сильную, «спасающую» руку, конечно, не было. Не было поэтому ни обожания, ни чрезмерной благодарности. Толя, конечно, незаурядный парень. Тем более что организация таких походов для него (как мы его знаем), чуть ли не главное

увлечение. Трудные обязанности в походе – тоже. Конечно, нельзя не быть ему за это благодарным, особенно сейчас, в городе, когда поход уже закончен, и мы вернулись в мир, где нормой является принцип: за услугу – услуга или, по крайней мере, чрезмерная благодарность.

Но в самом походе к этому относишься гораздо проще: ты хочешь идти вперед, рубить ступени или обеспечивать путь веревкой на скалах – иди! Не хочешь, тогда пойду я или другой, или вообще сядем и посидим. На практике вперед почти всегда шел (и хотел идти) Толя. – Так ради бога! Каждый действует естественно, в меру своих сил. Молчаливо предполагается, что каждый свободен в своих поступках согласно своим желаниям и способностям. Если ты хорошо идешь по скалам и тебе это нравится – хорошо, если ты можешь нести больше груза и облегчить другому жизнь – на здоровье! Такие естественные действия не должны вызывать и обычно не вызывают чрезмерного удивления и благодарности. Да и за что собственно благодарить? За то, что природа дала тебе больше сил и уверенности? Я как-то не могу выразиться более определенно, но думаю, что в коммунистической общине люди не испытывают чрезмерной благодарности к своим сильнейшим и способнейшим гражданам. Вернее, эта благодарность у них не больше, чем к слабейшему с его малыми делами, но большими усилиями. Ведь от каждого – по способностям!

Восхищение же Лили и Гали, по-видимому, следует отнести просто к разряду женского восторга «сильным человеком», восторга, особенно сильного в трудных условиях. Интересно, что поскольку моя голова в это время была целиком настроена на сравнении нашей группы с первобытной коммуной, то это явление женского «обожествления» Толи дало обширный материал для аналогий и спекуляций о природе власти. Действительно, откуда возникает в первобытной общине божественная власть вождя? – Не из такого ли источника? – «Ищи во всем женщину...»

6 августа. Утром было все наоборот. И хоть голубело озеро, и Витя в нем купался, а потом радостно рассказывал, как приятно раздвигать плечами синюю воду, - небо было пасмурным, а пасмурней неба была Галя.

Ночью она плохо спала. Заново пережив весь спуск, она пришла к ужасному выводу, что ей нужно найти на озере Шавло среди плановых туристов попутчиков и уйти с ними вниз.

Оказывается, она очень боялась на вчерашнем спуске и ее даже подташнивало. Ей осточертели эти сложные перевалы за прошлые еще годы и особенно в прошлогодних Фанах. Она проходит их лишь на нервах и зареклась на будущее ходить с лазаньем, только ногами. В Москве она добивалась от Толи ответа: сложны перевалы или нет? Он ответил, что ерунда. Из-за своей силы Толя просто не мог поверить, что в Гале скопился такой страх.

Сейчас я вижу, что ее переживания вчера были много больше наших и, наверное, не в наших силах было предупредить сегодняшний кризис. Ведь человек о других часто судит по себе. Так и я вчера думала, что Галя отдышится и, как я, забудет все страхи. Я ведь тоже боюсь скал, особенно с рюкзаком, но ведь был в моей жизни иной период, когда ощущать рукой надежную зацепку и прикасаться рукой к нагретому, шершавому камню было радостно вместе с горчинкой страха, это было как раз 10 лет назад... Растеряв за годы уверенность в себе, а заодно и скальную тренированность, я боялась вчера спускаться, и Толины бодрые советы очень мне были нужны. Доставил ли мне удовольствие перевал? – Все больше убеждаюсь, что главную радость доставляет то, что могу просто ходить (1) под рюкзаком и не нить (2), и производные – красивые виды, общество приятных людей, будущие воспоминания...

Ну, а Галя? – Она любит ходить, видеть новое, любоваться горами и цветами, собирать смешное для рассказов. Что для нее главное? – Не знаю. Но только не трудности в виде скал.

Но все пока кончилось благополучно. Вопрос свелся к тому, что Галя спросила нас, не является ли она нам обузой. И поскольку само собой очевидно, что наоборот, от нее только радость, то мы опять вместе пойдем дальше. Вместе любимся бирюзовым малым Шавло («чемпионом красоты» по терминологии журнала «Турист»), выше которого стоит наша палатка и закипает морс из жимолости черно-красного цвета... *Это был первый случай, когда Галя готовилась уйти от нас с чужой группой, чтобы избежать следующих трудных перевалов (вернее, чтобы избавить Толю от необходимости «возиться с ней»). Потом были и другие, так что в некотором смысле ситуация возможного Галиного ухода стала одной из основных тем наших походных переживаний. Мы инстинктивно боялись отпустить Галю и сопротивлялись этому изо всех сил, хотя было件件но, что, конечно, она не пропадет с чужими и что впереди, наверное, будут перевальные сложности. Наши уговоры что «остался лишь один сложный перевал, а дальше будет все просто», оказались самообманом. Гале пришлось преодолевать себя и прибегать к помощи еще на четырех перевалах, намучившись вдосталь. И, наверное, мы это и сами чувствовали еще на Шавло на первых уговорах. Тем не менее, были категорически против ее ухода, обсуждали возможность более легкого маршрута, уговаривали, чуть ли не заставляли. Сама мысль о расставании была такой ужасной, как будто человек уходил к волкам, как будто на смерть решался. Потом я даже сам себе удивлялся: откуда такой ужас? И вот что придумал. Наверное, когда в лесах кочевали настоящие охотники, такой уход, действительно, был ужасен и смертоподобен – к волкам, в зеленую погибель. А сейчас мы лишь невольно восстанавливаем весь комплекс тех традиций, в том числе и этой. Ни один член общины не должен быть брошен, оставлен без помощи. И мало того, никому не должно давать право ухода, как сегодня общество не разрешает самоубийство. Не удержать человека от ухода – это позор всему коллективу!*

Особенно тяжело переживал эти кризисы Толя. Он же и находил самые нужные слова убеждения, царственно простые и суровые. Тогда, на Шавло, он собрал нас почти на официальное племенное собрание с персональным вопросом в повестке дня и сказал Гале примерно следующее: «Если ты останешься, тебе придется перетерпеть еще один сложный перевал и только, если уйдешь, то платить стыдом придется всем нам, не только сейчас, но и после». Такие слова помогли. Раз за разом Галя решалась платить собственным страхом ради сохранения целостности нашей общины.

Думаю, что мы так или иначе, в меньшей степени, конечно, но платили за эту целостность: страхом перед опасностью, немощью тела от холода или сырой одежды, израненностью ног, непривычностью пищи и всем прочим, к чему в городе не привык и что необходимо всем преодолевать, чтобы общий поход удался. А чтобы он удался, чтобы трудности не задавили всю радость, они должны преодолеваться незаметно, хотя бы внешне легко. «Не ныть, не пищать» - основные заповеди тургруппы. И было странно, что именно Галя, может, самая опытная среди нас, осмеливалась эти заповеди нарушать, всерьез поднимая тему ухода.

Ведь в самом деле, на этом несчастном Нижне-шавлинском перевале, еще на снежном крутом подъеме сорвался Толя, но зарубился нашим единственным айсбалем. Потом сорвался и довольно далеко Володя. На спуске, на скалах, была очень неуверенной Лиля, а потом, уже после скал, на крутой осыпи, уже без веревки был чересчур боязлив я. Галина боязнь на перевале совсем не была исключительной. Мы все прошли его совсем не лихо, и каждый переживал собственную слабость. Не грозило Гале и положение самого слабого в группе.

Ведь с самого начала эту роль, естественно, взял на себя Володя. Раньше он почти не был в больших горах и, по собственному признанию, считал для себя этот поход большим испытанием. Если это так, то, на мой взгляд, он очень хорошо выдержал это испытание: все перенес спокойно, был в меру активен и никогда не жаловался.

Так почему же Галя решилась на обсуждение у Шавло, которое только и поставило ее в особое положение самого неустойчивого члена группы? Думаю, что виновато в этом сильно развитое чувство гордости, попранного равенства с Толей. 10 лет назад руководство алтайским походом, как говорит Лиля, было поделено на три этапа: между Толей, Славой и Галей. Правда, думаю, что Слава был к этому равнодушен, потому что и 9 лет назад в саянском походе (где, кстати, я играл роль самого слабого в группе) руководство было целиком за Толей. Другое дело - Галя... Сегодня она мастер спорта по ориентированию и, тем не менее, с принужденной улыбкой рассказывает, что в Москве Толя согласился на ее право «смотреть в карту на маршруте только до тех пор, пока ему не надоест...» А на этом перевале был очередной удар по самолюбию, повторение которого в будущее казалось нестерпимым.

Когда потом я говорил Гале о важной роли слабого в группе, о том, что надо легко и свободно принимать это положение, она не соглашалась: «Что угодно, но к роли слабого в группе я не готова». По-видимому, именно отсутствие чувства уверенности в себе, вернее превосходства, казалось ей почти равным «собственному ничтожеству» (ее слова). Все или ничего, раб или господин... И нужна была Толина резкость, чтобы вновь правильно расставить акценты на том, что хорошо и что плохо.

7 августа. Сегодня у нас совсем небольшой путь – лишь подошли под перевал. День пасмурный, почти всю дорогу моросило, вплоть до стоянки – зеленого кармана над Шавлинской долиной. Но сейчас даже пробивается солнышко. Мы бездельничаем, правда, активно. Ребята еще не вернулись – рвут «золотой корень». Томичи нам про него говорили – «соперник женьшеня». Но мне кажется, уже того, что мы собрали, достаточно на всех.

Днем мы, наверное, в последний раз встретили томичей из «Пенелопы». Эти отчаянные ребята прошли свой двоичный перевал. Правда, ночевать им пришлось на леднике и еще

целый день спускаться до Верхне-Шавлинских озер. Ничего себе путь! А они довольны, хохочут. Так можно смеяться только в 20 лет. Совершенно искренне загорелись глаза у девчонки, когда я спросила: «Ну, как был перевал?» и она ответила: «Замечательно!»

8 августа. Утро для меня началось с того, что Галя, высунув голову из палатки и оглядев обложенное тучами небо, сказала: «Признаки хорошие». Всем стало весело. Но она оказалась права: тучи разошлись, дождя не было и даже показалось солнце. Правда, портил холодный ветер. Витя шутил, что весь поход у нас погода или хорошая, или улучшается.

Галя была деятельной дежурной и, кажется, не помнила о трудном перевале. Вышли в 8.15. И сразу же наткнулись на чужую ночевку. Здесь, за камушком, они и нашлись – чужие, почти неношеные кеды красной резины. Все тут же решили, что для меня их тут и оставили. Поставила я на тот камушек свои старенькие и драненькие (на память только стельки вынула), взяла новые, неношеные и пошла дальше.

Потом шли по леднику, лезли серпантинном по снежнику и, наконец, вышли на крутую перевальную осыпь. Это надо было видеть, это невозможно описать, как мы четверо лезли, каждый на четырех (только Толя не сдавался, не становился на четвереньки). И все же тут хоть страшно не было: ну упадешь, ну оцарапаешься, но вниз далеко не слетишь. А вот когда начались скалы, начались и страхи - со скал падать нельзя.

Толя, как всегда, впереди и помогает Гале. Мы же ползем следом. Я боюсь смотреть вниз, смотрю только на скалы под руками, лезу чуть ли не на животе. А когда было можно, то ложилась и вправду, чтобы почувствовать себя в безопасности. Лазанья было примерно на полторы веревки (но без веревки), но оно все же двоичное. На перевал Толя с Галей влезли молча, никакого ликования. И каждого следующего Галя встречала скучными словами: «Ну, вы – гиганты».

Толя поздравляет нас с восхождением, съедаем по выданной «Белочке» и, легкомысленно глядя вниз на снежный кулуар, начинаем спуск в прежнем порядке. И вдруг скользит на ледке

и срывается Галя, но Толя успевает схватить ее за капюшон и удерживает одной рукой. Жуткая картина! Жуть усиливается, - а вдруг не удержится сам... И уходит, когда Галя вылезает на камень.

Теперь мы спускаемся по веревке, соблюдая предельную осторожность, до снега. Вот где хорошо! Честно сажусь на пятую точку и, раскидывая камни ногами, качусь вниз. Потом наблюдаю снизу, как Толя катит почти с самого верха по льду, а Витя страхует его снизу. Удержал. Красиво. Потом они все шли вниз по склону на пятках и никто не решил прокатиться, а зря. Была бы и у них радость.

На плато глубокий снег, и мы шли, проваливаясь порой по поясу. Еле вылезли. Зато потом – мирный лед, короткая морена, и трава. Обед. Обедаем в самом счастливом настроении среди дикого лука и синих красивых цветков «водосборов». После обеда – спокойный спуск к озеру, а потом по реке Обыл-оюк. И, наконец, Толя решает остановиться. Добрели.

По описанию это был наш единственный двоичный перевал, но дался он легче других. Видимо, лучшие были подготовлены к его трудностям, близко к нему ночевали, хорошо отдохнули, да и спуск оказался довольно приятным.

Впереди видны далекие горы Южно-Чуйских белков – мы к ним только подойдем, чтобы по реке Карагему обойти с севера, а после по Аргуту выйти к Катунским белкам и по Едыгему подняться к Белухе, чтобы обойти ее по отрогам... Мы были полны чувством, что дальше – все будет просто, все трудности позади. Наверное, это было важно и для Гали, ее уверенность в себе как будто выростала по мере удаления скал и снегов. Снова она шла впереди, разыскивая теряющуюся тропу, снова звенел ее голосок, рассказывал и смеялся под Толино ворчание о «длинном языке», снова Галя заглядывала в карты и даже осмеливалась в чем-то не соглашаться с командором. Уже на Карагеме, разыскав широкую верхнюю тропу, Галя сказала: «Ну вот, и я на что-то гожусь...» - с таким удовлетворением, что мне впервые стало стыдно за свою бездарность (только и делаю, что несу

рюкзак)... *И уж за этой тропой Галя следила и не упускала, как за собственным творением. Действительно, хорошая была тропа, и не только сама по себе, но и потому, что ее нашла Галя.*

9 августа. Не было сегодня страхов и ужасов. Простой путь – вниз, вниз, где тропой, где так. Наконец, ущелье расширилось в долину Карагема. Радуемся простору, свободе, фотографии щелкают.

Переход через Абыл-оюг вброд, по колено, не страшно, но очень холодно. И сразу награда – встреча с эдельвейсами. По общеевропейскому мнению эдельвейсы растут на отвесных скалах и сорвать их могут только смельчаки. А тут – лужайка с эдельвейсами прямо у карагемской воды... Толя собрал 32 штуки. Мы шутили, что для 32 знакомых девушек: «Этот – для Кати, этот – для Маши, этот -...» Толя сердился и в сердцах даже сетовал: «Ох, уж эти женщины! И для чего они нужны?» На что Витя отвечивал: «Чтобы дарить им эдельвейсы».

Довольно скоро Галя нашла прекрасную тропу с видами. Так что насмотрелись сверху вдосталь. Время от времени открывалась очередная поляна с красивым лесом вокруг, и мы в очередной раз ахали: «Домбайская поляна!»

Тропа привела всех нас в отличное расположение духа, несмотря на то, что она лезла часто вверх, в обход речных бомов и даже несмотря на то, что Витя с Володей затеяли «исторические разговоры». Очень долго мы хохотали, когда Толя, пожелав прервать надоевшие ему Витины аналогии прошлого и настоящего, на одном из привалов оборвал их спор, сказав: «Все, пошли!» На что Витя заметил: «Молодец! Ты как Македонский, одним ударом разрубил гордиев узел всех наших аналогий», а Володя добавил с усмешкой: «Дамокловым мечом?» Толя аж сплюнул от их учености: «Это ж надо быть такими болтунами».

Толя, действительно, с трудом переносил такие разговоры. Сам он только изредка баловал нас рассказами об охоте на лосей, кабанов, глухарей, в которой сам участвовал. Зато увлечение Володи историей стало для меня открытием,

радостью, вроде отдушины. С удовольствием я слушал его пересказы забавных предположений различных историков, сведений из летописей, исторических курьезов. О неблагоприятной роли реального Игоря Святославовича, героя «Слова о полку Игореве», об истинном древнерусском герое – Мстиславе Удалом и менее талантливом Даниле Романовиче, о Марко Поло и его путешествии, о Золотой Орде и политике Александра Невского – великого пособника власти татарской...

Что-то пытался рассказывать и я, но забавного у меня получалось мало. Правда, обстоятельных обсуждений у нас не получалось: слишком разными были наши интересы, для меня история – лишь источник знания о настоящем и будущем, источник причин, аналогий и параллелей, опыта. Меня волнуют причинные цепочки событий, которые влияют на сегодняшнюю жизнь, определяют ее. Володя же ищет в истории, главным образом, парадоксальное, не соответствующее общепринятым мнениям и потому забавное. Так, во всяком случае, мне показалось. Попытки каких-то обобщений и выводов оставляют его равнодушным. Помню его реакцию на мое признание: во всей древнерусской истории самое интересное – это причины отделения России от Западной Европы. Это было сказано в разгар нашей беседы и Володиной речевой активности. И именно после этих слов он неожиданно померк и просто замолчал. Настолько такой подход был для него непривычным и чуждым.

Даже обсуждая одну историческую эпоху, время и место, мы как бы преследовали разные цели, как бы шли перекрестными курсами. Вместо беседы получались отдельные монологи в рамках одной исторической темы. Конечно, это быстро нам надоело и «исторические беседы» к общему удовольствию (особенно, Толи) прекратились.

10 августа. Я – дежурная. Проспала, но меня простили.

Встали на тропу, и повела она нас поверху. Все было бы хорошо, да пора искать переправу через Карагем – место брода. А поиски создают нервозность.

Через час мы опять соединяемся на тропе и решаем, что брод будет впереди, на очередном разливе. Опять тропа лезет вверх. Надоело. Наконец, когда залезли чуть ли не под небеса, увидели разлив Карагема, а тропа потянулась к нему и вывела на гальку, стало ясно: надо переходить.

Для разведки Витя и Толя перешли реку первыми. С берега казалось, что перешли легко. Убедились, что на другом берегу есть тропа. Вернулись. И вот уже выстроилась шеренга из всех пятерых (руками держим друг друга за лямки рюкзаков) и шагнула в воду. Первая протока была просто холодной, а все последующие и холодные, и быстрые, а главное – глубокие. У меня на лице было зверское выражение, которое я сознавала, когда опасность уменьшалась, а руки судорожно держались за лямки Витино и Галиного рюкзаков. Но довели нас провожатые до другого берега без урона.

Какое облегчение! Солнце усиливает нашу радость! Мы даже устраиваем, как определил Толя, «всеобщую помойку» голов и белья. Толя выстирал только платок и скучал. Лишь прибрежные кусты черной смородины примирили его с затянувшимся обедом.

Зато после обеда пришлось согласиться с Толей и идти допоздна. Тропа шла низом, часто затоплялась водой-болотом, заваливалась деревьями. Вообще кругом была уже настоящая тайга, со мхом на деревьях, с брусникой и смородиной, рябчиками и облепихой. И все это – под начавшийся морозящий дождь. «Сырая тяжесть в сапогах...»

Остановились почти в темноте, на ровной мшистой площадке в лесу, которая как бы возвысилась над тропой в качестве «сцены», на которой мы разыграли устройство бивуака. Правда, колья в скальную основу «сцены» не забивались, ребята проявляли изобретательность, а мы с Галей чистили маслят и варили два блюда. Тяжело наевшись, отвалили спать.

11 августа. Сегодняшний день начался со встречи с двумя охотниками (наверное, браконьерами). На лошадях с лихим видом они ненадолго остановились у нашего костра, выпили по кружке кофе. Потом мы их догнали уже внизу, когда они, выпустив лошадей на пышный карагемский луг, готовились к переходу через реку.

Этот день был богат на встречи, что понятно – мы уже вышли из таежного Карагемского ущелья в его широкую, луговую часть, примыкающую к населенной долине Аргута. Собственно, еще недавно и эта часть карагемской долины была обжита – мы встречали когда-то расчищенные от камней, а теперь заброшенные поля, разрушающиеся алтайские бревенчатые с плоскими крышами дома. Видно, что люди выехали отсюда не так давно. Экономика перечеркивает сельскохозяйственное освоение этих мест, а значит и их населенность, как нерентабельные. Тот же процесс, что и на Севере, что и в Подмоскovie, что и в Японии, и во всех индустриальных странах – процесс обезлюдивания деревень. Сознывая всеобщность этого явления, я теперь спокойно смотрю на это опустошение, на гибель человеческих усилий, совсем не так, как первый раз в Карелии и на Онеге.

Скоро заросшие поля сменились выжженными степными террасами. Карагем впал в долину Аргута, в которой издавна живут коренные алтайцы – не земледельцы, а скотоводы. Мы встречали их: молодых и пожилых женщин на уборке сена, подростков с табунами коней, бесстрастных старух, способных, наверное, только курить трубки с самым отрешенным видом. Не видели только алтайцев-мужчин. Бог знает, где они – эти бывшие монголы на быстрых конях. – Раньше они были ойротами и джунгарцами, воинами и разбойниками, промышляли на стороне богатство и славу... Теперь и их не обходит экономика, вынуждает, наверное, зарабатывать на стороне, гонит метлой материальных стимулов по всей стране. А в колхозе – женщины. И на Алтае все то же самое...

В этот день была еще одна встреча при необычайных обстоятельствах. Мы должны были перейти снова Карагем по мосту за 5 км до его впадения в Аргут. И, конечно, надеялись, что легко найдем этот мост, что сама тропа на него выведет. Но ошиблись. Основная тропа повела нас к скотоводческой ферме алтайцев на Аргуте, а ответвление к мосту мы упустили, наверное, от пережитого перед тем возбуждения.

Тропа шла меж кустов в сотне метров от реки, когда мы услышали девчачий крик, а потом и увидели на скалах противоположного, крутого скального берега две фигуры. Бросили рюкзаки, подбежали, видим парня и двух девушек, одна из них плачет, другая мечется непонятно. Потом увидели и остальных, прибывающих. Наверное, залезли в скалы, а выбраться не могут, не видят пути. Толя берется им помочь, кричит и указывает дорогу по складке вверх в обход скал. Людей становится больше, один взбирается вверх, и исчезает, потом возвращается и все вразброд, почти поодиночке начинают подниматься по указанному Толей пути.

Но потом, вместо того, чтобы верхом обойти все скалы, при первой возможности сбегают снова вниз, в скалы, не обращая внимания на наши крики и жесты. Мы недоумеваем, почему они не обходят скалы верхом, и как вообще оказались на том берегу и почему самые первые и сильные бегут вниз, не обращая внимания на своих отстающих? Наше с Галей решение: «Не перешли вовремя Карагем и в наказание полезли по скалам и бомам правого берега. При этом так устали, что в группе наступило полное разложение...»

Мы дождались, пока последняя девушка не обошла бом, вернулись на тропу и бодро двинулись дальше, радуясь, что у нас есть Толя, который правильно нас ведет, избегая таких ситуаций.

Но за такую самоуверенность мы были сильно наказаны. Мост через Карагем оказался именно там, куда сверху сбегали эти ребята (им он был хорошо виден). Мы же искали его гораздо ниже и, недоумевая, дошли до самого Аргута. Итого: 5 км с рюкзаками вниз, потом те же 5 км вверх... Толя кипел всю

дорогу, мы старались быть молчаливыми. Но обратный путь по совершенно выжженной долине, в самые знойные часы дня, никому не доставил радости. Время обеда давно прошло, но после Толиного заявления, что пока он не пройдет мост, кусок в горло ему не ползет, о еде мы и не заикались.

В пятом часу перешли-таки этот треклятый мост и рядом с ним встретили утренних туристов. Они были из Томской области и выходили к Карагему из соседнего юнгурского ущелья. Сейчас они «отходили» здесь от утреннего «ЧП». Оказалось, что у них тогда сорвался со скалы в воду впереди шедший парень. Течение его мгновенно унесло, но, к счастью, только до поворота перед мостом, он даже рюкзак не утопил. Мы их видели как раз в тот момент, когда вся группа была в растерянности, почти уверенная, что товарищ погиб. Идти там, где один уже сорвался, было нельзя, куда идти – неизвестно. Теперь понятно, что первые ребята мчались вниз, к мосту, чтобы оказать помощь и не слушали нас... Зря мы их обвиняли в разложении.

Случай, конечно, был уникальным. Ублаженные легкой дорогой, солнечным теплом, раздетые до плавок, почти сияющие благополучием, мы вдруг очутились как бы перед гигантской сценой – скальным обрывом, на котором метались участники какой-то трагедии, настоящего большого несчастья. А мы стоим перед ними зрителями. Стыдное положение. По-моему, эту неловкость ощущал не только я, но и Толя. Во всяком случае, его эмоции и слова были очень сдержанными и без всяких предположений о «полном разложении».

По загорелым лицам, по альпинистскому снаряжению было видно, что это сильные ребята и немало уже прошли. Просто сейчас что-то произошло, отчего они в замешательстве, которое чужое глазение может только усугубить. Я, во всяком случае, с облегчением воспринял окончание наших криков и, наверное, неуместных указаний. Непрошенная помощь часто вредна. К счастью, в этом случае, Толины

крики им и вправду помогли... После обеда мы расстались, а встретились снова лишь в Рахмановых Ключах.

Больше ничего за этот день не произошло. Обед у нас кончился только в 6 часов вечера, за что Толя засчитал нам полдневки и отправил дальше, до моста на Аргуте (план сегодняшнего дня). Аргут мы перешли к 8 ч. вечера и сразу же встали, чувствуя предельную усталость. Даже родилась шутка: «Чтобы нагнать график, надо устроить полудневку».

12 августа. Возбуждение от вчерашнего промаха прошло. Мы мирно шли вдоль Аргута, любуясь мощью его зеленой воды, когда навстречу стали попадаться туристы: из Иркутска, из Пскова... Со всеми надо было поговорить, остановиться, а Толя считает время. Пока на Аргуте мы видели больше туристов, чем коренных алтайцев.

И опять жаркая дорога по степи-полупустыне (не надо ехать в Монголию) и обед в тополином оазисе у большого притока Аргута.

Потом мы узнали, что алтайцы, как и тувинцы, хакасы, тофолары и др., принадлежат к тюркским народам, сильно монголоизированным (БСЭ). Но в августовские дни эти долинские жаркие степи, камни могильников, подростки на конях, войлочные чумы-юрты – все свидетельствовало о близости к северной Монголии. Да в памяти у нас засела Володина цитата из Марко Поло: «Во владениях монгольского императора есть большая гора, называемая Алтай».

Да еще тот факт, что лишь с 1948 г. алтайцы были названы алтайцами, а до того именовали себя ойротами, что равнозначно имени «западные монголы» (БСЭ). По-видимому, не без влияния большой политики произошло в 1948 г. это странное переименование ойротов-монголов в алтайцев-тюрков, а их столицы Ойрот-Туры – в Горно-Алтайск.

Да еще знание этой смешной истории о добровольном присоединении 200 лет назад алтайских племен к русскому государству, которая ныне считается в Горно-Алтайске большим национальным праздником. На самом деле эти 200 лет означают дату падения независимого Ойротского

ханства под ударами китайских войск и дату обращения 12 ойротских баев-феодалов к русским пограничным властям с просьбой о помощи и подданстве, что позволило русским принять участие в дележе ойротского государства.

Думаю, что эти места, действительно, похожи на Монголию, а нам и вправду не надо больше никуда ехать, чтобы ее увидеть. А если сойтись поближе с самими алтайцами, с их бытом, то толку будет больше, чем от вояжа в Улан-Батор.

Тополиные оазисы вдоль ручьев и речек живо напоминали Среднюю Азию, ночевку в долине Зеравшана. Густая прохладная тень тополей, журчание холодной воды и зной снаружи – это ли не рай среди монгольской степи. Мы обедали в этом раю целых два часа. А в завершение блаженства мне разрешили вместо чая развести сухого молока, которого давно просили и душа, и брюхо... Правда, при своей агитации я переборщил в упоре на старую болезнь (желтуху). Поэтому, когда молоко было разведено на всех, все вдруг отказались в мою пользу. Напрасно я убеждал, что выпить столько много не смогу – в этом видели лицемерие. Пришлось выпить почти треть ведра драгоценного продукта, что, понятное дело, не пошло мне впрок... В дальнейшем я уже не рекламировал молоко, а лишь при случае поддерживал предложения других...

Зато какой ужасной оказалась тропа после обеда! Она почти нигде не шла ровно, а все прыгала по скалам и бортам Аргута. Галя говорит, что раньше (30-е годы) эти места из-за труднопроходимости считались басмаческими.

Надоела тропа, надоел рев Аргута, надоели камни, и вообще мне вдруг остро захотелось домой. Это было совсем некстати, поскольку до дома оставалось, по крайней мере, полмесяца. Я шла в ужасно мрачном настроении, думала только о детях и доме, перестав замечать дорогу. Думала, как все же это хорошо: заведенный порядок в семье, работа, готовка обедов, крики детей. Больше всего я боялась, что мне завтра не захочется идти. Зачем все эти трудности и усталость? – Вот

Галя поскользнулась на тропе... и чуть не упала в Аргут. Кому это нужно? Наверное, поэтому Галя плохо спала после этой тропы, хотя говорит, что от рева Едыгема – притока Аргута, по которому нам придется подыматься к Белухе.

Галя часто плохо спала, а еще чаще ей снились кошмары. Один раз слоны и прочие дикие звери, другой раз – торжественное заседание по случаю рождения Гитлера, причем устроители его про себя сомневались: с одной стороны, известные всем прегрешения и преступления юбиляра, а с другой стороны – все же известный в истории деятель... Третий раз – страшные переживания подруги по работе, которой кто-то официально разрешил съездить за границу и купить финский костюм и пр. штуки, а потом вдруг лишили допуска и гонят с работы... Но, как оценила сама Галя, самым ужасным было следующее видение: она возвращается на работу, входит в родную лабораторию, но все страшно заняты и никому(!) не хочется слушать рассказы про поход! Мы все были с ней согласны: «Ужасней этого ничего нет».

13 августа. На нашу стоянку пришло солнце. Заканчиваются сборы рюкзаков, заклейка пластырем стертых ног. Я молю местного бога о хорошей погоде и настроении. Ведь, наверное, последний раз в горах, точнее, в серьезном походе. Наверное, больше не захочется жилиться.

Тропа отошла от Аргута, а потом, войдя в лес, стала торной. Идти приятно и прохладно. После обеда, правда, стали терять тропу и временами лезть напролом, но темп был небольшим, и потому я не успела устать.

К вечеру мы дошли до Куркурека, что водопадом спускается в долину Едыгема. Не висит здесь табличка, но именно здесь мы были 10 лет назад. С этого места вступаем в область воспоминаний. Толя произнес несколько торжественных фраз по поводу... и выдал всем по 4 кв. см шоколада. Торжественные нотки в Толином голосе у нас уже связываются с возможностью выдачи шоколада, как условный рефлекс.

На сегодня маршрут закончен. Ищем стоянку, но неудачно. Гале, не спавшей ночь, хотелось найти место подальше от рева реки, а мне – поближе к какому-нибудь чистому ручью, уж больно в Едыгеме вода мутная. Целый час ползали по заваленному таежному склону в поисках тишины и чистой воды и остановились в отчаянии далеко не в тихом месте, в 10 м от реки (к счастью, вблизи от ручейка). Ночью мерзла.

Такие эпизоды случались у нас не часто, но бывали, т.е. противоречия между Толей и остальными или, как я переводил их на свой язык, «противоречия между авторитетом и массой в нашей коммуне».

Восстановим события. Вот Толя выходит вперед – он явно начинает искать место стоянки. Обычно через некоторое время мы его находим сидящим в каком-либо удобном месте и слушаем обращение: «Мужики! Есть предложение здесь остановиться, потому что время..., место... завтра ... и т.п.» Почти всегда «мужики» (и среди них главные – Галя и Лиля) принимают его предложение единодушно и без обсуждения, потому что Толя чаще всего прав и авторитет его высок, а возможность лучших предложений и вариантов – не стоит того, чтобы тратить время на их обсуждение – «везде хорошо». Для нас становится привычным сразу соглашаться с Толей, но еще большая привычка возникает у Толи – что с ним всегда соглашаются.

И вдруг случается осечка, и от кого? Как раз от тех, кто больше всего укреплял и славил этот авторитет – от Гали и Лили. Так и сегодня. Для всех нас хорошее самочувствие Гали (и, следовательно, нужная ей тишина) важнее хорошего вида на водопад Куркурека на стоянке, выбранной Толей. От неожиданности и почти внезапности такой оппозиции Толя сердится, не скрывая досады, и даже просто негодует, заявляя, что мы просто заелись, что ставим невыполнимые условия, что таких стоянок в горной долине просто не бывает и мы ничего не найдем. Но это никого не убеждает, потому что сегодня мы проходили десятки таких мест вдали от основной реки и с прозрачными ручьями, а время для

дальнейшего хода еще есть и очень обоснована надежда, что тропа быстро отойдет от реки и быстро приведет к нужному месту.

Делать нечего, Толя соглашается, и мы идем вперед... и, вполне закономерно, ничего не находим. По-видимому, основная тропа идет по верхней террасе, вдали от реки, и, конечно, только там можно найти тихие стоянки. В пойме же реки петляет множество неустойчивых, может, охотничьих троп. Логичным было бы выбирать тропы, ведущие вглубь леса, наверх (их тоже встречалось достаточно). Однако впереди нас идет Толя, он по привычке держится только реки, мы то теряем, то снова находим тропу, жмушущуюся к самому берегу, почти ни на минуту не отступая от ревушей реки... А через час лазания по густым кустам и гнилым бревнам, когда Толя останавливается в аналогичном месте (но уже без вида на водопад), мы уже ничего не говорим. Все на все согласны, и Галя в том числе. Так Толя снова оказался прав. И снова подтвердил свою правоту, в которой сам и не сомневался. Все это время в моей голове вертелась дурацкая фраза: «Не мытьем, так катаньем! На этот раз Толина правота была несколько иного свойства, чем обычно, принимаемая нами «на ура» и без доказательств. В ней было что-то «историческое», типичное для всякой власти и авторитета.

14 августа. Витя фотографирует черную смородину (здесь ее множество) и кедровые шишки (вдруг не донесем). Он уже 7 фотопленок извел, а на вторую половину похода осталось только три.

Толя уже два раза объявлял, что сегодня у нас нетрудный день, до обеда мы легко подойдем к перевалу. Это-то нас и сгубило. Великое дело – настрой!

Все утро мы проплутали у реки в поисках тропы и выхода из леса, а потом полезли на крутой склон. И тут вдруг тело начало отказывать. И ноги, и дух, и воля. Некоторое утешение мне было только от того, что все четверо ползли с одинаковым трудом (Толя не в счет, он семижильный). Очень приятно

было, когда Володя и Витя, сами уставшие, сбросили на пологом участке свои рюкзаки и спустились к нам помогать. Толя, конечно, уже ускакал вперед. Отдохнули чуток, опять поползли вперед к Толе, который уже успел сбежать к озеру, увидеть там диковинных зверей (то ли сурки, то ли лисы), и объявил нам, что хода осталось на 20 минут. Но мы все же пожелали обедать, чтобы отдохнуть. Сжевали колбасу, поспорили с ортодоксальным Толей и уже легко, в разговорах, прошли к озеру.

Оно, как обычно, зеленое, красивое, и Витя снова не удержался от купания, а теперь отогревается в палатке, в озерной котловине ветра нет, тихо, тепло на солнце и холодно, когда оно прячется. Ни леса, ни кустов. Камни и травка. Пищат деловые пищухи, летают кулики. Мы бездельничаем, ведь пришли в 4 часа. Всего-навсего полудневка, и то бедные ребята не знают, чем заняться. Ягод здесь нет, видов красивых тоже...

Галя, наверное, права, Толя не захочет пойти с нами еще раз. Противоположны мы ему по устоям, неприятны по взглядам на мир, общую жизнь, семью, высшие ценности. Где же точки соприкосновения? – Наверное, только в любви к походам.

Меня до сих пор изумляет, как неожиданно, после трудного подъема даже, может возникнуть интересный разговор. Правда, вчера на обеде мы трепались, начав с Галича и его песен, продолжив темой о Сталине и его окружении, кончив деятелями хрущевского периода. Это был именно треп – информация о различных неблагоприятных деталях карьеры и быта, наподобие сплетен без цели и смысла. А сегодня, вдруг и разом: «Что такое социализм, государственный капитализм, просто капитализм, как их различать?» И неожиданно резкое обвинение Толи: «Спишь и видишь у нас капитализм!» И мой резкий ответ: «А ты только и можешь, что заученно обзывать наш реальный госкапитализм социалистическими словами сталинской выделки» («Сталинский обман повторять» - это я уже про себя проорал)...

Нам нельзя спорить на эту тему – слишком она остра. И на этот раз спор окончился ничем. Володя на мой вопрос: «Чем экономически государственным капитализм отличается от официального социализма?» вразумительного ничего не сказал (да это и невозможно), а Толя лишь подвел итог: «Прижать тебя доказательством не могу, не знаю, но и согласиться не могу, железно. Это уж точно».

Я уже не удивляюсь такому непониманию, что великие слова социализм и коммунизм (это равноценные понятия для Маркса, для Ленина и всех, кто способен теоретически обсуждать их смысл), не могут относиться к нашей экономической реальности. Я уже не удивляюсь нежеланию отойти от сталинских официальных догм и понять, что социализм-коммунизм как общественный строй еще не существует и неизвестно, сможет ли человечество осуществить его даже в далеком будущем. Я не удивляюсь и не спрашиваю себя, почему вот такой хороший парень Толя не желает реально смотреть на вещи, а способен лишь ненавидеть людей иных взглядов. Я устал спрашивать себя, и чем дальше, тем чаще принимаю это как должное, без объяснений. Становлюсь фаталистом.

Впрочем такая безнадежность овладевает только при встречах с немногими доступными мне твердолобыми, вроде Толи. Множество иных встреч дают пусть не радость взаимопонимания, но простую надежду. Надежду, что люди сами мыслят, сравнивают, делают выводы. Вот одна из последних таких встреч – во время нашего 7-часового пережидания пересадки на новосибирский поезд на станции Алтайской. Эти часы мы разговаривали со случайными людьми, тоже ожидавшими поезд: инженером-строителем и шахтерской супружеской парой из кузнецкой Шории. Кто знает, почему люди так легко раскрываются в поездных и вокзальных разговорах? – Может, от своей анонимности и, следовательно, безопасности? Или может, от того, что нет между ними никаких предшествующих наслоений, как у давних знакомых?

Шахтер и его жена рассказывали о своих впечатлениях от куркульской жизни на Украине, Дону, Кубани. Двойное чувство сквозило в этих рассказах – с одной стороны негодование, что шахтеры и другие рабочие трудных, изматывающих, но почетных профессий и тем более, сибиряки, получают сегодня много меньше, чем на юге России (вернее, «имеют доход») обычные продавцы, колхозники, кустари-кооператоры и пр. А с другой стороны, они не отрицают закономерности этой богатой жизни и сами собираются бросить чертову Сибирь с ее традициями суровой и скудной жизни и безотказной тяжелой работы... А какое звучало одобрение в описании шахтером своих криворожских коллег: «Нет, они рекорда для начальства не ставят, норм не нагоняют. Не то, что наши, сами в петлю лезут, глаза вылупив. А когда наших дураков послали туда опыт свой показывать, тамошние ребята их быстро выучили... И правильно сделали!» Восхищение украинцами и горькое презрение к своим сибирякам, не способным понять свои простейшие классовые и профессиональные интересы.

Инженер-строитель с нефтепромыслов, напротив, был наполнен собственными классовыми интересами; жаловался на обесценивание инженерного труда, на непроизводительную его трату, на бесхозяйственность, ишурмовщину, плохое качество и прочие, самые типичные наши беды и трудности... Понятно, что инженера больше трогают экономические болезни, и в его речи часто мелькали фразы: «Не хватает нам конкуренции», «У них там действует экономический механизм, а у нас – лишь на нервах и ругани». Впрочем, иногда оговаривается, что и у нас есть свои преимущества, но...

Этим людям, как и всем нам, еще далеко до ясного понимания, что происходит в стране, еще довлеют устойчивые догмы, но они хоть тянутся к пониманию, не упираются перед сомнением и потому, конечно, придут к ясности и истине. Для людей же типа Толи, верность догме, преданность ей,

как высшей ценности, важнее всего и потому их никто и ни в чем не убедит... как Бурбонов.

15 августа. Мое дежурство. Завтрак задерживается. Сонные физиономии показываются из палатки, замечают красоту утра и один за другим лезут обратно за фотоаппаратами, чтобы запечатлеть солнечные блики, ледок на озере, иней на палатке, ныряющих птиц у льда.

Вышли почти в 8. Спокойный подъем по камням. Устаем очень умеренно. Когда начался лед, считала шаги – 1125 шагов и начался снег перед перевалом. Хорошо, что вышли не поздно, снег еще не успел раскиснуть и держит прилично. Подошли под скалы.

Как Толя и рассказывал, наверх ведет широкая наклонная площадка с некрупной осыпью. Идти не страшно. Но, к сожалению, она кончается и приходится перейти на лазанье вверх по скалам. Несложное в общем лазанье, но Толя на всякий случай навесил веревку, и я один раз ею даже воспользовалась.

Вылезли. Приятно. Солнце. Рядом ослепительнее горы. Вниз ведет простая сыпуха. Толя выдает «заработанные» квадратики шоколада. Одна Галя грустная. Опять ей пришлось себя пересиливать.

В первый раз развеселить ее удалось лишь Володе, как верному кавалеру, но уже лишь на обеде. Галя по незнанию вымыла ноги в единственной удобной для питья проточной лужице, после чего Толя сильно ворчал, а Володя (это надо было видеть) набрал кружку воды и со словами: «Хороша водичка после галиных ножек» и торжественно выпил.

Спуск был однообразный и утомительный, по крупной осыпи, скорее лазание и прыганье. Если бы он не был такой длинный, то мне, может, было бы приятно попрыгать по большим камням и обломкам скал. Ведь при спуске по мелким и средним осыпям нет ощущения полета. Но даже приятное, если оно долго длится, надоедает. Надоели и прыжки, устали ноги. Когда добрались до травы, тропы не оказалось, а потом

перед самой рекой Аккем снова оказался крутой спуск и снова по крупным, многотонным камням.

Ноги отказываются слушаться. И вот у самого низа, когда я пропустила Витю вперед, он неудачно прыгнул на большой и, оказалось, живой камень. Тот отвалился в одну сторону, а Витя провалился в расщелину ногой. И тут же на него навалился сверху такой же крупный, почти в рост. Это было так страшно, что откуда и силы взялись, чтобы тянуть этот камень назад. Но сил не хватает, а вместе как-то держим. Звать Толю? – Но он далеко сзади. А вдруг за это время ногу раздавит?

Потом Витя сообразил, сам напрягся, а меня попросил найти камень, чтобы заклинить им щель, и уж потом осторожно высвободиться. Все кончилось благополучно, только штаны немного разорвал. Кое-как закончили мы спуск, сели у ручья и, потрясенные, только и могли, что пить воду, ожидая ребят. И не было даже сил рассказать им про это, едва не ЧП. Так и умолчали: они ведь и сами устали, да и Толю лучше не тревожить, а то будет потом опекать.

Уже по ровной хоженной тропе, оглядываясь на знаменитую стену Белухи, подошли к самому Аккемскому озеру. Встали примерно на том месте, где останавливались 10 лет назад.

Вечер был приятный. Оттого, что, наконец, дошли. От того, что Белуха, как ей и положено, отражалась в озере, а все горы поменьше – ее окаймляли. От того, что она все такая же белая, с головы до пят, как и 10 лет назад. И от того, что завтра не надо рано вставать.

После ужина, у костра Витя пытается вызвать наши воспоминания. В ответ я шучу, что воспоминания не стимулированы, например, шоколадом. Неожиданно Толя обижается, и очень справедливо. Он и так много думал, как доставить нам удовольствие, а мы для него ничего не готовили. Мне становится совестно. Мы ведь просто привыкли, что Толя о нас всегда заботится, что Толя обо всем подумает, что это в порядке вещей. И потому ведем себя как

дети, пользующиеся заботой отца. И вот Галя, без стимула, начинает рассказывать, как еще тогда мы шли на перевал...

16 августа. Обещанная полудневка была солнечной. Зашивали дыры, отмывали грязь. Витя клепаёт медной проволокой свои разваливающиеся ботинки. Говорили же ему, нельзя идти в горы не в новых ботинках, а он не верил.

Ребята сходили на метеостанцию на краю озера и пришли очень веселые. Там им показали журнал, где все группы пишут о себе и о своих впечатлениях. Особенно их развеселила запись «Наташи и Коли» из Воронежа, которые пришли на станцию, поели у хозяев олады, посмотрели на красивые горы и, «может быть, еще придут».

К Гале вернулась ее прежняя звонкость и озорство. Она даже лихо предложила именно сегодня, за оставшееся время, перейти следующий перевал к Кучерлинскому озеру. Толя удивился, но благожелательно ответил: «Посмотрим». И пошли.

Отдохнув и идти легко. Прямо до перевальных осыпей вела отличная тропа, а потом она ушла вправо. Пришлось с нее уходить, тем более что прямо на осыпи виднелась какая-то другая тропа. О, какой обманщицей она оказалась: это была тропа спуска по мелкой осыпи! Кому не приходилось лезть по такой осыпи вверх, не поймет всей неприятности такого подъема. Ты делаешь один шаг и на полшага сползаешь вниз, если не больше. Единственное, что лежит прочно – большие камни, но и они часто оказывается живыми, ползут под руками, сыпятся вниз из-под ног... Со стороны это было, наверное, забавное зрелище – четверо ползущих на карачках по склону в поисках надежных камней. Где-то в середине пути я добралась до скалок и, держась за них, уже с меньшим трудом выбралась вслед за Толей на перемычку... Потом мы долго и нервно смеялись, вспоминая, кто и как лез на этом самом легком перевале похода.

Моросил дождь и потому, не задерживаясь, посвистели вниз: осыпь, пара снежничков, морены, русло ручья, потом тропа в

лесу, где мы и заночевали под лохматым кедром, надежно укрытые от дождя.

17 августа. Утром, спустившись до Кучерлинского ущелья, озера мы не обнаружили. Оказалось, что вчера, в ненастье, мы пропустили боковой путь, который мог нас вывести к озеру, и теперь нам придется подниматься к нему. Зато здесь оказалось изобилие подосиновиков и подберезовиков, а главное – черники. Нигде больше мы ее не видели, поэтому не пошли дальше, пока не наелись. Я просто села на мокрый мох и объедала все вокруг - такой она была вкусной!

На озере мы оказались только в пятом часу вечера и сразу же остановились, торопясь воспользоваться солнцем: помыться, а Витя купался. Сейчас Толя плавает на плоту. Оно очень красивое – Кучерлинское озеро, бирюзовое, чистое, очень длинное. Володя признал его даже самым лучшим из виденных нами.

Рядом стоит множество палаток других групп. Целый курорт. Ну, да это не беда. Плохо, что Галя снова весь день грустная и опять собирается уходить вниз – утомляют ее перевалы-«карачки»... Похоже, что очень мало на нее подействовали мои и Витины уговоры. Необходимой оказалась Толина решительность и даже суровость, с которой он заявил, что если Галя сейчас, почти в конце похода, уйдет, то этим «наплюет» на всех. Такому обвинению трудно противостоять, и Галя осталась.

Несколько поднял ее настроение визит (со мной) к соседям – горьковчанам «на песни». Мальчики, студенческого возраста, пели хорошие песни. Мне особенно понравились «Себя побереги», «Березина». Когда вернулись к себе, то наши сидели рядом у костра (не лезли без нас в холодные мешки), а в Толином голосе была прямо-таки обида, что мы «ушли к другим».

Было и вправду неуютно коротать вечер, зная, что наши женщины, по Толиному выражению, ушли «керосинить» и даже не пригласили пойти вместе (потом выяснилось, что это было чистой случайностью). Конечно, мне тоже не было

радостно от того, что Лили нет, но это было привычно сдерживаемое недовольство при любых ее самостоятельных отлучках – на дни рождений, встречи, банкеты... Сдерживаемое – потому, что это чувство я считаю неправильным, несправедливым. Толя же считает по-иному. На мое замечание при вечернем нашем сидении, что ничего особенного не случилось, все в порядке, и что «женщина должна чувствовать себя свободной», он презрительно фыркнул, а потом неоднократно формулировал свое негодование.

Но, как я потом с удивлением понял, и Гале, и Лиле такая «ревнивая» реакция была намного интереснее и нужнее моего видимого равнодушия и пособничества. На следующее утро Галя без умолку щебетала о «хороших мальчишках», которые уже ушли вниз, как жалко. Лиля подпевала ей о чудесных песнях, а Толины язвительные замечания служили лишь необходимым горючим для этого веселья. Я прямо физически ощущал, насколько же им хорошо, насколько нужно было почувствовать себя «настоящими женщинами» - хоть ненамного, в игру... И как необходим для такой игры «настоящий мужчина». В этом эпизоде я признал Толину правоту. Но, конечно, мне самому не выбиться из роли «женского пособника» (которая, по словам Толи, «совсем не завидна»).

18 августа. Вчерашние обидчивые интонации в Толином голосе продолжают. Но мне начинает казаться, что он это делает для поддержания Галиного веселья. Мы ждем солнца, чтобы оно сняло иней с палатки, а Толя сделал желанный кадр отражения гор в озере.

Сегодня у нас – подход к Капчальскому перевалу. Длинная-длинная дорога вдоль озера, потом встреча с ленинградцами, которые указали нам более короткую тропу. Сначала робкая, а потом более уверенная, она подвела нас к речному переходу по длинному бревну... Совсем не страшно переходить спокойные протоки, но бурные... Где-то на середине бревна вода настолько кружит голову и наполняет страхом, что с

каждым шагом я боюсь потерять власть над собой. Ноги уже не слушаются. Но тут, как всегда, появляется Толина твердая рука и все благополучно кончается.

Так было сегодня, так было позавчера на Аккеме. Там вообще были лишь тонкие жердочки, которыегнулись до воды. Я не вышла на берег, а просто выпала на него, так кружилась голова.

Меня все время смущало упорное нежелание Лили пользоваться моей помощью на переправах, хотя именно здесь я чувствовал достаточно уверенно и мог разгрузить Толю от его хлопот. Однако мои предложения помощи со стороны Лили вызывали чуть ли не гнев и отращение – помочь мог только Толя. Это обижало меня и ставило в тупик. В чем дело? Конечно, будь мы вдвоем, Лиля пользовалась бы моей помощью. Но присутствие Толи заставляло ее в минуты опасности искать именно его помощи, как самой надежной. Видимо, страх перед водой был настолько сильным, что эта простейшая логика предпочтений срабатывала у нее автоматически, почти бессознательно отбрасывая все иное.

Как будто подгадав под наш обед, пошел короткий алтайский дождь, развесил капли на кедрах и под заголубевшим небом засверкали они разноцветными огоньками. Видишь синий огонек, а качнешь головой – он уже зеленый или желтый! Забава!

А идти надо. Все такая же хорошая тропа довела нас сначала до стоянки латышей, где мы долго грелись и болтали, а потом к очередному скальному уступу с огромным водопадом. Над ним и заночевали.

19 августа. День нашего последнего снежного перевала выдался на редкость неприветливым. Дожди начинались так часто, что мы перестали их пережидать. Тропа скоро кончилась, и мы лезли по мокрым камням. Осторожно-осторожно. А потом долго плелись среди ивняка выше головы. Наконец, вышли на морену. Здесь к дождю присоединился холодный ветер, а сам дождь понес крупу. С таким вот

«славными попутчиками», под клеенками, вышли на ледник и топали по нему, кажется, целую вечность... Опять меня поразило, как Толя правильно выбрал путь по снегу. Когда мы начали проваливаться, он повел нас ближе к склону, а потом круто вверх. Очень зябко было смотреть на Витю, который шел в дырявых ботинках, да еще в коротких штанах, так что снег чесал по ногам, а холодная вода хлюпала в ботинках.

Отрывок, характерный для Лилиного восприятия всего похода. Значительную часть пути по леднику мне разрешили идти впереди. Выпал снег, и это делало ледник полузакрытым и опасным. Лишь мягкими снеговыми впадинами угадывались трещины. Идти поэтому приходилось осторожно, выбирая оптимальный путь, чтобы не очень петлять, постепенно набирать высоту и удачно миновать районы трещин. Как потом сказал Толя, шел я «интуитивно очень правильно», но слишком быстро и потому оторвался от остальных. Тут-то я и провалился в трещину, но, слава богу, застрял на рюкзаке. Ребят сзади не было еще видно, и я выбрался спокойно сам. Но, конечно, идти так дальше было опасно. Тут-то меня и сменил Толя.

С другой стороны, ноги у Толи были не менее мокрыми, чем у меня, как и у остальных (только Галя как-то умудрялась блюсти себя в сухости), об этом он говорил во всеуслышанье, побуждая двигаться быстрее, чтобы не обморозиться... Но таково свойство человеческой психики, что она воспринимает мир лишь избирательно, согласно сложившимся представлениям. А схема тут понятна: с одной стороны есть сильный лидер, вызывающий во всем восхищение, а с другой стороны – страдающий Витя, вызывающий, в лучшем случае, жалость..В общем, школьный пример для подтверждения тезиса о том, что человеческое мышление упрощает действительность.

Однако мне не было легче от теоретических объяснений. Поставим вопрос так: «А будет ли мне, конкретному человеку, от природы не способному играть роль «лидера в группе», роль «сильного мужчины», будет мне хорошо в

реальном коммунизме?» - Практика жизни в туристской коммуне показала, что, кроме плюсов, здесь есть и ощутимые минусы (например, изменение отношения твоей собственной жены, ставшей свободным членом коммуны). Выходит, что сегодняшнее общество с его некоммунистическими общественными отношениями для людей моего склада во многом более удобно. А, впрочем, коммунизм ведь не обязательно будет вот таким, с ярким лидером в группе. Наверняка, возможны и какие-то иные его модификации.

Сам перевал был необычным, поскольку никакого перевального взлета с нашей стороны не было. Идешь-идешь по снегу и вдруг выходишь на обрыв – надо идти вниз. Правда, вниз надо было немного пролезть по холодным заснеженным скалам. Шоколадка же, врученная на перевале и жадно проглоченная, тепла мне не добавила. И все же замерзающие пальцы еще крепко держат зацепки, не подводят тело и спускают его на снежный склон. А здесь уж раздолье! Витя уже проделал в снегу широкую колею, и по ней я весело качусь. Потом мы бежим, взявшись за руки. Падаем, хохочем и опять бежим до снежного поля, до скачущего Толи.

Легкое для ходьбы поле. И солнце! Как будто здесь и не было ненастья, как будто мы убежали от него, оставив град и тучи за перевалом. На удивление короткий ледник, и вот мы скатываемся на теплые скалы. Все! Нет больше ненастья, нет снежных перевалов. Только солнце, пологий спуск, приятные камни, синее поле водосборов, сытный обед и опять тропа по траве.

Довольно быстро опустились в речную долину с ровными полями сочного многотравья и совсем редкими деревьями. До чего приятно идти по такой дороге... Шли-шли, и как-то незаметно для меня придвинулась Катунь. На ее берегу и заночевали.

20 августа. Сегодня Артемкин день рождения. Человеку 9 лет, а мы не вместе. Грустно начался день. Захотелось мне поскорее все закончить, захотелось вместо 4-х поднадоевших

лиц увидеть одно Артемкино. Толя, чуткий к чужим настроениям, заметил мне, что путь к детям лежит через перевалы. Это правда.

И мы пошли на перевал с заходом на водопад Рассыпной. Он сбрасывается огромным валом с 15-20-метровой высоты, рассыпается белыми хвостами, водяная пыль стоит столбом, так что воды не видно.

Потом надо было перейти Катунь. Она здесь еще маленькая, совсем ребенок, только что родившийся с ледника Белухи, и мы как-то легкомысленно подошли к переправе. Толя уверенно сказал, что переходить можно в любом месте, но лучше «здесь» и указал перстом. Я привыкла ему доверять беспрекословно, не захотела слушать Витю, что перейти надо выше, и затянула его, если не в омут, то на такую быструю глубину, что нельзя было ни стоять, ни идти. По правде говоря, я растерялась, когда вода дошла до пояса, и только могла повторять: «Витя, держись!!» А он уже стоит спином к потоку, изо всех сил упирается. По-видимому, я не только за него держалась, но и как-то двигалась, потому что мы все же перешли реку, хотя нас и сбilo потоком, но уже у самого берега.

Не могу удержаться и не прокомментирую этот случай, хотя он, собственно, на ту же, надоевшую тему авторитета. Много лет мы с Лилей ходим на байдарке, и она прекрасно знает, что реки мелки на перекатах, что только на перекатах и можно перейти реку вброд, что подмыв у берега (где мы и проходили Катунь) – отличается, как правило, глубиной и т.д. и т.п. Все это Лиля очень хорошо знает. Ведь плавали по довольно быстрым и глубоким рекам, сами не раз вылезали на подобных перекатах и даже грозных порогах, научились сходу ориентироваться в речных мелях, камнях, быстринах... Но тут, на Катунь, такой небольшой и легко переходимой, у нее как бы отшибло память и способность выбирать путь. Как будто в прошлом ничего и не было. Тогда это открытие меня буквально потрясло: «Да как же ты не можешь подумать, - просто орал я, - ведь вот выше в 10 м –

перекат с водой по колено! Да подумай же ты сама, без Толи!» Потом пошел на хитрость: «Ты просто не правильно поняла Толю». Не помогло. К сожалению, Толино указание она поняла точно и сейчас стояла на берегу, упершись и ненавидя, сжав губы. Я чувствовал, что все ее существо жаждет одного: чтобы Толя взял ее за руку и как-то перевел на тот берег. Подумать трезво о том, что Толя никогда, по сути, не имел дела с порожистыми реками, что кроме подмосковных байдарок и горных переходов по бревнам он рек не знает, и не имеет даже ее опыта, оценить это она была не в состоянии. Мне стало стыдно до отчаяния, что я не могу совинуть Лилю с места, что она не верит ни себе, ни мне. Теперь я готов был идти где угодно, в самом глубоком и быстром месте, лишь бы окончилось это постыдное состояние, и, слава богу, Толя, проходя мимо, бросил: «Ну, что стоите? – Давайте быстрее». И Лилия пошла, - пошла со мной, конечно, в указанном Толей, но, к сожалению, плохом месте. Честное слово, идя на эту глупость, я испытывал облегчение.

Больше всего мне было досадно, что Толя настроил нас на легкую переправу, я даже огрызнулась на него, когда он стал потом говорить, что я неправильно вела себя на воде. Сам же завлек! Забавно он умеет снижать величину своих ошибок. Когда на следующий день мы зашли по дороге далеко в сторону, так что и реки не было видно, он только и сказал: «Мы немного отклонились» и погнал нас по мокрому большетравью (выше головы) вниз.

А в этот день, после обеда и сушки на солнце, мы через верхнее седло перебрались в соседнее ущелье, к реке Белая Берель. Поднимались по ковру из оранжевых жарков и синих водосборов. Ребята как шальные фотографировали отдельные цветы и их полянки на фоне Белухи. Она здесь царствует.

Идти вверх было мне тяжело. Даже отставала, но не намного, на седле, еще раз взглянув на Белуху, почти попрощавшись с ней, мы ринулись вниз по отличной тропе. Сбежали за полчаса – хоть и не сладко, но зато можно сократить трудное время. После нескольких часов хода вдоль Белой Берели встали на

ночь в небольшом лесном околотеке среди бесконечных лугов. Но видно, мы не очень устали, потому что после ужина спать не хотелось, а было грустно, что этот вечер, может быть, у нас последний. Наверное, завтра уже выйдем в Рахмановые Ключи, к автомобильной дороге...Вспоминали песни, что пели 10 лет назад. Пели их.

Поход был задуман юбилейным, как память, но только в последний день спохватились ребята (вернее, Лиля и Галя), что даже песен старых не пели. И я был рад, что они вспомнили-таки. Давно, очень давно я слышал эти смешливые слова и простые мелодии. С тех первых пор, как вошел в эту кампанию: вспомнился Новый год в холодной даче в Григорово, потом Хибины. Суровое, отверженное время исключения из комсомола, когда у нас все началось.

Тогда еще был жив Слава, и потому эти песни неразрывно связаны с его обликом. Так же как и весь алтайский поход 10 лет назад. Сейчас ребята почти не поминают Славино имя. Помнят, но не говорят. Как будто запретная тема. Наверное, от не утраченной, даже за 7 прошедших лет, боли. Это, конечно, плохо, боль должна уже пройти, смениться спокойной памятью. Слава погиб уже очень давно, и это должно стать столь же естественным и равнодушным фактом, как и то, что Ваня и Катя родились, а Маня или Миша – нет. Что из-за этого грустить? – Но в то же время Слава реально существует с нами – и не только на фото на камне в Перхушково, но большие в воспоминаниях очень многих. И вот таким, молодым и даже идеализированным он будет жить очень долго, не меньше, чем до нашей старости и смерти. Славе можно в этом даже позавидовать: ведь нам-то такая «идеальная» жизнь после смерти явно не грозит. Друзья умрут с нами, а в редких и смутных воспоминаниях детей и родственников мы будем иногда и недолго мелькать надоедливыми и безобразными стариками.

«Прощайте, прощайте, прощайте, пора нам уходить», - поют дети в «Синей птице», покидая страну воспоминаний, а образы бабушки и дедушки их заклинаят: «До свидания,

почаще вспоминайте нас. Ведь только тогда мы и живем, когда вы нас помните...»

21 августа. Утром начали искать мост через Белую Берель, по которому мы ее переходили 10 лет назад. Понадобилось полдня, чтобы убедиться, что он давно разрушен, и потому придется идти вброд.

Брод начал пробовать Витя. С трудом, но перешел на тот берег. Однако на обратном пути из-за скользких камней его сбило струей. Поэтому переходили реку в другом, но, как утверждает Витя, не намного лучшем месте. Перешли стройной шеренгой. Рюкзак подмок только у Вити, стоявшего первым по течению.

На счастье солнышко вышло из-за туч и за время обеда мы полностью высохли. И опять тропа тащила нас вверх, мимо красной смородины и тучной жимолости, пока не вывела на перевальное седло, населенное скотом, детьми и пастухами. Под ногами забегали деловые мальчишки и любопытные девчонки («Нет ли батареек? Шляпы? Чая? Лески?..») Взрослые мужчины и женщины (по двое) пасут лошадей и коров (женщины, наверное, в основном, детей – у одной их 5, у другой 6). Угостили нас казахским сыром куртум, а мы отдали им пачку чая.

Недалеко мы ушли в этот день. И конечно, не дошли до Рахмановых Ключей. Только спустились в долину Черной Берели, легко перешли ее спокойную и совершенно чистую воду и остановились перед последним подъемом к Рахмановым Ключам.

Время – шестой час. Но с неба сыпет осенний дождик, вокруг мокрый лес и раскисшая глина на тропе. Торопиться сейчас в Ключи – только портить праздник Конца... Как хорошо подготовили ребята площадку под палатку: под кедрами было сухо и мягко. Спали, как в раю, съев гороховой суп и кисель из смородины, что самоотверженно по мокрым кустам собирал Витя. Я же немного приболела и отлеживалась в палатке. К утру ухо продолжало тревожить, зато горло совсем прошло.

Помню, Толя долго пытался поднять Лилю из палатки к ужину, но безуспешно. И, кажется, был этим обескуражен. В последние два дня у Лили стали видны усталость, хмурость, тоска. Это было видно не только мне, но и Толе. На Катунь он даже спросил меня: «Что с Лилей? Она даже тебя кусает». Это все усталость, просто усталость от длинного пути. Уже 10 лет как Лиля не бывала в таких длительных походах. Обычно нам хватало 10-15 дней, чтобы устать, а остальное время отпуска мы тратили на города. Уже на Аргуте, на 11 походном дне, Лиля ощутила потребность вернуться домой – ей уже хватило и трудностей, и красоты, и бродячего коммунизма. А пришлось идти еще 10 дней, за которые усталость могла только накапливаться, а желание возвращения домой – усиливаться. Да так было со всеми нами, все больше и больше мы возвращались к мыслям о дороге домой, о самом доме, выбивались из интересов похода и тем самым выбивались из естественной жизни нашей общины, разлагая ее строй. Внешне все оставалось по-прежнему, в русле только начинающих крепнуть традиций и привычек, но мыслями мы уже начинали изменять общему делу. И если плохое настроение удавалось скрыть, то все равно терялась радость и естественность этой жизни.

По сути дела, так начиналось разложение нашей маленькой коммуны. И вместе с этим начинал падать и авторитет Толи – нашего племенного вождя – и это тоже было признаком разложения, современная подкладка нашей психики уже просилась наружу и бунтовала. И, как всегда, в любом прогрессе и разложении, передовыми были женщины (и здесь «ищи женщину»).

22 августа. Рахмановское седло, куда мы через час после выхода поднялись, лежало в свежем снегу поверх травы. И мы еще раз поняли, что во время кончаем, что здесь уже наступила осень. Белуха почти не показывалась из облачной пелены, только иногда посматривала на нас кончиками своих вершин. И все же солнце вместе с очередным Толиным сюрпризом (он составил стол на камне из 100-граммовой

бутылки коньяка, шоколада и «Белочек») позволили нам радостно отпраздновать конец похода.

А чуть ниже уже мы вручили Толе «адрес» с приколотыми «ветками зелеными» (веточками кедра и лиственницы) и стихами, сочиненными, в основном, Галей:

В последний день похода / Хотим тебе сказать:

Мы рады, что сумел ты/ Нас на Алтай собрать

Ты нам дарил сюрпризы,/ К Белухе путь открыл,

По трудным перевалам / За воротник тащил.

Ты ходишь так по скалам,/ Как будто им сродни,

И горы машут главами:/ Приди, еще приди!

Пред тобой десятилетия бессильны,

И мы детям хотим завещать/ Край цветов, озер и Белухи

Под началом твоим увидеть!

Галя прочла их звонким пионерским голосом, а мы все глядели на улыбающегося Толю и радовались.

Потом я жалел, что только «глядел и радовался» и не осмелился сфотографировать Галя в этой декламации.

Отошли назад страхи, грусть, недовольство собой, забылись скальные перевалы. Галя совсем пришла в себя, раскрыла крылья и вся высвечивается нашей общей благодарностью. Но попробуй, выскажись так! Рвется из нее самое лучшее и радостное... А ведь весь поход Толя ворчал на нее, корил за длинный язык (хотя такой молчаливой я ее редко видел), за приукрашивания, за женские хитрости, да мало ли за что...

Высмеивал, чуть ли не грубил и даже в белых стихах, что уж совсем было трудно ожидать от командора. Галя же в ответ только кротко улыбалась, не возражала и не оправдывалась, и продолжала хвалить Толю – за силу, смелость, решительность, романтизм...

Конечно, идею адреса выдумала Галя. У нас на это не хватило бы ни смелости, ни фантазии (неловко, непривычно), хотя мы, действительно, благодарны Толе за поход. «Может, сказать просто «спасибо» при прощании», – предлагаю при тайном обсуждении в предпоследний день,- «Нет, нет – напряженно шепчет Галя, Толя такой романтик, такой... ему обязательно

надо подарить что-нибудь на память, чтобы можно было хранить». И она была права, потому что знала Толю лучше. Он улыбался при этом чтении и был явно расстроган. А мы были благодарны и находчивой Гале, и довольному Толе, и Рахмановым Ключам внизу, и солнцу над дорогой. Как хорошо! В Рахмановские Ключи пришли в одиннадцатом часу утра.

За 10 лет они сильно расстроились, вырос большой санаторий, который спрятал под свои крыши все радоновые ванны. Нет больше шумного кибиточного табора. Все стало чинно благопристойно и закрыто.

Узнаем, что выехать отсюда трудно, туристы сидят уже 4-й день, а другие ушли пешком. Но нам, как всегда, везет – находится машина с грузом пустых бутылок и продовольственным ящиком. В этом-то ящике на четверть кузова, укрытые от взоров ГАИ и пограничников, мы и ехали все 380 км до ж.д. в Зыряновске. Теперь будет лишь проза железной дороги: один поезд, второй, потом третий и четвертый, не считая, конечно, метро. И мы опять будем в Москве, где, по газетам, стоит все та же жуткая жара, горят торфяники и не выпускают туристов за город. И поэтому сейчас я не ворчу на холод в вагоне, хотя рука и мерзнет писать.

Последний походный день стал одновременно и Днем Ящика, в котором мы, подпрыгивая и раскачиваясь на ухабах, просидели больше 8 часов. Только Гале посчастливилось ехать в кабине. Ящик был разделен на 2 неравные части: в большей сидело 5 человек; в меньшей – Толя и я. Мы шутили, что волей случая провели вдвоем 8 часов отсидки почти карцерного типа. Память о наших разногласиях делало это тесное соседство напряженным... Двадцатый век. Пять советских туристов, старших и прочих инженеров, граждан космической державы, возвращается на работу после законного отпуска – и не в собственном автомобиле, не в автобусе даже, а тайком, согнувшись в продовольственном ларе, как преступные мыши.

Почему? – Ответ простой и понятный: «Потому что автобусы здесь не ходят, а перевозить людей в грузовых машинах запрещает ГАИ». И некого обвинить, потому что ГАИ права, и руководители автопарка правы (дорога здесь еще не в порядке, не достроена), и строители, наверное, правы. А парадоксальность нашего ящичного положения все же не исчезает.

Мы трясемся вдвоем в тесной конуре не более квадратного метра. Уже давно стемнело, и в щель, оставленную нам для воздуха, иногда заглядывают черные склоны с лунным светом. Мы молчим, но мысленно я продолжаю возвращаться к своему вопросу: «Почему же Толя не заметит этой парадоксальности? Почему он воспринимает ее как должное? И почему я не нахожу общего языка вот с такими людьми, лидерами неформальных групп? Мы пробыли вместе целый месяц – теснее общение трудно придумать, но от этого ближе не стали».

Косноязычно завязывается разговор. Сначала о дорогах, потом о строительных отрядах. В этой тесной и темной клетушке прямо тянет на откровения. И я рассказываю о своей отрядной работе – и в целинных коммунах, и в строительной коммуне студенческого общежития, и вообще о своих поисках коммунизма, о поисках и разочарованиях. Как-то монотонно рассказываю, благодарный Толе только за то, что он не обрывает и позволяет мне еще раз упрямо подтвердить, что все отрицания и утверждения дались мне совсем не просто, и совсем не от злобы, что за ними много пережито.

И я благодарен только за то, что он молчит и, возможно, слушает, благодарен за надежду, что, может, услышит...Но вот и Зырянск. Приехали. Конец.

Комментарий -77. «Алтайский дневник» был напечатан сразу, в сентябре, и уже осенью прочитан нашими друзьями. Мы получили два отзыва – от Олега, который здесь назвал себя Корнилом, и самого Толи

Рецензия на "Алтайский дневник" от Корнила 19.11.72.

Стр. 114 – «Благородство силы всегда вызывает чувства симпатии и уважения. Наиболее восторженные натуры доходят до обожания. При добровольном изъявлении подобного «силач» качественно выше, особенно, если он выделяется на ровном фоне инертности, и, естественно, такое полезное для всех предводительство незаурядного человека вызывает благородный отклик в зрячих сердцах. Алгебраически неизбежно, что в любом объединении выявится личность, чем-то в конкретно общежелательном смысле богаче или сильнее других. В данном случае – опыт, закалка, решительность, неутомимость Толи.

Не оценить это, «не опереться на его великодушную руку» - значит признать уязвленным свое мужское самолюбие. И, чтобы это простреленное самолюбие не висело окровавленным комом над сознанием, надо дополнить организационные и проводниковые усилия главного «вождя» (всегда презирал и иступленно топчу это олигархическое слово и стремглав соединяюсь с Виктором в рассуждении об изначальной богоносительной морали /женщин/ и жалею большинство из них за бездумное коронование грубого мужланства, заставляющего их забыть, что только так и должен поступать любой, не только «настоящий», мужчина по отношению к возвышенному), какими-то другими чертами и поступками, которых нет у возглавителя. Тогда компания выглядит не кометообразной волчьей стаей...

При такой взаимозависимости и взаимопольности исторический взгляд на природу власти меняется. Животное покорство, страх и обожание возникают в нас тогда, когда мы сами абсолютизируем силу, наиболее нечеловеческое, недуховное в его природе, и перестаем считать свои достоинства соразмерными этому феномену.

стр. 104-136 – Грустное скандирование: 10 лет назад, возвращение к знакомой тропе; встреча самоуверенных, быстроногих, хохочущих молодых людей, которым так далеко

еще до дряхлости, болезней, разочарований... - Неужели уже загнивание всего состава: рассудка, остова, привычек? – Как будто 10 венцов огромного сруба за 10 сезонов работы взвалили себе на плечи...

стр. 135-136. – «Ящичный комфорт», как торжественный апофеоз, максимально ублагостил сибаритские амбиции ведущих советских инженеров в их отпускной кампании. Слава новым Диогенам, уже не жалким одиночкам, а, по крайней мере, взаимотерпимым собеседникам без материального рвачества: деньги на бочку! ...Деньги с верхнего донышка сгреб шофер?

Отповедь оскобленного Толи, октябрь 1972

Предварение: Реакция Толи на дневник оказалась очень острой. Такой пристрастности даже я не ожидал. Лиля была обижена, что Толя высмеял нас совместно, отбросив ее многократно выраженные восхищение и признательность. Я же в основном был обрадован тем, что Толя все же заговорил, да еще как! Сюда же примешивается чувство стыда за недосмотренные хвастливые или самонадеянные фразы (как себя ни одергивай, не всегда это удается), за невольные обидные слова.

Однако, думаю, нет смысла оправдываться и снимать с себя вину, потому что, во-первых, по большому счету Толины обвинения несправедливы (нет неуважения к ребятам и к нему самому, нет желания произносить нравоучения, а тем более, насильственные проповеди), а, во-вторых, вина, конечно, есть (всегда есть что в себе исправлять и «совершенствовать»). Наконец, есть несомненная вина – в существовании самого дневника, где описываемся жизнь ребят без их предварительного согласия. Тем более что эту опасность я сознавал заранее и надеялся ее избежать, не трогая ничего лишнего, кроме двух тем: 1) мировоззренческие споры, вернее, невозможность такого спора с людьми традиционных взглядов; 2) быт туристской коммуны.

Я был готов к тому, что Толя может обидеться, но если обиделись Галя и Володя, то, значит, свою задачу (не трогать лишнего) я не выполнил, и потому очень виноват. Отчасти это можно исправить, изъяв дневник из чтения лиц, непосредственно знающих Галю, Толю и Володю и, конечно, заявившись на будущее от повторения такого «бытописательства».

Я перепечатываю отповедь Толи без всяких изменений, ибо точность считаю единственным достоинством в этом деле. Единственное, что я позволил себе – это поставить звездочки в тех местах, где Толя, цитируя мои фразы, невольно их искажает и передергивает. Кроме того, я изменил прозвище, которым он меня награждает, но так, чтобы отповедь не потеряла силы в своей оскорбительности... Когда-то я признал, что не вижу ничего худого в образе жизни и мыслях простых людей – обывателей, мещан, буржуа-горожан, что презрение к ним – незаслуженно, и потому мог бы гордиться таким прозвищем. Этим Толя и воспользовался, сводя все прежние дискуссии в свод «Мыслей» Мещанского... Все же остальное передано дословно.

«Чтобы усвоить коммунизм в действии, любому из нас достаточно пойти в турпоход...»(Мещанский, «Мысли»)

Уже первые строки «Алтайского дневника» 1972 (Далее – АД) дают основание полагать, что перед нами весьма значительное произведение, написанное мудрым пером, широко и вдохновенно, с глубоким проникновением в тайны человеческих взаимоотношений, с тонким философским исследованием разнообразных сторон жизни, явлений природы, истории России.

Угадываемая грустная безнадежность и завидная терпимость, с которыми автор предлагает доступным ему «твердолобым», «упирающимся перед мыслью», - основные положения своего могучего труда, истинного кладезя знаний и опыта; форма повествования, при которой на незатейливую бытовую нить,

трогательную местами до слез («много спала», «надоела тропа», «думала о детях», «сажусь на пятую точку» и т.д.) нанизаны крупницы мудрости, поистине бесценные и бездонные, психологически утонченные, исторически верные и значительные («до чего же много временного, брошенного», «как будто листаешь всю страну», «свою долю несли, не отставали», «было в такой правоте что-то историческое» и т.д.) – позволяют предполагать, что и на этот раз радость по поводу собственного просветления и озарения нисходит от семьи Мещанских – людей незаурядных, скромных, целеустремленных, богатых на мысли, даривших и ранее нам незабвенные и замечательные строки.

Это и неудивительно. Кому, как не им, ясно сознающим свое превосходство в общественно-социологических и гражданственных вопросах («Уральский дневник»), нести знамя Просвещения и Правды.

С волнением знакомимся с историей «дикой туристской группы», отправившейся в горы Алтая с мыслями о радостно-братских отношениях в дружеской компании, ожидающей восторг «туристского слияния с природой» (Мещанский, «М.»), с неослабным вниманием наблюдаем воодушевление при виде «умопомрачительной» природы, сколачивание «крепкой общины одних интересов и единых желаний» (АД, стр. 112), выявление «сильного мужчины» в трудных условиях при «явлении женского обожествления» оного (АД, стр. 114), растущие антагонизмы и углубление взаимоотношений, накопление невысказанного, постоянное приглушение опасности споров, постепенное «разложение маленькой коммуны», когда «современная подкладка ... психики уже просилась наружу и бунтовала»* (АД., стр. 130), с печалью отмечаем обозначившиеся, наконец, несовместимость и противоположность членов общины по своим устоям; взглядам на мир, общую жизнь (!), семью, высшие ценности (АД, стр. 129)*.

Живой, самобытный язык, глубокое содержание, оригинальная форма, высокая нравственность и

поучительность – отличительные черты произведения Мещанских.

«Трудности общения каждого с природой были во много раз слабее трудностей и опасностей внутренних отношений» - читаем мы уже на первой странице АД и поражаемся необыкновенной пронизательности и исключительному пониманию ситуации авторами.

Ничто не ускользает от внимательнейшего взора авторов, любое движение души и тела исследуемых членов общины находит отражение во вдохновенных строках, истолковывается, анализируется и изучается. Ум генерирует аналогии и параллели, сравнения и заключения. Власть и массы, мужчина и женщина, коммунизм и община, буржуазная* демократия и советская власть, прогресс и отсталость, Александр Невский и бедные ойроты-алтайцы – мысли лезут одна на другую на фоне милой природы и чудесных гор, образуя замечательную и стройную кучу во славу Разума и Справедливости.

Согласно Мещанскому, «попадая в лес, мы немедленно восстанавливаем отношения древнего коммунизма» (М.), немедленно наступает душевная, братская обстановка при всеобщем удовольствии и взаимной заботе, немедленно следует приступить к «свободному» распределению взятых продуктов. Всем вволю сухарей и сахара! Чтобы на практике торжествовали «принципы уравнительного, бедного коммунизма»*, в подтверждение могучей теории Мещанского. Руководитель же «общины», не понявший «прелести временного коммунизма и его преимуществ» (АД, стр. 9), не давший расцвести «древнему коммунизму – просто-напросто «упрямец и Бурбон»*. К несчастью*, именно «упрямцы всегда делали погоду» (АД, стр. 11). Черные страницы* в истории общины связаны с введением принципов «казарменного коммунизма», включающих в себя ужасные поочередные дежурства на кухне с ранней побудкой и трехразовым мытьем посуды.

Тем не менее, тов. Мещанский, этот «страдающий слабый, вызывающий в лучшем случае только жалость»* (АД, стр. 126) человек, «ценой больших усилий»* прошел сквозь горнило испытаний, вкусив на практике смысл леденящих душу слов: дисциплина, нормирование, регламент. Апофеозом страданий, выпавших на его долю, явилась поездка длиной в 380 км в продуктивном ящике, дабы уберечься от взоров ГАИ и пограничников. Несчастный, скрюченный в ящике, но не сломленный «гражданин космической державы»* - таким проступает Мещанский со страниц дневника.

Цепь трудностей, те усилия и затраты «ради сохранения целостности общины», «официальное племенное собрание с персональным вопросом в повестке дня» (АД, стр. 16), «попранное чувство равенства» при развитом чувстве гордости не смогли не сказаться на душевном и психологическом настрое членов общины. «Мы пробыли вместе целый месяц, но от этого ближе не стали». (АД, стр. 136) – заключают в тревоге Мещанские.

Вызывает некоторую жалость, что это тонкое, глубинное исследование коснулось лишь жизни маленькой коммуны – частного случая всего разнообразия проявлений «обыкновенного коммунизма», в котором «мы буквально плаваем» (М.). Можно порекомендовать Мещанскому; такую обширную область для ищущего ума, как наша Московская баня, где проявление черт коммунизма значительно рельефнее и даже, можно сказать, обнаженнее. Своеобразный уклад, оригинальные товарные отношения, демократизм, определенная иерархия при поддаче пара – это ли не обширная и благодатная нива для исследований...

Одной из замечательных граней дарования Мещанских, засверкавших и на этот раз в АД, является глубокое понимание экономической и политической реальности современного мира. Достояна восхищения простая и вместе с тем емкая и захватывающая формула счастливого устройства жизни*, которую они разработали* и предлагают* неосведомленной аудитории – «буржуазная демократия +

свободная экономика американского образца* (АД, стр. 112). Приходится лишь поражаться и удивляться позиции «твердолобых», цепляющихся за догмы и еще непонятно за что перед неотвратимым натиском «западноевропейской идеологии действительного коммунизма» (М.), защитником и носителем которой в наших жутких* феодальных условиях является тов. Мещанский.

Порой проявляется усталость и даже отчаяние («Я не удивляюсь непониманию того, что...», «я уже не удивляюсь нежеланию отойти от сталинских официальных догм...», «я устал себя спрашивать», «становлюсь фаталистом» (АД, стр. 127), еще очевидно, что «далеко до ясного понимания многих вопросов» (АД, стр. 129), но вновь и вновь при неблагоприятнейшей обстановке непонимания и подозрительности окружающих, рука берется за перо во славу «истинного коммунизма», корни которого кроются в сегодняшнем капитализме» (М.), в надежде на слабый отзвук аудитории. Но кто способен хоть к какому-нибудь «движению мысли»?!* В туристской общине лишь редкая возможность услышать «пересказы забавных предположений различных историков» (АД, стр. 121) и только, а в основном* - «ненависть к людям иных взглядов» (АД, стр.127) – к пламенным революционерам* Мещанским - росткам будущем всеобщей братской буржуазной семьи.

Нести бремя «лояльной оппозиции» и «активного консерватизма», брать на себя труд писать, печатать* и распространять* СЛОВО – в тяжелейших условиях официального непризнания с единственной целью внедрить* свою истину в бараньи* головы читателей – пример большого, гибкого ума, любвеобильного к людям сердца и общественного мужества.

Вновь и вновь хочется перечитывать чудесные страницы «Алтайского дневника», смело и принципиально детализирующие* убогий* душевный мир членов исследуемой общины, решительно и глубоко перекапывающие пласты истории, рисующие мрачную* реальность

сегодняшнего дня и перспективы светлого буржуазного далека.

Сквозь тьму всеобщего незнания и глупости молочным светом пробиваются снежные вершины Алтая, над которым витают пронзительно чистые и непогрешимые лица Мещанских.

Все на Алтай, друзья!

***Комментарий -77.** Особенно рада была появлению Толиной отповеди Галя. Она почему-то была задета больше всех. Володя был в стороне и только удивлялся нашим обидам. Вину свою я признал, дневник из общения изъясил и со временем получил молчаливое прощение, но холодность в общении осталась и усилилась. Ребята так и не посмотрели наш алтайский диафильм.*

Немалую часть нашей жизни заняли переживания по поводу отношений с туристскими друзьями, догадки о причинах охлаждения. Толина отповедь – это единственный голос «той стороны», единственный документ, позволяющий понять, почему мы неудобны для друзей... Постоянное давление, демонстрация своего превосходства, хвастовство под личиной скромности, самоутверждение за чужой счет... все это понимается с трудом... Наверное, все это очень неприятно, но как себя вести иначе? Не думать, не толкаться со спорами? Нивелировать себя? Как найти необходимую меру?

Мы тоже оказались достаточно глухи к словам Толи и друзей и неспособными к анализу и практическим выводам. Мы тоже не меняемся...

Еще отповедь Толи интересна отражением наших споров. Внешне он мне не возражает, оставаясь на позиции простой стойкости («доказать не могу, но не согласен»), а на деле – спорит. Но спорит по-своему, ни аргументами, ни логикой, а юмором, своеобразным доказательством от противоположного, приведениям к «нелепости». Но поскольку с его точки зрения, простой нелепостью является признание прогрессивности капитализма, сближения последнего с идеалами свободного коммунизма, коммунизма в обычной жизни, и другие

непривычные положения, то и задача у него оказывается очень легкой (очень часто я сам иду навстречу такому «обострению положений»). Принять же мой способ – отказ от любых априорных принципов, поиска ответов лишь в реальной жизни, он не хочет (а может, не может), и отбрасывает. Получается диалог глухих.

Мне это кажется типичным примером. И еще раз подтвердился старый вывод о бессмысленности не только пропаганды, но даже частных споров, если нет у оппонентов, изначально, какой-то общей платформы, общей цели и стремления уяснить самим себе неясное и придти к истине... Если нет изначально сомнения, вопроса у обоих. А такое первое сомнение может появиться у человека только при личном столкновении с жизнью принятой им точки зрения. Кажется, что у людей, придерживающихся официальных взглядов, такое столкновение с действительностью должно происходить очень часто. Но если человек внутренне настроен на «верность идеалам», если его внутренняя установка направлена на преодоление, объяснение и устранение таких противоречий, то никаких кардинальных сомнений у него не появится и разговаривать с ним диссиденту будет бесполезно. С таким человеком можно лишь совместно жить, сосуществовать или даже дружить, но не спорить. Дразнить спорами – бесполезно и даже вредно, поскольку они еще больше усиливают непонимание, раздражение и рознь.

Так у нас получилось с Толей. Чем больше я приводил аргументов, чем сильнее были доводы, чем прочнее чувствовал себя в логическом споре, тем больше крепло у Толи желание духовного сопротивления этому идейному диктату, тем сильнее было его желание обвинить меня в высокомерии, желании поучать, стоять «выше простых смертных», вбивать в «бараньи» головы... Таким оказалось восприятие моих попыток достичь взаимопонимания. Можно ли себе представить больший провал?

Нет, на споры и такие разговоры я больше идти не буду. Алтай вышиб из меня последние остатки пропагандистского экстремизма. Но, может, эти обидные неудачи – лишь мой личный опыт, из-за персональных недостатков? Не думаю. Уверен, что подобные «сбои» происходят в контактах и других подписантов в общении с «простыми советскими людьми».

Но что это за рекомендация: ни с кем не спорить, не навязывать никому своих идей, не «просвещать» и не пропагандировать? Не похожи ли такие рекомендации на совет – не разговаривать? Не существовать? Что же остается?

А остается одно: просто жить и работать – но не как «все», а согласно своим убеждениям и своей совести, т.е. поступать в обычной жизни так, как поступали подписанты в защите прав. Вот и все.

Сценарий диафильма «Алтайские бредни»

По форме он почти полностью отошел от туристских фильмов, заменив хронику реального пути обобщенной схемой маршрута: подходы-перевал-озеро-возвращение. «Этюдная» форма (по примеру фильмов Коренкова) помогла выявить какую-то типовую схему наших действий, чередование подъемов и спусков. Горное путешествие – лишь частный и далеко не главный пример этой схемы.

В диафильме много красивых кадров, музыки, в него много нами вложено, продумано. Правда, оттуда почти полностью убрана вся конкретика внутренних взаимоотношений (реакция Толи и Гали на дневник была уже нам известна, и потому я даже назвал диафильм «Алтайскими бреднями»), но это название со временем потеряло уничижительность и прижилось). Зато развитие получили все те же вечные для нас темы: величие гор, таинственность и многообразие их жизни, печаль старения и бодрость будущей старости, когда будем на пенсии свободными и сможем вернуться на Алтай, т.е. тема

нашей веры, нашей религии. Тема ойротов-монголов привязывает диафильм к тому «Украины», и все же главное в нем – горы...

1. «Алтайскими бреднями» назовут наши спутники этот диафильм, и трудно будет им возразить. Целый месяц мы впятером жили неразлучно, семьей или братством, как хотите называйте.

2. Но от этого мы совсем не стали одинаковыми или хотя бы близкими. У нас почти нет общих воспоминаний – только одинаковые кадры, раз но осмысленные каждым.

3. Вот Толя – походный организатор и руководитель, охотник и фотокор. Краски, которыми он окрашивает мир, поразительно не совпадают с нашими.

4. А это гордая и кроткая Галя, наш давний и строгий судья. О том, какими она видела нас на Алтае, можно лишь смутно догадываться.

5. С Володей нас не связывает многолетнее знакомство, и как увидел и слышал он, почти неизвестно.

6. Ну, а мы-то сами? Можем ли поручиться, что сумеем точно передать свои впечатления от каждого походного дня? Конечно, нет! Мы тоже ведь пристрастны.

7. Мои воспоминания и размышления, записанные после похода, только мне самому кажутся правдивыми и ясными,

8. а вам, напротив, может показаться, что я подобно бегемоту вожусь в болоте. Ну что ж, простите бегемоту толстокожесть и поверьте, что я-то и сейчас вижу наш Алтай солнечным.

9. Общее впечатление от Алтайского похода: мы там были вместе. Просто вместе шли, мокли, уставали, ели, спали, мерзли, боялись, отдыхали... Мы были вместе, и это было хорошо!

10. Подходы

11-19. 20. Когда Марко Поло диктовал свои воспоминания, то про Алтай он сказал Европе лишь одно: «А во владениях монгольского императора есть большая гора, и зовется она – Алтай».

21. Караван Марко Поло шел, наверное, так же медленно, как и мы и, возможно, теми же жаркими ущельями, чтобы, перевалив Монгольский Алтай, вступить в южные пустыни центральной Азии – Синцзян, Гоби, Монголию...
22. А вот нам туда не нужно. Нам хватило Монголии здесь, на подходе и переходах.
23. Выжженные пространства, палящее солнце, дорога,
24. взбитая копытами табунов, невзрачные камни могильников. Как не вспомнить древних монголов, натываясь на эти камни?
25. Не вспомнить Чингиза, его непобедимую конницу? И вспомнить сразу (от одного только вида конской морды) весь комплекс восточной темы в русской истории...
26. Эта земля – самое логово Востока – родина варваров, еще не отошедших от кочевого коммунизма и уже овладевших современным оружием, выработанным оседлыми цивилизациями: грозные гунны, тюрки, монголы...
27. Сейчас здесь ничего нет. Даже захудалого ойротского ханства. Только кони, да заброшенные поселки,
28. да летние стойбища, где
29. вольно растут черноглазые ребятишки, не давая оскудеть своему народу.
- 30-32. Но уйдут и они от горы Алтай, уйдут в цивилизные места вслед за теми, кто уже бросил свои избы и поля,
33. уйдут, оставив «дичающие горы» нам – туристам-горожанам.
34. Позади остались автобус, село Чибит и тропа над Чуей...
35. И слава богу! Обходить такие бомы – удовольствие маленькое.
36. Весь следующий день мы шли только вверх, вбок от Чуи. Нет, не шли, а тяжело работали, поднимая на сантиметры вверх свои рюкзаки с трехнедельным грузом продуктов.
37. К вечеру причуйская тайга с редкими, звонкими от кузнечиков полянками,
38. с конными алтайцами,
39. осталась внизу.

40. Ночуем у границы алтайских гор, нет, алтайских лугов, у чистого ручья, уставшие от трудного взлета, но счастливые, как вырвавшиеся из клетки птицы. Здороваемся с горами, не задрав головы, а этак – на равных.

41. На следующий день мы увидели свою главную цель – ледник Маашей, притом так явственно и близко, что, кажется, будь у нас крылья, вмиг бы долетели до того заманчивого языка, чтобы лизнуть его сахарную чистоту.

42. Эти вершины были в наших глазах так прекрасны, так притягательны... Но перед нами было плато с колючим ерником, и мы не знали, обходить ли его или ломиться напрямик.

43. Ориентировщики судили и рядили. Володя был полон энтузиазма, Галя беспокоилась: ерник ей очень не нравился. Толя развивал свою мысль...

44. И вот уже Володя развивает Толину мысль, а командор думает дальше...

45. И пошли. На полдня. Было всякое. Жара без ветра, сушь в горле, пот градом, ерник держит ноги,

46-46а. рюкзак как слон.

47. Были и 15-минутки отдыха, и холодная вода в середине пути, и островки леса с тенью.

48. А потом крутой спуск к реке, обед и

49. снова спуск и, наконец, ночевка у горного озера. Таким был второй день, а было их всего двадцать два. Рассказывать про все – устанете слушать. Поэтому мы покажем только эпизоды,

50. Переправа

51. На Алтае мы ходили в основном по тропам, а тропы бегут по долинам и ущельям, где текут ручейки и реки. Так что перемещались мы вдоль рек.

52. И только иногда, очень редко – поперек.

53. Алтайские реки очень красивые и очень разные.

54. Одни живописно разбросали камни,

55. другие привлекают радугой брызг и

56. грохотом Рассыпного водопада.

- 57-60, 61. Маленькие речки и ручьи – вертлявые, игручие, как ласковая Алибечка, и не опасны.
62. Находя себе скальные трещины, они порой скачут с уступа на уступ, шумя и запугивая,
63. и в то же время привлекая испить водицы.
- 64-66, 67. Большие реки – Карагем, Аргут, Катунь, обе Берели – красивы страстным течением зеленоватых или синих вод.
68. Как сильные змеи, несут они свои пружинистые тела
- 69-70. через пороги и перекаты, мимо лесных и ягодных берегов.
71. Весь поход реки дарили нам красоту и радость, тропу и еду, лес и воду. И лишь иногда мы вступали с ними в
72. конфликт, когда засовывали свои ноги в середину течения, мешая его многовековому движению.
73. С некрупными реками было проще. По камням, по камешкам – прыг-скок и на том берегу!
74. И снова вверх до новой переправы.
75. Любо-дорого переходить такую спокойную реку, как Черная Берель. Не торопясь, чтобы полюбоваться цветными камушками, которыми она устлала свое дно.
76. Правда, потом надо шагать веселей, чтобы подсохло на тебе.
77. Зато пересекать такие потоки было неприятно. Вода ревет, бревно ходит ходуном и заплескивается водой, голова дуреет от страха, теряешь веру в свои силы...
78. Как хочется опереться на крепкую руку!
79. Большие реки мы проходили по мостам, если они были и когда мы их находили.
80. Мост близ устья Карагема мы искали полдня. Искали упорно, потому что переходить эту прорву воды
81. – страшно, невозможно.
82. Ведь именно здесь мы увидели группу туристов, у которых Карагем унес парня. Чудом он остался жив.
83. Но выше по течению нам все же пришлось его переходить. Как это делалось? – Придется рассказать на пальцах.

84. Сначала, конечно, идет разведка. Потом, пересекая мелкие, холодные, но не страшные протоки, подходили к основному руслу...

85. И вот, вцепившись в лямки соседских рюкзаков, стройной шеренгой на дрожащих ногах наступаем на поток, туда, где ревет бурун и где можно предполагать мелкую воду.

86. Ведь важна не скорость воды, а ее опрокидывающий момент, и если вода дойдет до пояса, никто не сможет удержаться – поплывет гиблой щепкой.

87. И вот мы проходим уже полпотока, а вода все еще – по колено, и вдруг –

88. – выше колен... еще выше... покачулся такой близкий и желанный берег. Завертелась вокруг пляска струй, вырываются из-под ног камни, и ты все ближе к кипящему холоду. Крики: «Ай», «Давай», «Держись-держись!» И только руки друзей остаются на месте, только они каменеют, только они остаются опорой, только их нельзя подвести.

89. И они выводят тебя на другой берег, где можно расцепить пальцы, нарушить эту противоестественно прочную и такую нужную общую связь.

90. Карагем и Берель мы прошли удачно, хоть и на пределе, под замокшим рюкзаком. А вот в более мелкой, едва родившейся Катунь, нам пришлось искупаться.

91. Лиля пока беззаботно смеется, не ожидая от переправы подвоха – река-то мелкая. Но все же мы нашли глубокое место, где нас сбила волна, по счастью, у самого берега.

92. А потом сохли, стараясь не стучать зубами.

93. Недолго длится переправа, минуты. Но нигде так не нужны каждому еще четверо. Нигде нет такого преображения в единое существо с одной целью и одними чувствами в борьбе с одним яростным противником: Он или твои 10 ног? Да или нет?

94. А когда переправа позади, 10-ногое существо опять распадается на свои двуногие элементы.

95. Ледник

96. Отцом алтайских рек является ледник – грузная белая масса гигантского существа, истекающего снеговой водой вместо крови.

96. Он миллионы лет все тает и тает и поит собой Алтай и степи и леса Сибири...

97. В нашей походной жизни ледники играли короткую, но важную роль. Они были, прежде всего, ровной и потому удобной дорогой к перевалу.

98. Правда, на нем бывало и сыро, и холодно, а если снегом закрывал трещины, то и опасно, и мы шли по нему, как

99. вождь ходил в эмиграцию по льду Финского залива. Ведь то, что леднику кажется лишь мелкой трещинкой, для

100. нас, пигмеев, могло оказаться грозной ловушкой.

101. И все же лучшей дороги в горах, чем пологий ледник, трудно представить. Особенно на спуске, после перевальных тягот.

102. Тогда связи внутри нашего коллектива настолько ослабевали, что мы просто разбрелись... Каждый сам по себе стучал ногами по гигантской шкуре ледового моллюска.

103. Он хоть и живой, но безобидный – если только самим не лезть на рожон.

104. Хорошо идти, а потом вдруг застыть в удивлении перед открытой водоносной жилой: «Ледник, ледник, тебе не больно?» А он, конечно, и не заметит, и не ответит...

105. А в один невеселый дождливым вечер мы специально пошли к ледовому чуду в гости. Оно лежало белоснежной подушкой и казалось очень добрым.

106. Шли, как обычно, мореной и скоро подошли

107. к его печальной и выразительной морде

108-110.

111. Помню, мы долго гостили, весело болтали.

112. И все было просто и понятно.

113. Но стоило отойти от него, и снова он становился таинственным, как в сказке...

114. **Зеленая гостиница**

Так альпинисты называют свои ночевки выше леса на зеленой травке.

115. И так по старой памяти называем и мы ночевку, куда приходится тащить дрова и колья.

116. Обычно засветло приходили к какому-то верхнему озеру или просто к моренному карману, устав от тяжелого подъема. И надо бы еще подняться, да выше будет хуже и холоднее, поэтому давайте лучше останавливаться здесь...

117-118,119. На озере под перевалом Карачек мы прожили с 4 часов дня до утреннего солнца.

120-121, 122. Кто отдыхал, кто стирал, кто мылся и даже купался в ледяной воде,

123. кто гулял по окрестностям в поисках золотого корня.

124. Руководству группы интересно заранее просмотреть перевальный маршрут, чтоб знать завтрашние трудности.

125. На завтра им нужно внутренне собраться, чтобы быть всеведущим и сильным, готовой к действию пружинной,

126 - или – всезнающим духом.

127. Нам же с Витей проще: - завтра друзья скажут, как идти, и укажут – куда идти. А сейчас мы странно пустынно от мыслей и желаний, как горное озеро.

128. Вокруг скудная зеленая пустыня. Жизнь тонкой пленкой ютится по камням...

129...Но оказывается, если приглядеться, можно увидеть и

130. притронуться к вечной человеческой радости – цветам.

131-133,

134. А среди них этот оранжевый цветок на сильном стебле. Как мы радовались, увидев его в первый раз... Это ведь не простой цветок – у него золотой корень – родственник женьшеня!

135. Золотая лихорадка затрясла нас. Скорей, больше! Ножом, нет, айсбалем! «У меня самый большой» - «А у меня зато много!» - Но куда их много-то? – Ведь завтра перевал.

136. И стихла лихорадка, но осталось удивление перед этой невзрачной сверху зеленой пленкой, где оказывается столько форм и столько красоты...

137-142, 143. Так проходит походный вечер, а заканчивается он

144. скудным костром в камине, который не может разогнать сгушающийся холод, ледяющий руки, воздух в палатке

145. и оседающий в озере льдинками.

145. Перевал

146. На перевал вставали рано. В холод и часто в дождь. Вместе с дежурным обычно поднимается Толя. От ответственности, что ли?

147. Недолгие сборы и потопали...

Так уходили мы 4 раза, но в памяти эти

148. выходы уже сливаются в один длинный-длинный перевальный день.

149. Были у нас и простые, неснежные перевалы, дающие радость подъема и великолепные панорамы.

150-151, 152. Но сейчас мы ведем речь о других перевалах – снежных, трудных, требовавших от нас максимума напряжения сил...

153. Вот Маашей – самая высокая гора Северо-Чуйских белков. Снег слепит глаза солнцем даже через темные очки.

154. Взмыленной спине под рюкзаком жарко, а на привалах прихватывает порывистым холодом Маашей.

155. Фотографируем виды на память, снимаем друг другу, не жалея пленки. А ведь эти горы еще нам надоедят,

156. а чистый и глубокий снег, по которому так трудно идти, станет неприятен. Но это будет потом.

157. Под нами на леднике еле различимыми запятыми перемещаются наши недавние попутчики – студенты-томичи.

Страшно за них в этом голом ледяном мире – ведь они

158. идут на очень сложный перевал. И мы молим Маашей оградить их от беды.

159. Еще два дня назад, на озере, мы как-то не верили, что они и впрямь пойдут на этот перевал.

160. Да и вчерашняя дорога, когда мы убедились, что рюкзаки даже у девчат неподъемные, как бы зывали к их благоразумию.

161-162. Но, когда они прошли мимо нас по мокрым камням на верхнюю ночевку, как сама отчаянная юность, как-то защемило сердце. И были в этом горечь от собственной взрослой осторожности и волнение за них, неопытных, но отважных.

163. Через два дня, на Шавло, мы узнали, что им пришлось заночевать на леднике, но уже за тем страшным перевалом.

164. Мы шли к ним навстречу, заранее радуясь встрече...

165. Как загорались девчачьи глаза при упоминании о пройденном перевале!

166. И как хорошо смущался под нашими навязчивыми взглядами полюбившийся нам Вася.

167. Наверное, он смущался и на леднике, когда мы орали с морены: «Вася!» «Васька! Счастливого пути». За себя нам не страшно. Тяжело, конечно. Вставать с нагретых камней не хочется.

168. И все же встаем на не отдохнувшие ноги... Пошли!

169. Идем почти след в след... Не сам идешь – ритм тянет!..

170. Уже виден перевал. Сколько до него: полчаса, час?

171. Больше... По раскисшему снегу мы взобрались на перевал лишь в три часа дня.

172. Вот она – краткая радость перевала, окончания подъема рюкзаков на тысячи метров.

174. Тишина. Она даже не вздрагивает от наших голосов, а лишь вбирает их и опять стоит первозданная.

175. А вокруг столько света, чистоты, нетронутости, как в царстве снежной королевы, что просто поражаешься, как это тебя сюда допустили.

176. 4 раза мы долго и тяжело лезли вверх, в снега, к небу, оставив позади леса с теплом и уютom... Тянутся бесконечные камни морен, осыпей, устают ноги, изрезаны рюкзаками плечи, пот в глазах. Бредовые мысли кружатся в моей голове.

177. Бредовые мысли о чужих мечтах... Ну надо было же так сказать: «Герои-коммунары штурмуют небо коммунизма» - это Маркс о Парижской Коммуне. А вот еще один мечтатель: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути,

крепко взявшись за руки» - это Ленин о своей партии... «Мы поднимемся на пик Туркино» - это уже Фидель о своей молодости...

178. Все они шли – как взбирались в горы. Только мы идем так лишь четвертый день, а они карабкались долгие годы. Прекрасные идеалы, чистые принципы, бескомпромиссные заповеди, как белоснежные пики светили им и, может, даже ярче, чем светят нам земные и реальные, но такие замечательные горы.

179. И еще одно сходство: чем выше, чем ближе к цели, там тяжелее шаг, а белизна снежного плато оборачивается мокрыми ногами, опасными заснеженными трещинами, мерзким холодом.

180. Все живое осталось внизу, а здесь – везде лишь мертвые камни, безмолвие снежных полей, расползающихся под нашими ногами в безобразную рыхлую тропу. Ноша кажется непосильной, и под нею становится ненавистной даже светлая цель Перевала.

181. Всего лишь несколько часов мы в царстве гор, но как быстро гаснет наш энтузиазм, как хочется снова вниз, к жизни. Какой радостью встречаем ее малейшие проявления – бабочку, порхающую в снегах,

182. маленькую, микроскопическую гроздь красных горных цветов. Среди белизны – этот цвет-символ!

183. Но кончается наш краткий привал и снова рюкзак, новый подъем. Скальный взлет и вот: ...

184. «Товарищ, вперед, не дрейфь, давай, назад не пойдем...»

185. Штормовые костюмы. Защитный цвет нашей шеренги. Мы не связаны общей веревкой, но и она скоро пойдет в ход: начинается лазанье вверх по скалам.

186. – «Штурм неба Парижа, казарм Монкада, дрожь и неуверенность ЦК перед взятием Зимнего...» Сорвемся или прорвемся? Смерть или победа? – Боже, пронеси! Только бы оказаться на перевале!

187. Опасность объединяет. Взаимопонимание растет настолько, что не требует слов. Молчание – весомей!

188. Веревка на страховке – безопасность другого в твоих руках. Доверие необычайное. Впереди будет хуже, и лишь оглядка друг на друг позволяет нам преодолевать свой страх и снова ползти вверх. Да... Как это сказал «ренегат» Милован Джилас? «Кто не был в нелегальной компартии, тот не может себе представить, какой красоты и необычайной чистоты отношения объединяют революционеров». Каждый из них идет по скалам борьбы ради общего блага. Ничего постороннего, никакой середины: вверху – общая победа, внизу – общая смерть!

189. Вот если бы и мы навсегда оставались такими друзьями!..

190. Но не будем себя обманывать – им было неизмеримо труднее, положение их намного отчаянней, труд тяжелее. Наш перевал – лишь легкая модель их трагического пути.

191. И все же эта модель лучше тысячи книг. Взойдя на перевал, можно лучше понять трагедию революции!

192. Вот она – победа! Ровная площадка перевала. Свобода от рюкзачного груза и временная безопасность. Расправились плечи, радостно дышит грудь. Неоглядные дали – на десятки километров вокруг.

193. Ясно виден путь вперед – он легкий и почти воздушный. Где-то там красота озер, желанное изобилие и уют леса.

194. На душе светло и привольно, как в мае 17-го в революционной России, в 37-м в Барселоне, в 59-м в Гаване.

195. Но и только. Именно здесь, в победе, кончается наш общий с ними путь. Мы-то пойдем вниз, обратно к жизни, а им – надо продолжать революцию, штурм неба, но теперь-то – как?

196. Они – в растерянности! Тот, кто продолжает идти к небу и после перевала, отрывается от спасительных скал-препятствий и, конечно, разбивается насмерть...

197. Выживает лишь тот, кто расстанется с принципами, идеальными снегами и осторожно сползет с них вниз, прижимаясь к скалам изо всех сил.

198. Нам было несравнимо легче. Ведь мы не давали себе зароків блюсти горную высоту принципов и не спускаться на

грешную землю. И потому нам не надо было себя обманывать, как политическим альпинистам, всегда после победы они стремглав катятся вниз, ...к хозяйству..., к торговле, мещанству..., и в тоже время гордо утверждают верность революции.

199. Нет, нет, мы не будем делать такой страшный путь вниз с глазами, устремленными в небо. Мы – не слепцы и не самоубийцы.

200. Подобно Ужу из «Песни о Соколе», мы поползем осторожно вниз, уже зная, что прелесть полетов в небо – в падении.

201. Скалы, снежные поля, лед, морены..Мы повторяем утренний путь задом наперед, к теплу низменной долины.

202. Пока не прошли перевальные скалы и опасные осыпи, мы держимся вместе.

203. Спешим, радуемся возможности катиться вниз, к сладости прочной стоянки, сердимся друг на друга за

204. отставание, неповоротливость или упрямство.

205-206. Но вот временному перевальному единству наступает конец. Вместо него вступают в силу соображения престижа, желание сохранить дружбу – ведь впереди еще будут перевалы...

207. Мы бежим по снежнику и голому леднику, потом прыгаем по камням и радуемся зарождающейся тропе.

208. Обсыхают ноги. Кончается холод. Склоны из белых становятся цветными.

209. Вместе с нами от холода убегают ручьи.

210. Первые цветы – обычно желтые маки или синие аквилегии. Мы принимаем их как приветствие земли.

211-212,213. Без сожалений оглядываемся назад, на горы, запрятавшие в своих складках пройденный перевал. Мы просто забываем о нем.

214. Впереди видно озеро – за ним мы встанем. Сбегаем последние сотни метров, чтобы у синей воды, облегченно сбросив

215. рюкзаки, начать устройство палатки и костра, всем нутром ощущая приближение восхитительного момента, когда можно будет сесть и припасть к горячему ведру с похлебкой...Такова жизнь!

216. Подъем на горные выси и снова спуск к отрадному корыту...Поедая свою порцию из общего ведра, мы были по настоящему счастливы и умиротворены. Не то, что в голове, во всем теле не было места для желаний и только сейчас, вспоминая наш путь, я думаю: как хорошо быть обычным человеком!

217. Маршрут

218. На Алтае есть льды и камни, реки и озера, луга и степи, но больше всего здесь леса. Кедрового и лиственничного, набитого ягодами и грибами.

219. Наш обычный походный день начинался утром, часов в 8-9. После тяжелого перевала вставали позже и собирались дольше.

220. Но, в конце концов, выходили. Праздник возвращения к жизни продолжался. Нити благожелательности окутывали нашу группу. Хорошо было всем от душевного покоя каждого.

221. А что? Перевал позади, чувствуем себя молодцами; впереди приятная дорога, что уводит нас в новые страны.

222. И хоть идти нетрудно, но законному 15-минутному перерыву через полчаса, мы каждый раз радуемся.

223. Наша пяти-членная походная гусеница раскладывается тогда на свои составные части или собирается вокруг Толи и его карт.

224. Иногда на привалах выдают по леденцу или глюкозе. Чтоб не слабели.

225. Но больше мы нажимаем на ягоды – эту извечную природную сладость и здоровье, которые фармацевтике во веки веков не заменить. Много ели, вдоволь.

226. И такую черную кислицу,

227. и настоящую красную смородину, ничем не хуже садовой.

228. А вот черная смородина порой была и больше, и вкуснее садовой.
229. Была еще и красная жимолость. Но мы ее не ели. Боялись почему-то.
230. Выше леса нас радовала вороника.
231. По берегам рек – облепиха.
232. А в глухой тайге росла такая сладкая черника
233. и призывно краснела брусника.
234. Однако главной ягодой была синяя и чуть горьковатая жимолость. Ее мы потребляли больше всего: глотали сразу, пили чай и варили морс.
235. И, конечно же, грибы, которые мы собирали просто на ходу.
236. Их было много, мы отбирали лишь самых юных и крепких.
237. В лесу мы были не гостями, а хозяевами. Ведь он бескорыстен и все свои богатства отдает великодушно и даром. В лесу мы живем почти на подножном корму – вот жалко ружья нет – как будто кочуем на манер стада древних обезьян или первобытных людей. Обьедаем все вокруг, сколько кто хочет, как говорится – по потребности, действуя, естественно – по способностям.
238. И лес, этот сфинкс с изобильной душой, обеспечивает наш временный коммунизм.
239. Он велик и живет сам по себе без наших забот и труда, и потому, наверное, в нем нам так хорошо и привольно.
240. Объявляется большой отдых – обед, и мы останавливаемся у какого-нибудь ручья
241. с чистой водой. Хоть пей,
242. хоть устраивай «всеобщую помойку».
243. Обычно обед длился час-полтора. Мы успевали выпить кружку горячего бульона и чай, а порой и вздремнуть. Этот святой час был насыщен совещаниями, что есть сейчас, что потом, сколько, потом был трепетный момент дележки, которую никто не мог осуществить так точно и так

авторитетно, как Толя, с его 15-летним опытом кормления голодных спутников.

244. А после некоторого насыщения, и перед тем как встать на ходьбу, было время пиршественных разговоров, ну совсем как на чьих-нибудь именинах, но голова хмелела

245. не от вина, а от алтайского воздуха...

246. Разные были у нас обеды: при дожде,

247. и при солнышке...

248. Помним мы и праздничные, торжественные обеды, сразу после перевала.

249. Тогда я доставала сухари, Галя чистила лук, а Володя – главный хранитель сахара – насчитывал всем по 6 кусков,

250. а остальные прятал в мешок.

251. Лук порой рос рядом со столом – стоило протянуть руку.

Но мы почти никогда не рвали его цветы – жалели за красоту.

252. Хоть их здесь и много, - прямо-таки изобилие. «Изобилие!» - какое замечательное слово, как от него веет будущим и как часто здесь мы его повторяем.

253. А вот и торжество. Толя подает собственноручно зажаренную колбасу. Нет, нет, Вы и представить себе не можете наши восторги. Если б нам не было за 30, мы бы орали, скакали, переворачивались через голову от такого начальника. Честное слово!

254. Пришло время рассказать вам о Толе подробнее. Понятное дело, он - руководитель, т.е. как вождь в племени: самые ответственные решения, самый тяжелый рюкзак, самые неотложные заботы и неприятные дела – на себя.

255. Один Толя носит айсбаль. И не потому, что заменяет ему державный скипетр или гетманскую булаву, а потому, что вещь тяжелая и потому что только у него хватает сил

256. и желания на всех перевалах идти вперед, рубить, когда надо, ступени, быть проводником-первопроходцем.

257. И притом бескорыстным любителем. Лишь один раз он не удержался и снял на память перевальную записку, оставив вместо нее свою.

258. Надо заметить: страшно не любит славы и всяческого обожания. Сниматься на память он тоже не любит, особенно за таким сентиментальным занятием, как собирание цветов.
- 259-260, 261. Свободные минуты он проводит за расчетами наличия съестных запасов и калькуляцией денежных затрат. С полным правом его можно назвать мозгом нашей походной гусеницы.
262. Во время хода он обычно идет сзади, потому что не может умерить свой темп и отрывается от нас.
263. Очень интересная тема: Толя и группа. Непростая тема. Но не хочется ее сейчас анализировать,
264. лучше остаться на уровне простого и цельного чувства.
265. Что еще рассказать о Толе? Вот таким мы его увидели в начале пути. Стройным и великолепным. Но не дали ему спокойно красоваться.
256. Он застыдился наших восторгов и ушел прочь от своего народа.
267. А вот таким он стал в конце похода, когда, доведенный заботами и моим навязчивым фотоаппаратом, позволил сделать прямой кадр и сказал: «Ладно, снимай, ешь меня с маслом! Ну что, доволен, Жора?»
268. Потом встал, скомандовал подъем и пошли...
269. Так идем мы весь день и до, и после обеда. Долго идем, до самого вечера и стоянки.
- 270-280, 281. А поздним вечером, когда поставлена палатка и расстелены мешки, когда съедены грибы и кончились дневные заботы, мы потихоньку разрываем связи с группой,
282. чтобы привести хоть в какой-то порядок богатство своих дневных впечатлений и крайнюю скудость новорожденных мыслей.
283. Глядя на закат, на первые звезды над горами, мы молчали каждый про себя и каждый по-своему. Правда, много не постигали, и ничего не уяснив, так и уходили в спящую палатку, уходили в сон, как в небытие.

284. Озеро

285-290, 291. Это знаменитое озеро Шавло. Сюда мы спустились со своего первого перевала, здесь встретили ленинградцев и отсюда уходили на следующий перевал.

292. Такими поворотными точками нашей алтайском синусоиды были и другие озера: Аккем, Кучерла, Маашей и Рахмановы Ключи.

294. Спустимся лучше к Кучерлинскому озеру. Бог знает, чему обязаны алтайские долины великолепием своих озер.

295. Мы могли бы их сравнивать лишь с Фанскими, но ведь те-то были давно и память о них уже сильно потускнела. Другое цело – сравнение озера с хмурым иль однотонным перевалом. Там – лед и камень, каша снега и глыбы осыпей.

296-297. А тут вдруг – распахнулся озера простор, даря тепло и ласку.

298. Последние усилия спуска, мы бросаем рюкзаки на берегу, чуть в стороне от табора палаток, спеша насладиться солнечным озером.

299-301, 302. На Шавло ребята пытались ловить рыбу, но алтайская форель капризна и никак не поддавалась ни одиночным,

303. ни коллективным усилиям. Не удалось нам попробовать алтайской рыбки. Только видели, как она – большая и вкусная, резвилась в воде. Обидно до сих пор...

304. Обидно, да не очень. Голодными мы никогда не были, припасы с собой несли немалые, наш дом всегда был полной чашею и даже сухари на Кучерле оставили, как лишние.

305. Все у нас было, всем мы были довольны, как будто достигли здесь уютной гавани, узнали красоту райскую, несказанную, неописуемую.

306. Оставалось только бродить по берегам, склоняться к цветам и радоваться.

307-317, 318. Цветы, яркие и щедрые. Бирюзовая вода. Лесистые теплые горы, высокое небо. Что еще нужно? И что может быть лучше?

319. Почему-то на озерах мне думалось про светлое будущее, про коммунизм. Что это будет такое? Что-то невыразимо прекрасное? Правда? Ради чего не следует жалеть ничего в своей сегодняшней жизни, не так ли?

320. Ну а разве через сотни лет эти горы, и озеро, и девушка на плоту, пьющая воздух романтики – разве они через сотни лет перестанут быть самими прекрасными? Разве появится что-то взамен?

Конечно, будут новые машины, здания, творения рук человеческих, но прекраснее этих озер они не смогут стать. Скорей даже наоборот, исказят и подменяют эту красоту.

321. Так что же? Кто счастливей? Мы или люди будущего? И не лучше ли наслаждаться нам сегодняшней красотой, строить и создавать для себя реальный сегодняшний коммунизм, чем уповать на будущее?..

322. С гор потянуло холодом, и он гонит нас к костру. Озеро теряет свою теплоту и суровеет, как бы сближаясь характером с горами-родителями.

323. Ощущение рая, осуществленного коммунизма исчезает, вернее, сужается до теплого пространства близ костра, а потом – палатки...

324. Утром мы присутствуем при возрождении озерного рая. Но он сильно изменился. Озеро стало гигантским зеркалом, громадным иллюзионом, вобравшим в себя окружающие горы с их лесами и снегами...

325. И высоко в горах мы любовались утренними отражениями снежных вершин. Но там снег и лед были рядом, стоило сделать шаг.

326. Здесь же, на дне нашей алтайской синусоиды, эти отражения были только далекой иллюзией, на грани утреннего сна. Но как странно, они манят и зовут нас вверх, вызывают желание вновь причаститься к белоснежной чистоте.

327. И еще страннее, что мы так легкомысленно и сразу поддаемся и уходим – без сожаления и даже с радостью и гордостью дурацкой.

328. Уходим от озера, которое было так гостеприимно, так обогрело, обласкало, насытило. Чего же тебе еще?

329. Уходим снова к «горным высям», к борьбе как счастью, к счастью, как борьбе. Таков уж человек. Ищет от подъема к спуску, от тихой пристани к лишениям и страхам, от теплого озера к снежным перевалам.

330. Белуха – гора воспоминаний

331. Царицу Катунских Белков мы увидели 14 августа, поднимаясь к перевалу. Но было с ней еще давнее свидание – 10 лет назад.

332. Тогда ребята пообещали себе вернуться в эти края и обойти Белуху с другого бока.

333. В тот год мы были совсем молодыми, только что закончили МВТУ.

334. Не все из участников первого похода пришли сюда. Не было с нами Славки. В 1965 году он погиб альпинистом на Ушбе – самой суровой к людям из кавказских вершин. Славка очень хотел вернуться в алтайские горы, которые считал самыми красивыми. И сейчас мы любовались Белухой за себя и за него.

335. Этим ущельем мы сейчас поднимаемся к Белухе, а тогда спускались и недалеко от водопада устроили дневку.

336. Правда, стоянка была на другом берегу Едыгема, и мы не можем ее разыскать. Но и вида знакомого водопада нам достаточно.

337. Толя делит памятный шоколад в честь первой встречи с прошлым,

338. и мы долго-долго сидим, перебирая, на манер стариков, бывшее и думы, мешая прошлое и настоящее, радость возвращения и печаль произошедшего взросления, умудренность от прожитых лет и детские надежды на бодрое, молодое будущее.

339. И снова смотрим на Белуху. Она стала для нас связью этих лет. Мы изменились, она – неизменная. Красивая, недоступная. Чистая. Всегдашняя. Теснятся чувства, которые потом отзовутся в словах, обращенных к Толе: «И мы детям

хотим завещать: край озер, цветов и Белухи под началом твоим увидеть».

340. Впрочем, в первый раз прошлое мы повстречали в поселке на Шуйском тракте, где во время передышки от автобуса пошли взглянуть на мост через Катунь, который 10 лет назад перешли, сделав первые шаги похода.

341. Было тяжело от жары и начальных рюкзаков.

342. Мы шли тогда к Белухе, прямо на юг.

343. Переpravлялись через Катунь.

344. Потом долго шли по Аккему, чтобы вылезти к Аккемскому озеру, прямо под Белухиними льдами.

345-347, 348. Как помнится, тропа по Аккему, выбитая туристами и метеорологами, была торной, но с непрерывными, выматывающими подъемами и спусками.

349. Но отдыхали мы тогда только 10 минут и лишь через 50 минут. Толя был с нами строг, как мать с первым ребенком.

350. Вид Белухи с Аккема – грандиозней быть не может. Много забылось,

351. а это озеро с отражением Белухи не изгладилось. И все эти годы мы мечтали опять увидеть Белуху в Аккеме.

352. И вот мы попали вновь в долину Аккема. Озера не видно, но отсюда до него лишь полчаса крутого спуска.

353. Еще август, но от сурового дыхания снежного исполина уже наступила осень и

354. раскрасила лиственницы в огненные цвета. А вот и озеро, и знакомая метеостанция.

355. А вот и исполненная мечта.

Мы искали место прежней стоянки. Кострище за 10 лет заросло, но место мы все же нашли.

356. Костер, как обычно. Каша и чай. Но настроение необычное. Как будто праздник, как будто помолодели...

357. Плывет от нашего костра дым, стелется над озером слоем воспоминаний, поднимаясь тихонько вверх к Белухе.

358. -А помнишь?...Да... Да ведь здесь ничего не изменилось. Вот только осень объявилась, а Белуха все та же.

Та же по своей неодушевленной сути, но не по нашим воспоминаниям.

359. Как тогда стоял Славка на этом же месте и перед той же Белухой? Любовался или путь к ней высматривал?

360. В этот раз мы не подходили к ней близко, а тогда были совсем близко у ее стены, по молодости

361. залезли не на тот перевал, откуда, помучившись на скалах, лихо съехали

362. по снегу через бергшрунт вслед за рюкзаками.

363. Тогда с нами был Слава, готовый помочь, поддержать. Железный Цепелев. Так мы его звали, и кто знает, может, он этим гордился.

364. И старался оправдать это звание, форсируя потом свою альпинистскую карьеру.

365. Сейчас мы изредка приходим к нему на деревенское кладбище в Перхушково. У него все лето цветы: родители живут рядом, друзья помнят. Помним и мы.

366. Он ушел от нас внезапно, не порвав дружеских связей. И с тех пор напоминает нам: из праха взят, в прах вернешься.

367. Уходим мы от Славы тихие, ничего не понявшие умом, но образованные сердцем, или, как раньше говорили, «смирив гордыню». И я уверен: для каждого из нас за годы после смерти Слава сделал больше, чем живые.

368-373, 374. Но вот окончились снежные перевалы.

375. Мы шагаем по казахскому Алтаю, по его сочным безлесным пастбищным склонам.

376. Долина Катуня – в который раз... 10 лет назад мы тоже были здесь, у самого начала прародительницы знаменитой Оби. Только прошлый раз мы пришли сюда с Востока, а сейчас – с запада, завершив круг вокруг Белухи.

377. И тогда рассыпался пеной и грохотом водопад Рассыпной,

378. И тогда мы шли через седло между Белой Берелью и Катунью, но в обратном направлении.

378. И потому мы непрерывно оглядываемся,

- 380-381. роюсь в памяти, призывая на помощь обе Белухины главы.
382. Белуха, Белуха, Славы нет, и мы уже другие, а ты все та же. Нет, я не завидую тебе...
383. Просто радуюсь, что довелось опять тебя увидеть. Радуюсь счастьем смертных – дай насмотреться, а дальше – что будет, простимся.
- 384-385. Еще невысокий перевал, последняя ночевка перед последним седлом-взлетом.
386. Ранний снег лег на цветы, предвещая студеную зиму, и
387. мы поняли, что как раз во время уходим отсюда.
388. Внизу уже видны Рахмановы ключи с озером и радоновыми водами.
389. Но прежде это была середина маршрута, а сейчас – его конец. Нам – достаточно.
390. 10 лет назад здесь стояли кибитки казахов, приехавших на лечение, да наспех сколоченные навесы над источниками.
391. Сейчас Ключи – заправский курорт с автомобильной дорогой и аэродромом.
392. За полдня грузовик с пустыми бутылками и нами отмахал 400 км до железной дороги. Но лишь один раз с какого-то ухаба мы увидели покидаемые Катунские Белки.
393. После моста через Берель дорога вошла в пограничную зону, где появление диких туристов преследовалось и ГАИ, и пограничниками.
394. Но находчивый шофер засадил нас в тесный и темный продуктовый ящик
395. с щелью для воздуха, в котором мы и проболтались 8 часов горных и степных дорог.
396. И только в поезде, разглядывая Бухтарминское и Иртышское водохранилища, мы начали осознавать, как удачно окончился наш поход...
397. Вот идет наш последний спуск, и мы ищем место; чтобы стать и выслушать, как Галя в стихах выскажет Толе нашу благодарность.

398. Толя смущен, но ему приятно. Да он и сам рад, что выполнил обещание и побывал снова у Белухи, что весь поход такой благополучный.

399. На последнем седле был устроен прощальный стол на камне и брошены последние взгляды в сторону Белухи.

400. Она в тумане облаков. За два приема в 10 лет мы замкнули вокруг нее кольцо, как будто затянули петлю, чтобы уволочь с собой, в город, в память, в рассказы, в этот фильм...

401. Возвращение

402. На этот раз мы не давали себе вслух обещания вернуться через 10 новых лет. Наверно, потому что они уже не кажутся столь далекими, как раньше, как в 23 года.

403. Мы добрались до середины жизни и можем спокойно обозревать ее конец, не ожидая особых чудес и превращений. Через 10 лет мы будем такими же, разве что новые болезни появятся. Реальной гранью становится пенсионный возраст – отдых от обязательной работы и свобода. Вот тогда...

404. Когда, спускаясь с Нижне-Шавлинского перевала, мы увидели эту голубую озерную косынку, она нам сразу очень показалась.

405. Здесь остановились, а потом отдыхали следующее утро.

406. Хоть было холодно и солнце редко, но я купался, потому что не мог удержаться от соблазна всем телом слиться с синей водой, как будто войти в драгоценный голубой камень.

407-408. А потом отогревался в палатке спальником и горячим чаем, самым видом бивуачного уюта, видом спокойной Лили в кресле-корне, оставленном нам предшественниками, сознанием редкости такого места, счастья присутствия в нем.

409. Долго я смотрел на Лилию – она писала дневник про наш первый перевал. Затем, заметив наблюденье, оторвалась и тихо мне сказала: «Знаешь, давай сюда приедем снова, когда-нибудь на пенсии, вдвоем». И это все, что было сказано.

410. И это стало нашим общим обещаньем вернуться и стать на время хозяевами этих мест и озера.

411. Кто нам помешает жить здесь свободно летом? Встречать добром туристов, как подобает хозяевам озерным,

412. держать в порядке всю лошину, дружить с пищухами.
413. И, сидя у воды, работать: читать, вспоминать, думать...
414. А дотащим рюкзаки с Чуйского тракта? – Дотащим, в два приема. А может, на Большом Шавло устроят базу... А потом, старые люди мало едят...
415. Правда, отсюда не видно снежных гор. Но это хороший повод для ежедневных моционов на соседний гребень и в долину Большого Шавло.
416. А может, мы пожелаем подняться к самим снегам, чтобы возлечь на перевальных камнях, как сейчас? – Но скорее такие безумные желания не смогут пересилить накопленную мудрость жизни и усталость...
417. Нет, озеро тогда нам будет во много раз милее и дороже. Оно уже сейчас для нас стало лакомым кусочком, отложенным на завтра, наградой в старости, целью долгого пути.
418. Нет, мы не будем долго смотреть на вершины. Тихонько повернемся и пойдем
419. в свое счастливое ущелье, к палатке-дому, чтобы перебраться (в который раз) к тому времени, наверное, совсем выцветшие кадры...
- 420-425.

Крым, 1973 г.

Крымский дневник

В этот год у Вити не было отпуска, т.к. в мае состоялся суд, на котором за отказ от дачи показаний его принудили работать полгода за меньшие деньги и с лишением отпуска. Наказание не догадалось запретить использование отгулов, и, заработав их на две недели, Витя устроил-таки себе отпуск. Экономя время на дороге, мы решили ехать недалеко, а чтоб устать от отпуска - провести его интенсивно. Потому был выбран Крым, он близко и там всего много. К тому ж начиналась уже осень. В этот год в Москве в сентябре выпадал снег, а мы купались в теплом море. Нет, что ни говори, судьба все же к нам благосклонна.

7.9.73. Наше первое утро в Крыму. Мы стоим на высоте над морем, смотрим на Керченский пролив. Внизу крепость Еникале.

Красное солнце восходит над морем, и мы в отпуске - безмерная радость. Такая радость, что хочется выкрикнуть из себя - так ее много.

Крепость Еникале довольно хорошо чувствуется, потому что стены в основном сохранились, двое ворот стоят. На одних даже надпись вязью. Крепость двумя ярусами спускается к морю. Она была, видно, хорошо обжита. И сейчас еще живут люди у ее стен.

А потом была Керчь. Он понравился нам, беленький, низенький город Керчь. У него есть история: гора Митридата с прекрасной греческой лестницей, с раскопками, выявившими колодец, общественный дом с портиком и какие-то еще непонятные постройки древнего города Пантикопеи. Вокруг горы Митридатские и Пантикопейские улицы, а с вершины горы - море, и среди зелени керченские домишки.

Внизу под горой церковь Иоанна Предтечи - очень древняя постройка (начинали ее строить в IX веке) - единственный в

Сов.Союзе крестовокупольный храм. Она хорошо отреставрирована, а внутри Лапидарий. Но, как назло, сегодня служительница будет с 12 вместо 10, и мы довольствуемся только краеведческим музеем, где так мало Греции, и где историю Керчи начинают скифы (как считает Витя, все же свои, почти русские, хотя, как мы потом узнали, они иранского происхождения).

Через 2 с лишним часа автобусной тряски мы уже в Феодосии. Дорога скучноватая, степная, без разговоров. В Феодосии наши желания тянули нас в разные стороны: Витю к крепости, меня к Богаевскому, чьи картины висят в галерее Айвазовского. Я перетянула. В роскошном особняке Айвазовского, подаренном вместе с картинами городу, много нового, непривычного Айвазовского, где не просто одно море, но какие-то и человеческие сцены. Запомнился Христос, идущий по воде с его светом от белых одежд. А в двух залах, последних, ученики выставлены: среди них 3 акварели Куинджи, Нисский с "Ночным дозором" и, наконец, Богаевский. Я не видела его раньше, только слышала. Обложку книжки видела. Здесь была первая встреча. Он выделяется среди учеников какой-то большей глубиной. А в последнем зале его и Волошина акварели. Какое-то родство есть в их взгляде на природу. "Родство духа"? В Феодосии еще много Айвазовского - благодетеля города. Его могила почитается. А рядом с ней Армянская Сергиевская церковь с Лапидарием. "Сей храм возобновлен из руин в 1888 г. благодаря божию увещанию и стараниям Хоржа, которому содействовали армянин-профессор Ованес Айвазовский, подаривший великолепные картины, и благочестивый армянский народ".

Приятно было вновь встретиться с хачкарами, посмотреть гегуэзские гербы, греческие барельефы. А главное, здесь оказалась карта с Феодосийскими древностями. И мы смогли увидеть, где искать крепость Кафу. Но перед этим забежали посмотреть еще одну армянскую церковь - Архангельскую. Она из обычного известняка, скрепленного каким-то розовым

слоем, и поэтому совсем розовая, как из армянского туфа. Построена по типу базилик, и на одном ее плече стоит нежной резьбы башенка.

В Кафе армяне строили по старому стилю, в то время как в самой Армении зодчество развивалось, и перестали строить базилики. Здесь же обращением к старине как бы хотели укрепить армянскую общину. Хотя она была немалая. В гегуэзское время из 70 тысяч жителей Каффы - 30 тысяч было армян. Они начали селиться здесь в 1262, а в 1340 г. в Каффе было уже 44 армянских церкви и, конечно, свой архиепископ.

А потом глаза притянул высокий минарет хорошо отреставрированной мечети. И наконец, сама крепость, точнее одна ее стена с 3-мя башнями, с подновленными зубцами. Башни громадны и настраивают на торжественный лад.

А в посаде, тоже огражденном стеной, но потоньше, и без башен, 4 базиличных храма, все XIV в. Наверно, это был очень бурный век расцвета. Игорь Х. сказал, что этот век отличался высокой нравственностью. Какие пути ведут к этому? И вообще б узнать про это время...

Пока мы использовали все солнечное время на фотографирование, а оставшееся световое для пробежки по городу и купания, все автобусы на Коктебель и Ст.Крым ушли. На автобус дальнего следования, который в Ст.Крыме не останавливается, билетов не дают. И все же мы уговариваем шофера, лихорадочно вытаскиваем вещи из ящика камеры хранения (кое-что не вытаскиваем). Зато как ехали! У нового Икаруса широченные лобовые стекла, рядом шофер, который любит свой автобус, умеет обойти контролера и получить с нас свой рубль. И еще любит негромкую музыку. Он доставил нас не только в Ст. Крым, но и прямо к сосновому лесу, где мы с комфортом проспали первую ночь в Крыму.

8.9.73.Сегодня мы смотрим Ст.Крым, вернее, ищем в нем остатки некогда блестящего татарского Салхата. Нашли мечеть с медресе, Караван-Сарай, неизвестные развалины, Мамаев холм. Мечеть сохранилась лучше остальных зданий.

Красивый портал со сталактитами, и колоннами, и арабской надписью напомнил нам Узбекистан. Может, оттуда и мастер был, недаром зовется мечеть Узбека. Потом мы пересекаем длинный город в другом направлении, чтобы увидеть домик Грина. Он совсем маленький - две комнатки и кухонька. Мне перестало нравиться заходить в мемориальные дома, вроде бы совестно подсматривать чужую жизнь, и еще уж больно большие толпы протекают через эти дома. Но я все же решилась, а Витя так и остался сидеть у калитки. Мне было очень неловко, особенно оттого, что я думала, что передо мной вдова Алекс. Степан. Я попробовала поговорить о цветах, пошла их посмотреть, потом несмело вошла в дом, чтобы лишний раз убедиться, что лучше не знать писателя с бытовой стороны. Она даже у выдающихся неприглядная, не то, что в их произведениях, где жизнь выступает очищенная от бытовщины.

Из Ст.Крыма мы двинулись в Армянский монастырь, что от него в 4 км, чтоб опять встретиться с Арменией. Монастырь спрятался от злого глаза высоко в горах и глубоко в лесах. И все же он сильно разрушен, хотя и не забыт реставраторами. Собор цел, хотя сильно исписан туристами. Еле видимая роспись, хачкары, розетки. И толпы туристов, прыгающих по его переходам и стенам.

От монастыря мы вознамерились пройти через горы к морю. Но объяснения встречных были так туманны, а мы самонадеянны, что, походив по лесу часа 3, мы с удивлением увидели снова распланированные улицы Ст.Крыма и ворота санатория, где мы спали. Раздосадованные, не отдыхая, мы вновь двинулись в горы, по уже по дороге на Коктебель, которую нам утром показывали, опять напутали - сумели свернуть с короткой нижней тропы на длинную верхнюю. Если прибавить к этому мою сожженную утренним хождением подошву, то путь в Коктебель оказался нелегким. Правда, сверху хорошо смотрелось и дул приятный ветер, но когда мы через 4 часа спустились в соседнюю с Коктебелем деревню (оттуда до него 8 км.), ноги у меня гудели и

подгибались, а подошвы горели жгучим пламенем. Но какой раз в нашей жизни чудо ждало нас! Витя, очень мне сочувствующий, окликнул хозяина "Запорожца" - "Не подвезете ли до Коктебеля?" Он легко согласился и мигом примчал нас к воротам писательского дома отдыха.

Я всю дорогу счастливо улыбалась. И с большим удовольствием отдала рубль, от которого шофер поначалу отказывался. Небольшие переговоры с привратником, небольшое ожидание Поповских, и вот радостная встреча, перекрестные вопросы-ответы, и мы располагаемся на длинном, закрытом занавесью балконе их комнаты, потом ужинаем и, счастливые, засыпаем.

9.9.73. Наутро мы пристраиваемся к группе "ходаков" и отправляемся с ними на целый день в горы. Л.Ш. ходит в горы каждый день, он не любит купаться в Коктебеле, а купается в красивых бухтах, в которые надо спускаться с гор. Он хорошо ходит, мягко, легко и рад показать горы, во всех ракурсах, все их краски, все красивые линии бухт. Мы по-телячьи радуемся всему. Витя непрерывно щелкает, а я ахаю, первая лезу в воду, полная нахальства, вместе с Витей плыву в Золотые ворота, но там встречная волна так хлещет мне в лицо, что я, наглотавшись, прошусь на берег. Витя предлагает уцепиться за него, что я и делаю, и мы благополучно оплываем ногу ворот. Потом мы купаемся еще в лягушечьей бухте разбойников, в ней вода синяя-синяя, и уже в темноте возвращаемся в Коктебель, насытившись всеми красками заката, что играли на море и на горах. Пишу и чувствую, как много остается вне дневника: краски не перескажешь, запахи не передашь. А как уберечь?

10.9.73. Сегодня нам М.А. обещал показать Волошинский дом в 11 час, поэтому мы отказываемся от похода в горы с Л.Ш., поэтому мы праздно проводим время на писательском пляже, развлекаемся камушками, нежимся на солнышке. Но экскурсию отложили до 5 часов, и мы отправляемся в лягушечью бухту, крайнюю перед мысом Капет-дага, куда можно дойти по берегу, и откуда, обогнув мыс по морю,

можно пробраться в первую Сердоликовую бухту, что Витя и намерен сделать. Но в бухте мы встречаем Л.Ш., и он без труда уговаривает меня (Витю и уговаривать не надо) пойти в Сердоликовые. Мы пошли опять по скалам, и было довольно приятно идти, тем более, что Л.Ш. чувствовал себя с нами свободней, чем вчера, к тому же М.А. успел с утра пригласить его смотреть наши диафильмы, и я даже представляю, какими словами он нас ему нахваливал. Сердоликов мы не нашли, но купаться было приятно, к тому же обратно мы "шли по морю". Из одной Сердоликовой в другую, и потом в лягушачью, надо идти по карнизу в воде, держась за скалы, и лишь небольшой участок переплыть. Очень необычное путешествие. Мы благополучно его совершили и успели к 5 часам к Волошинскому дому. Повел небольшую группу зритель дома, долго и трогательно к нему привязанный. Он обстоятельно рассказывал о всех экспонатах, сохраненных в доме руками жены Волошина, но уходил от глубоких вопросов. От его рассказов, от прежнего чтения у меня сложился такой облик Волошина: он был ярк, талантлив и в обращении с людьми, и в восприятии мира и его выражении. Он щедро раздавал себя, в нем было море доброты природной. Эта-то доброта и суровые годы заставили его музу сменить стиль с возвышенного на гневный. Такого превращения не могло произойти с человеком равнодушным, или даже просто мало добрым. Такие люди в тяжелые годы уходят в себя, а Макс Волошин раскрыл свое сердце для всех более времени. И все же, при всем при этом, есть во мне какая-то досада: не могу отделаться от мысли, что такая бескрайняя доброта превращала его в "облако в штанах", доводила до приторности, омрачала радость общения с ним. Он был непривычным, нестандартным, и потому общение с ним для меня, например, было бы неудобным. Но для таких нестандартных людей, как Марина Цветаева, наверно, вполне естественным. И все-таки это поразительно, как все в Коктебеле полно его памятью. Даже мы, впервые сюда приехавшие, все время отмечали: "Вот эти скалы писал

Волошин, и эти, а эта скала - его профиль, а на той горе он похоронен". Дом его Марии Степановне удалось сберечь во время войны, и дорогие ему вещи, и книги, и его портреты. Теперь все расположено в его мастерской и кабинете, как было 40 лет назад. Мы видели Таиах на черном постаменте на фоне красной стены. Такой, как я ее восприняла, я бы не делала красного ядовитого фона, а взяла бы нежный цвет. Но, может, Волошина привлекали контрасты? Вите понравился портрет, сделанный Д.Риверой, но я в нем ничего не поняла.

Я почему-то запомнила Волошинские кисти и автопортрет его первой жены, поэтессы и художницы Собашниковой.

11.9.73. Утром, еще до восхода солнца, мы отправились на гору к могиле Волошина. Мы уже не считаем его чужим для нас, уже много читали, слышали, и поэтому навестить его, пусть и мертвого, нам очень хотелось, чтоб подумать о нем, еще больше ввести в нашу жизнь и попрощаться на какое-то время с землей коктебельской, землей Волошина. В это утро мы уезжали дальше. Нам еще много надо посмотреть в Крыму. Мы задались увидеть его во времени и протяженности: от тавров до наших современников, от Керчи до Евпатории.

Следующий пункт - Судак - Салдейя - Сугдея с его огромной генуэзской крепостью. Крепость возведена на скале, обрывающейся в море, а с пологой части защищена стенами с трехстенными башнями. В таких открытых башнях хорошо просматривался ход боя сверху из цитадели. Цитадель отделяет еще одна стена, восстановленные зубцы которой красиво перечеркивают горизонт. Есть и третий пояс оборонных сооружений - скалистая вершина горы, где в мирное время велись службы в христианском храме. И, несмотря на мощь и целесообразность оборонительных сооружений, крепость, по меньшей мере, 10 раз брали татары. Отчего? От нежелания генуэзцев воевать, или от их желания сохранить крепость? После турки построили здесь мечеть, чтоб закрепить свою власть. Но и им пришла смена. Русские солдаты не брали Солдейю штурмом, но стоял здесь

Кирилловский полк, который свои казармы строил из камней стен и башен. Теперь их разбирают и вновь делают стены.

Мы купались в очень чистой воде у крепости, поджаривались на солнце, а вечером ехали дальше, в Алушту. Мы выбрали неудачный путь - автобусом, который тащился 5,5 часа по старой дороге. Будь это днем, когда можно глазеть по сторонам, так и следовало бы ехать, но ночью скучно и тяжело. Мы выбрали этот путь из-за утренней запрограммированности, и надо было переиграть и плыть на другое утро пароходом.

12.9.73.Ночью пошел дождь и подмочил нас, но это было б ничего, если б он не продолжался до полудня. Алушта на Витиной пленке будет серой, совсем не фешенебельной, какая она на самом деле есть. Для нас там были интересны башни византийской крепости. И больше ничего. И поэтому мы быстро ее покинули, чтоб убежать от дождя. И, правда, убежали. В Гурзуфе дождя уже не было, а через часок появилось и солнышко, и нас потянуло на пляж, чтоб погреть бока и посушиться.

Немного о Гурзуфе. Когда мне было лет 10, мой двоюродный брат ездил в Гурзуф. И с тех пор это название стало для меня синонимом если не рая, то загадочной красоты, недоступности. Гурзуф не разочаровал меня: маленький, уютный, несказанно живописный. Недаром именно этот поселок выбрали художники для своего отдыха. От крепости там ничего практически не осталось, но зато мы забрались в Артек, посмотрели на море из Пушкинской беседки, прошлись местами его прогулок, и как будто коснулось нас его дыхание. Научиться бы видеть мир глубоко и поэтично! Или что утеряно, то утеряно...

Из Гурзуфа мы поехали смотреть Никитский ботанический сад, чтобы хоть как-то способствовать ликвидации моей безграмотности в растительном мире. Я теперь знаю ливанский кедр, секвойю, магнолию, оливковое дерево, мыльное, земляничное, тисы разные, лавровишню и лавр. А какие там огромные кактусы, пальмы, буки громадные,

платаны, а сколько оттенков роз и канн! Очень я хотела увидеть эвкалипты, но здесь они не прижились, и только два деревца нам удалось с помощью сотрудников сада разыскать. Очень приятная была прогулка.

Пароходиком мы доехали до Ялты уже в темноте, чтобы восхититься ее огнями, сперва изнутри, а потом сверху, от места нашей ночевки. Так она и останется в нашей памяти, как сверкающий город.

13.9.73. Чтобы закончить осмотр Большой Ялты, мы наутро отправились в Ливадию, взглянуть на царский дворец и на резиденцию нашего правителя в Нижней Ореанде, которая видна сверху из Ливадии. Забавна близость обеих резиденций. Дворец в Ливадии оживлен для нас Трифоновым в его "Нетерпении". Чуть забавно было идти по царской тропе, которая сейчас зовется Солнечной и продлена до Мисхора. Мы пошли по ней, чтобы видеть море, чтобы пройтись. В конце пути искупались, и поленились среди многочисленных санаториев найти Юсуповский дом, тем более, что никто из опрашиваемых не знал, где он, и отправились в Алупку к Воронцовскому дому. Это не дом, а целый средневековым город с улицей. Царский дворец куда скромнее Воронцовского. Мы не стали ждать длинную очередь, чтобы пройти внутрь, решив, что внутри он подобен московским дворцам, зато внешность его нестандартная - стены из больших каменных блоков, тщательно пригнанных друг к другу, с резными украшениями, с тонюсенькими колонками-дымоходами, с роскошным порталом, обращенным к морю, где на ступенях застыли 4 льва, самый милый из которых спящий. Толпы фотографируются у них, у портала, так что разглядывать можно только в просветы между ними. Я не считаю, что мы достойны, а те нет, приобщиться к красоте. Это очень нужно всем, и чем глубже, тем лучше. Но почему ж так раздражают меня толпы?

Ведь в последующие дни и нам не раз приходилось ходить с экскурсией, поскольку в Бахчисарайский дворец и в Севастопольскую панораму можно было пройти только с

экскурсоводом, и нас вполне удовлетворили их рассказы. Наверно, это связано с ощущением неглубины, равнодушия, которыми дышат все массовые мероприятия. Это связано с уверенностью, что к любому рассматриваемому объекту нужно относиться с уважением и готовностью полюбить, только тогда он отзовется тебе и оставит след в твоём сердце. Не всегда удается услышать отзыв, не всегда остается след. Да и не может быть иначе. Но иногда... Как бывает хорошо иногда!

Пароходиком, как бы по инерции, мы доехали до Симеиза, но поленились вылезти, чтобы на горе Кошке поискать Таврские захоронения. Вечерело. Мы уходились. К тому же после блестящего Воронцовского дворца искать каменные ящики тавров показалось нам скучным, и мы вернулись в Ялту, чтобы, поднявшись от нее автобусом в горы, заночевать по пути к Ай-Петри, недалеко от горного озера. Ночь выдалась ветреная и холодная с дождем под утро.

14.9.73. И утром сквозячий ветер пронизывал все наши одежды. На наше счастье, автобусное сообщение между Ялтой и Симферополем по Ай-Петринскому перевалу не совсем прекратили (лес здесь стал заповедным), и ранний автобус подбросил нас к перевалу. Ветер хотел нас загнать обратно в автобус, чтобы мы в тепле добрались до Бахчисарая. Но план был сильнее ветра. А по плану нам предстоял трехдневный переход из горного Крыма в степной.

Закутавшись в клеенку, мы двинулись на зубцы, вход на которые с перевала предельно прост, но нами двигала не жажда альпинистских трудностей, а тщеславие и желание увидеть с самого верха море. Мы не успели туда к восходу солнца (нам попала группа, которая, наверняка, встречала на Ай-Петри восход), но и мы увидели утреннее море, умывающееся солнцем, и огромный кусок большой Ялты с совсем маленькими отсюда (и такими огромными снизу) санаториями, нитями дорог, увидели Аю-Даг, Ай-Тодор с его Ласточкиным гнездом. Потом попрощались с морем и двинулись по Яйле к следующему пункту - Большому каньону

Крыма. Нам надо было переместиться на 20 км по дороге. Машины, которая б нас подбросила, не нашлось. К тому же мне хотелось ехать только первые 7 км, когда мы шли по степной части Яйлы и было ветрено и невесело. Потом дорога пошла вниз, стало тепло, мы сбросили с себя лишние вещи, стали срезать серпантины, и совсем не захотелось, чтоб кто-то лишал нас этой дороги. Мы добрались до устья реки Большого каньона к середине дня. Я выпросила у Вити стоянку, чтобы вымыть голову и высушить ее. Спрятав рюкзаки, мы стали подниматься по реке в поисках каньона. Действительно, чем дальше, тем отвесней и уже становилась ее долина, но до того места, где сближаются скалы до 3-х метров, мы не дошли - тропы не было, по руслу не пройти, а берега сильно отвесны. Но мы не огорчились, потому что нам его хватило. На наш взгляд, интереснее в нем не скалы, а само русло, проточенное в сплошном монолите на многие сотни метров. Вода обточила в нем каждую складку, прокладывая свое неповторимое русло. Вода наделала маленьких пяточков-озерц, промоин в виде больших и маленьких ступеней и образовала под водопадами целые омуты. В одном из них, самом большом, Витя искупался, чтоб, по поверью, остаться всегда молодым. А он ведь, и правда, со временем будет выглядеть моложе меня.

Вернувшись на шоссе, мы, как по заказу, были подброшены сперва одним автобусом, потом другим до дороги на Мангуп-Кале. Причем, во второй автобус сел инструктор местной турбазы, как будто для того, чтобы нарисовать нам krok до Мангупа. И, хотя он сильно преувеличил километры, krok был точный и очень нам пригодился. Ночевали мы у запруженной реки, превратившейся в большое теплое озеро. Первый раз встали засветло и вскипятили чай.

15.9.73. Мы, конечно, смогли сбиться с верного пути, но потом сверху его нашли, и дальше все было просто. Зато узнали, какой спелый в сентябре кизил. Мы ели, ели, набивали карманы и опять ели. Кизиловые кусты здесь огромные, не то, что кубанские из моего детства. А потом мы видели кизил в

садах. Садовый кизил крупнее и по форме груш, но зато и косточка в нем крупней. Так что, одно лишь удобство - не надо ходить в лес. А в лесу народу то там, то тут - на субботний день на своих и общественных машинах за кизилом. Уж очень из него вкусное варенье, я помню это с детства.

Гора Мангуп выглядит из Каролезской долины как высокоподнятый нос корабля. Он парит над тобой. Так и кажется, что царь Феодоро увидел его снизу и выбрал за красоту. А было, наверно, все прозаичней - гора с трех сторон обрывается 10-50 - метровым отвесами, и лишь с четвертой надо было поставить стену, чтоб оградить столицу государства Феодоро от врагов. Город показался нам громадным, хоть, конечно, и не сохранились постройки, а лишь небольшие раскопки выявили основания нескольких домов, один назвали домом князя Феодоро Алексея, но, мне кажется, что это исключительно для туристов, уж очень мал дом, да и далеко стоял от второго оборонительного пояса, ну да бог с ним. Зато там многие пещеры сохранились. Они прорывались по периметру города и предназначались для охраны и обороны, а на носу, как уверяют, была в двухэтажной пещере тюрьма. Город цвел и блистал до середины XV века, а теперь тишина и безмолвие на его камнях, у его стен. Здесь мне захотелось утешить погибших (мысль эта возникла у оскверненных надгробных камней). На "мысу" города я положила цветок и пожелала всем бывшим горожанам Мангупа скорого возрождения, чему залогом были мы, женщины, что не перевелись еще на этой земле. Будущего человечка я посвятила прошлому. Пусть никогда не прерывается цепочка жизни на земле!

В этот день мы решили навестить и другой погибший город - Эски-Кармен - старую крепость. Мы ничего про нее не знали, кроме значка на карте, да встречный, рассказывая дорогу на нее, сказал, что там "картина на стене". Это еще больше подогрело наше желание, и мы заспешили, чтобы успеть до захода солнца. Сделав с Мангупа вывод, что все сохранное -

на мысу, мы и здесь на мысу искали город. Нашли каменные лестницы, внутрискальные и наружные переходы, но не нашли пещерной церкви с фреской.

Ноги не шли на обратном пути, я все время оглядывалась: "Как же так, не нашли пещерную фреску". Позже, держа карту Эски-Кармена, мы с горечью убедились, что вылезли наверх на границе "ненаселенной" и "населенной" частей. Сквозь кусты и деревья ничего увидеть было нельзя, к тому ж на мыс вела тропа, мы по ней и пошли. А не захоти мы карячиться, вылезая наверх, поищи б мы дорогу, которую и искать было не нужно - она шла с другой стороны мыса и подводила к воротам города - мы бы смогли увидеть город весь, а главное - фреску. На другой день мы увидели ее копию в Бахчисарайском музее - три всадника в красивого цвета одеждах, на гарцующих конях, в ногах у среднего - змей. Досада вспыхнула с новой силой и, видно, не скоро уймется. С тех пор мы, осмотрев сперва сами, пристраиваемся к экскурсиям, чтобы убедиться, что ничего не пропустили.

16.9.73.Вернулись к шоссе, предварительно сделав небольшой крюк, чтобы, как и вчера вечером, пройти через яблоневый неохраняемый сад (по скромности мы брали только падалицы). По дороге нам попадались яблоки только двух сортов, оба сорта твердые, но одни из них, не продолговатые, а круглые, просто с медом и солнцем. Падалиц много, их не вывозят, поэтому-то мы и решились на "воровство" колхозного добра, хоть и побаивались. Но страхи были напрасные. Никому до нас не было дела, как и вчера, когда мы остановились на обед в другом саду под кизилом и собирали под деревом сушеную сливу, сладкую-пресладкую. Еще раньше в Старом Крыму, много ходя по его улицам, мы собирали алычу и сухую сливу. Колонки, стоящие на каждом углу, помогали смыть пыль с них, и мы их тут же с аппетитом съедали. Мы ни разу не решились сделать набег на бесчисленные виноградники, и потому виноград мы ели только в магазине (на рынке в 2-3 раза дороже), покупали

персики, груши, помидоры - в общем, интенсивно впитывали Крым - через кожу, через глаза, через нос и через желудок.

Автобус из большого села Красный мак быстро домчал нас в Бахчисарай - бывшую татарскую (после Салхата) столицу. Наконец-то мы в татарском городе. Нет, и здесь нет татар, как и во всем горном и предгорном районе. Им разрешили селиться только в степном районе. Встреченный в Эске-Кармене старик, живший здесь и до войны и поддерживающий связь с татарами и сейчас, сказал, что их сейчас в Крыму 3 тысячи семей. Цифра мизерная, если взглянуть на старую карту Крыма, сплошь испещренную названиями татарских деревень, не говоря уж о городах. Не восстановить, видно, им своей родины, придется ассимилироваться, если не смогут повторить еврейский путь. Но ведь они не торговцы, как евреи, а земледельцы, и не связаны сильной религией. Нет, феномен еврейского народа неповторим. И напрасно Семаде не вышла замуж за любимого поляка - ее жертва не поможет сберечь нацию.

Сам город Бахчисарай скучноватым нам показался, но зато в книжном магазине мы купили хорошие книги, и еще там сохранился роскошный по-восточному дворец хана. Нам показали и портал Алоиза Нового (подумать только!), различные залы: Дивана, гарема, шахских покоев, приемного зала с кофейной комнатой, беседку, малую мечеть. В зале Дивана тонкой работы оконные витражи, не повторяющие друг друга. Здесь экскурсовод сказала, что на Востоке повторение сделанного считалось признаком слабоумия. Из всех гаремных помещений остался только дом старшей из трех допустимых жен. Комнаты условно оборудовали в столовую и жилье, рассадили муляжи, расставили столики и курильницы, разложили ковры. Под трогательный рассказ о жизни наложниц вся обстановка казалась очень правдивой. Показали нам и два фонтана: жизни и слез. Бьет в фонтане жизни сильно верхняя струя - так начинается жизнь человека, но с годами все ниже струи, слабей. И нет спокойной воды в бассейне, как не бывает спокойных жизней. Много мудрости

накопил Восток, много символики за века выработал, не узнать нам все, не прочувствовать. Но стоит ли огорчаться, как огорчилась в то утро я. Ведь наш мудрец сказал, что нельзя объять необъятное, а то, сколько я хочу знать и еще захочу узнать, и есть необъятное. У фонтана слез мы задержались надолго, и услышали трогательный рассказ о его создании и массу символики, услышали пушкинские строчки. И совсем не отскакивал от барабанной перепонки "экономичный" голос экскурсовода, а проникал в самую глубь. И две розы, что ежедневно кладут на верхнюю чашу страдания садовники музея, казались положенными рукою Александра Сергеевича. Прекрасные это были минуты у завораживающих капель фонтана. Еще почему-то запомнился приемный зал, где некогда на подушках восседал хан и его диван, а перед ним на коленях стояли послы и смиренно давали подарки, от величины которых зависело, сколько времени ждать им приема у хана.

В подсобных зданиях дворца устроен очень приличный археологический отдел. Мы так подробно рассматривали экспонаты, что опоздали к своей 18 группе, а успели только к 21. Хорошо они обращаются с экскурсантами: делят на группы и запускают с экскурсоводом, что не дает возможности разбредаться и обеспечивает пропуск тысяч людей.

Из дворца мы отправились смотреть пещерный Успенский монастырь и Чуфут-Кале - еврейскую крепость, точнее, караимскую. В Успенском сохранились и наружные, и внутренние фрески, но они поздние и неинтересные. И сам монастырь в скале не вызвал большого интереса. Разве что история того, как, стремясь ослабить турецкий Крым, успенские монахи вывели в Россию 31 тысячу христиан. Переселенцы основали город Мариуполь.

Зато на Чуфут-Кале нас ждали прекрасные караимские кенасы, красивый дурбо-мавзолей - дочери Тохтамыша с легендой о мужественной девочке, большие пещеры, в которых Витин голос звучал как орган, а главное и самое

поразительное - древние дороги с глубоченными колеями в монолитной мостовой (!!).

Первоначально существовавшая водопроводная артерия из долины в город во время одной из войн (кажется, с турками) была разрушена, и караимы возили воду снизу. Сколько ж повозок проехало по этой скале, чтобы на добрые 30-40 см. углубить колею?! Вдоль домов тянулся узенький, тоже высоченный в скальном грунте тротуар. Дорога по нему мне доставляла истинное удовольствие. Ноги ступали по действительно древнему, сотворенному руками людей, пути, десятки поколений которых прошли здесь. Вот на этом мысочке расходились встречные, приветствуя друг друга. Ведь в таком небольшом городе все, наверняка, знали друг друга. Сколько бед пало на голову каждого из них, на целые поколения. И нет уже татар в Крыму, а караимы удержались, пусть не в Чуфут-Кале, где от безводья, конечно, трудно. И пусть им удастся сберечь свою нацию и в будущих тяжелых испытаниях.

Вечером, в битком набитом автобусе, мы отправились в Севастополь, и с облегчением вылезли в Инкермане. Но нас тут же огорчили, сказав, что здесь останавливаться нельзя - военная база, ставят палатки в бухте Омега, куда ехать 40 мин. речным трамвайчиком и на двух автобусах. Невесело отправились мы в ту бухту. Она оказалась неудобной, но переночевать там все же было можно.

17.9.73. Севастополь совсем большой город, с большим прошлым. Его прошлое - Херсонес - начинается с IV века до н.э.

Очень приятно было встретиться с античностью на своей земле. Целый город раскопан с улицами, мостовыми с до н.э. и н.э., с базиликами, сохранившими колонны, с театром, с бытовыми помещениями. Удивительней всего было увидеть театр и колонны из голубого с прожилками мрамора и красивыми капителями. Витя нашел довольно большой черепок горшка и очень этому радовался. Ему даже захотелось

с ним сфотографироваться - высшая степень удивления и радости.

День выдался холодный, ветреный и бессолнечный, но Витя не мог побороть искушение и лишний раз не окунуться в море. А в 17.30 отошел пароход "Аю-Даг", который повез нас в Евпаторию. Вечер был мрачный, от холодного ветра быстро захотелось в укрытие. Так что неинтересным получилось это путешествие. В Евпатории мы поставили палатку на стоянке автотуристов, что предельно упростило поиски кольев и палок, и быстро заснули.

19.9.73.Стоянка была рядом с пляжем и столовой. Утром и там, и там было люто холодно. И, не задерживаясь, мы отправились на поиски мечети, татарских кварталов и караимских построек. Город небольшой, и мечеть мы быстро нашли.

Очень любопытная постройка, таких мы еще не видали. Огромный куб, перекрыт не одним куполом, а большим центральным и 20 вокруг него. Где-то мы прочли, что она строилась по типу Софии в Константинополе, т.е. по типу христианского храма. Мусульманский храм по типу христианского - забавное переплетение религий. Не так уж много между ними различий, а вот сколько вражды, войн. Хотя, может, внутри одной религии нетерпимости больше. Ведь убили русские татарских послов-несториан (христиан), и не тронули следующих - мусульман. Впрочем, в разное время по-разному. В портале мечети использованы тонкие греческие колонки из голубого мрамора. Откуда они здесь? Вот еще наложение - греческого языческого искусства. Не меньшую смесь составляет сам народ - крымские татары. Они наложились на богатую, много веков до них существовавшую в Таврии, смесь народов и культур. Недаром они считают себя потомками великой культуры и отличным от казанских татар народом.

Бродили мы по узким кривым улочкам Евпатории, в которые раньше вообще не выходили окна домов, а сейчас русские, занявшие татарские дома, их прорубили. Но не везде. Ленивые

не взяли в руки лома, просто заняли и живут, и, наверно, к ним по ночам не приходят татарские домовые....

К полудню потеплело, так что можно было купаться и загорать. На пляже мы увидели довольно многочисленное говорливое общество и много полуголых детей. Мы пристроились рядом. Пляжи в Евпатории песочные, а медузы совсем голубые. И хоть они такие красивые, все равно их прикосновение мне ужасно неприятно. Плынешь, вокруг никого нет, и вдруг кто-то тебя касается. Как материализованный дух моря. Говорят, что у берега они все мертвые и их прикосновение безболезненно, только надо мыть руки, чтобы не попала их слизь в глаза. И все же мне неприятно их прикосновение, и я стараюсь скорей отплыть от них.

К вечеру, когда солнце повернулось, чтоб осветить мечеть лучшим образом, мы пошли ее сфотографировать. Еще увидели один минарет и ходили по старым улочкам. А вечером смотрели на затухающий закат и на чаек, деловито очищающих пляж.

20.9.73.Сегодня утром мы вознамерились попасть в краеведческий музей, в античный отдел, т.к. он расположен в караимской кенассе. Но они умудрились держать его закрытым два дня. И мы только пооблизывались, поговорили с собакой-охранником и ушли ни с чем. Стали искать другой отдел музея, чтобы там спросить про остатки города Годлива и про караимов. Остаткам Годлива просто трудно поверить, а про караимов ничего нам не сказали. Огорченные, мы вернулись на пляж. А там всю шпарит солнце и, если сделать стенку от ветра, то совсем лето. Мы даже несколько раз купались, причем, лезешь в воду оттого, что тебе жарко. Красота! В 6-ом часу стало холодать, в 6 зашло солнце, а в 7 совсем стемнело. Закат был неинтересный, только одно облачко один раз хорошо многоцветно высветлилось. У Вити хватило сил прервать пляжное блаженство и съездить на раскопки. Но это оказалась не греческая Никаринитида,

ровесница Херсонеса, а совсем другой городок, правда, тоже с греческим основанием и скифским продолжением.

Ночью уходил все тот же "Аю-Даг" на Одессу. Спального места купить не удалось, но мы залезли в мешок и палатку и хорошо поспали на свежем воздухе.

21.9.73. Утром солнце вставало в сильно заоблачном небе. Но было видно, что оно расчистит небо. Вите после некоторых трудов удалось вытащить меня из мешка, чтоб показать море во всей ширине, и чаек, и игру волн. Я, как всегда в таких случаях, когда ему удастся вытащить меня из инерционного состояния, была ему благодарна. Чем выше всходило солнце и меньше становилось облаков, тем голубее становилось море и светлей развороты воды, которые оставались от парохода. В Одессе мы долго, почти час, швартовались. То ли оттого, что причалов не хватает, то ли Одесса уважения требует. Пришвартовали нас к морскому вокзалу, перекинули нам через таможенную полосу, или как она там называется, трап, вступили мы на одесскую землю, подошли к потемкинской лестнице, поднялись по эскалатору, прошли мимо гостиницы, где я жила весной, дошли до памятника Пушкину, и поехали на вокзал. Витя заболел, и ему явно хотелось уехать сегодня. Но мне было ужасно грустно уезжать из Одессы, не побродив по ней, зеленой. Тем более, погода совсем исправилась, солнце прямо пекло. А в Москве-то 8 градусов и дожди. Взять и сократить свой и без того короткий отпуск на один солнечный день? Витя согласился. Мы ходили по красивой, тенистой Одессе, смотрели театр, Дерibasовскую, зашли в археологический музей - в нем есть все, даже египетский зал. Об одном я жалела, что Вите показывает Одессу не одессит, а я, и он не ощущает особенного одесского колорита. Вида одних зданий недостаточно. Нужно общение.

Ночевали мы в Аркадии, почти на берегу моря.

22.9.73. Утром, даже больной, Витя не удержался и искупался в море. Ведь Аркадия, и ведь последний раз море. Сейчас он совершенно простудился, но о том, что купался, не жалеет. Зато очень доволен, что едет домой, хоть и в битком набитом

вагоне, где ему и сидеть не всегда есть где. Сегодня мы еще походили. Были на Привозе - роскошный базар, не попали в галерею (закрыта на ремонт), пробежались по краеведческому, и опять ходили по добротным, чистым, приятным улицам Одессы, прощались с ней, с летом, с отпускными днями.

Сценарий диафильма «Крым татарский»

1-2. В свои 34 года мы были в Крыму впервые. Не скажу, что Крым был недоступен для нас раньше. Напротив, он был как большая и желанная сладость, припрятанная "про запас", на потом: когда устанем, постареем или не сможем ездить в горы.

3. А вот мы не смогли из-за суда и наказания поехать в Матчу на Памире, и потому, наскребя 2 недели отгулов, отправились в Крым.

4. Время не позволит увидеть весь Крым, - это мы знали и хотели хотя бы "снять сливки". Мы так спешили, что обогнали свой график.

5. И в два оставшихся дня плыли в Одессу, шатались по Дерibasовской, Пушкинской, Приморскому бульвару.

6. Да, я думаю: было б время и силы, мы заглянули бы и в остальные города Черноморья, которые с древних времен являлись неотъемлемой частью Средиземноморья - колыбели античной, т.е. всечеловеческой культуры.

7. Первое наше утро в Крыму.

8. Солнце вставало над Керченским проливом,

9. над знаменитой косой Чушкой, где нынче формируются составы железнодорожного парома, а в годы войны выбирались на песок окоченевшие и обессилевшие солдаты отступающей Красной армии. С ними был и мой отец, из его рассказов Чушка, Тамань, Старый Крым стали частью моего детства, стали Родиной.

10. И с первой же минуты взглядывания в Крымскую и Таманскую землю я неожиданно вернулся в детство, когда отец еще вел свои не частые, но всегда об одном и том же,

рассказы. Я узнавал такую неизвестную и с детства родную землю.

11. 14 рассветов встречали мы на Крымской земле. По-разному начинались незабываемые дни.

12. С дождливого утра над Алуштой.

13. И с ясного дня над Ялтой.

14. На балконе писательского дома отдыха в Коктебеле.

15. На евпаторийской стоянке автотуристов.

16. На пляжном берегу севастопольского залива

17. На палубном полу теплохода Севастополь-Евпатория-Одесса.

18. И с нарождающегося озерного тумана Крымского нагорья.

19. Мы много бегали, уставали и спали крепко, и осенний холод крымских нагорий не мешал нам нисколько.

20. С нами были котелок и спички. И пусть изредка, но мы разводили костер и пили горячий чай, ощущая себя на Крымской земле истинными туристами.

21. Да, мы были туристами и, наверное, неплохими, раз выполнили свой план-маршрут.

22. Начав с Крымского востока, свои последние отпускные дни доживали на крымском западе, в Евпатории, этой греческой Керкиатиде, турецко-татарском Гезливе.

23. Через 13 дней мы долго, сентиментально прощались с морем, с прежде неизвестным, нет, вернее, прежде нами невиданным Крымом, неотведанным Крымом.

24. Утешало лишь то, что, в отличие от других мест Союза, наше посещение Крыма, хоть и первое, но наверняка не последнее. "Вот постареем", а это уже скоро, и будем ездить в Крым, обязательно будем. Пусть даже изредка.

25. "Почему?" Ответов и причин много... И вам надо запастись терпением, чтобы выслушать наш долгий рассказ. И начнем, поэтому, с давнишней и горькой темы татарского Крыма.

26-27. Судьба крымско-татарского народа давно волнует нас своей вопиющей трагичностью. Увидеть своими глазами Крым, как родину татар - было нашим давнишним желанием.

28. Увидеть старые татарские деревни и пастбища, фруктовые сады, посаженные их руками, и дороги в горах, проложенные ими; увидеть узкие улочки с безглазыми домами и минареты над ними, восточную экзотику и памятники самобытной культуры.

29. Еще и еще раз убедиться в праве крымских татар, наших хороших знакомых, на свою землю, на родину и даже на свою - Крымскую татарскую автономную советскую республику. Но так считают далеко не все.

30. Для многих крымские татары - шайка диких разбойников и убийц в далеком прошлом, предатели и пособники фашистов в последней войне, яростные головорезы сегодня. К сожалению, так думает большинство наших сограждан, или не думают вовсе. Но они ничего не знают.

31. На этом месте мы разговорились с пастухом. К сожалению, Витя постеснялся сфотографировать в упор старика, но беседу с ним в лучах заходящего солнца мы запомнили прочно.

32. Он, конечно, русский, но живет здесь с довоенных времен, когда Крым еще был татарской автономной республикой, когда все деревни и села вокруг вместо маразматических названий: Крепкое, Счастливое, Зеленое и т.д., назывались изысканно и гордо: Черкез-Кермен, Чесмен-Каролес, Ожинкой.

33. Да, он прожил здесь всю свою жизнь, и знает татар и татарскую проблему, как никто другой. На наш вопрос о предательстве татар, он ответил удивительно верно: всякие люди были, и не только среди татар, но вот русских и украинцев слишком много, чтобы их можно было выслать. Он-то нам и сказал, как назывались прежде деревни в округе. Отвечая на вопрос, как выглядели они, он рассказал: "Конечно, дома теперь стали другими. Раньше и богатые татары жили в домах из сучьев, промазанных глиной, не то, как сейчас они живут в Средней Азии - богато и культурно. Ведь они "страшные" труженики!»

34. А вот как в рассказе пастуха обрисована современная ситуация. Когда был издан Указ 1967 года об их

реабилитации, то им разрешили переселяться в Крым. Но тут узбеки за голову схватились - кто ж у них будет всю работу делать. Вот узбекский секретарь Рашидов и полетел в Киев к Шелесту - помоги, мол. Тот и помог: запретил пропуску татар в Крыму. Только несколько семей переселилось, да и то в степной Крым.

35. Здесь, в горах, им селиться запрещено. Вот какие легенды ходят в Крыму. А может, это и не легенды? Мне, правда, представляется, что основная причина запрета на свободное возвращение несправедливо репрессированного народа не экономические затруднения узбеков, а великодержавный шовинизм и страх наших родичей - украинцев и русских.

36. Вот дома переселенцев в бывшем татарском селе. Их лепят до сих пор, строят задешево, как подарок от властей - только живи. А над домами на скалах, бог знает когда, выписан бодрящий лозунг "Убитый враг - к победе шаг". "Крым - русский и украинский" - заявляет эта надпись. И мне вспоминаются другие слова: "Этим людям в нашем доме нет места". Простите, что пользуюсь словами Голды Меир, сказанными об изгнанных палестинцах. Для меня ситуации сходны.

37. Вот в этом-то и следует разобраться, тем более что мы и сами в свое время отдали дань эмоциональным сетованиям на татарское иго и Крым, как основную причину российской отсталости. И чтобы найти ответы, мы, как всегда, обращаемся к истории, к памятникам татарских столиц в Крыму.

38. "Старый Крым" вначале не входил в наш маршрут - моря и древних крепостей в нем нет.

39. Только домик вдовы Александра Грина.

40. Однако, узнав, что в этой самой первой столице крымских татар еще сохранились каменные останки, мы, конечно, не смогли не сделать крюк ради Эски-Крыма.

41. "Салхат" - так звали древние татары свою столицу. По преданию, здесь Батый-хан построил роскошный дворец и до 16 века в нем пребывал наместник золотоордынского хана.

42. Сегодня Старый Крым - районный городок. И надо очень много воображения, чтобы разглядеть в нем былую столицу.
- 43-44. Единственное относительно целое здание - мечеть Узбека начала 15 века.
- 45-46. К ней прилегают развалины медресе - духовного училища.
47. Нарядный узорчатый портал мечети, украшенный каменными сталактитами и арабскими надписями - благодарности аллаху от строителей и повелителей,
48. все говорит о культуре времен позднего омусульманивания Золотой Орды
49. и ничего - о самих монголах - последователях особой, черной веры.
50. Да и что могло остаться от кочевников и воинов? Только сам факт столицы в этих руинах, да разве что кони! В них-то сохранилась хоть капля крови выносливых монгольских скакунов?
51. Ведь при выселении татар этих прямых потомков монголов Батые, их лошадей оставили в Крыму.
52. Кони - не люди, культуру не создают и не хранят, и рассказать ничего не могут. Разве только напомнить? И как бы оживить собой развалины.
53. Их много в Старом Крыму: Караван-сарай, монетный двор, мечети и др.
54. Они разбросаны по всему городу - по огородам и садам. И добраться до них, чтобы осмотреть, порой нелегко. Да и не к чему.
55. Ведь это некрасивые развалины - остатки простых стен, грубой каменной кладки. Разве только характер кладки выделяет черты монгольского Эски-Крыма: варвары, вдруг ставшие хозяевами полумира, строили много, на скорую руку, не очень красиво и, конечно же, непрочно.
56. Прошли недолгие века, и стены разрушились. А вот римские или армянские постройки стоят тысячелетиями.
57. И еще одно. В книжке 20-х годов мы прочли: "с высоты холма Комаль-ата, на котором, по преданию, погребен хан

Мамай, виден современный Старый Крым - убогий заштатный город. После присоединения Крыма к России, он подвергся екатерининскому эксперименту - его переименовали в Левкополь, повелели стать центром шелководства, но из этого ничего, конечно, не получилось,

58. кроме обезображивания города, потерявшего свой восточный колорит. Для постройки нового города по казенному образцу, были использованы камни из старых зданий, варварски разрушенных. Новый Старый Крым в буквальном смысле слова возник на "костях" прежней столицы.

59. Сохранившиеся памятники находятся в состоянии "мерзости запустения". Эти разрушительные работы продолжаются и по сие время: плиты, надгробья XIII-XIV веков закладывают в тротуары, крыльца, хлевы - все варварски уничтожается".

60. Распространить это утверждение 20-х годов на сегодняшний день было бы неправильно. Уже нечего уничтожать, а некоторые оставшиеся руины взяты на учет. В городе нет ни музея, ни путеводителей.

61. Нет старой татарской столицы и памяти о ней нет. Нынешним крымским переселенцам она ни к чему. Но нам-то надо разобраться! Потомки воинов Батыея - кем они стали после разрыва со своей родиной Монголией и с самой Золотой Ордой?

62. Об этом можно спросить у гидов в Бахчисарае. В середине 15 века правителем Крыма стал хан Селим Хаджи-Гирей - победивший хана Золотой Орды в борьбе за независимость Крыма.

63. Неустанно ограждал он завоеванную независимость от Польши, России, особенно Турции. Но безуспешно. Столицей он сделал свою летнюю резиденцию - Бакче-Сарай.

64-67, 68. А о чем же говорят экскурсоводы?

69. "Перед вами портал великолепной каменной резьбы и красок. Изготовил его итальянец Алоиз Новый, задержанный

здесь по ханскому произволу, при возвращении из Москвы после постройки Архангельского Собора.

70. Знаменитый фонтан слез, упомянутый Пушкиным. Изготавливал его опять же не местный, а приезжий мастер по приказу жестокого хана Крым-Гирея, после смерти его любимой наложницы.

71. А вот золотой портал с вязью арабской мудрости, но и его изготавливали какие-то иностранцы".

72. Дворец набит произведениями искусства и предметами роскоши, но экскурсоводы все раскладывают по полочкам иностранных заимствований, почти ничего не оставляя в них ни крымского, ни татарского.

73. На экскурсоводов смотришь с восхищением, как на фокусников. До чего же прост этот шулерский прием! С его помощью искусство любого народа можно до доньшка разложить на иностранные влияния. Не исключая и Москвы белокаменной.

74. По нашему мнению, оригинальность любого искусства и культура любого периода и заключается в том, чтобы из известных миру приемов создать экскурсоводу недоступный и самобытный сплав целого.

75. И все же, пусть не было крымской школы строительства, обработки камня, резьбы по дереву и пр. Но есть сам ханский дворец. Дворец, известный всему миру. Дворец, разрушить который не решаются даже ненавистники крымско-татарского народа.

76. Диван-зал. Здесь заседало ханское правительство, бывали послы с подарками и откупались от набегов. Сами набег были основным источником жизненных средств для хана. Действовал порочный круг: хан не мог собирать налоги со своих подданных - этому препятствовали прочные традиции родовой татарской демократии, а быть бедным, уменьшить блеск и роскошь двора, значило потерять уважение и быть свергнутым. Единственный выход - удачно воевать. Смешно сказать: хан не мог даже заставить своих людей работать, и потому требовал работы от иностранцев. Так, еще в 1631 году

татарское посольство укоряло русского царя, что ключевая крымская крепость Перекоп обветшала, и требовало, чтобы царь починил ее.

77. Этот зал принимал и турецких посланников. Ведь Крымское ханство не было самостоятельным, а сам хан назначался и свергался султанской Блистательной Портой. Сколько их, владетельных ханов, было выслано, свергнуто, зарезано: многие десятки за три с лишним столетия. С начала возникновения своей государственности Крымские татары были в центре противоречий великих держав, и платили за это своей жизнью и кровью. Можно ли было ждать от них гуманизма?

78. И что за чушь - беспрестанно талдычить о крымском народе лишь как о разбойничьем гнезде? Как будто в этих залах не бывали известные историки и астрономы, философы и богословы, поэты и сказочники?

79. Крымско-татарские сказки! Незабытые мною с детства сочетания нежности и грубоватой насмешки, мудрости и веселья, дерзости до неприличия и неприличия до поэзии. Как будто вся душа крымского народа всех времен воплотилась в этих сборниках сказочных притч и историй, душа потомков

80. тавров и киммерийцев, скифов и готтов, греков и римлян, евреев и караимов, генуэзцев и византийцев, турок и самих татаро-монголов, давших имя всему этому великолепному генетическому букету.

81. Нет, мне не удалось тогда отвлечься от мысленного спора с экскурсоводом, не удалось связать свои детские воспоминания с этими лестницами, переходами, потайными комнатами, представить героев крымских - глупых кади, обманутых мулл, влюбленных и бедных юношей, нежных красавиц, гордых воинов, смелых и остроумных обманщиц.

82. Не удалось очиститься от современных пристрастий и обид и вернуть по-детски незамутненный восторг перед дворцом-сказкой.

83. Даже когда медовый голос экскурсовода восхищался, например, фонтаном жизни и разъяснял его символику: бьет

вверх сильная струя - так начинается жизнь человека, но с годами все ниже, все слабее струи,

84. и нет спокойной воды в бассейне, как не бывает спокойных жизней, - меня обижали непрерывные ссылки на мудрость иностранного Востока, забвение творческого участия в этой мудрости самих хозяев дворца. Возможно, я не прав, возможно, пристрастен. Но нельзя же, нельзя не говорить в этих стенах о главном, о Фонтане жизни самого крымско-татарского народа. Бить ли ему ровно и сильно или вырываться из-под зажима свирепо сдавленной до удушья струей.

85. Да, этот народ когда-то принес соседям немало бед и по своей, и по чужой вине. Но и сам натерпелся немало, начиная с крымской войны прошлого века и последующей почти поголовной эмиграции в Турцию, когда остались на родине лишь немногие десятки тысяч, и жизненная струя значительно ослабла, вплоть до трагического поголовного выселения 1944 г. И с тех пор уже 30 лет над крымско-татарским народом довлеет тяжелейший вопрос: "Быть или не быть народу?"

86. Ладно, пусть этот портал соорудил Алоиз Новый, и крымские татары здесь ни при чем. Пусть крымские ханы и его люди были жестоки, мастеров не выпускали, пока не изукрасят портал. Пусть... Но ведь нельзя не видеть в целом народе только сукиных сынов. Кто везде видит только негодяев -

87. сам негодяй. Надо видеть и людей - воинов, героев, поэтов, рыцарей, ценителей прекрасного, носителей мудрости, прародителей сегодняшних страдающих и трудолюбивых крымских татар. Надо же нам самим становиться людьми... Как был им Пушкин.

88. Пушкин жил много ближе к эпохе, когда в народной памяти были живы крымские набеги и жестокая война с Турцией, те страдания и обиды русских он чувствовал много глубже, и, тем не менее, в крымских гиреях и их соратниках он видел людей. Не мог не видеть, не проникать в их душу, в их любовь и страдания.

89. Бахчисарайский фонтан, фонтан слез хана по прекрасной полячке, отвергавшей его поклонение. Капают редкие капли на мраморные чаши, угасают свежесрезанные розы. Голос экскурсовода тих и печален. Спешите, спешите упиться этой печалью. Здесь, у фонтана слез, еще действует магическое очарование Пушкина - здесь вы жалеете крымского татарина - врага нашей нации, и в жалости своей становитесь человеком; а пройдете в соседний зал, услышите очередную политинформацию про невольниц-страдалиц и набег-разорения, и вновь вернетесь в шкуру остервеневшего ура-патриота.

90. Нет! Так нельзя! Нельзя поддаваться! Хорошо Александру Сергеевичу - он ходил один, без экскурсоводов. Впрочем, я шучу. Дело, конечно, в нас самих, способных любить стихи Пушкина, переживать его "Бахчисарайский фонтан", и не способных научиться у Пушкина высокой человечности, его пониманию людей, его восприятию чужого горя и счастья.

91. Окиньте взглядом еще раз этот Дворец в садах, в Бахче Сарай. Не надо видеть в нем забавную безделушку, восточную экзотику. И лучше не смотрите сверху.

92. Посмотрите на него глубже и внимательней, поближе, что ли. Как на память особой культуры, особого в стране народа, особого, потому что он и сегодня ведет бой за свое будущее! Сделайте это хотя бы ради себя.

93. На побережье, в Керчи, Феодосии и Евпатории мы видели крепости и мечети не только татарской, но и турецкой культуры. Турки, переселившись сюда еще в 15-ом веке, со временем стали составной частью крымско-татарского народа, и сам этот народ долгое время чувствовал свою родственную связь с Турцией, как Украина с Россией.

94. Турецкая крепость близ Керчи - Еникале, была построена в самом узком месте Керченского пролива.

95-99.

100. Мы бродили по мощным стенам и спрашивали себя: а была ли от них польза? Крым они защитили?

101. Нет, Еникале не смогла задержать великую Россию, рвавшуюся к южным морям. А впрочем, сопротивление не было напрасным. Даже потеряв Керчь, а потом и весь Крым, турки сохранили Стамбул, и русские правители не смогли осуществить своей главной, самой заветной цели - завоевание Царьграда.

102. Ведь для православных русских Царьград и Афон играли ту же духовную роль, как Иерусалим для евреев. И вот не удалось, и не удастся. Русскому самодержавию конец пришел в 1917 году, за год до победы Мировой войны, по которой царская Россия должна была получить Стамбул. Всего год не хватило до исполнения конечной цели своего натиска на юг и, может, именно Еникале сыграла свою посильную роль в этой годовой задержке.

103-106.

107. "Феодосия-Кафа" Древнегреческая Феодосия, от которой остались лишь камни пристаней и молвов...

108. в середине века главная генуэзская колония на Черном море Кафа, от которой и остались грозные стены и башни, затем, после турецкого завоевания,

109. главный невольничий рынок в Крыму, на котором татары реализовывали один из самых важных своих товаров - пленников и пленниц.

110. Екатерина вернула городу греческое имя, но по архитектурному облику старой части он так и остался татарско-армянским городом с примесью европейско-генуэзской экзотики. Феодосия осталась торговой Кафой.

111. Всегда трудно преодолеть свои пристрастия и относиться объективно к противоречащим им фактам. Мы сочувствуем крымским татарам, но и не забываем о невольничьем рынке в Кафе, как не забываем об азиатчине на своей родине.

112. Да, мечети в Кафе напоминают нам о татарских набегах и пленниках, о крови и слезах, о хищности и жестокости.

113. Но и наша собственная память замутнена жестокостью предков. И потому, любуясь русской церковью или татарским

минаретом, давайте просто радоваться, что прошли времена крымских набегов и сталинских ссылок народов.

114. И давайте стараться, чтоб столь жестокой вражды больше не было.

115. "Евпатория - Гезлев"

116. Современное имя этому городу дала все та же Екатерина, прежнее турецкое имя Гезлев по обычному самодержавному праву изъяли. Но Гезлеву удалось выжить в старых кварталах, и мы очень явственно его здесь ощущали.

117. А рядом выросла русская курортная Евпатория, иногда взамен турецких кварталов.

118-123, 124. Евпаторийский берег не оживляется прибрежными скалами, море плоско и пустынно смотрится и звучит как вечное забвение крымским татарам, 100 лет назад эмигрировавшим отсюда в Турцию, уехавшим с родины

125. и обреченным на культурное исчезновение и ассимиляцию среди турок Анатолии, ради одной только задачи: сохранения в чистоте ислама. Формально добровольная, эта первая губительная депортация крымских татар на деле была вынужденной.

126. А той же части народа, которой родина была важнее притеснения мусульманской веры, судьба уготовила в наше время насильственную ссылку в среднеазиатские степи и пески.

127. Татарский Гезлев уходит в прошлое. Но бесследно ли?

128. В центре Евпатории-Гезлева стоят два храма: русский собор и татарская мечеть.

129. Ныне действующий собор памятником старины не считается. В ряду русских храмов делового предреволюционного православия, действительно особенно ничем не выделяясь, в который раз соединил русскую отдельно стоящую колокольню и громадный купол царьгородской святой Софии.

130. Зато стоящая рядом Джума-мечеть, построенная еще в 1552 году по образцу стамбульской мечети Айя-София,

широко известна (за что ее даже реставрируют в настоящее время).

131. Русский собор и татарская мечеть, сооруженные в разное время, различаются по приемам кладки и отделки, по фактуре материалов разных эпох, но удивительно сходятся по композиционному облику: огромный купол над центральной частью, купола поменьше над приделами, окружившими центральную часть. Если еще представить у входа в мечеть несуществующий сейчас минарет, как стоит колокольня у собора, то сходство станет почти полным.

132. Но чему ж тут удивляться. Ведь константинопольская святая София и стамбульская Айя-София - это одно и то же здание, один и тот же образец,

133. в них один античный исток, так же, как и сама вера ислама, и вера христианства имеют одни и те же библейские корни. Единство истоков неоспоримо даже для таких враждебных вер, как православие и ислам.

134. В будущем мир не будет мусульманским или православным, русским или татарским, или еще каким-нибудь одноцветным. Он будет совсем другим. И каждая его частичка будет пронизана всеми культурными влияниями всех эпох.

135. Примиренность и терпимую мудрость разливает в людях знакомство со старым Гезлевым, с мусульманской мечетью, караимо-иудейской кенассой, христианским православным храмом. Для нас этот закат был прощальным.

136. Мы были в Крыму слишком мало, и мало увидели следов пребывания здесь татар, хотя память о них нас никогда не оставляла.

137. Где бы мы ни были: на яйлах, где когда-то татарские пастухи пасли стада, в сети горных дорог, по которым когда-то спозаранку спешили татарские садоводы и

138. виноградари с фруктами к отдыхающим на море русским,

139. в красивых горных ущельях и у звонких речек, рядом с которыми когда-то стояли их бедные сакли,

140. в садах, заложенных и выращенных руками татар, плодами которых мы пользуемся до сих пор.

141. Еще Брокгауз и Эфрон писали: "Именно при татарах заведено в Крыму много фруктовых деревьев, разных сортов виноградных лоз, стали процветать виноделие, табаководство, коневодство", но, - добавляет словарь, - сейчас хуже: вина и фруктов только 700 тыс. пудов в год, количество скота на яйлах снижается,

142. а уж верблюдов вообще мало осталось". Теперь от верблюдов не осталось и косточек. Нет и татар. Одни развалины, да воспоминания о прежних богатых временах и прежних трудолюбивых хозяевах. Унылой без них выглядит крымская земля. Неизбывна ее память, как неизбывна тоска по ней детей крымского народа.

143. Этот диафильм мы хотели бы закончить письмом одного крымского татарина, направленного всему белому свету. Вслушайтесь в эти слова. Когда-то они задели нас болью и надеждой. Может, и для вас они станут путеводной нитью при знакомстве с Крымом. Слушайте! Слушайте! Слушайте!

144. "Все мое детство прошло на чужбине, на высылке под спецкомендантским режимом. Нам не разрешалось удаляться от места проживания даже на несколько километров. Все мое поколение детей крымских татар тех лет выросло в полутюремных условиях.

145. И нас в детских садах заставляли кричать: "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!" А по вечерам мать часто рассказывала о нашей прекрасной родине -

146. Крыме, и на ее глазах всегда появлялись при этом слезы. Она рассказывала нам о голубом и теплом южном море,

147. о сказочно прекрасных лесах и горах Крыма, о горных лугах, яйлах с медовыми травами, где испокон веков паслись отары овец, табуны лошадей,

148. рассказывала прекрасные легенды, сказки, которые тысячелетиями создавал и сохранял в памяти наш народ, в которых он воспевал красоту своей родины, его историю. И мы днем наяву, а ночью во снах мечтали только об одном - возвращении на свою родину".

Сценарий диафильма «Крым русский»

1-2. Главной целью нашей двухнедельной крымской поездки осенью 73 года было увидеть татарский Крым.

3. Но глаза наши и память не были заполнены одной только татарской болью. Крым слишком сложен и многолик, чтобы его можно было уложить в одно понятие - родины крымских татар.

4. Вполне естественно возник у нас вопрос: "А для русских и украинцев, живущих здесь, эта земля - родина или временное пристанище?" Если в Крым вернутся татары, придется ли русским уезжать? Чего требует людская совесть и историческая справедливость?

5. Ища следы татарской культуры, мы не могли не замечать и русских древних и современных пластов. И начать мы должны с моря:

6. Ведь главной целью и заботой русских в Крыму всегда было море, с еще докиевских времен, когда само море звалось не Черным, а Русским.

7. Так, во всяком случае, называли его арабские купцы и византийцы. Но почему?

8. Попробуем разглядеть ответ из этой разрушенной бойницы крепости Еникале на берегу Керченского пролива. На другом, Таманском берегу, когда-то находилось древнейшее русское княжество, таинственная Тьмутаракань.

9. Когда-то она была одной из главных колоний, баз молодого и разбойного северогерманского племени русов, или варягов, господствовавших не только над Русским морем, но и над всем путем из варяг в греки. Но потом русы начали всерьез покорять славян, основали Киевскую Русь и слились с подчинившимся им народом, забыв свое немецкое происхождение. Киевским же князьям было хлопотно защищать свои старинные морские тьмутараканские владения. И, в конце концов, они потеряли их и море.

10. Осталась только память и извечная тяга русских к Русскому черному морю. Так мы получили от Крыма первый ответ: русы дали нашему народу государственность и имя. А свою православную веру и культуру мы получили от Византии и Крымской Корсуни.

11. Здесь, в Корсуни, воевал, а потом крестился Владимир Красное Солнышко. Отсюда взял греческих священников и грамотеев.

12. В память этого события, как в память о крещении, о духовном рождении, был воздвигнут в прошлом веке громадный собор святого Владимира.

12а. Выглядевший помпезно, он, наверно, был неуместен среди херсонесских камней.

13. Но, пострадавший вместе с нашим народом во время последней войны, он стал своеобразной реликвией русского православия, и жаль его, разрушающегося.

14. Многие века, вплоть до турецкого завоевания, Корсунь была главным посредником между Русью и ее духовной "альма матер" - Византией, как бы русской территорией в Византии. Отсюда шли греческие священники, иконописцы, книжники.

15. И если византийский Константинополь стал турецким Стамбулом, то Корсунь вновь стала русской, пусть и носит она сегодня греческое имя - Севастополь. Мало мест, столь дорогим русским, как этот древний кусок крымской земли. Недаром русские так упорно за него дрались в войнах двух последних столетий.

16. Мы целый день бродили по корсунским улицам, рассматривая, запоминая, домысливая. Вот византийской постройки крещальня. Не из нее ли выходили первые русские христиане?

17. А вот тайный знак христиан времен их преследования - священные рыбы. Знак рыбы - как будто встреча уже не с Византией, а с Палестиной, с самими апостолами, с людьми, знавшими Христа.

18. Но можно посмотреть и еще глубже. Ведь Корсунь - это древнегреческий Херсонес. Ее здание и культура - прямое продолжение античных традиций, а корсунцы - прямые потомки эллинов. И потому мы считаем, что Корсунь приобщила Россию не только к христианству, но и к античности, к главной культурной сокровищнице человечества.

19. И потому так дорог России Крым. Не подумайте, что мы обосновываем здесь право России держать Крым в составе своей державы. Это нас не интересует. Мы только желаем показать все значение его для русских людей и их право считать Крым своей Родиной.

20. Именно Крым, а не только Корсунь или Тьмутаракань. По всему полуострову мы встречали русские или византийские постройки вроде этой базилики на пути между Коктебелем и Судаком, носившим во времена морского господства русов имя Сурож,

21. или этой крестовой церкви 12-го века в Керчи, по-русски звавшимся Корчев.

22-23,24. Средневековым христианством полно не только побережье, но и внутренний горный Крым.

25. Вот Успенский монастырь вблизи Бахчисарая. Возник он в VIII веке, когда в Византии началось иконоборчество, и монахи массами бежали в Крым и в другие окрестные земли.

26. Именно Крым сохранил византийскую живопись, ее традиции. И пусть эти росписи над пещерным храмом поздние. В них живы отсветы первоначальных образцов.

27. Монастырь во времена крымского ханства был резиденцией православного митрополита, главным оплотом десятков тысяч христиан в Крыму. А ведь стоял он в 3-х км. от ханского дворца и жил, жил несмотря на тесные связи с русскими царями и интриги последних. А после русского завоевания захирел и распался.

28. Мы не будем больше показывать пещерные монастыри и города, тем более, что в их создании приняли участие не только христиане. Отметим только, что никогда византийско-

русские традиции в Крыму не прерывались. Потеряв море, православие перебралось в пещеры. Так Крым всегда оставался для русских духовной родиной. А два века назад история вытасила Крыму жребий: быть завоеванным Россией, и стать главной ее морской базой.

29. Базой военного флота русских стал Севастополь, в неслучайном близком соседстве с Корсунью и Херсонесом.

30-30а. Сам Севастополь - город русских моряков и русских национальных памятников, город, ставший олицетворением национальной гордости.

31. За недолгий срок своего существования он два раза основательно разрушался, но каждый раз восставал еще более красивым и торжественным, еще более победоносным.

32. По ухоженному Севастополю просто приятно ходить, ощущая заботу людей и властей о красоте, даже роскоши города, как приятно видеть красивых и здоровых людей.

33. Но нас больше всего интересовали севастопольские памятники. Память людей, отдавших свою жизнь за право называть эту землю родиной. И начнет этот ряд аргументов генерал Нахимов.

34. Нахимов прославился разгромом турецкого флота в Синапе, но национальным героем стал в дни первой севастопольской обороны, которую возглавил после Корнилова.

35. Ради защиты города он пошел на величайшую для флотоводца жертву - приказал затопить весь русский флот, чтобы преградить путь в бухту англо-французской эскадре. В память погибшим кораблям поставлен этот столп.

36. Нахимов, прежде всего, был русским человеком. Выходец из небогатой семьи, он был близок матросам. И они его любили, почитали как наисправедливейшего. Нахимов был строг и наказывал вплоть до страшной порки. Чудовищно, страшно, но факт! И именно суровый и консервативный Нахимов со своим традиционным и уважительным отношением к матросу-мужуку воспитал героев Севастопольской обороны.

37. Например, вот этого матроса Кошку. Но, проявив себя героями, почувствовав себя людьми, они уже не могли возвращаться к крепостничеству и порке. С участников Севастопольской обороны начинается в России освобождение крестьян.

38. Памятник генералу Тотлебену, выдающемуся военному инженеру, сумевшему в условиях технической отсталости переиграть англичан и французов в позиционной войне,

39. сумевшему доказать русским правителям, что техническое развитие России необходимо.

40. Главные руководители севастопольской обороны - Корнилов, Нахимов, Истомин, погибшие от неприятельских пуль, похоронены во Владимирском соборе, вставшем на одной из севастопольских высот.

41. Памятник Льву Николаевичу - боевому участнику севастопольской обороны. Да, автор непротivления злу насилием начинал свою жизнь боевым офицером. Наверно, здесь он получил опыт и знания, достаточные, чтобы писать военные картины "Войны и мира", психологию солдат и командующих, философию войны и мира.

42. Вот в таких окопах-укреплениях офицер Толстой становился великим писателем. "Севастопольские рассказы" были его первым выступлением, принесшим уверенность в себе и славу.

43. Знаменитая круговая панорама севастопольской обороны - сама ставшая историей и легендой, неотделимой от города.

44. Музей над центральным укреплением Малахова кургана. И везде люди, люди, как будто слава города вся состоит из первой обороны.

45. Но рядом с крестами погибших в прошлом веке стоят совсем редкие и привлекающие меньшее внимание памятники павшим в последнюю отечественную войну.

46. Рядом со старинными пушками 1856 года -

47. - стволы современных береговых или снятых с кораблей орудий.

48. Подвиг Севастополя в 1941-1942 годах по жертвам, страданиям и упорству его защитников был не меньше, чем первый, но не по значению для России. Война 1856 года почти вся была в обороне Севастополя, в 1941-42 годах он был лишь небольшим эпизодом в миллионных битвах. Война 1856 года окончилась для России поражением, расчистившим ей дорогу к реформе, последняя война закончилась победой не только народа, но и лично Сталина, закрепив культ на долгие годы.

49. Участники второй обороны не виноваты в этих "хитростях истории", но Севастополь, а вместе с ним и весь Крым, останутся для Россия навечно, прежде всего, памятником эпопеи 1856 года, символом раскрепощения сил нации.

50. "Керчь"

51. Вторым городом-героем в Крым считается Керчь. Она вся отлично проглядывается с горы Митридата от памятника последней войны.

52,53. Володя Дубинин, известный каждому из нас со школьных лет. Осталась о нем каменная память в окружении цветущих деревьев.

54. Собор Александра Невского поставлен под Керчью вблизи развалин древней Пантикопеи.

55. Но когда русские захватили Крым силой, то уже наш крест, крест церкви военного святого Александра Невского вознесся выше всех греческих церквей. Долгие века греческий Крым духовно образовывал Россию.

56. Теперь русская городская культура стала формировать древнюю землю. Однако мы оптимисты, и верим, что Крым достаточно духовно силен, чтобы не погибнуть под нивелирующим катком технической цивилизации. И своеобразие его городков - тому порука.

57-60.

61. Вот мы и добрались до сегодняшних дней, до пляжной тематики.

62. "Крым - всесоюзная здравница". Этот лозунг сорокалетней давности все определяет и по настоящее время.

63. Да мы и не против! Да что там говорить: море и солнце - это здорово!
64. А на пляжах могут лежать весьма достойные люди. Не в пляжах дело. Дело скорее в нашем эгоизме.
65. Иногда мне кажется, что причина интуитивной неприязни к пляжникам заключается не в мешанстве и инертности последних, а в том, что масса чужих и в потенции неприятных нам людей заполонила столь прекрасные места своими телами, резко сузив возможность для нас самих.
66. А когда мы попадаем в пустынное место, то наше чувство собственника испытывает подлинное облегчение: пусть на короткое время, на час, это все мое, наше!
67. Конечно, я не забываю о минусах пляжного существования. Выдержать без скуки месяц монотонной здешней жизни трудно.
68. Но если рыться в камушках, бегать по скалам и музеям, поглощать литературу,
69. и наслаждаться обществом детей и друзей, то нет для этого чудесней мест, чем крымские курорты и море.
70. Это мы испытали на себе. Больше и радостней всего мы купались в Коктебеле, где были радушно приняты решительно идущим в воду хозяином. Но не только там.
71. Феодосия и Артек, Гурзуф и Кареиз, Херсонес и Евпатория. Мы брали от моря все, что могли. Если можно, купались по 5 и 10 раз в день, насыщаясь до предела соленой шипучестью прозрачных вод.
72. Основным олицетворением особой культуры пляжно-курортного Крыма, ее главным средоточием является Южный берег. Многомиллионная летом Большая Ялта тянется от Алушты до Фороса, а точнее, от Гурзуфа до Симеиза.
73. Узкая полоса побережья, защищенная от северных ветров грядой Крымских гор, Южный берег единственный в стране обладает теплым климатом сухих субтропиков, типичным климатом Средиземноморья.
74. Правда, нам не очень повезло с погодой, и кадры получились по преимуществу серые.

75. Но даже не всегда освещенный солнцем, он оставляет яркие впечатления от роскошных вечнозеленых деревьев, цветов, дворцовых ансамблей и современных гостиниц,
76. от звуков, запахов, видов.
77. В общем, Южный берег - это вещь! О нем нельзя рассказывать по порядку, разворачивая его историю, раскладывая на влияния. Почти весь он - создание пореформенной и дореволюционной России. Поэтому попросту расскажем, как мы провели 2 дня на Южном берегу.
78. В мелкий непрерывный дождь покинули мы Алушту на этом судне "Мухалатка" только для того, чтобы увидеть Крым с моря, со стороны, как привыкли видеть его наши предки - русы и запорожцы.
79. До свидания, Алушта, будь солнечной в следующий раз!
- 80-81. Знаменитая Медведь-гора, выпивающая море, татарская Аю-Даг.
82. Пустынность побережья Аю-Даг и прилегающие к Аю-Дагу когда-то дикие леса, в которых охотился молодой Пушкин, исчезнут, уйдут в небытие.
83. Ныне живущие, безусловно, имеют право на Южное море. "А все-таки жаль, что нельзя Александра Сергеевича"... леса сохранить.
- 84-85. Вот показалась цель нашего морского перехода "Гурзуф".
86. И ожидания нас не обманули! Горбатые улочки, дома лепятся друг к другу и по-южному нависают террасами над улицами.
- 87-88. Шумящая толчея людей, маленькие магазинчики процветающей когда-то восточной торговли.
89. И близкое море внизу, когда-то открытое для контрабандных турецких фелюг. Мы были восхищены и покорены. И пусть некоторые путеводители твердят, что слово Гурзуф иранское, а деревня, бывшая здесь до русских, возможно, греческая.

90. Наши чувства уверенно признали старый Гурзуф свидетелем жизни береговых татар (пусть сегодня их и обзывают греками).
91. К Артеку, к пушкинским местам мы идем пешком, тщеславно наслаждаясь фактом своего присутствия среди кипарисов.
92. Но вот мы и у цели. Пушкинская беседка, скалы с водными гротами, знакомые по картинкам поэта,
93. стоящего у бушующих волн. "Прощай, свободная стихия".
- 94-95.
96. Тем же днем под вечер мы добрались до Никитского сада. Что тут говорить?!
- 97-106.
107. В Ялту мы приплыли уже поздним вечером. Пошатались с рюкзаками по иллюминированным улицам главного курортного города, если не Союза, то, по крайней мере, Крыма,
108. постояли у нового кинотеатра и пошли в ночь искать в городе пустое место, чтобы поставить палатку и устроить себе ночлег.
109. Утром мы увидели Ялту умытой и солнечной. Древнегреческая Ялита, генуэзская Галита после русского завоевания была маленькой заброшенной деревней, а решением знаменитого Воронцова превращена в город.
110. По недостатку времени мы просквозили этот город и его музеи, заинтересовавшись лишь первым бросившимся в глаза храмом Александра Невского.
111. Удивительную привязанность проявляют русские завоеватели к этому имени. В Таллине, Каунасе и Софии, в Керчи и Ялте русские цари не преминули поставить пышные тяжеловесные храмы в его честь,
112. как бы принося жертву и заклинание о помощи князю-воину и политику, предшественнику деспотизма в России
113. Весь этот день мы путешествовали южнее Ялты: автобусом до Ливадии, пешком до Ореанды, потом до Кореиза, автобусом до Алупки, морем до Симеиза и Мисхора

и снова в Ялту, чтобы на следующее утро подняться к Ай-Петри и двинуться в крымскую глубь.

114. Ливадия - это бывший царский дворец, после революции - обычный дом отдыха. Но в 1944 году Ливадия снова стала известна миру и истории. Здесь заседала

115. конференция антигитлеровской коалиции. Сталин, Рузвельт, Черчилль утвердили решение о судьбе Германии и Европы, об основании Организации объединенных наций, об устройстве послевоенного мира.

116. Здесь решались судьбы русского и других народов. Что на это скажешь? Так было. И так есть.

117. Почти от самого Ливадийского дворца хорошо видна у моря Ореанда - летняя резиденция нынешнего руководителя страны, вернее, виден купол византийской церкви. Поколебавшись, мы начали спуск, и почти сразу попали в окружение заборов. Идти по дороге вдоль таких заборов было неприятно, но мы продолжали,

118. пока не уткнулись в самую церковь. И все! Никакой Ореанды.

119. Поздним вечером, возвращались в Ялту, уже с моря мы увидели-таки Ореанду.

120. Вы спросите: почему у меня такое пристальное внимание к ней? Отвечу: в 1970 году здесь состоялись переговоры Брежнева с Вилли Брандтом, после которых наш мир снова изменился коренным образом. ФРГ лишилась своих надежд на восстановление единой Германии и возвращение областей, отнятых в 45 году, а Сов.Союз лишился своего извечного врага-пугала. Это большая потеря. Ее размеры мы оценим только в будущем.

121. Политические решения, принимаемые в Ливадии, в Ореанде, определяют развитие страны. Чем дальше Крым будет играть роль летней столицы, тем крепче будут связывающие его с русским народом нити.

122. Высоко над берегом вдоль моря от Ливадии до Кореиза и Мисхора идет царская (теперь солнечная) тропа-дорога. Идти по ней и обозревать окрестности приятно.

123. Внизу виден один из самых известных архитектурных фокусов Крыма - Замок "Ласточкино гнездо" - плод разгульной фантазии русского богача и точного расчета архитектора Шервуда.

124. С моря его хрупкость еще более удивляет.

125. Это здание давно уже стало символом Южного берега. Точный символ - выражение рискованных эмоций и западных готических пристрастий нарождающихся предприимчивых русских хозяев, обустроивших Южный берег.

126-129. Что ни здание, то дворец, что ни дворец - то сказка. В готическом, барочном, мавританском, классическом, модернистском стиле.

130. Ошеломляющее разнообразие подстать лишь разнообразию культур народов, труд и традиции которых впитала в себя сама крымская земля.

131. Последний такой южнобережный дворец, увиденный нами,- Воронцовский в Алупке, неприметный с моря благодаря серому цвету местного диабазы, из которого он сложен,

132. но подавляющий своими размерами и сказочностью при близком рассмотрении.

133. Мрачноватые внутренние переходы с перекидными мостиками создают иллюзию средневекового английского города. Видно, на это и рассчитывал архитектор Блор, видно, этого и желал хозяин.

134. Нашу догадку подтвердили детали отделки, вроде физиономии средневекового католика. Чем же объяснить прозападные, проанглийские симпатии графа Воронцова, всемогущего губернатора, управителя всех южных земель России с Крымом и Одессой?

135. Это все-таки удивительно - ходить по двору, как по улицам старого западноевропейского города, вроде Риги или Таллина. Да что вы, скажут нам, здесь восточные симпатии. Взгляните на эти мавританские украшения. Они определяют стиль здания.

136. Скорей всего, в этом споре нет неправых. Произведение Воронцова и Блора глубоко соответствовало специфике крымской земли, бывшей пересечением путей-дорог для всех народов и культур, и потому стало примером для подражания.

137. Многолюдно во дворце. Беспреданно идут экскурсии, и экскурсоводы не устают обращать внимание, что башни на дворцовых крышах гармонируют с зубцами высящейся над Алушкой Ай-Петри. Беспреданно люди фотографируются на память.

138. И мне пришлось почти полчаса ждать, чтобы улучшить момент и сфотографировать дворцовых львов. Они, действительно, хороши, действительно милы, эти воронцовские львы, и сейчас, глядя на них, спросим себя, кем же был их хозяин, граф Воронцов, губернатор, о котором поднадзорный ему ссыльный поэт с издевкой писал: "Полумилорд, полукупец, полузнаток, полуневежда..."

139. Время, доброе время идет и снисходительно стирает былые страсти. Велика слава Пушкина, но не забыты труды и мечты Воронцова, соединившего в себе прихотливость и притязания английского милорда с размахом и предприимчивостью русского купца-промышленника.

140. Он не только разводил красных китайских рыбок в дворцовых бассейнах, но и разбивал первые виноградные плантации в Массандре и Алушке, выписывал лозу и виноделов из самых лучших источников, в том числе и из Шампани. И вот граф Воронцов - родоначальник "Советского шампанского". Разве не так?

141. Он не только устраивал ландшафтный парк в тени отвесных крымских гор, но и пробивал дороги через них, соединял созданный им город Ялту с Симферополем и Севастополем. Поэты и современники могут возмущаться невеждами и купцами, и даже обзывать полуподлецами. В веках же остаются реальные действия купцов и поэтов. Как нам остался в наследство пушкинский и воронцовский Крым.

142. Ну, вот и все о Южном берегу. Из Алупки мы доплываем до Симеиза, пробыв в нем считанные минуты. С грустью мы смотрим на скалу Дива, на скалу Лебеда
143. и родившую их гору Кошку с древними крепостными таврическими жилищами и могильниками.
144. Проплываем уже знакомый, виденный сверху Мисхор с его зеленой русалкой.
145. И в сумерках возвращаемся в Ялту. Завтра утром мы взойдем на нависающие над ней горы, автобусом доберемся до перевала, а дальше пешком до зубцов
- 146-148. и выше до плоской вершины Ай-Петри. Вот они виднеются наверху.
149. Как на ладони видна с вершины вся Большая Ялта, весь Южный берег
150. от Аю-Дага до Симеиза и далее. Различаются отдельные здания. Солнце серебрит море и светит пленку. Какой простор!
151. И какой же, в общем, маленький этот Южный Крымский берег! Но сколько тайн в нем, в каждом кусочке этой земли, сколько дорогого в нем для нас, для каждого. И как мы любим этот мир! Уже давно любим, заочно, и еще крепче полюбили, увидев.
152. Мы спускаемся с Ай-Петри к перевалу, к оставленным в кустах рюкзакам.
153. Нас ждет дорога в совсем неизвестный, горный Крым, знакомство с далеким прошлым, с жизнью иных народов. Да, чуть не забыли. А выводы? Но вы, наверное, и сами знаете, что можно от нас услышать как итог.
154. Прекрасный Крым - драгоценная земля - есть родина и татарского, и русского народа, и они должны жить здесь в мире и согласии. А места - хватит. Единственно, чего не любит гостеприимный Крым - это шовинизма и ненависти.

Сценарий диафильма «Крым разноплеменный»

- 1-2. Содержание двух первых частей: осенью 73 года мы были в Крыму, первый раз, хотя очень давно мечтали о нем.
3. За две недели мы хотели разобраться, чей Крым? - русский или татарский. Ответом стало: и татарский, и русский. Но вместе с тем и неожиданно для себя мы поняли, что проблему Крыма так решать нельзя, что такие же права на эту землю может предъявить множество других народов. Например, армяне.
4. Крым армянский Уже на второй день путешествия мы оказались у заброшенного в горах
5. армянского монастыря.
6. У нас возникло удивительное чувство, что неожиданно и сказочно мы перенеслись в приятную и дорогую страну северо-армянских монастырей.
7. Как и там - плотно подогнанные блоки каменных крыш и барабанов.
8. И тихое лесистое ущелье с небольшим ручьем. И даже ежевика. И даже Лиля в той же ежевике.
9. Монастырь сильно разрушен, хотя и чувствуется, что жизнь из него ушла сравнительно недавно. Когда и почему - не знаем.
10. Знаем только дату возникновения - 1340 г. и посвящение святому Георгию.
11. Внутри, конечно, запустение. На разрушающихся фресках масса неприличных надписей и туристских подписей, что, собственно, одно и то же. Сколько лет их видим, а все не привыкнем. Они как напоминание о культурном уроне братьев-туристов.
12. Взгляд вверх - купол еще цел, прочный.
13. И как только занесло армянских строителей в эти горы? Ведь если бы армянский монастырь - главное в те времена средоточие жизни армянского народа, то, следовательно, жил здесь и сам армянский народ.
14. Покинув свою родину из-за войн и разорения, армянские беженцы нашли здесь схожий климат и привычные лесные горы и сделали их Арменией. А, может, это исключение?

15. Но вот Ялта. Южнобережные кипарисы, и среди них огромный армянский собор. Построен каким-то армянином-богатеем. Но не для себя ведь он строил. Храм был жив и полон прихожанами григорианской веры.

16. Но вот - Феодосия - главный, и сейчас, и раньше, внешнеторговый порт Крыма. Обратите внимание - в центре Кафы красночерепичное здание армянского храма.

17. Он сделан под старину, в подражание таким тяжеловесным храмам, вроде Гаяне в Эчмиадзине, даже не забыта легкая башенка на правом плече храма. Даже стены розовые. Армянских храмов в городе осталось три, а было 19.

18. Это армянская Сергиевская церковь, теперь музей в парке Айвазовского. Вот где мы смогли немного услышать о давней жизни и деятельности армян в Крыму вообще, и в Кафе-Феодосии в частности.

19. С 14-века, с тех пор, как был прерван монгольскими и сельджукскими завоеваниями расцвет армянской торгово-ремесленной цивилизации в Киликии и самой Армении, здесь армяне составляли почти половину жителей города.

20. 6 веков жизни армян в Крыму разве не дают им права считать его своей родиной?

21-22. Рядом с музеем могила Айвазовского. Надпись на армянском и русском языках гласит о благодарности армянского народа своему сыну.

23. Но хватит об армянских правах на Крым. Поспешим навстречу с главной достопримечательностью Феодосии - остатками крепостных стен генуэзского города Кафы. Он был огромным для тех времен. Но сохранилось от него мало.

"Башня Константина"

24. Сначала турки разбирали внутрикрепостные постройки, сохраняя, однако же, стены, а при русских наступила очередь и стен. И как только эта красавица сохранилась? Случайно? Или руки не поднялись? Вот и говори после этого о непрактичности красоты.

25. Нетронутой жителями осталась лишь западная, далекая от современного городского центра часть генуэзских стен и башен. Откуда же они здесь взялись?

26. Первый город был построен греками за 6 веков до Рождества Христова. А потом им управляли боспорцы и римляне, вплоть до разрушения гуннами. Города на время не стало.

27. Но в 1266 г. сюда вернулись снова итальянцы, и тоже республиканцы, но не из воинственного Рима, а из торговой Генуи. Они купили деревушку Кафу на месте бывшей Феодосии и построили вот эту крепость.

28. Два с лишним века здесь бурлила жизнь одной из самых передовых в то время европейских держав. На бешеные прибыли от смертельно опасных торговых операций росли дворцы предприимчивых купцов и капитанов, расцвела культура, кипели политические страсти свободных людей.

29. Город был столицей черноморских генуэзских колоний вплоть до 1475 года. Осаду и штурм турецких полчищ даже эти стены не выдержали.

30. Руины генуэзской Кафы - вот они, реальные каменные свидетели европейских корней в теле великой России, западного влияния с юга. Мы видели средневековые башни в Прибалтике и Украине. И вот теперь мы видим запад здесь, в Крыму. Но смотрите, под стенами Кафы стоит древняя византийская Иоанно-Предтеченская церковь, в соседстве тесном, но не враждебном.

31. Вид православного храма в тени европейской зубчатой башни нам показался глубоко символичным, как бы свидетельством переплетения культур в преддверии России.

32. Продолжая в очередной раз совмещать в фотообъективе разнонародные, разноверные стены и храмы, мы думаем о праве на Крым всех живущих и живших на его земле народов.

33. Веками здесь жили итальянцы - римляне и генуэзцы. Так что, Крым - итальянский? Наверное. Веками здесь жили греки-византийцы, и потому часто его называют по-древнегречески - Тавридой. А немцы? Их предки - готы - тоже владели Крымом

в 1-ом тысячелетии, а потом в большом числе вернулись сюда в конце прошлого века. Под именем таврических немцев-колонистов они были третьей национальной группой в Крыму после татар и русских.

34. А евреи-иудеи, особенно караимы. Недаром в 20-х годах чуть не образовалась еврейская А.О. в Крыму. Энциклопедия Эфрона методично перечисляет: "В Крыму живут: татары, русские, немцы, греки, евреи, караимы, крымчане, армяне, цыгане, болгары, эстонцы..."

35. Крым - золотое дно для археологов. Это сказано, пересказано, и мы еще раз повторяем, ведя рассказ об исчезнувших крымских городах. Вблизи Евпатории идут раскопки греческо-скифского поселения. Глазу раскрывается небольшая круглая площадка, загроможденная каменными фундаментами.

36. Парень из археологической экспедиции показал мне, как легко различаются строительные стили хозяев поселка - греков и скифотавров.

37. Действительно, с первого взгляда отличишь фундаменты греческих больших домов из правильных тесаных, плотно уложенных каменных блоков

38. от хаотической кладки тавроскифских фундаментов, к тому же меньших по размерам и более закоулистых.

39. Это различие стилей столь велико, что хочется воскликнуть: "вот очевидная иллюстрация строительного прогресса". Понятно, что греки-колонисты обладали более высокой культурой и, наверно, передавали ее местным жителям таврам. Тем более, что их вражда не исключала уважения. Недаром греки звали Крым Тавридой по имени хозяев, и если бы русские следовали этому обычаю, то они назвали бы Крым Татарией.

40. Но археолог опроверг мою догадку. "Да нет, - сказал он, - эти жилища - не тавров, а скифотавров, которые пришли сюда уже позже, на место греков, овладеть культурой тесаного камня не сумели, а может, не захотели, и строили по-своему".

41. И действительно, на греческих фундаментах сверху я вижу скифскую кладку. Боже мой! Все та же старая история, встречаемая нами совсем в иных местах и в иные времена.
42. Победители разрушают прекрасные дома побежденных и не могут или не хотят их восстановить, воспринять более высокую культуру себе же во благо.
43. Культуру греков - главный источник европейской и мировой культуры. И начинаешь понимать, как же легко мог погаснуть греческий огонек под свирепым ветром варварских завоеваний. И какое же чудо сохранило его для нас!
44. Взгляните еще раз на эти городища, на эти рядовые для Крыма развалины, на уникальный опыт частички крымской земли. И если вам когда-нибудь представится возможность поближе с ними познакомиться и поработать с крымскими археологами - не упускайте этой возможности.
45. А пока отправимся с нами в горный Крым.
46. Мы ночевали на этом озере по пути с Ай-Петри
47. к средневековому пещерному городу Мангупу.
48. Позади осталась горная дорога среди крутых ущелий,
49. тенистых лесов с деревьями, переплетенными лианами, с колючими кустарниками,
50. среди одичавших грушевых садов и великолепных зарослей кизила,
51. которым мы объедались.
52. Позади остался наш выход в знаменитый Большой каньон Крыма - глубокое ущелье,
53. с речкой, отшлифовавшей каменное русло до поразительного какого-то лунатического состояния. Прыгать по этой естественной каменной дороге было чудно и боязно, как ходить по произведению искусства.
54. Взглянешь вверх - отвесные в сотни метров скалы и небо над ними, приветливое к нам, которому мы в ответ шлем нашу радость.
- 55-57. Здесь, в Каньоне, мы осознали свою любовь к реальному Крыму, в целом, не только к Крыму истории и народов человеческого опыта и традиций, но и к самой

крымской природе, такой удобной, разнообразной и щедрой. Нет, что ни говорите, а духовный Крым создало не только пересечение дорог. Он сам себя создал, своей природой.

58. Этот кадр я тщеславно включил для себя самого, как память, что там был, мед там пил, в ванне молодости купался, по усам текло, а в рот не попало.

59. Но вернемся к путешествию на Мангуп. На всем пути нас окружали своеобразные столовые горы, свойственные, кажется, только Крыму. С трех сторон

60. отвесные стены, а с четвертой - наклонная плоскость, плавно спускающаяся в долину. Идеальные места для крепостей.

61. И вот мы вышли к своей цели - средневековому православному княжеству Феодоро со столицей на горе Мангуп.

62. Гора Мангуп выглядит из Каролезской долины как нос корабля. Он парит над тобой. Так и кажется, что царь Феодоро увидел его снизу и выбрал за красоту и гордость.

63-64. В действительности - за неприступность.

65. Город, очерченный остатками стен, показался нам громадным. И хотя построек почти не сохранилось, но какое-то особое состояние помогало представить себе жизнь на этом прекрасном месте.

66. Возник Мангуп в начале эры, в V веке превратился в крепость. А в X веке после разгрома хазарами Эски-Кермена перенял его главную торговую роль и постепенно стал отстраиваться как столица независимого крымского государства Феодоро.

67. Согласно указателю, это дом князя Алексея, господина и владыки Феодоро и Поморья.

68. Рядом, в зарослях деревьев и кустарников руины православных греческих храмов. Зелень как будто любит исторические руины, тянется и обволакивает их, обходя равнодушием голую землю. Все это было разрушено турками в 1475 году.

69. Мангуп был первоклассной по тем временам крепостью. Он не раз выдерживал натиски монголов, но полгода турецкой осады и голода не выдержал.

70. Турки уничтожили всю мозаику независимых крымских государств - и Феодоро, и Кафу, да и сам татарский Бахчисарай. А Мангуп они превратили в свою сторожевую крепость, сохраняли и даже ремонтировали ее цитадель, а затем - в тюрьму,

71. где побывали и русские послы. И эта мрачная турецкая слава как бы затеняет светлый феодорийский колорит.

72. С Мангупа открывается прекрасный вид на горный Крым. Православный государь Феодоро мог видеть все свое государство от степей до моря и ощущать свое могущество, не меньшее, чем могущество католической Кафы и татарского мусульманского Салхата и Бахчисарая. Так велик и разнообразен был крымский мир!

73. Сами правители Мангупа соединили в себе и в своих действиях весь мир: армянские князья из Византии, они основали православное государство на бывших хазаро-иудейских готских землях (в Европе Феодоро звали не иначе, как Готией, они дружили с мусульманами-татарами и православными русскими. Сватали даже сына Ивана III к дочери мангупского государя Исаака (носитель такого имени не мог не иметь еврейской крови) и только турецкая агрессия помешала свадебным торжествам.

74. У оскверненных могильных камней мне захотелось утешить погибших и пожелать им скорого возрождения в тех детях,

75. что родят живущие в Крыму и временно изгнанные из него женщины.

76. И вот мы добрались до крайней точки Мангупа - Дырявого мыса. Здесь в добрые времена был дозорный пункт, а в недобрые - внутренняя тюрьма.

77. Мы понимаем, конечно, что пещерные помещения были только небольшой и не главной частью исторического Мангупа, что время пощадило только пещеры, и все-таки

хождение по гулким залам и комнатам феодорийцев, как бы недавно оставленных и полных жизни хозяев, создает удивительное чувство сопричастности

78. к ходу времени и к самому Крыму.

79. До свидания, Феодоро.

80. Этот туристский кадр сделан уже в другой, еще более старой крепости Эски-Кермена, точнее, в ее северной, дозорной части.

81. Лиля тогда очень радовалась, как будто навестила давно не виденных друзей и нашла, что они разумно и удобно устроили свое жилище.

82. Ей особенно понравилось ходить по древним, в тысячу лет, ступеням.

83. Эски-Кермен, у которого скалы стоят как боевые башни, переживал расцвет с 6-го по 10-й век - время господства в Крыму хазар, пришедших на место готов.

84. Основой городского хозяйства были земля и виноделие. Вокруг крепости находят сейчас остатки оросительных систем, террасы с одичавшим виноградом, над восстановлением которого бьются современные нам ученые. Это была торгово-сельская республика.

85. Эски-Кермен был разрушен сначала в VIII веке хазарами-иудеями, когда они подавляли восстание православного епископа Иоанна Готского.

86. А окончательно же город погиб в 1299 году от монголов, которые сожгли все здания, а жителей почти сплошь уничтожили. С того года никто не живет на этом плато, и три столетия спустя иностранцы писали, что на месте города лежат одни развалины, которые так древни, что ни турки, ни татары, ни сами греки не знают названия их.

87-88. Мы не увидели весь Эски-Кермен. Путеводителя не было, зашли мы сюда вне плана, и дозорную часть приняли за весь город. Лиля потом очень казнилась, а я ее утешал. Всего не увидишь. Вот хотя бы такой пример: Напротив Эски-Кермена мы видели какую-то башню и даже не поднялись к ней. А сейчас жалею о Кызкуле, что по-татарски значит -

девичья башня. Ведь это остатки типичного для Крыма X-XI века рыцарского замка со рвами, перекидными мостами, часовой и гробницами. Ну, что ж - Крым необъятен.

89. Крым караимский. Конечно, мы не могли пропустить самый знаменитый пещерный город Чуфут-Кале под Бахчисараем, что в переводе с татарского означает "Еврейская крепость".

90. Последний житель Чуфут-Кале, караимский историк Фиркович жил здесь до 1874 года. Его дом до сих пор цел.

91. Еще при Пушкине Чуфут-Кале, этот воздушный город, жил полной жизнью.

92. Меня больше всего удивили камни в естественных каменных мостовых, глубоко за века продавленные колесами повозок.

93. А впрочем, по крымским понятиям этот город не так уж и стар. Всего X веков. Жили здесь вначале аланы-христиане и караимы-иудеи. Город вел жизнь, похожую на жизнь Эски-Кермена и других средневековых крымских городов.

94. Писанная же история города начинается со штурма его Ногаем в 1299 г. Город был взят после долгого сопротивления, его жители истреблены, а сама крепость стала одним из главных татарских укреплений в Крыму и названа была Кырк-Ор (сорок укреплений).

95. Сюда в XV веке перенес свою столицу первый крымский хан Хаджи-Гирей. И хотя его преемники уже не боялись Золотой орды и спустились жить в долину, Кырк-Ор долго оставался основной цитаделью Бахчисарая.

96. Мавзолей Джанике, дочери Тохтамышша. Татарские легенды говорят о Джанике, то как об отважной защитнице крепости, погибшей здесь от рук врага; то как о хрупкой девочке, которая принесла снизу в осажденный город воду, надорвалась и умерла, то

97. как об отважной девушке, осмелившейся любить юношу вопреки ханской воле своего грозного отца и бросившейся потом с крепостной стены. Мы не пытались узнать, какая из легенд достоверней. Они все звучали для нас равносильно

вечному бытию здесь татарской любви, татарского горя, татарской культуры.

98. Сделав Кырк-Ор столицей, татары размежевались с караимами, выслев их за пределы восточной линии стен. Так эти ворота стали проходом из новой части в старую.

99. Надо сказать, что жизнь на этих улицах не была легкой. Теснота, неудобства подъездов, нехватка воды, плохая канализация - со всем этим можно было мириться лишь в обмен на безопасность. При долгом мире жители начинали покидать город.

100. С середины XVII века отсюда постепенно ушли татары, оставив город евреям и караимам. Из Кырк-Ор он превратился в еврейскую крепость Чуфут-Кале.

101. Кенасса - духовный центр караимов. Сюда водят экскурсантов и обязательно указывают им, что это не синагога, а караимы - не евреи,

102. и что даже религия их не совсем еврейская. А смысла этой надписи экскурсоводы не знают.

103. Караимы и евреи почувствовали себя в безопасности и начали выселяться из города уже после русского завоевания. Духовным центром их теперь стала Евпатория, где они снова построили свою кенассу,

104. сейчас занятую музеем. Те два дня, что мы были в Евпатории, музей был закрыт, и мы только через решетку посмотрели на эту галерею, хранящую мудрость и красоту чужой

105. неизвестной нам веры и культуры совершенно особого, чисто крымского народа.

106. Нам, правда, представляется, что духовное различие между караимами и евреями невелико, т.к. у них общая иудейская ветхозаветная вера.

107. Потому и смотрели мы на Чуфут-Кале, как на центр и главное воплощение первой мировой религии в Крыму.

108. Пещеры помогли евреям выжить, сохранить и развить свою культуру.

109. Крымская земля и камень были для них не мачехой, а настоящей матерью. И потому сегодня, оглядывая крымские дали, мы можем смело утверждать: Крым - еврейский.

110-111. Последний, виденный нами пещерный город - монастырь Инкермана близ Севастополя - монастырь в Монастырской скале.

112. А наверху стоят башни крепости Каламиты. А рядом - современность - мощные горные машины режут гору на строительные блоки, угрожая существованию и крепости, и пещерного монастыря.

113. В скале Монастырской высечено около 200 пещер в несколько ярусов, из 8 церквей, соединенных между собой ходами и лестницами.

114. Ровесник Успенскому, Инкерманский монастырь также всегда был православным. По преданию, здесь жили двое ссыльных святых: Климент, сосланный римским императором Трояном, и папа Мартин, сосланный византийским императором.

115. Поэтому монастырь нередко называли скитом двух святых Климента и Мартина.

116. Несмотря на жестокие бои в последнюю войну, в этих местах уцелел храм св.Николая, построенный в память о Крымской войне. До полного разрушения от времени ему еще далеко.

117. Монастырская скала Инкермана как бы соединила в себе несколько эпох: в самой себе она хранит память православного монастыря еще с прошлого тысячелетия, на себе несет остатки портовой крепости середины второго тысячелетия, а у подножия

118. памятник о последней войне, в которой Инкерман защищал Севастополь так же стойко, как пять сотен лет назад

119. Каламита защищала Феодорийскую Авлиту.

120. Каламита и ее порт были выходом Мангупского государства к морю и мешали монополии генуэзцев. Поэтому генуэзцы были непримиримыми врагами Каламиты, и даже воевали ее.

121. Здесь, в Инкермане, мы снова встречаемся с генуэзской политикой, с ролью итальянцев в Крыму. Она была весьма значительной, и чтобы ее оценить, давайте посмотрим генуэзские памятники в Крыму, давайте убедимся, что кроме Крыма мусульманского, православного, иудейского был еще Крым западный и католический.

122. "Крым - итальянский". Итальянцы, как и греки, пришли в Крым с моря, и потому их опорными пунктами были все те же южно-береговые порты и крепости: Чембало в Балаклаве, Галита в Ялте, Горзаниум в Гурзуфе, Алустон в Алуште, Согдайя в Судаке, Кафа в Феодосии.

123. Конечно, не все из этих крепостей сохранились, да и не везде мы были. Гурзуф. На фоне Медведь-горы утесом в море обрывается Генуэзская стена, на которой развалины крепостных башен выглядят так естественно,

124. как будто родились из скалы сами.

125. Для современного Гурзуфа они служат доказательством его древности, как старинный герб для родовитого аристократа.

126. Алушта - большой город.

127. Старую крепость он изжил, но не до конца - три башни осталось, и только одну из них мы увидели сразу.

128. Остальные пришлось искать в сложном лабиринте переулков и проходных дворов.

129. Считается, что эти башни поставлены руками византийцев Юстиниана в VII в. Они вызывают еще большее почтение, чем в Гурзуфе.

130. Помню, как долго я примеривался, чтобы сделать этот кадр, лазил по каким-то деревянным галереям жилого дома, лишь бы совместить вид башни с кистями осеннего винограда. А сейчас я думаю, что толку в этой экзотике, если мне нечего вам больше рассказать.

131. А все проклятая поверхностность и торопливость, когда нет времени ни книги хорошей об этих камнях поискать, ни людей знающих расспросить. Сами же камни языка не имеют. Они воздействуют лишь на чувства.

132. Башни Алустона, охранявшие греческий, а потом генуэзский порт, - молчаливые европейцы на этих берегах.

133. Судакскую крепость, как зовут сегодня генуэзскую Согдайю, видно задолго до того, как автобус докатит до

134. пределов города.

135. Мы видели многие города Союза. Но только здесь мы увидели башни - современники крестовых походов. И, конечно, обомлели от детского восторга,

136. забегали, засуетились, стремясь все увидеть и все потрогать, приобщиться глазом и кожей.

137. На многих башнях Согдаи еще сохранились памятные доски с полустертыми рыцарскими гербами, римскими крестами, как будто росписи рыцарей и строителей, консулов и полководцев, именами которых названы башни. Эта плита на башне консула Пасквале Джедуче.

138. А дальше стоят башни Бернабо ди Франки ди Погано, Якобо Торселло, Лукини де Фиаско Лавани, Коррадо Чикало и пр. и пр.

139. Не надо удивляться сохранности прежних имен. Ведь это Европа 13-15 веков, республиканская Италия, Европа, переходящая от эпохи крестовых походов к эпохе Возрождения.

140. Здесь, в генуэзской колонии, купеческой Согдае, наверное, особенно сильны были элементы торговой предприимчивости и рыцарского авантюризма, жестокость в защите своей веры и обычаев сочеталось с широкой терпимостью и переимчивостью приемов от всех народов.

141. Как и во многих других местах, от Согдаи остались крепостные стены и башни. Сам же город, его генуэзские дома и католические храмы разобраны сначала на турецкие дома и мечети, потом на русские казармы. А сегодня казармы разбирают на реставрацию стен.

142. От жилых и производственных построек генуэзских купцов и ремесленников остались лишь фундаменты амбаров и хранилищ воды, давилен, кожевенных мастерских, винные подвалы.

143. Под защитой согдайских стен жил трудовой люд, родоначальник третьего сословия, прямые предки современной Европы.

144. Русские звали город Сурожем, так важно было значение этой крепости, а само Черное море некоторое время звали Сурожским.

145. Только после 15 века, когда сформировались московская и турецкая деспотии, живая связь русских людей с западным миром была совсем прервана и заменена контактами на "правительственном уровне".

146. И только нам и нашим потомкам еще предстоит восстановить живые связи людей наперекор всяческим казенным самодержавным традициям, железным занавесам и шовинистическим завесам.

147. Почти все столетие существования в Крыму генуэзских колоний и факторий, они непрерывно сражались с татарским ханством и мангупским княжеством.

148. Не стоит сегодня искать правых и виноватых. Во всякой случае, крепость подверглась несчетному количеству штурмов и осад, среди которых 10 было успешных.

149. Но что толку винить татар в набегах и вероломстве. Таков был их стиль жизни, или винить генуэзцев в жадности, разнузданности и торгашестве - без этих черт не было бы третьего сословия Европы.

150. Пять прошедших веков заставили смотреть на эти раздоры и противоречия спокойно и разносторонне, когда все участники исторической драмы оказываются правыми и неправыми одновременно. Этому учит сам Крым - живой свидетель того, как приходят и меняются на его земле различные народы, в мире или ссорах, но обогащают друг друга обычаями и культурой.

151. Примите напоследок одно сравнение. Палящее солнце, а от него синее море и выжженное небо, зубчатые башни, белый купол мечети, гербы крестоносцев - все это напоминает нам Палестину, ее судьбу.

152. Сия Средиземноморья, ливанские кедры, братья крымских сосен. Палестина - земля споров трех мировых религий, тоже родина и судьба многих народов, тоже терпит ссоры и битвы народов из-за земли обетованной.

153. Земля обетованная - подходящее название и для нашего Крыма. Это земля обетованная для множества народов, для всего человечества, всех людей, как и Палестина.

154. В 1475 году Согдайю штурмовали в последний раз, но уже не крымские татары, а янычары блистательной Порты. Штурмовали успешно, ибо после падения Константинополя судьба генуэзских колоний и вообще европейцев на Черном море была решена на столетия.

155. Турки, взяв город, попытались сделать его мусульманским, выжечь иноверческий дух, совершив тем самым в первый раз кастрацию духа Крыма. Сделать Крым мусульманским навсегда им не удалось. В нашем веке другие кастраторы попытались лишить Крым мусульманства и частично еврейства. Можно быть уверенным, им это - тоже не удастся!

156. Защищая город в свой последний бой и покидая оборонительные пояса, согдайцы-генуэзцы отступили, наконец, вдоль стен к самой верхней дозорной башне.

157. Но, достигнув ее, штурмовики-янычары не обнаружили защитников: таково уж свойство этих европейских мещан и купчишек, не желают зря отдавать свои жизни.

158. Воспользовавшись подземным ходом, они спустились к морю, сели на корабли и отчалили от родной Согдаи, от любимого Крыма.

159. Скольким народам приходилось покидать ставший родиной Крымский берег. Сколько людей пережило щемящее чувство тоски по родине. У скольких людей эта тоска и стремление осталась в крови - об этом никто не знает. Покидали итальянцы в 1475 году, покидали греки в 1775, покидали русские в 1941-42 годах, покидали татары в 1944 г.

160. Оставался сам Крым, крымская земля запоминает опыт и предания своих народов, живших на ней, и тем самым

постоянно зовет своих сынов обратно и возбуждает в них к себе устойчивую любовь. И мы среди этих людей не исключение.

161-163. Мы любим тебя, Крым.

Сценарий диафильма «Коктебель Волошина»

1-2. Стихи Волошина

3. "Родина нашего духа"

4. Как в раковине малой - океана / Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит / Отливами и серебром тумана,
Выгибы ее повторены / В движении и завитке волны,
Так вся душа моя в твоих заливах / Заключена и преображена.

5. С тех пор, как отроком у молчаливых

Торжественно-пустынных берегов

Очнулся я - душа моя разъялась

И мысль росла, лепилась и ваялась,

По складкам гор, по выгибам холмов .

Огонь древних недр и дождевая влага

Двойным резцом ваяли облик твой

И сих холмов однообразный строй,

И напряженный пафос Карадага.

Сосредоточенность и теснота / Зубчатых скал, а рядом широта

6. Степных равнин и мреющие дали

Стиху разбег, а мысли меру дали.

Моей мечтой с тех пор напоены / Предгорий героические сны.

7. И Коктебеля каменная грива,

Его полынь хмельна моей тоской,

Мой стих поет в строфах его прилива

И на скале, замкнувшей зыбь залива,

Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

8. Содержание первых трех частей фильма. Впервые приехали мы в Крым лишь осенью 73 года. За две недели бегом и по верхам успели оглядеть весь крымский мир.

9. Наш жадный взгляд не мог не отмечать следов культур народов самых разных рас и вер.

10. И сложилось убеждение, что Крым не только родина татар, которые еще сюда вернутся, не только греков и евреев, итальянцев и немцев, русских и украинцев, но наша личная родина, "родина нашего духа", как говорил Волошин.

Для нас эта фраза стала понятной и близкой лишь после посещения древнегреческих крымских колоний Херсонеса и Пантикопеи, после осознания Крыма как полноправной части античной Эллады.

12. Эти развалины слились в воображении со скалами и морем Коктебеля, сухой и солнечной страны, по отзывам, неотличимой от Греции самой, с Коктебелем, в котором жил и работал Макс Волошин - последний наш античный житель, босой, в хитоне, с лирой и цветком в руках.

13. Соприкосновение с античным миром, чей дух разлит во всей европейской цивилизации, вот что нам лично дали две крымские недели. Недели? - меньше: дни - день в Херсонесе, часы в Пантикопее и три Коктебельских дня.

14. От этих дней у нас остались морские камешки на полке, горло какой-то амфоры, стихи Волошина и кадры, и память о радости, которой нам нужно с вами поделиться.

15. "Коктебель" В переводе с татарского Коктебель значит "страна синих гор". В отместку выселенным татарам Коктебель переименован в Планерное и уже не один десяток лет идет этот безнадежный и дикий спор тупой государственной воли с людской памятью. И мы надеемся, что люди победят. Татарское, Волошинское имя этой бухты - бессмертно.

16. Коктебель - курортный поселок восточнее карадагских скал на песчаном берегу овальной бухты. А в начале века здесь был лишь дом Волошина с мостиком-террасой наверху, где мы сейчас стоим. Сейчас же лишь на краю залива видны незастроенные участки, дом был широко раскрыт Волошиным для знакомых художников и поэтов, потом он передал его Союзу писателей, а тот

17. построил рядом множество курортных корпусов, теннисные корты и пищевые блоки, обозвав весь комплекс

Домом творчества. В одном из них, на балконе за занавеской, мы переночевали три раза, воспользовавшись гостеприимством хороших знакомых

18. Марка Саныча и его жены Лили. Они влюблены в Крым, в Коктебель, Карадаг, Волошина, его стихи, акварели, и заразили своей любовью нас

19-20. Чем были заполнены быстрые дни? Пляжем и беседами на греческий манер, разглядыванием камешков, морскими купаниями, походами на Карадаг.

21. Если идти по берегу из поселка на запад, то открывается целый ряд укромных и чистых бухт под названием лягушачьи.

22-23.

24. Над зыбкой рябью вод встает из глубины Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней, Обрывы черные, потоки красных щебней./Пределы скорбные неизвестной страны.

25. Я вижу грустные, торжественные сны -/Заливы гулкие земли глухой и древней,

26. Где в низких сумерках грустнее и напевней/Звучат гекзаметры волны.

27. В знаменитые сердоликовые бухты, окаймленные непроходимыми скалами, можно попасть лишь вплавь или через горы. Мы пробирались туда через верхние скалы по горным тропкам,

28. так, как вел нас проводник по имени Лева - бескорыстный и благодарный служитель Карадага. В Москве он редактор, но здесь, в своей лучшей жизни - он проводник.

29. Удивительное это чувство - скалы над морем! Прелесть альпинизма в дыхании великолепного моря! Как соединение двух величайших человеческих наслаждений мы воспринимаем коктебельские маршруты. Идем налегке,

30. лишь рубашка наброшена на обожженные плечи. Осторожно ступают ноги, руки ласкают теплые камни, обоняние заполнено запахом крымских трав, а глаза - бесконечным морем и причудьем скал.

31. Старинным золотом и желчью напитал

Вечерний свет холмы. Зардели красные, буры,
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.

В огне кустарники и воды как металл.

32. И груды валунов и глыбы голых скал

В размытых впадинах загадочны и хмуры.

В крылатых сумерках - намеки на фигуры...

Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал.

33. Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам,
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром.

Где этих мест жилец? Чудовище? Титан?

Здесь душно в тесноте... А там - простор, свобода,

34. Там дышит тяжело усталый океан,/И веет запахом
гниющих трав и йода.

35. Долог наш путь по скалам. Удивительно верно сказал
Волошин: "Здесь душно в тесноте...- А там простор, свобода!"

Мы - то жмемся к камням, обходя мрачные разломы и
впадины, вопрошая: "Кто этих мест жилец? Чудовище?
Титан?",

36. то выходим на край пропасти, под которым плещутся
сердоликовые бухты и букашкой мечется пловец на красном
надувном матрасе.

37. Кажется, что именно в этих местах жили одноглазые
циклопы, самый сильный из которых, Полифен, едва не
сожрал Одиссея. Если присмотреться, то можно увидеть на
этой скале окаменелое выражение злобы и свирепости
одураченного Полифена. Наверно, именно отсюда он бросал
вот такими глыбами в корабль Одиссея,

38. изрыгая вопли и проклятия богов на его голову. Но даже с
богами вел себя бесстрашно и достойно Одиссей.

39. Пора опускаться к бухте, иначе мы проскочим удобную
щель. Начало спуска.

40. А вот его конец. Трудности позади. Преодоленные
трудности как раз и создают прелесть сердоликовых бухт - их
обособленность и уединенность.

41. А как сладко выкупаться в шумящем прибое после скал и горячих камней! Как сладко растянуться на пляжных камнях и отдаться черноморской нирване.

42. К этим гулким морским берегам,

Осиянным холодною синью

Я пришла по сожженным лугам,

И ступни мои пахнут полынью.

43. На ладонь опирая висок / И с тягучею дремой не споря,

Я внимаю, склоняясь на песок, /Кликаю ветра и голосу моря.

44. Можно рыться и в камешках, надеясь на встречу с сердоликом. - Не стоит только суетиться и терять счастливое состояние духа.

45. Еще лучше вспомнить, как к этим местам пристал в поисках воды и пищи Одиссей, которому мы отдаем все свои симпатии. В нем отразился весь характер свободного, торгового, мореходного, талантливое и хитроумного народа.

46. Волошин упорно искал следы Одиссея на этих берегах. И нашел: в его доме до сих пор хранится обломок древнегреческого корабля, найденный во время прогулок у Карадага. Правда, специалисты сомневаются в том, что Волошин нашел обломок корабля Одиссея, потому что не верят в историю самого Одиссея.

47. Но у Волошина была иная точка зрения.

Уж много дней рекою океаном

Навстречу дню, расправив паруса,

Мы бег стремим к неотвратимым странам.

Усталых волн все глуше голоса,

И слепнет день, мерцая оком рдяным,

И вот вдали синеет полоса

Ночной земли и, слитые с туманом,

Излоги гор и скудные леса.

48. Наш путь ведет к божницам Персефоны,

К глухим ключам, под сени скорбных рощ.

Туда идем, к закатам темных дней

Во сретенье тоскующих теней.

49. Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.
50. Безлесы скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещей друг ужален?
Кто знает путь богов - начало и конец?
51. Однако если истории с Одиссеем и циклопами верить
всерьез и во всем нельзя, то пребывание здесь самых
хитроумных и искусных греков отрицать невозможно.
52. Уже в первый Крымский день мы посетили раскопки
Панतिकопеи на горе Митридата в Керчи,
53. мы видели остатки греческих домов с коническими
колоннами перед входом. Все взаправду.
54. Что ни говорите, а посидеть на исторических камнях очень
важно, лучше осознается подлинность.
55. История здесь не выглядит сухой и скучной, а напротив -
ее мало, не хватает, чтобы понять всю конкретику деталей и
фундаментов эллинской жизни, связи с потомками в Керчи, в
Крыму и со всеми нами Полученный сидением заряд
впечатлений так и уносится неосознанным до Коктебеля и
Москвы.
56. Мы идем по улице Панतिकопеи мимо памятника уже
совсем иной эпохи - русской церкви нашего века, далекого-
далекого потомка панतिकопейских храмов.
57. А потом опускаемся по знаменитой лестнице Митридата.
Она сейчас подновлена, но чувствуется римское, а скорее, еще
и греческое происхождение: широкие ступени, двойные
серпантины, удобные площадки идут на две трети горы.
58. Каким контрастом к ним служит достройка лестницы на
верхнюю треть - узенькая лента бетонных покосившихся и
потрескавшихся ступеней, творение, не простоявшее и десяти
лет. Спустился в город, походим по музеям, но, прежде чем
вернуться в Коктебель, заглянем в стоящую возле автобусной
станции древнегреческую гробницу.

59. Решетка дальше не пускает, можно лишь нос просунуть сквозь нее в таинственную гробницу. Хотя, конечно, там давно ничего нет. Античная гробница! В такой гробнице мучали Антигону, хоронили умерших героев, был погребен босфорский царь Митридат, память о котором бессмертна в Керчи.

60. Античная гробница - хранилище богатств и информации для будущих поколений, связующее времена звено. Вот и дожила до наших дней эта маленькая пирамида и сделала прошлое зримым. Каков строительный эффект! А что останется от нас через тысячи лет?

61. Весь день мы провели в Сердоликовых бухтах в воспоминаниях, нет, вру, в купаниях,

62. а вечером вернулись домой уже морским путем, местами по пляжам, местами по ближним скалам.

63. В одном месте пришлось плыть,

64. а в другом - обходить полутрот по колено.

65. Маленьких приключений и веселья хватило до самого выхода на широкий коктебельский пляж. Но мне больше запомнилось чувство полного счастья, отражение которого осталось

66. на лице у Лили в этом кадре. Теперь в Москве я люблю подолгу на него смотреть и перечитывать заклинание Волошина к жене, звучащее как завещание.

67. Весь мир таков, каким он создан нами.

Достаточно сказать себе, что это

Совсем легко, и ты без напряженья

Создашь миры и с места сдвинешь горы.

Устав за день здоровым утомленьем

Ты к вечеру заснешь без сновидений

Глубоким сном до самого утра.

И сон сотрет вчерашние тревоги

И восстановит равновесье сил.

68. И будет радостно и бодро, как бывало

Лишь в юности, когда ты просыпалась

Весенним утром от избытка счастья.

Вокруг твои любимые друзья,
Любимый дом, любимые предметы,
Журчит волна, вдали синеют горы...
Все, что тебя недавно волновало,
Будило гнев, рождало опасенья,
Все наважденья, страхи и обиды
Скользят как тени в зеркале души,
Глубинно, тишины не нарушая.

69. Будь благодарной, мудрой и смиренной.

Люби в себе и взлеты, и паденья,
Люби приливы и отливы счастья,
Людей и жизнь во всем многообразьи.

Раскрой глаза и жадно пей от вод
Стихийной жизни - радостной и вечной!

70. Маленькая группа поднимается по расхоженной дороге. Не спеша, вглядываясь в каждый поворот ландшафта, узнавая его по Волошинским картинам. Повидав Азию и Европу, но не прилепившись к ним, он отдал душу и большую часть жизни

71. "своему Коктебелю". Со щемящим сердцем думаем о его последних годах, когда он бродил по этим дорогам одиноким странствующим поэтом и философом, непонятный и презираемый послереволюционным поколением, порождая легенды о неисправимом чудаке.

72. Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель.
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.

73. Припаду я к острым щелям, к серым срывам размытых гор,

74. Причащусь я горькой соли задыхающихся волн.
Обовью я чебром, мятой и полынью седой чело.

75. Здравствуй ты, в весне распятый,
Мой торжественный Коктебель.

76. Здесь он пережил огневые годы гражданской войны, причину и следствия которой понимал глубже многих. Эти годы перевернули его сердце, сделали его стихи яростнее, проще и мудрее. Послереволюционная поэзия Волошина - я

уверена - это будущая история и классика. Послушайте хотя бы один стих.

77. Терминология

"Брали на мушку", "Ставили к стенке"/"Списывали в расход".

Так изменялись из года в год/Речи и быта оттенки.

"Хлопнуть", "угробить", "отправить на шлепку",

"К Духонину в штаб", "разменять".

Проще и хлеще нельзя передать /Нашу кровавую трепку.

Правду выпытывали из-под ногтей./В шею вставляя фугасы,

"Шили погоны", "кроили лампасы",

"Делали однорогих чертей".

78. Сколько понадобилось лжи /В эти проклятые годы,

Чтоб разъярить и поднять на ножи/Армии, классы, народы.

Всем нам стоять на последней черте,

Всем нам валяться на вшивой подстилке,

Всем быть распластанным с пулей в затылке

/И со штыком в животе.

79. Жертвенная готовность к мукам и смерти сделали чудо:

поэт, писавший такие стихи, оставался на свободе до своей

естественной смерти в 32 году. Его могила, как он и завещал,

находится на противоположной стороне залива, на горе, с

которой гимназист Макс, возвращаясь из Феодосии,

оглядывал свой Коктебель.

80. Волошинская могила - последний вклад поэта в

одухотворение этого края. Здесь мы поняли проникновенное

его признание: "Творит не воля, а воображение. Весь мир

таков, каким он создан нами". Волошин создал удивительный

Коктебель на долгую память о себе нам и нашим потомкам. В

центре Коктебеля его дом, справа профиль на Карадаге, слева

могила, а в душе и мыслях - его стихи.

81. Я вновь пришел, к твоим ногам

сложить дары моей печали,

Бродить по звонким берегам /и вопрошать морские дали.

Все так же пуст Эвксинский понт.

И так же рдян закат суровый.

И виден тот же горизонт, /Текучий, гулкий и лиловый.

82. Вот мы подошли к западной, отвесной стороне Карадага, с его заповедными бухтами и знаменитыми надводными скалами Льва, Золотых ворот, Разбойника. Здесь самые живописные и грозные места Карадага.

83-84. Начинаем спуск.

85. Преградой волнам и ветрам / Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм / Встает из сизого тумана.

86. По зыбям меркнувших равнин

Томимый неземною дрожью,

Направь ладью к ее подножью / Пустынным вечером, один.

87. И над живыми зеркалами / Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя / Окаменелого костра.

88. Из недр извержены порывом, / Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил:

Так в буре складок, в свисте крыл,

В водоворотах снов и бреда, / Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров - / Самофракийская победа.

89. Над черно-золотым стеклом / Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,

Беззвучно оплыви кругом / Сторожевые изваянья.

90. Войди под стрельчатый намет / И пусть душа твоя поймет
Безвыходность слепых усилий / Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий / Окаменелых Керубу.

91. Спустись в базальтовые гроты,

Вглядись в провалы и пустоты,

Похожие на вход в Аид. / Прислушайся, как шелестит

В них голос моря безысходней, / Чем плач теней... И над
кормой

Склонись тревожный и немой / Перед богами преисподней.

92. Потом плыви скорее прочь.

Ты завтра вспомнишь только ночь,

Столпы базальтовых гигантов, / Однообразный голос вод

И радугами бриллиантов / Переливающийся свод.

93. Открывшиеся бухты были интимней и безлюдней, чем
сердоликовые, и отдых

94. продолжительнее и полнее. Резвиться нам, не нарезать, не насмотреться, не накопаться, по скалам не налазиться.

95. С кем лучше сравнить себя в те часы? С рыбами? С козлами? С детьми, играющими в древних греков?

96-97. Мы как будто специально впадаем в детство свое и человечества, настраивая себя на античную волну, ища в разводах моря эликсир молодости, секреты греческой мудрости.

98. А на другом конце таврической земли лежат развалины Херсонеса - главной эллинской колонии в Крыму. И в этот синий и счастливый коктейбельский день слиянья с морем Греции чудесной мы молим бога об одном: дай нам столь же радостно и солнечно увидеть Херсонес.

99. И бог нам предоставил это счастье через неделю. Море Херсонеса салютовало нам прибоем.

100. Как будто говорило: ну, я вам потрафило, а теперь не упускайте случай! И мы не упускали, почти весь день бродили по Херсонесу, не жалея пленки.

101. Херсонес. За 18 веков своей истории город сильно изменился:

102. От большого демократического государства до

103. провинциального центра Византийской империи. Большинство развалин относят к византийским временам. И все же Херсонес всегда был и оставался

104. греческим городом. Именно греческий Херсонес волнует нас.

105. Первые восемь веков, начиная с 5-го века до нашей эры, Херсонес был независим. Демократические традиции, воспитание граждан - доблестных воинов - и прочные крепостные стены обеспечили ему столь долгую свободу.

106. Перед этими стенами и этими умелыми и доблестными воинами остановились даже гуннские полчища Аттилы. Но когда город потерял свою свободу, поддался Риму и Византии,

107. он стал Корсунью, ожирел и переродился. Тогда Генуя подорвала его экономически, а татары - физически.

108. Несколько часов мы провели в Херсонесском музее, впитывая его информацию, без которой живые впечатления рассыпаются, как без скелета.

109. Так чем же был Херсонес и кем были его граждане? Всего 20 тысяч: половина - рабы, половина - свободные: ремесленники, моряки, земледельцы, рыбаки и воины и прочие. Богатые и бедные, культурные и неграмотные, благородные и плебеи, художники и дельцы. Обычный состав обычной демократической республики.

110. Под стеклом макет жилого дома состоятельного херсонесца.. Два этажа, закрытый двор с колодцем и кладовыми, 15 жилых комнат со стенными фресками - всего 620 кв.метров для семьи и рабов. У рядового же херсонесца и бедняков комнат в доме не более 5.

111. В натуре, конечно, эти здания не сохранились. Их приходится дорисовывать, ставя на сохранившиеся фундаменты сохранившиеся колонны.

112. Можно себе представить, какую яростную зависть вызывала роскошь и красота херсонесских зданий, ухоженность и спортивность херсонесцев, их благородство и культура у окружающих варварских народов.

113. Античный Херсонес был торговым и мореходным городом. Его суда бороздили Средиземное море, весь тогдашний мир.

114. Город работал и обеспечивал себя сам. Каждому полноправному гражданину города выделялся бесплатно клер на 26 га под сады, поля и виноградники - твори, выдумывай, пробуй. С помощью рабов, конечно, заменявших тогда всю технику.

115. Другое важное занятие херсонесцев - рыба. Засолкой рыбы в донине сохранившихся цистернах на десятки тонн был славен Херсонес.

116. И, конечно, все прочие ремесла: гончарные, кузнечные, литейные, оружейные, галантерейные, камнерезные, строительные и пр. и пр. Нет, не бездельниками были жители свободного Херсонеса, не паразитами на рабских шеях.

117. До наших дней дошли произведения их искусных рук. Да и не могло существовать многие века государство из бездельников и неучей.

118. Высшей властью Херсонеса, как и во всей Элладе, было народное собрание, естественный парламент, выбиравший исполнительный совет и председателя, а также отдельные коллегии: стратегов-военачальников, судей-номофилаков, гимнасиархов-тренеров, агараномов-надзирателей за рынками, жрецов - базилевсов и др. Херсонесский парламент не был стихийным, как в нашем Новгороде, - это была древняя, из глубины веков выработанная консервативная традиция демократически слаженного быта, которую и передали греки в наследство нам и всей Европе неотделимо от своей культуры.

119. Центральный документ конституции Херсонеса: стела с гражданской присягой херсонесцев. "Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими, героями... Я буду единомышленен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать это все для херсонесского народа. Я не буду ниспровергать демократического строя, не дозволю этого, не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц. Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан. Я не буду замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан и не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам.

120. Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества Олимпийские! Пребывающие во всем этом, да будет благо мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, а если отступлю, то пусть ни земля, ни море не приносят мне плода, пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно!

121. Вот так мы и бродили по Херсонесским берегам и улицам, среди античных построек и в музейных залах, слушали вечный голос моря - Понта Эвксинского и обдумывали увиденное.

122. Но безнадежно - здесь, в Херсонесе, в Крыму, лопата познания копает слишком глубоко, чтоб можно изложить увиденное словами.

123. В Херсонесе веками была жива культура, привившаяся потом у нас в России, но, искаженная сперва восточным византийским православием, затем китайскими ветрами, примчавшимися с конницей Батыея.

124. Дерево демократических традиций пышно расцвело лишь в Западной Европе, и поныне плодоносит. И все же мы тоже - дети Херсонеса. И наша ветвь культуры расцветет, нальется неудержимой силой.

125. Херсонес - многоплановый город: снизу античный, сверху православный. В таком переплетении надо разбираться, как, впрочем, нужно разбираться и в истоках нашей собственной российской культуры: что из чего, откуда, почему? Пример: на месте руин большого христианского храма раньше были скамьи античного театра.

126. Это удивительно! Храм первых веков от Рождества Христова, когда прихожанам наряду с крестом был введом и знак рыбы - символ самого раннего, еще потайного, гонимого христианского учения.

127. И, оказывается, такие первые храмы сами выросли из камней поверженной античной культуры, не исключая, конечно, и греческого театра. Благодороден и благодарен труд археологов-историков, копателей могил. Они дают сознание истории, дают возможность причаститься к великому и вечному человечеству, как к божеству.

128. Они дают возможность погладить скамьи-камни и лично посидеть на первых античных представлениях, соприкоснуться кожей с вечно живым истоком души и мысли,

129. представить живо и зримо Ифигению в Тавриде, Прометея, добывающего огонь, Геракла, обуздывающего Цербера и добывающего золотые яблоки из Сада Гесперид. Мы не знаем, почему Геракл восхищает и нас, почему так жива нить понимания между нами и зрителями древнего херсонесского театра.

130. Эпитафия на стеле Ксанфа

Ксанф, сын Лагорина, прощай...

Был утешенъем отца, Родины юной красой,

Сведушим в таинствах муз,

Ббезупречным среди сонма сограждан,

В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,

Сирым родителям слез горький оставил дар.

О если больше Плутону, чем вам, достаются на радость дети,

Зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?

131. Мы не спрашиваем, почему нас так сильно трогают древние восторги и древняя печаль. Это кажется понятным и естественным. А на самом деле достойно удивления. Когда еще в прошлом веке Горький сказал о Херсонесе: "В сущности, все эти изваяния из мрамора просты, и именно поэтому они так красивы", он был прав. Добавим лишь, что корни той простоты и цельности в чести и достоинстве свободных граждан, в самых людях.

132. Этот портрет молодого херсонесца, написанный восковыми красками на камне, считается единственным образцом такого класса, он достался нам от IV века. Ценители говорят: непринужденность, простота и спокойствие взгляда с большой силой передают глубокую сосредоточенность мысли. Этот обобщенный образ херсонесца захватывает своей глубокой одухотворенностью. И они правы. Из глубины веков смотрит наш современник, и смотрит в будущее свободных радостных людей, наше будущее.

133. К вечеру мы здесь купались, питались заходящим солнцем, по кокетельской привычке вглядывались в камни и черепки херсонесского прибора.

134. Берег в Херсонесе скальный, изрезанный, с темными и таинственными водными ямами.

133. А вот находка - кусок старой глиняной посуды, наверное, с гомеровских времен.

136. Блестит в воде. Конечно, это горло от античной амфоры - несомненно!!!

137. Но не будем спрашивать специалистов. Может, я держу в руках остатки украинского горшка, невесть каким путем сюда попавшего. На его стенках - морская соль, ракушки. Но он, несомненно, родственник тех первых образцов, что здесь производили гончары Херсонеса. Сейчас этот херсонесец лежит у нас на книжной полке как память.

138. Однако... вернемся снова в Коктебель, к бухтам Карадага, где мы мечтали о солнце и Херсонесе.

139. Домой, к Волошинскому дому, мы возвращались через верхнее плоскогорье Карадага, как бы осуществляя предсказание.

И будут огоньками роз цвести шиповники, аляя,
И под ногами млеть откос лиловым запахом шалфея.

И в глубине мерцать залив,
Чешуйным блеском хлябей сонных.

В седой оправе пенных грив, и в рыжей раме гор сожженных.

И ты с приподнятой рукой, не отрывая взгляд от взморья,

Пойдешь вечернею тропой с молитвенного плоскогорья...

Минуешь овчий наш овраг... тебя проводят до ограды

Коров задумчивые взгляды и грустные глаза собак.

Крылом зубчатым вырастая, коснется моря тень вершин,

И ты изникнешь, млея, тая, в полынном сумраке долин.

140. Последние коктебельские впечатления - посещение дома Волошина. Дом, как и весь Коктебель, необычайно слит с обликом Волошина. Вместе с ним он рос, достраивался. К обычному дачному дому поэт пристроил мастерскую, как будто церковную абсиду, и второй этаж с террасой на крыше.

141. Водил по дому и показывал рыжебородый парень, влюбленный в поэта и занятый одной мыслью - издать стихи Волошина, что так же трудно в наше время, как трудно нам, потомкам, перенести простой и благородный взгляд херсонесца из глубины веков.

142. Кадры внутренней обстановки дома и мастерской, книг и картин оказались неудачными. Но я не могу без них обойтись при чтении одного из самых итоговых стихов "Дом поэта". В будущем надеюсь их заменить, а сейчас - слушайте.

143. Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленых известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
И вольный дух, и жесткий треск цикад.

144. А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колочим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.

145. Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.

146. Вон там - за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье -
(Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье),

147. Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге.

148. Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мироздания
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.

149. Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти

Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть, и тот же мрачный гений/
В борьбе племен и смене поколений.
150. Доселе грезят берега мои
Смоленые ахайские лады,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И Киммерийская глухая мгла
На всех путях и далях залегла,
Провалами беспамятства чернея.
151 Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками
В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
152.Сарматский меч и Скифская стрела,
Ольвинский герб, слезница из стекла,
Татарский глет, зеленовато-бусый,
Соседствуют с Венецианской бусой.
153.А в кладке стен кордонного поста
Среди бульжников оцепенели
Узорная турецкая плита / И угол Византийской капители.
154.Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата,
От римских блях и эллинских монет
/ До пуговицы русского солдата!
155.Здесь, в этих складках моря и земли
Людских культур не просыхала плесень,
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы - Россия - не пришли.
156.За полтораста лет - с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины, / Расхитили и разорили край.

Осиротелые зияют сакли, / По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел. Источники иссякли.
/Нет в море рыб. В фонтанах нет воды.
157 Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомеровой страны
И патетически обнажены / Ее хребты, и мускулы, и связки.
158.Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы./Усобица и голод, и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняли со дна.
159.В те дни мой дом - слепой и запустелый
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер –
Фанатики непримиримых вер -
Искали здесь, под кровлею поэта, /Убежища, защиты и совета.
160.Я ж делал все, чтоб братьям помешать
Себя - губить, друг друга - истреблять.
И сам читал - в одном столбце с другими -
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил:
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
161.Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар
Нечаянный, мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

162. Войди, мой гость: страхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров убог. И времена - суровы.

163. Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни южный ураган,
164. Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я - мы все имели честь.
"Мир посетить в минуты роковые"
И стать грустней и зорче, чем мы есть.

165. Я не изгой, а пасынок России./ Я в эти дни немой ее укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землю добровольного изгнания,
Чтоб годы лжи, падений и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.

166. Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все - Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...

167. Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля - извечно те же.

168. Поэтому живи текущим днем,
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистошим, как море,

И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Сценарий диафильма «Одесса»

1. Одесса
2. Сентябрьским утром мы подплывали к Одессе, проведя две отпускные недели в Крыму.
- 2а. От крымских походов мы устали: в голове шумело, глаза стали нечувствительны и лениво скользили по морской ряби.
3. Наверно, в таком состоянии переполнения ячеек памяти и чувств надо было уезжать прямо домой.
4. Но возобладали жадность и стремление к равенству, Лиля уже была в Одессе, а мне бог знает когда придется попасть в этот город.. И вот Одесса-мама.
5. Разворачивается Одесский порт с диковинными кораблями на рейде. "Владимир Комаров" - плавучая станция слежения за спутниками.
6. Долгая швартовка, трапы-поручни, и мы стоим лицом к знаменитой лестнице. Уже больше сотни лет эти широченные каменные ступени от порта к приморскому бульвару, созданные архитектором Беффо, символизируют черноморское окно в Европу.
7. В конце - памятник Дюку Ришелье - первому градоначальнику. Француз Ришелье как будто заложил в одесские души любовь к Франции, претензии на роскошь и роль русского Парижа.
8. Сразу попадаем на Приморский бульвар. Второе здание на этом кадре - одна из фешенебельных гостиниц города.

Лондонской продолжают звать ее одесситы, со вкусом выговаривая старое название.

9. В первый приезд я жила в этом здании, и сейчас постояла немного, с удовольствием вспомнила об одесском гостеприимстве, о комфорте, об одесситах, людях со щедрой, чуткой душой, любящих шутку и риск, талантливых и здорово работающих.

10. Приморский бульвар начинается дворцом графа Воронцова, преемника Ришелье. 20 колонн дворца как бы задают тон постройкам города, обосновывая его право на звание южного Петербурга.

11. А на другом конце перед зданием купеческой биржи, а ныне горсовета, стоит памятник Пушкину от одесситов. И стоит таким образом, как будто смотрит на дворец Воронцова, в котором жила его Катенька.

12. Темпераментный поэт любил жену своего начальника и, естественно, не любил его самого. Помните: "Полумилорд, полукупец, полуневежда". Однако, сегодняшние одесситы с большим пониманием и юмором относятся к былой вражде, описывая ее анекдотами, вроде: "На все проделки поэта граф отвечал: "Ничего, пусть мальчик тешится", но когда графиня родила черного ребенка, терпение графа истощилось, и он услав Пушкина из города".

13. Пушкина одесситы считают своим поэтом. В их песне "Саша Пушкин тем и знаменит, что здесь он вспомнил чудное мгновенье", но и Воронцов им близок, недаром он полумилорд, полукупец, аристократ и негоциант, это привычное одесское сочетание, рожденное спецификой торговой столицы.

14. С Приморского бульвара хорошо виден весь порт, главная трудовая суть и забота Одессы. Где-то здесь была древнегреческая колония, потом стоянка генуэзских кораблей Джинестра, потом турецкий Ходжибей, из которого тянулись на Украину обозы с солью. И, наконец, русские в этом месте прорубили окно в теплую Европу, которое после реформ

Александра-освободителя стало главной дорогой иностранной техники и индустриализации России.

15. Порт стал экономической основой богатства и особой одесской культуры, в которой органически сплелись и греческие легенды, и воительство Екатерины, и французское имя Ришелье, и итальянское Дерibas, и русское Воронцов.

16. Памятник гр.Воронцову. с изображением Воронцова и его приближенных в древнегреческих одеяниях. Это дань античным увлечениям и города, и царицы Екатерины, повелением которой Одесса началась.

17. Одесситы уверяют, что эта великая женщина в античной тунике и есть сама Екатерина, полководцы которой сначала разрушили турецкий Хаджибей, а потом стали строить новый порт; та самая Екатерина, которая в январе 1795 года на балу обмолвилась "Пусть Хаджибей носит эллинское название, но в женском роде". Так появилось имя-Одесса.

18. Наверное, это самые старые из сохранившихся в Одессе камней, остатки стен крепости, которую строили в 1790 г. суворовские солдаты. Сегодня это единственная живая память от екатерининских орлов.

19. Памятники им стоят в музейном сквере. Граф Зубов, любимец и фаворит матушки царицы. Ботфорты, шпага, треуголка, плащ - петровская форма вошла уже в суть русских людей.

20. И потому они неотличимы по виду от самих европейцев. Дерibas - выходец из Неаполя, достигший успехов на русской службе. В веках же ему повезло. В его честь названа главная и любимейшая улица у одесситов -

21. Пройтись по Дерibasовской, пройти с шиком по шикарной улице - мечта одесского моряка в плавании. А какое это было удовольствие для одесситов прошлых лет, когда деньги жителям города доставались смекалкой и удачей, трудолюбием и умением, смелостью и оборотистостью.

22. Таким людям деньги были нужны, чтобы и себя показать, и людей увидеть. И, конечно, такие люди могли позволить

себе фешенебельный город, торговую и почти вольную столицу, а в ней отстроить прогулочную улицу,

23. со скульптурами, скверами, фонтанами, барами и ресторанами. Сейчас от этого остались лишь воспоминания и традиционная любовь к Дерибасовской одесситов, ставших государственными служащими. И ходят они теперь, в основном, не в бары,

24. а вот в такие закулочные.

25. На многие здания в городе смотришь как на свидетельство прошлого могущества. Здание банка - теперь концертного зала. Такое огромное, что никак не влезало в кадр. И столь же огромны, видимо, были капиталы, хранившиеся некогда здесь. Не просто деньги, а капиталы одесских людей, живших в этом городе и не жалевших на него средств и сил.

26. И еще одно свойство старой Одессы, которое мы начали осознавать, выходя из Музея древностей - большая свобода во всяческих связях. Одесса была неотъемлемой частью всего европейского мира и, особенно, Средиземноморья, и потому здесь был такой смешанный национальный состав: евреи, молдаване, болгары, греки, немцы и, конечно же, сами русские и украинцы, потомки запорожцев, поселившиеся здесь еще в турецкие времена. И каждая национальность несла в Одессу свою культуру, смешение которых и дало необыкновенный одесский колорит.

27. Русские традиции, язык и вера лишь официально главенствовали в русском Париже. Язык и повадки одесситов узнаются даже сейчас, и мы с удовольствием вслушиваемся и всматриваемся в их мир.

28. Это единственный кадр, сделанный на Привозе, традиционном одесском рынке. Единственный потому, что неудобно снимать людей в упор. И сейчас по этому кадру нам приятно вспомнить и одесскую речь, и себя в этой толкучке, как будто прикоснуться к еще живому источнику одесского своеобразия.

29. Одесский патриотизм хорошо известен любому, кто встречался с истинными одесситами, испытайте его любовь к

городу, и он сразу назовет оперный театр, равный которому есть только в Вене.

30. И вы согласитесь с ним.

31. В заключение нашего беглого показа хочется сравнить два памятника. Один старый, простой, со снятой верхушкой, стоит в городском парке им. Шевченко и посвящен царю Александру II, носившему титул освободителя.

32. Обычный столп, каких много, но за ним стоит дореволюционная Одесса, расцвет которой начинался с освобождения крестьян и появления свободных рабочих рук, с постройки железных дорог и начала индустриализации.

33. Другой - памятник потемкинцам. Современный, выразительный, добротный сделанный памятник на площади над морем, не чета Александрову столпу. Зато за ним уже послереволюционная Одесса.

34. Ночевали мы в палатке на берегу моря, в Аркадии счастливой.

35. Нас разбудило утреннее солнце и спорящие чайки. Купаясь в холодном от осеннего утра море, мы прощались с Одессой.

36. У Одессы похожая на Крым история, но более удачливая судьба. Как будто Крым, этот извечный посредник между Россией и Европой, с середины прошлого века передал свои обязанности Одессе, а та в свой краткий период цветения создала из самой себя памятник свободе и богатству, общемировой культуре на российской почве.

Вокруг Москвы, 1966-75 гг.

Что предшествовало диафильмам по православной тематике

По знаменитым старинными зданиями туристскому «Золотому Кольцу»: Загорск, Переславль-Залесский, Суздаль, Владимир и другие города - мы начали ездить с 1965 года, с года переселения в Москву - байдарочными маршрутами или туристскими воскресными автобусами. Впечатления от этих походов и вылазок отложились в моей заметке для заводской стенгазеты «Воскресный отдых» и в путевых заметках Лили, составленных для злополучного первого номера заводского журнала «Разбег», арестованного райкомом еще перед выпуском (в 1966г.).

Л.Ткаченко «Путевые заметки» Мы не любим ходить по одним и тем же рекам на своей байдарке. Вот и пришлось ехать в «дальний» город Углич, от которого не то чтобы близко, но течет все же речка с чудесным названием Устье. Нас уверяли, что речкина скорость чуть ли не пять километров в час, а какому байдарочнику не хочется прокатиться на дармовщину?! И к тому же посмотреть такие старинные города, как Углич, Борисоглебск и Ростов Великий. Последнее - немаловажно, потому что мы чувствовали, что в нас пробудился интерес к древней архитектуре. В пеших и водных походах мы часто видели деревенские церкви и постепенно в нашем сознании они органично вошли в русский пейзаж.

Вид разнообразных куполов храмов, шатров колоколен, устремленных вверх, придавал пейзажу торжественность, приподнятость. К тому же всегда нравился звон колоколов и наводил на душу светлую грусть «Вечерний звон» Левитана. Ведь в течение веков вокруг этих зданий были сосредоточены не только поповское мракобесие и обман, но и вдохновение и талант целого народа! Лучшие мастера строили эти «храмы

божьи», лучшие художники украшали их, утверждая этим вовсе не церковные догматы, а присущие издавна народу нашему радостную веру в свое прекрасное будущее и любовь ко всему прекрасному.

За год до поездки в Углич байдарочные страсти завели нас в Переяславль-Залесский. Бюст Александра Невского, мужественного, умного и красивого человека, установленный на Красной площади города, около собора, рядом с которым стояли в те далекие, тысяча двухсотые годы, терема, в которых родился этот не похожий на большинство своих современников человек, пробудил интерес к давно прошедшим векам, к хорошим людям, жившим так давно, что время это стало почти сказочным. Как жили, о чем мечтали, как видели мир, как творили и страдали наши далекие родичи? Но только монастыри и церкви оставили нам предки, да немногочисленные летописи все из тех же монастырских келий. И стали для нас церкви не только украшением и завершением пейзажа, но и тихим голосом из глубины веков.

Но, не зная их языка, мы только удивленно и восхищенно смотрели на стены и ворота Горицкого монастыря в Переяславле. Внутрь нас не пустили - было поздно. В другой монастырь и вовсе не пошли. Вода перетянула, мы не вернулись с Плещеева озера на другой день, а поплыли по рекам Вексе и Нерли к Волге.

Плавая по другой Нерли, Клязьминской, мы попали в Суздаль. Наши знания о Суздале ограничивались лишь названиями некоторых церквей и монастырей в этом городе, вычитанными в энциклопедии, и нам казалось, что мы готовы к осмотру. Названия сейчас почти все забылись, зато мы открыли для себя такой тип архитектуры, как шатры церквей, и полюбили с первого же взгляда. Потом, даже в далеком Хорезме, увидев мавзолеи, покрытые шатрами, мы посчитали их чуть ли не самым лучшим из того, что увидели (конечно, это дело вкуса). Просто шатры на колокольнях и церквах Суздаля очень красивы. Всегда соблюдены пропорции основания и шатра, а главное, они немного вогнуты.

Выражаясь наукообразным языком, образующая шатров имеет отрицательную гауссову кривизну, и потому такое сооружение в каменном строительстве считалось малоустойчивым. Но русские мастера взметнули свои шатры ввысь, и стоят они так уже не один век, удивляя людей изяществом и стройностью своих очертаний.

Как безрадостно после шатровой легкости смотреть на тяжелые главы в виде реп, давящие на основание, начисто отрицающие всякую романтичность. Нет, я не против всех маковиц, существуют очень красивые формы, но это, на мой взгляд, только те, что не нависают тяжелой шапкой над барабаном, а тянут его за собою вверх. Человеку всегда свойственно стремление вверх, к неизвестному, в космос, пусть это на языке прошлых веков и называлось Богом. И те мои предки, что строили устремленные ввысь шатрами храмы, мне гораздо ближе, чем строители распластанных, «земных» храмов, выстроенных гораздо ближе ко всем церковным канонам.

Еще мы увидели в Суздале замечательную деревянную церковь, вывезенную сюда из села Глотова. Так ладно она сработана, так тщательно, без единого зазора пригнаны бревна, так тщательно выделаны украшения, и стоит как игрушка, ну, разве что большая, прославляя умные руки человеческие и вызывая грусть оттого, что теряется искусство рук. Большинство наших современников не сможет и деревянной ложки вырезать.

Поэтому особенно понятны стихи Майи Борисовой, по-настоящему талантливой поэтессы, призывающей запоминать красоту движений:

Движенья эти - отголосок детства,
Большого человеческого детства...
Человек и труд для вечной битвы
/Лицом к лицу сходились на земле.
Труд приносил отчаянье и радость,
Калечил слабых, пестовал могучих,
И мускулам он диктовал движенья,

И позы, точно скульптор, высекал.

Эта церквенка, напомнившая нам гигантскую птицу, помогла немного представить, о чем мечтали предки, каким воображением и богатым чувством пропорций они были наделены.

Недаром эта церковь перевезена из деревни Глотова в Суздаль, потому что давно уже Суздаль стал городом-музеем. Затерялся город за лесами и заснул не на одну сотню лет. Только шоссе связывает город с Владимиром, да и то построено недавно. Поверив в древность города, я поверила и в реальность двух священников, одетых в золототканые ризы и спокойно разгуливающих по главной улице города, и не сразу поверила, что они - просто актеры. На самом же деле оказалось, что в городе часто идут съемки кино. Ведь как удобно использовать фон из многочисленных суздальских церквей, не искаженный современными постройками, для создания исторического фильма. И лишь труба хлебозавода, построенного на окраине, несколько осовременивает город.

Сейчас мы, конечно, жалеем, что смотрели Суздаль так поверхностно. Ведь мы даже не перешли речку Каменку, чтобы посмотреть Спасо-Ефимьевский монастырь - архитектурный и исторический памятник. Когда мы снова будем в Суздале, то обязательно еще раз посмотрим монастырь Бориса и Глеба, что стоит при впадении Каменки в широкую Нерль, и те фрески, которые в тот раз любезно предложил мне посмотреть старенький сторож. Пришлось мне сознаться, что я в них ничего не смыслю. Тогда все святые были для меня на одно лицо, а евангелические сцены не могли быть понятны из-за моей неграмотности.

Несколько удачных книг познакомили меня с Евангелием, житиями святых, с происхождением религиозных праздников и прочими сюжетами церковных фресок. Превосходная атеистическая литература имеется в наших библиотеках! Остальное образование, необходимое при восприятии иконной живописи, думаю, доделает мое представление о мастерстве исполнения. Очень хочется сходить в Третьяковку, чтобы с

понятием посмотреть на иконы. А ведь раньше без скуки мы не могли проходить мимо этого зала. Но всему свое время.

Там, в монастыре, мне впервые стало досадно, что искусство многих веков - искусство иконописи - остается для нас совсем непонятным.

Прошел год. И мы оказались в Угличе. Перед поездкой мне попала книга (мы решили теперь не ограничиваться энциклопедией), написанная Ю.Хламинским и А.Кокориным, - «Памятники Ростова, Углича, Борисоглебска и др.». Авторы - художник и писатель - люди, несомненно, талантливые и взволнованные непосредственным прикосновением к молчаливым и прекрасным памятникам прошлого. Я невольно поддалась обаянию их книги и очень ждала встречи с Угличем и Ростовым. Хотелось видеть, понимать, научиться ценить.

Углич не обманул моих ожиданий. Велик в городе аромат старины. Возникший одновременно с другими залесскими городами Суздальско-ростовской земли, на волжской излучине - «углу» для защиты Руси от северных врагов, он, как и большинство своих сверстников, пережил и взлеты, и падения. Его много раз брали с боем и русские князья, и татарские ханы, и польские паны. Много раз вставал город из пепла и развалин.

Золотой век Углича был при брате Василия III Андрее Большом, который упорно добивался, чтобы у него в Угличе было не хуже, чем в Москве. От княжеского дворца на территории Кремля сохранилась ныне только тронная палата, да и ту народ прозвал «Дворцом (теремом) царевича Димитрия». Царевич погиб, не успев стать царем и обозлить против себя народ. Безвинный, жертва властолюбия, он унес с собою несбывшиеся людские надежды (ведь новый царь - новые надежды), позволившие потом стольким Лжедмитриям принести столько горя народу. Мне же жаль не царевича, а просто мальчишку. Немного фантазии, и ты переносишься в начало XVII-го века, когда по живописному крыльцу тронной палаты с няньками и мамками ходил царевич: представляется,

как он играл со сверстниками на берегу Волги, и как погиб от злой руки.

Стены Тронной палаты украшены фризом из резьбы по дереву. Издали - как кайма на полотенце, набранная из несложных элементов, но очень удачно подобранных. Резное крыльцо придает палатам царственный вид.

Рядом жгуче-красивый храм - Спас на Крови. Название это надо понимать, как храм Спасителю Христу, построенный на месте, где была пролита кровь царевича Димитрия. Церковь хороша пропорциональностью всех объемов и выразительностью цвета. В ней сейчас располагается музей, но в пятницу там выходной день. Покрутившись смущенно около уборщицы и узнав, что ключей от внутренних дверей у нее нет, поняли, что в музей нам не попасть сегодня. Отправляемся по городу, на поиски других древних сооружений, церквей, названия которых уже едва припоминаем (записи свои я, конечно, оставила дома). Раннее утро, старушки не встречаются, а молодежь церквей не знает. Наконец, попалась старушка, которая с удовольствием и очень толково нам ответила.

И вот мы меж двумя древностями: справа - легкая, изящная, радостная от ярких изразцов церковь Иоанна Предтечи, слева - остатки (мне хотелось сказать - останки) Воскресенского монастыря с мощным собором, звонницей, остатками стен, разрушенными главным врагом - временем. Об особенностях стилей и эпох мы тогда и понятия не имели. Названия эти звучали для нас так же, как оставшиеся от детства воспоминания о молитве: «Отченашижееси-на-небеси...», т.е. церковные и непонятные. Теперь, «Слава Богу», я знаю, что Иоанн Предтеча - глашатай бога Саваофа, возвестивший миру о приходе Иисуса Христа на землю. А еще он крестил Христа, когда тому исполнилось тридцать лет. Кончил он свою земную жизнь, согласно легенде, весьма печально: царь Ирод отрубил ему голову по желанию дочери, которой обещал исполнить любое ее желание. Теперь для нас все евангелие - не более как сказка, в которую веками верил народ-ребенок.

Зато как богат на этой бедной церковной почве урожай народного искусства.

Название «Воскресенский» понятно. Как не отметить радостное для верующего мира воскресение «убиенного Иисуса». Смотреть на монастырь было не радостно, а тяжело, как будто перед тобою бессильный, старый, бывший когда-то могучим, и нет того волшебника, который смог бы влить ему эликсир жизни (не доходят руки у общества по охране архитектурных памятников до реставрации этого монастыря).

Наши поиски продолжались... Непременно хотелось увидеть церковь, названную за красоту народом неофициально «Дивной» (так утверждала книга, но ни один из народа не знал церкви с таким названием). К счастью, над городом возвышается громада плотины Угличской ГЭС - с нее-то мы и смогли увидеть верхушки желанных шатров. Обрадовались, припустили чуть ли не бегом...

Она открылась сразу вся, трехшатровая, белоснежная, задумчивая. Радость ты моя, красавица! Оттого, что стоит на бугре и окружена маленькими домишками, она казалась неземной и сказочной. Силуэт ее - совершенен, пропорция - «золотая». Да, есть такой вполне официальный термин - «золотое сечение». Заключается оно в делении высот и других размеров здания в такой пропорции, при которой отношение малого отрезка к большому равно отношению большого отрезка к целому. Это соотношение человеческий глаз воспринимает как гармоничное. И в «Дивной» (официальное ее название - Успенская церковь - от успения (т.е. смерти) богородицы) соотношение больших и малых шатров находится в пропорции «золотого сечения».

Есть и другие церкви в Угличе, но мы больше ничего не хотели смотреть, а просто бродили по городу. С дальнего края Волжской дуги, от Института сыроварения (бывают и такие) особенно хорошо смотрится Угличский Кремль. Оттуда не видны подробности Спасо-Преображенского монастыря, который вблизи представляет из себя довольно нерадостное зрелище приплюснутых маковок, широких окон, тяжело

стоящей колокольни. А издали собор вместе с церковью Спаса-на-Крови создает украшение городу.

Подогретые угличскими впечатлениями, мы купили первую книгу о памятниках старины (теперь уже число их перевалило на второй десяток) - Рапов «Каменные сказы», положившую начало нашей библиотеке об архитектуре старинных городов. Весь последующий поход я только и делала, что пыталась выкроить время для ее изучения.

Но у нас было мало времени и напряженный маршрут. С трудом всунув байдарку и рюкзаки в переполненный автобус, мы отправились за 25 километров в село Ильинское, что стоит почти на самой Устье.

И представьте себе нашу досаду, когда на следующий день из книги Рапова мы узнали, что автобусом проехали мимо одного из интереснейших и боевых монастырей-крепостей «Никола на Улейме».

К вечеру второго дня плавания показался Борисоглебск. Речка, красуясь перед городом, заложила длиннющие петли, поэтому мы буквально извелись, видя, как садится солнце и вид монастыря тускнеет. Так и не успели. А утро выдалось пасмурное, создавая нам настроение подстать монастырской суровости. Но, однако, по яркости и насыщенности впечатлений Борисоглебск обошел и Углич, и Ростов.

Борисоглебский монастырь был заложен в 1363 году с благословения Сергия Радонежского. С XVI-го века деревянные постройки монастыря стали заменяться каменными. Монастырю повезло - в камень его перекладывал талантливый зодчий Григорий Борисов.

Это его смелой фантазии принадлежит «окаменевшая идея» надвратной церкви с двумя стражами-башнями - очень выразительная композиция. Идея эта, побродив по Ростово-Суздальской земле, вернулась в Борисоглебский монастырь в конце XVII-го века, и у противоположной стены выросла та же троица, но в более роскошном одеянии.

Григорий Борисов построил и мощные трехметровые стены с боевыми башнями, круглыми по углам и квадратными на

торцевых сторонах. Башни он покрыл шатрами. Стены и башни могли бы выдержать самую жестокую осаду, что не всегда могли сделать люди. Не окутывал башни пороховой дым, не лилась из варниц смола на головы врагов. Сдали монастырь полякам монахи без боя. Не пришлось ему постоять за честь русскую, но ведь не его ж в этом вина.

Оттого ли, что Борисоглебскому монастырю туристы не успели нанести вред, на стены его есть еще свободный вход, и мы почувствовали удовлетворение, обойдя монастырь по стенам и залезая почти на все башни. Оттого и монастырь, и все постройки в нем показались нам гостеприимными хозяевами, а мы в ответ на его радушие очень интересовались всем и попытались «поговорить» с ними - разобраться в их особенностях.

В центре высится главный храм монастыря - собор Бориса и Глеба. Борис и Глеб - сыновья князя Владимира Красное Солнышко, загубленные честолюбивым братом их Святополком, и первые русские святые. В дальнейшем церковь наобъявляла 2500 русских святых, но первые очень долгое время были всюду почитаемы.

Собор построен по типу тех мужественных и аскетичных храмов, которые строились на Руси до XVII-го века. Гладкие стены, разделенные только лопатками с трех сторон, невысокие апсиды, полукружьями выступающие за пределы четкого квадрата, нарядное позакомарное перекрытие. Оно было, Григорий Борисов его сделал, но потом в ленивое время храм покрыли четырехскатной крышей, придав ему будничность и заурядность. Высокая крыша утопила барабан. Чтобы как-то поправить дело, его надложили и нахлобучили медную шапку-маковку с пережимом, отчего когда-то выдержанный и спокойный храм стал напоминать лихого гуляку с заломленной шапкой и в одежнях, едва хватающих, чтобы прикрыть его наготу. Но если долго смотреть на стены собора, то можно хоть приближенно, но все же представить себе его молодой вид, и захочется поклониться зодчему,

вероятно, тоже немногословному и спокойному человеку-творцу.

А рядом - звонница (колокольни начали строить позже, в XVII-ом веке). Мне очень хочется сравнить ее с ясноглазой резвушкай, которую одели в тяжелое платье (по фасаду здания легли горизонтальные выступы для придания звоннице солидности, ведь рядом с собором стоит). Но легкие руки (арки) да три небольшие главки на тоненьких шейках показывают, кто же действительно прячется за богатым одеянием, а звон ее голоса (перезвон колоколов) нес людям весть о празднике, радости и отдыхе. Видимо, желая украсить звонницу, приставили к ней где-то в конце XVII-го века нарядное крыльцо с искусной кладкой кирпича с изразцами. Сравнить его можно разве что с богатой брошью на тяжелом платье, но сама звонница - там, в арках и маковках - совсем не нуждалась ни в каких украшениях, все в ней прелестно, и любое изменение побуждает недовольство. Так, заложенная каким-то, наверное, очень практичным, настоятелем, полуарка, вызывает желание избавить звонницу от несвойственного ей практицизма. Могу писать о ней еще и еще, потому что стала Борисоглебская звонница моей первой любовью. Здесь я впервые почувствовала, каким теплом и человечностью может веять от камня, если взялся за дело большой мастер. Сохранились на территории монастыря и другие памятники - Благовещенская церковь с трапезной и настоятельскими палатами, тоже постройки Борисова. В монастырях трапезная и церковь строились как единое здание. Ведь нельзя было сесть за стол, не помолившись. А зачем далеко ходить? В церкви сейчас - банк, а в настоятельских палатах - дом пионеров. Когда-то в этом большом зале со столбом посередине и сложными крестовыми перекрытиями пировали монахи, а теперь маленькая прилежная девочка разучивает гаммы. Как много могли бы рассказать стены, если б умели. И как все же много можно узнать от них, если уметь и хотеть. Церковь имеет такое же нарядное крыльцо, как и звонница. Видно, уж очень радовал отца-настоятеля вид этой

богатой, красочной игрушки, что распорядился он и второе крыльцо сделать. Палаты, трапезная и сама церковь выглядят неказисто, сильно потрепанные временем.

С грустью мы покидаем монастырь, тихо благодарные ему за откровения.

От автобусной ли тряски, или оттого, что все дальше мы уезжаем от Борисоглебска по дороге на Ростов, утренние впечатления, занявшие большие области мозга, собираются в сгусток, становясь драгоценной каплей в той коллекции дорогих капелек, которые мы так тщательно собираем, и которые мы считаем своим богатством.

В.Сокирко «Воскресный отдых». Каждый проводит выдавшийся ему за неделю свободный день по-разному. Можно провести его и так. Поздний вечер, скоро ночь. В 0.30 отправляется поезд Москва-Иваново. Мы покупаем билеты за двадцать минут до отправления, входим в вагон и с огромным неудовольствием обнаруживаем, что, согласно новой моде, этот старый общий вагон переделали на ряды кресел. Раздосадованы до крайности! Черт бы драл этих новоустроителей, умудрившихся даже поезд Москва-Волгоград, идущий более суток, оборудовать этими пыточными агрегатами. В ночное время человек, сидящий в нем, способен лишь подремать, и так, что у него раз и навсегда отобьется охота к подобным поездкам. А ведь мы рассчитывали немного поспать. К счастью, людей в вагоне осталось совсем мало, и мы укладываемся на полу между креслами, засунув головы под один ряд, а ноги - под другой. Сносно, в общем, но все же неудобно и скверно. Мучение, хотя все же лучше, чем кресла.

Выходим в Юрьеве-Польском. Это - один из древнейших русских городов, основанный еще Юрием Долгоруким. 4.20 утра. Темно. Пронизывает мелкий осенний дождь. Рассвета ждем на вокзале, использовав для сна станционные скамейки. В 7 часов вышли к автобусу. Заметно рассвело, но дождь все еще моросит. Это в данном случае

особенно досадно, потому что делает фотосъемки почти нереальным делом. Но когда мы приехали в центр и увидели то, ради чего приехали - древний Георгиевский собор со стенами из горельефов, то забыли о дожде. Бегали вокруг в радостном возбуждении. А вот и первая награда. Сквозь облака в небольшой просвет пробивается солнце. Началась охота за каждым лучом, чтобы продублировать кадры, сделанные в полутьме... Ну, насмотрелись, загубили полпленки, и хватит!

Ранняя столовая - и в автобус, теперь уже до областного центра - до Владимира. Прямого пути в соседний Суздальский район нет. Жаль. Придется оставить Суздаль до следующего раза.

Три часа - в дороге. Места сидячие - это очень хорошо. Медленно проплывают, вернее, пропрыгивают владимирские поля и перелески. А вот и Владимир на Клязьме. Солнышко-то как светит! Красота. И весь божий день мы бегали от здания к зданию, мучительно выжидая, когда, наконец, сойдет с солнца очередная туча и даст возможность щелкнуть очередной кадр.

Поездка в Боголюбово, к церкви Покрова на Нерли - это апогей, последний взлет радостного настроения.

Дальше - возвращение домой с ощущением усталости, накопленной за ночь и за день. Автобус - во Владимир, электричка - до Петушков. Здесь последнее раздражение: московская электричка ушла за две минуты до прихода владимирской. Более сотни пассажиров, едущих до Москвы, клянут, на чем свет стоит, идиотское расписание и усаживается на полтора часа ждать. Довольно-таки тоскливые полтора часа. А потом - снова полупустой вагон электрички на Москву и беспокойный сон на короткой скамейке.

И вот Москва. Курский вокзал. 10 часов вечера. Отдых кончился. Хорошо. Радость возвращения домой. Артемка еще не спит. Радость вдвойне! Мы счастливы самым настоящим образом. Тяжесть и тоскливость пути отошла, уже забылась, но темное небо с осенним солнцем и белые стены владимирских зданий не забудутся. Они - наше новое

достояние. Такое, как и две новые диапозитивные пленки. Только дай бог, чтобы они получились. С этой мыслью и приходит сон.

Ну, как, нравится ли вам такой «отдых воскресного дня»?

Эти-то заметки и легли в основу диафильма «Суздаль» («Ополе»), сделанного, однако, много позже, в 1972 году. В столь долгой задержке виноват я один: мне мешало ревнивое чувство и нежелание отдавать столь благодатную тему, как Ополе - колыбель русской нации - одной Лиле. Хотелось подождать до собственного осмысления, до понимания значения православия как формы античного наследия, пришедшего через Византию к народившейся русской нации. Но шли годы, а процесс осмысления все не подвигался. И как только я убедился в своем бессилии, то написал-таки сценарий почти весь в Лилином духе и на основе ее материалов (особенно по Владимиру) - прямое продолжение «Московских церквей».

Я и сейчас не могу осмыслить этот материал. Он весь - элегия и отсутствие страстей. Даже о Суздале-тюрьме... Просто плывет байдарка, и смотрят с нее на череду прошлого люди: «Что говорят они нам?».

Но сперва Лиля написала сценарий диафильма о полюбившемся ей Сергии Радонежском. Он вел нас вглубь темы православия и был важен, прежде всего, для нас самих. В Сергии Радонежском, как в зародыше, заключено почти все наше последующее православие: и подвижничество старцев, и тесное взаимодействие с государством, с политикой, и просветительская деятельность, и монастырская колонизация (особенно на Севере). Тема монастырей привела нас потом к теме раскола и революции, а с другой стороны, она же заставила нас задуматься над собственным атеистическим видением мира: а правильно ли оно?

***Примечание Лили 2016г.** Первые же зрители дали диафильму невысокую оценку, и я протестовала против его дальнейшего показа, окончательно решив, что у Вити*

сценарии диафильмов получаются лучшие, даже когда он пишет их «под Лилю».

Вторым в этой серии стал диафильм «Рассказ об иконах». Его инициатором также была Лиля. Всмотриваться в иконы, чтобы «понять» древнее искусство, сюжеты, приемы, увидеть игру красок - это всегда казалось ей очень важным и интересным. По ее желанию, я иногда снимал иконы, часто она покупала наборы слайдов-икон под маркой «Древнерусская живопись». Так накопился материал, который ей захотелось сделать диафильмом.

Но как всегда, это желание мною притормаживалось, пока я не нашел в этом рассказе собственную «корысть»: во-первых, попробовать сформулировать отношение к церковной вере и, во-вторых, рассказать о своем понимании прихода Иисуса Христа, как одной из революций в древнем мире. Сам же Лилин рассказ об иконах был вытеснен в начало и в конец диафильма. Снова получилось механическое соединение наших тем, на этот раз довольно неудачное - если судить по отрицательной реакции зрителей.

Однако в данном случае я не очень доверяю реакции зрителей, потому что этот один из самых «идейных» наших диафильмов говорит на слишком важную, животрепещущую тему - о вере и революции, и спорит не только с официальным атеизмом, но и с оппозиционным православием, потому что, уже по своему содержанию, он не может многим нравиться.

Неблагоприятное впечатление от просмотра диафильма «Рассказ об иконах» обычно сглаживалось последующим показом диафильма «Два Переславля», последнего в этой серии.

***Примечание Лили, 2016г.** Мне не удалось найти или вспомнить точной даты создания диафильма «Два Переславля». Путешествие в Переславль Рязанский состоялась в 1972г., а в 1976г. случилась «стена» из слайдов и диафильмов того года. Так что я ставлю предельную дату окончания третьей фильма о православии -1975г.*

Тематически он является прямым продолжением «Суждали» («Ополя»), да и смонтирован на слайдах двух старинных городов - Переславля-Залесского и Переславля Рязанского (сейчас - просто Рязань). Посещения этих городов были отделены друг от друга семью годами походов, впечатлений и мучений над мировоззренческими диафильмами.

Сценарий диафильма написан был мною, но целиком ориентирован на Лилю, на ее восприятие этой проблемы. Ведь она тогда была более склонна к православию и не отрицала возможности своего обращения. Для меня было бы, конечно, печально потерять единомышленника в самом близком мне человеке (хотя мало признать это, надо еще сказать, что этот аспект убеждений - далеко не самый главный). Но я знал, что я ничего сделать не смогу, ибо в вопросах веры доводы рассудка просто бессмысленны. Да ведь на деле христианство, как вера - ничем не хуже материализма. Последний может тоже быть стенкой, с помощью которой человек ограничивает свой уютный мирок от бездны и ужаса безграничного мира...

«Играя на Лилю», я, тем не менее, проигрывал собственные переживания и выводы, весь свой опыт. Но прежде, чем привести текст этого диафильма, завершающего тему православных церквей, тему веры наших дедов и прадедов и нашего отношения к ней, опишу предысторию.

Как и большинство наших сверстников, я имел верующих деда и бабушку и неверующих отца и мать. Тем не менее, меня крестили в годы войны, а в послевоенной школе воспитали стойкое неверие в Бога и насмешливое равнодушие к верующим. Впрочем, общесемейные сборы на Пасху мне еще долго нравились и были чуть ли не самым главным праздником в году. Помню, что только в седьмом классе, в преддверии комсомола, я осознал несоответствие своих «безбожных» принципов и привычно радостного праздничного приветствия «Христос воскрес» и уклонился от участия в празднике... Слава богу, этот «взбрык» продолжался недолго, я снова участвовал в общем застолье, но, по-

прежнему, вера родственников никоим образом не влияла на мое книжное мировосприятие.

Общество воспитало в нас атеизм, но оно же через новые книги стало пробуждать и интерес к церквям и вере. От тех лет, начала шестидесятых годов, у меня осталась память о первой беседе с истинно верующим человеком - нашей сокурсницей, комсомолкой и удивительно душевным человеком, которая в конце института вдруг оказалась адвентисткой седьмого дня... Исключение из комсомола и увольнение с работы не испугали ее. Помню, как были мы с Лилей поражены этим фактом и даже напросились на встречу с ней. У меня сохранился черновик моего письма-просьбы. Сейчас мне даже странно читать его, почти стыдно за свое истово комсомольское поведение в те недавние годы, гораздо большее, чем у многих моих сверстников. И лишь волевым усилием я заставляю себя не стыдиться - ведь именно моя комсомольская вера и истовость и вызвали жажду познания «социальной правды», исключение меня из комсомола, терпимость и интерес к чужим мнениям. Почему же я должен стыдиться себя?

Письмо Свете. «Света! Вы имеете все основания бросить это письмо, не читая, и будете правы, но я очень прошу Вас прочесть его до конца. Никогда не думал, что буду обращаться с письмом к верующему человеку и ждать от него сочувствия и понимания. Не думайте, Света, я ни в чем не нуждаюсь и ничего не прошу, но только чувствую необходимость понять Вас.

Я был равнодушен к рассказам о Вас и к заметке «Московского комсомольца». Представляю, сколько к Вам ходило уговаривающих, которые уходили ни с чем. Но потом мне сказали, что Вы - та самая девушка, которая выступала на комсомольском собрании нашего четвертого курса. Вы тогда говорили об одном больном человеке, которому надо помочь. Это собрание было для меня очень важным и этим выступлением, которое запомнилось, наверное, навсегда, и

своими проблемами. Впервые я слышал на собрании выступление, необычное своей искренностью, душевностью, желанием помочь человеку во что бы то ни стало. Если бы все были такими комсомольцами, такими пламенными людьми! Представляете, Вы для меня были идеалом комсомольца.

А как мне было обидно, что именно Вы и комсомол оказались несовместимыми. Я не стесняюсь говорить так, потому что виноват в этом, видимо, комсомол.

Когда я впервые услышал о Вас, верующей, я находился под впечатлением повести В.Тендрякова «Чрезвычайное». Это очень неплохая антирелигиозная вещь (как я думаю). Мне кажется, что, несмотря на религиозность, Вы не потеряли терпимости и широты взглядов и даже предложение прочитать такую книгу Вас не обидит. Вот ее содержание: десятиклассница Тоня только в вере в Бога, в секте находит добро, справедливость, правду и защиту от несправедливого большого мира. Старому учителю удалось вернуть Тоню к обычному образу мыслей, только изменив окружающих ее ребят. Теперь в этом более чутком окружении она находит моральное удовлетворение и поддержку, а, выйдя замуж, окончательно успокаивается и становится счастливой, постепенно превращаясь в обыкновенную мещанку. Так я сначала представлял и Вас.

Но когда я узнал, что Вы и девушка на собрании - одно и то же лицо, то понял свою ошибку. Вы - активная и деятельная натура, Ваше недовольство большим миром носило не локальный характер, как у Тони (недовольство классом), а всеобщий - всем миром. Если Тоне еще предстояло идти от секты к комсомолу, к нашей обычной жизни, то у Вас процесс как раз обратный - от комсомола и всех надежд, связанных с ним, от веры в добро, которое проповедуют наши книги и искусство - к вере в Бога, к морали секты.

Я стараюсь понять Вас заочно и вроде понимаю. И сейчас повторяю: Вы, ушедшая в секту, гораздо больше достойны уважения, чем те, которые спокойно положат комсомольский билет, когда им стукнет 28 лет, и давно уже ничем не

мучаются. А я все ищу честную и активную позицию в жизни, ищу способ стать настоящим коммунистом, знаете, таким коммунистом, образ которого у нас создан книгами Островского и Гайдара...Но, может быть, Вы никогда не хотели быть именно коммунистом - большим, настоящим человеком, о котором мечтали многие утописты. Хотя мне трудно представить, что Вы не прошли сквозь это. Мне кажется, что Вы разочаровались в этих мечтах, отвергли все, как фальшивые слова, а выход стали искать в вере в Бога. Если не так, значит, я ошибаюсь.

Я считаю, что вопросы внутренней честности и активности - в утверждении на земле добра (или, как мы привыкли говорить, «в борьбе за коммунизм»), и они стоят перед каждым молодым человеком. Вы знаете, как реагирует большинство молодежи на эти задачи: они отказываются от активности и становятся «средними людьми» (в моральном смысле - посредственными). Другая часть, пусть меньшая, все же не теряет надежды утвердить свою активность и совесть на почве комсомола, на почве борьбы за коммунизм. И никакие неудачи не могут заставить их разувериться в коммунизме. Я принадлежу к меньшей части и рад этому. Год назад меня выгнали из комсомола именно за мою активность. После такого удара люди становятся безвольными, теряют веру, но я ее не потерял. Или стать обиженным советской властью и пассивным, или остаться на почве борьбы за комсомол. Других выходов у меня не было. Ваш выход -отказаться от своего мировоззрения, признать Бога мне даже не приходил в голову. Сейчас я снова в комсомоле и числюсь в активных его членах.

Вы же пошли по третьему пути. Он мне не понятен, хотя я знаю, что многие светлые и крупные умы, ученые с мировым именем верили в Бога и верят даже сейчас... Света! Ни в коем случае я не хочу опровергать Вашей веры, ведь я не пропагандист атеизма. Но Вас я считаю неправой, а свой путь я считаю верным.

Отбросить, однако, Ваш выбор, как случайность, я не могу, потому что видел и слышал Вас, и мне хочется, необходимо знать, как же так получилось, почему Вы считаете меня неправым, в чем, по-вашему, состоит моя ошибка. Вашей критики я хочу, потому и прошу не отказывать мне в ответе. Если трудно ответить письмом, можно позвонить...»(1962 год.)

Света откликнулась. У нас было тогда две встречи. В первый раз - у нее на квартире. В маленькой комнате висела большая фотография погибшего на фронте отца. Тогда уверовала мать Светы, а сама Света лишь долго посещала молитвенные собрания. И однажды она вдруг ощутила Бытие Бога так явственно, так физически ясно, что до сих пор удивляется, как до того она могла быть такой глухой и слепой...

С нами разговаривала наша сверстница - равная нам по образованию и культуре, нравственное и душевное превосходство которой я признавал заранее. В эту встречу родилось мое личное уважение к людям глубокой веры (не исключая и родственников), интерес к их внутреннему миру и даже хорошая зависть и незаслуженное чувство какой-то обделенности. Но пройдет много лет, прежде чем этот интерес проявится в наших диафильмах и встанет серьезный вопрос о существовании угрозы нашей материалистической вере.

Сегодня религия - практически единственная терпимая в нашей стране форма иной, не официальной идеологии и потому, по мере роста оппозиционных настроений, растет и число православных в среде молодежи. Нет ничего дурного в вере Светы и ей подобных, ибо она и в самом деле «уверовала». Плохо, если к вере прибегают люди из-за моды или оппозиционности - фактически неверующие, ибо в своих попытках изменить самих себя они могут стать нетерпимыми и навредить и себе, и другим. Но это уже особая тема.

Возвращаясь же к диафильму, надо отметить, что он обладает еще одной чертой - усталостью, пресыщением от туристического скольжения по объектам. «Я подозревал, что чистый эстетизм, любование - всегда неглубоки и ущербны,

необходимо противоречат вере», - сказал один из наших знакомых верующих после просмотра диафильма. Мы его поняли: эстетизм часто подменяет и затрудняет интерес к содержанию, к сути исторических и мировоззренческих вопросов, волновавших строителей и посетителей древних храмов. Своей красотой древние здания как бы завлекают нас на трудную работу осмысления. Но если такой работы не происходит, то неминуемо наступает пресыщение и равнодушие.

И только диафильмы спасали нас от такого пресыщения. Только работа над сценариями позволяла понять в кадрах новое и освободить место для новых впечатлений.

Огромна церковная тематика, велико накопленное церковью и неизвестное нам духовное богатство. Много труда и времени требуется на то, чтобы овладеть им. Для нас, наверное, оно так и останется полуоткрытым и неосвоенным - не из-за злой воли, или нежелания, а просто из-за недостатка сил и времени, от трудности освоения. И все же мы не закрываем для себя этот путь, пользуемся каждым случаем, чтобы воспринять опыт церкви и ее истории, перевести его на собственный материалистический онаученный язык. Благородна и благодарна работа ученых людей, занимающихся таким переводом для многих, они позволяют ликвидировать свое невежество, свою ущербность, позволяют ощутить полноту мира и укрепиться в собственной вере.

В последние годы я много раз вступал в споры о вере со многими «ищущими Бога», но окончательной твердости так и не достиг. И эта томительная нота тоски по вере, которая прозвучала в диафильме «Два Переславля», так хорошо знакома многим из наших зрителей, - она-то, наверное, и примирила их со всей серией наших диафильмов об Ополье и вере...

Сценарий диафильма «Сергий Радонежский»

1. Перед нами - Троице-Сергиевский монастырь. Но рассказ мы поведем не о нем и не о других старых монастырях, а о людях, их основателях.

2. До некоторых пор я считала наших предков-славян варварами и примитивами, а своих современников (и, значит, себя тоже) - умными и сложными людьми. Я и представить себе не могла, что у нас с ними гораздо больше сходства, чем различий, что они зачастую решали те же самые проблемы, что и мы, особенно те, которые и нам до сих пор кажутся трудноразрешимыми.

2а. Это продолжалось до тех пор, пока мы не попали в Переяславль-Залесский, где я замерла в удивлении перед бюстом Александра Невского, когда я вдруг поняла, что Александр - незаурядная личность, и в наше время, через семь столетий, таких еще поискать надо.

3. И потому мы приглашаем вас отправиться в далекий XIV-ый век, войти в монастырские кельи и присмотреться к жизни их обитателей.

XIV век... Стонет Русская земля под татарским ярмом. Татары принесли не только материальное разорение, а еще и нравственное. Страхом отцов заражались дети, панический ужас (по описанию Ключевского) мог развиться в народную робость, в черту национального характера русского народа.

4. Но народ был велик, а великие народы обладают способностью подниматься после падения. С усилением Московского княжества в первой половине XIV-го века подросло поколение, начинающее отвыкать от нервной дрожи отцов при мысли о татарах.

5. В это время двадцатилетний сын ростовского купца, перебравшегося из беспокойного большого города в тихий подмосковный городок - Радонеж - Варфоломей уходит в радонежские леса, чтобы своими руками и по своему разумению строить новую жизнь.

6. Долго ли, коротко ли, но пришли к нему товарищи. И стал он настоятелем небольшой обители отцом Сергием. Необычным было для тех времен это товарищество. И мы даже назвали бы его коммуной: ведь у них все было общее, не то, что в городских монастырях.

7. «В монастыре было все худостно, все нищетно, все сиротински». Первобытный лес шумел над кельями. В деревянной церковке из-за недостатка свеч пахло лучиной. В обиходе братьев было столько нехваток, сколько заплат на сермяжной рясе их игумена.

8. Но какой же был необычный для того времени настрой у этих людей! Все дружны, приветливы к пришельцам. И живительная теплота обдаёт всякого, вступившего в обитель.

9-10. Как в зимнюю стужу согревает продрогшие ветви еще несмелое солнце.

11. Откуда в такое суровое время, при нищете и тяжелом труде у людей было крепкое душевное здоровье?

12. Конечно же, в этом основная заслуга Сергия. Читая греческие раннехристианские книги, он воспринял идеалы братской любви, служения людям, отрицания суетных благ во имя напряженной умственной работы. И вот эти-то идеалы и стремился ввести в жизнь Сергий, причем на своем примере. Соловьев писал, что Сергий сам носил дрова, сам колол их, носил воду из колодца и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанья на всю братию, шил платье и сапоги. Так у братьев воспитывалось умение отдавать себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах.

13. Наставник их ежедневно вел терпеливую работу над каждым братом. Оттого такие яркие индивидуальности получились из его учеников и из учеников его учеников. Роман Кержачский, Андроник Спасский, Савва Сторожевский, Павел Обнорский, Дмитрий Прилуцкий, Нил Сорский, Зосима и Савватий Соловецкие, Кирилл и Ферапонт Белозерские - это все основатели новых монастырей.

13а. А были еще и друзья у Сергия - Елифаный Премудрый, биограф Сергия Радонежского, Стефан Пермский - христианский проповедник и просветитель коми-зырян. И, наконец, художники - Андрей Рублев с учителем своим Даниилом Черным.

14. Какой славный букет лиц! Мы расскажем лишь о тех, с чьими творениями нам довелось встретиться. На излучине Москвы реки, среди лесов, некогда девственных и таинственных, в полутора километрах от Звенигорода стоит Саввино-Сторожевский монастырь.

14а. Родился монастырь этот по желанию князя Юрия Звенигородского, крестника Сергия Радонежского.

15. Для нас этот сын Дмитрия Донского невольно ассоциируется с героем древних сказаний - Георгием Победоносцем. Юрий был талантливым, высокообразованным человеком и благородным рыцарем, по определению Дороша, не запятнавшим свое имя ни вероломством, ни излишней жестокостью в то суровое время мрачного средневековья.

16. В Троицкой обители Юрий познакомился с учеником Сергия - Саввой, стал его духовным сыном и помог заложить обитель на горе Сторожевой близ своего стольного Звенигорода.

17. От тех тревожных, динамичных лет в монастыре стоит белокаменный Рождественский собор, 1405 года рождения. Единственным и неповторимым его не назовешь, он явно отпрыск владимирских храмов, но - достойный! Собор этот соразмерен и славно украшен.

18. Остальные постройки более поздние, времен царя Алексея Михайловича и его детей.

19-21. Но все они вместе - прекрасный памятник первым основателям - Савве Сторожевскому и Юрию Звенигородскому.

22. Высокая культура Юрия позволила ему оценить талант начинающего Андрея Рублева. Поэтический живописный дар Рублева начал раскрываться, когда он работал еще в Троицкой обители, а с легкой руки Юрия обессмертил сперва этот

Успенский собор на Городке в Звенигороде, а потом - другие соборы в Москве и Владимире.

23. В наше время в Звенигороде нашли иконы работы Андрея Рублева. О степени таланта художника я сужу потому так убежденно, что он смог показать задуманное так, чтобы и я поверила в это. И если сюжет мне совершенно неизвестен, то оценить картину я просто не в состоянии.

24. По моим представлениям, Христос для людей из Сергиевского окружения был страдальцем, он принял грех людской на себя. Он учил добру, он мудр и возвышен. И вот такой Спас - у Рублева.

24а. Уже много позже для умирения богохульников Христос становится карателем за смертные грехи, не прощающим и недоступным судьей. И для художников он превращается во что-то абстрактное, лишенное человечности.

25. О том, какое светлое и доброе отношение к миру было у самого Рублева, можно судить по его «Троице», на которой изображен им Ангел, совершенно не способный на жестокость.

26. А теперь отправимся на Север, куда с конца XIV-го века шли монахи, чтобы по примеру Сергия основывать собственные обители.

27. Ведь Сергей пользовался всяким случаем, чтобы завести новую обитель. В 1365 году великий князь Дмитрий послал его в Нижний Новгород мирить ссорившихся князей. А по пути, мимоходом, Сергей нашел время устроить «пустыньку» в глуши, воздвигнуть в ней храм Святой Троицы и поселить старцев-пустынников и отшельников.

28. До второй половины XIV-го века масса русского населения жалась на треугольнике между Окой и Волгой. Татары запирали выходы из этого клина на запад, юг и юго-восток. Оставались Север и Северо-Восток, но то был глухой и непроходимый край, кое-где занятый финнами. Туда и пошел смелым разведчиком монах.

29. Конечно, вслед за монастырской колонизацией шло военное и административное закрепление территории. Но

основателей монастырей в этом обвинять нельзя. У них была только вера, идеалы правильной жизни и жгучее желание устроить и свою жизнь, и жизнь своих учеников по законам братской любви и божественным установлениям.

30. Одним из первых был монастырь, поставленный Дмитрием Прилуцким близ Вологды. Сюда же, в нынешнюю Вологодчину, пришли архимандрит московского Симонова монастыря Кирилл, ученик Сергия, и инок этого монастыря Ферапонт. Дойдя до Белозерья и взглянув с горы Мауры на прекрасный край: «Холмы высокие, дубравы чистые», - они оба навсегда остались здесь.

31. Кирилл вырыл себе землянку у Сиверского озера, а Ферапонт - в девятнадцати километрах к северу, у озера Бородавчатого. Скоро стали стекаться к Кириллу монахи и крестьяне. Появился первый сруб-часовня, а затем и церковь Успения. Была она, наверное, не больше церквушки, что привезена в нынешний Кирилло-Белозерский музей. Но ведь не размерами велик храм, а твердостью своих прихожан.

32. Интересно, что именно этот монастырь стал центром секты нестяжателей. И хотя она была создана в середине XV-го века, уже после смерти Кирилла, я думаю, что сам Кирилл охотно примкнул бы к этому движению.

33. Нестяжатели во главе с Нилом Сорским выступали против вещелюбия в монашестве: «Сосуды златы и серебряны не подобает имети. Также и прочие украшения излишни».

34. То была трогательная попытка людей, воспитанных на идеях Сергия, удержать монашество в сфере духовной жизни, оградить его от приземленной сытости. О том, что это были люди с высоким интеллектом, говорит выступление их за «мыслимое искусство». Они ценили и почитали лишь тех мастеров иконописи, которые умели через чувственные образы передать «мысленное».

35. Более полувека идеи нестяжательства владели братией монастыря, но с XVI-го века на Руси установилось относительное благополучие, что сказалось и на архитектуре монастырских зданий.

36. Благополучие всегда ведет к застою мысли и земные радости, роскошь и бездумье овладевают отныне некогда прогрессивным слоем - монашеством.

37. XVI-ому веку принадлежат основные монастырские постройки. Среди них есть и очень красивые.

38. Мне очень нравится вот эта церковь Иоанна Предтечи, построенная царем Василием в честь радостного события - рождения сына Ивана, будущего Грозного.

39-42. В монастыре я радовалась незамысловатым простонародным украшениям, рядам бегунца, поребрика, прямоугольных ниш. А вот главы, столь сложно вписанные и, наверное, красивые, почему-то не пробуждали во мне теплых чувств.

43. Да, монастырь этот со временем стал крупнейшим в России. В XVII-ом веке существовало три великих монастыря: Троицкий, Соловецкий и Кирилловский.

44. О его поддержании заботились цари: Алексей Михайлович выделяет деньги на строительство новых стен. Высоченные прясла и колоссы-башни и сейчас определяют лицо монастыря.

45. Ты различишь и стен тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые, твердынь многовековых.

46. Когда смотришь на стены Белозерского монастыря, то невольно напрашивается сравнение их с гигантскими постройками древности - древнеримскими виадуками и колоннадами, выстроенными трудом тысяч рабов. Для своего времени эти стены были великим строительством.

47. А началось оно вот с этой неказистой часовни, крытой берестой, а сейчас - покрытой огромным мавзолеем. Именно эта избушка отцов-основателей стала зерном, из которого вырос мощный центр цивилизации того времени.

48. Научкой давно уже признано необычайно большое культурное влияние русских монастырей на окрестное население, как в новых способах ведения хозяйства и

обработки земли, так и в борьбе с языческими предрассудками и дикими пережитками.

49. Монастыри немало способствовали распространению грамотности и утверждению эстетического влияния русской церковной культуры. Строители таких срубов, по мнению Дороша, не были ветхими старцами или бесплотными отроками, стремящимися к благодати. Но они были романтически настроенными юношами и энергичными мужами. Это были фанатики мысли, устроители жизни.

50. Конечно, мир не стал жить по законам монастырской коммуны. И все же белые стены на Сиверском озере стоят памятником именно Кириллу и Ферапонту.

51. Прежде всего им, бескорыстным утопистам, не ведавшим, во что превратится основанная ими скромная обитель. Без их подвижничества монастырь не имел бы такой популярности и влияния.

52-53, 54. Мы уезжали из монастыря по воде, и было увлекательно наблюдать, как скрываются в волнах белые стены и огромные башни.

55. Как будто, явив нам себя и оказав тем самым великую честь, он прятался от празднотлюбивых глаз.

56. Ферапонтов монастырь известен и славен не только своим основателем Ферапонтом, последователем Сергия Радонежского.

57. Довелось ему быть и местом ссылки другого видного церковного деятеля - патриарха Никона, когда-то бывшего монахом на Соловках, а в расцвете славы своей - патриарха и первого советника царя Алексея Михайловича, а в отсутствие его даже единоличного правителя России. Последние шесть лет жизни он провел как ссыльный в Ферапонтовом монастыре.

58. С именем Никона связан раскол в русской церкви. А монастырь так и остался скромной обителью, не пролегли здесь большие дороги. Оттого так легко представить себе, как мирно и в трудах тяжелых жили здесь монахи. Они много

читали и переписывали книги. Недаром отсюда вышло много книжников и просветителей-философов.

59. Конечно, и у них бывали свои беды, несчастья, но бывали и дни различных праздников и торжеств. Большим праздником, наверное, было строительство Рождественского собора и Благовещенской церкви. Эта церковь удивительно мила, по-девичьи стройна. Здесь ведь ценились не пышная красота, а красота силуэта и неброского декора.

60. А потом настоящим праздником было, когда Дионисий с сыном расписывали собор. Нам не удалось увидеть фрески. Глухие замки висели на всех дверях. Ну, что ж - есть повод приехать сюда еще раз.

61. Продолжателей Сергия - Зосиму и Савватия - романтика завела на Крайний Север, на безлюдный Большой Соловецкий остров. Это их подвижничество легло в основу крепкой братской коммуны, а потом и знаменитого монастыря.

Так разносились по всей земле Русской просвещение и гуманизм. Так закладывались основы нравственного возрождения в народе, покоренном татарами. Идеи Сергия завоевывали народ.

62. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей Радонежский, символом и памятью которого стоит древний Троицкий собор в Загорске. Немало он способствовал тому, чтобы народ собрался, наконец, духом и навалился на врагов несокрушимой силой, похоронив их под своими многотысячными костями.

63. Как настоящий патриот, болел Сергей сердцем за свою Родину. И как настоящий интеллигент, преодолевал созерцательность и деликатность своего характера, чтобы совершать решительные действия ради объединения русских земель. Например, он отрешил от церкви рязанского князя Глеба за неподчинение Москве, закрывал церкви в Нижнем Новгороде, перед колеблющимся князем Дмитрием, тогда еще не Донским, разыграл сцену видения победы над татарами.

64. Сергей Радонежский прожил 75 лет и после смерти был объявлен святым. Серебряная рака с его мощами была

помещена в Троицкой церкви, которая стала сейчас основной целью паломничества в Троице-Сергиевской лавре.

65. Тщательно поддерживая культ Сергия, подчеркивая демократичность и простоту его, сегодняшние выпускники духовной семинарии, расположенной здесь же, в Лавре, не утруждают себя, однако, подражанием святому. Их вполне устраивают сытость и роскошь.

66. Антиподом Сергию может служить другой крупнейший деятель православной церкви - Никон, выстроивший знаменитый Ново-Иерусалимский монастырь.

67. Село Воскресенское, по замыслу Никона, должно было превратиться во второй Иерусалим, новый. Очень было нужно Никону, к тому времени уже разжалованному из патриархов, но все еще не верящему, что пришел конец его карьере, доказать превосходство церковной власти над светской.

68. Интересно, правда, то, что доказывал он этого сугубо светскими приемами.

70. Собор этот строился по образцу иерусалимского, но тот был куда более сух и строг. А здесь - живописнейший ансамбль:

71-72. При этом все его компоненты: порталы, наличники, иконостасы - горели яростными многодневными изразцами.

73. Основной достопримечательностью собора была ротонда, некогда крытая шатром, облицованная цветной поливной черепицей. И опять же - Никон, запретивший шатры на Руси, на свое строительство запрет этот не распространил.

74. Да, не аскетизмом веет от этих построек. Как непохожи деревянные кельи Сергия на «скит» патриарха Никона, стоящий рядом с монастырем, так же не похожи и деятельность Сергия на деятельность Никона, пронизанную всепоглощающим честолюбием, а не интересами Родины...

76. Ну, а сам Троицкий монастырь? Во что превратилась скромная некогда Сергиева обитель? И так быстро!

77. Предприимчивым игуменом оказался преемник Сергия - Никон Радонежский. Он заложил основу богатства монастыря.

78. В 1422 году в монастыре встала первая каменная постройка - Троицкая церковь. Слов нет, она хороша - и силуэтом, и скромностью, и оригинальными украшениями.
79. Церковь обвита лентами искусной каменной резьбы и по основному куполу, и по апсидам, и по барабану.
80. Мне упрямо кажется, что это - восточная вязь, но как-то мило и наивно переведенная на русский язык.
81. Конечно, смешно упрекать церковников в том, что они построили все это: не построй Никон Радонежский Троицкого собора, не призови он Андрея Рублева и Даниила Черного, чтобы расписывать его и создавать иконы, нечем было бы нам любоваться и гордиться, не было бы у нас и рублевской «Троицы».
- 81а. Все это так. Но я никак не могу изжить детскую привычку отделять белое от черного. Конечно, всякое строительство требует денег.
82. Даже богатый монастырь не мог себе позволить постройки такой громадины, как Успенский собор. По плечу это было только царю-государю Ивану Грозному.
83. К тому же все церковные постройки призваны были утверждать могущество и незыблемость порядка на земле.
84. И чем талантливее был зодчий, чем больше золота, резьбы и красок он использовал, тем ближе была эта цель. Но красота силуэта и яркие краски не оставят равнодушным ни одного человека, так или иначе, но влияя на его эстетические представления. Невольно убеждаешься, что чистого искусства не бывает. Искусство служит сильному, богатому, и надо таким его принимать.
85. А вот сами люди-создатели могут быть чистыми. Могут быть мечтателями и строителями жизни.
86. Но находятся и иные, спекулирующие на их славных именах. Сергей и его ученики - высокочтимы в среде русских верующих и, поддерживая их культ, церковники выколотили немалую выгоду из почитателей.

87. Роскошные постройки служили все той же цели укрепления культа и рассчитаны на то, что наивные люди не могут не поддаться их благолепию.

88. Как будто ярким ковром устланы стены бывшей трапезной монастыря.

89. Сложные завершения имеют башни монастырских стен, особенно Утичьа.

90-91. Парадной, сознающей свою стройность и легкость, стоит монастырская колокольня.

92. Красив Троице-Сергиевский монастырь.

93. В нем красиво и каждое здание в отдельности, и весь ансамбль в целом.

94. Но, любуясь им, вспоминая с благодарностью зодчих, погрузите тихо и светло о наших соотечественниках, живших в XIV-ом веке и нашедших в себе силы, чтобы в опустошающее время татарской неволи не потерять человеческого достоинства и даже пробуждать его в других, и тем самым спасти нацию от полной гибели!

Сценарий диафильма «Память русского Ополя»

1-4,5. Давайте представим себе радость наших предков, киевских славян, когда они после многодневных скитаний по мещерским болотам и дебрям выходили на берега Клязьмы и видели перед собой луга и просторы Ополя на десятки километров вперед.

6. Здесь, в Ополе, славяне строили свои залесские города. И здесь, в сплетении с местными племенами чуди, весь, мордвы возникла русская нация. Здесь наша родина. Ее родильный дом. Это знает каждый, кто едет сюда туристом. И потому мы не будем повторять известные проспекты, а попытаемся передать, что сами думали и чувствовали в Ополе, в его старых городах.

7. Владимир

8. Этот город моложе своих опольских собратьев, но всегда был их столицей и остался ею до сих пор.
- 9-13. Здесь, в промышленном центре, редкие церкви стоят как дань прошлому, как грустное воспоминание о былом могуществе.
14. Мы не будем следовать экскурсоводам, которые сразу везут своих подопечных к Успенскому собору и оглушают им.
15. Спустимся лучше к Клязьме, к реке, по которой плыли сюда дружины киевских князей в поисках дани, погрузимся на байдарку
16. и попробуем мысленно повторить их путь. А книгу Голицына «Белые камни» возьмем в поводыри по давним временам.
17. За лесами дремучими, нерублеными, нехоженными, за болотами зыбучими, непроходимыми, среди редких становищ финско-угорских племен, в междуречье Волги и Оки возникли тысячу лет назад древние славянские поселения: Ростов, Клещин и Муром. Издревле повелось, что жители все залесские земли звали Суждалем или Ополем.
18. По велению князя Владимира Мономаха крепость, построенную в залесских лесах, назвали в его честь - Владимиром. А главные ворота в городе назвали Золотыми, как и в стольном городе Киеве.
19. А когда умер Мономах, началась жестокая междоусобица. Покидали города своих постылых князей мирные жители и шли в земли залесские. Ехали купцы, ограбленные князьями, ехали дружинники из побитых дружин.
20. А больше всего шло пешком простого люда. Несли они свои еще от дедов перенятые уменья и хитроумные сноровки.
21. И несли переселенцы в сердцах своих горькую тоску и память о разоренной, покинутой родине. Так встали на суждальской земле два Переяславля, Звенигород, Галич, а речки получили киевские прозвания Лыбедь, Трубеж, Почайна.
22. Преемником Мономаха в Суждали стал сын его Юрий. Властолюбив и завистлив был он. Чаше других наводил на

южную Русь диких кочевников. Долгоруким назвал Юрия народ. Кто знает, какие страхи терзали его, что боялся он жить в своих же городах.

23. Облюбовал он себе место в четырех верстах от Суздаля, на берегу Нерли. Здесь он возвел и крепость, и белокаменную церковь Бориса и Глеба. Она дожила до наших дней, правда, значительно измененная.

24. Поглощенный борьбой за Киев, Юрий мало вникал в нужды жителей Ополя. Правил за него сын Андрей. Герасимов восстановил его лицо. Это облик дикаря кочевника, полоцкого хана - деда Андрея со стороны матери. Лицо человека с непреклонной волей и не знающей усталости энергией. И вместе с тем это лицо доверчивого простодушного дикаря, неистово вспыльчивого и беспощадно жестокого, который привык действовать не суждениями рассудка, а по зову порывистого сердца.

25. Андрей родился на Суждали. С юных лет он пристрастился к охоте в дремучих приклязьменских лесах. Ополье стало его настоящей родиной. Тосковал он в походах отца, рвался обратно, хоть отец и сажал его княжить в богатые южные города. Сбежал он с вышгородского престола, взял с собой только икону с Богородицей.

26. Это была самая древняя икона, та, что привезла с собой на Русь еще бабка его Ирина - дочь византийского царя... Не мог он расстаться с такой красотой. Пришлось, правда, сочинить сказку, что, дескать, явилась ему во время молитвы сама Богородица и повелела везти ее на Суждаль.

27. Не доезжая до Владимира двенадцати верст, кони, запряженные в сани, вдруг встали, их хлестали бичами, а они не шли. Икона несколько раз вываливалась из саней. «Богородица не пожелала идти далее», - так истолковали происшедшее путники.

28. Здесь, в Боголюбове и заложили новый храм, а также княжий терем, что казался современникам соколом, распутившим крылья.

29. Много дел было у Андрея, много он строил крепостей, но сердце его прикипело к этому месту. Наезжая во Владимир, соскакивал с коня, сам лазил по холмам к оврагам и сам намечал,
30. где возвести высокие земляные валы, в дубовыми, толще киевских, рублеными стенами, где копать рвы, ставить ворота и башни. С тех пор сбереглись до наших дней в Боголюбове и Владимире лишь малые частицы того, что создали безвестные зодчие князя Андрея.
31. От храма с переходами, что был «измечтан всей хитростью», остался только низ башни с витой лестницей внутри. По этой лестнице летней безлунной ночью крались убийцы Андрея, и потом сам он, израненный, умиравший, сползал, оставляя кровавый след.
32. В центре нынешнего Боголюбова стоит большой и нескладный поздний храм, туманит и путает наши воспоминания и думы о прошлом.
33. Зато недалеко от Боголюбова, в стороне от злой истории, пожаров и грабежей, стоит церковь Покрова Богородицы. Она стоит как царица, как песня, как чара.
34. Все линии стен устремлены вверх - слава Богородице!
35. Царь Давид играет на гуслях гимн Богородице.
36. И удивительные девичьи лица... Не узнать нам имени хитреца (так звали в старину зодчего), что вознес на берегу Нерли памятник о сыне Андрея Изяславе, погибшем в походе на волжских булгар. Помянем его безымянного!
37. Не бывает пуст княжеский престол, и вот уже княжит во Владимире брат Андрея, что моложе его на сорок лет, Всеволод. Совсем маленьким был он, когда пришлось ему бежать из края Опольского.
38. Его дядя - император византийский - дал ему убежище. Многому научился в Царьграде умный и наблюдательный мальчик: понял, откуда берутся богатства, как побеждать врагов, на разных языках мог разговаривать, книги любил читать.

39. Вернулся Всеволод на Русь. Византийской осторожностью, обманами, посулами и подкупам добился могущества. Не «братом» стали величать его другие князья, а «господином» или «великим князем». Для нас же он - великий строитель земли Русской.

40. Случился в ту пору пожар. Сгорели во Владимире 32 деревянные церкви, погибли в пламени многие терема боярские златоверхие, а сколько посадских лачуг пожар не пощадил, про то умолчал летописец. И объят был пламенем знаменитый белокаменный Успенский собор.

41. Выгорели внутри дубовые связи, треснули своды. Из огня вынесли немного, спасли и икону Богоматери. И настал после того день, и повелел Всеволод всем старым мастерам явиться во Владимир.

42. Со всего Ополя пришли к нему мастера.

43. Стали думу думать. И надумали они невиданное - решили окружить старый храм новыми стенами из белого камня, прямо вокруг обгоревшего остова, и встал могучий храм на восемнадцати столбах, с пятью главами.

44. Совсем мало по стенам этим каменной резьбы. А ведь прежний собор князя Андрея богат был узорочьем.

45. Когда разбирали мастера проемы в прежнем соборе, то многие резные камни лишними остались, и норовили их все же в стены новые вставить, да епископ Лука приказал всю резьбу сбить безжалостно.

46. Уцелели от прежнего собора только лишь женские и львиные головы, да на серьгах аркатурного пояса маленькие резные камни с изображениями птиц и зверей.

47. Лишь на ободверьях разгулялось буйное искусство мастеров. Прежний одноглавый собор Андрея был красив, изящен, строен и точно кружевом украшен.

48. Собор же Всеволода тоже красив, но красота его иная. Величаво-торжественный, грандиозный, как и подобает великому государю. Не случайно именно этот храм послужил прообразом Успенского собора в Московском Кремле.

49. А вот Дмитровский собор. Всеволод строил его для себя, и повелел он, чтобы был тот краше всех на Руси. Главный хитрец позвал на совет мастеров-камнерезов.
50. Много старинных книг перебрали они, пересмотрели разные украшения и посуду, перестелили многие узорчатые ткани с вышивками. И увидели мастера предивные изображения неведомых зверей, птиц, цветов, святых и царей. И взялись они переносить дива эти на камень.
51. Целые стада ни на что не похожих, но совсем не уродливых, не страшных зверей явились на серые стены-страницы нового собора.
52. Был, наверное, хитрец Дмитровского собора великий балагур и сказочник, большой выдумщик, талантливый грамотей. Так вспомним же его добрым словом!
53. И кажется нам, что именно его владимирцы поместили в центре городе, как олицетворение славы своей и гордости.
54. И, покидая Владимирские соборы - память, отправляясь в автобусные или байдарочные экскурсии по Ополью,
55. мы будем носить в себе думы о своих предках, таких разных: от князей, чья воля ложилась первым камнем в живущие до сих пор белые храмы, до безвестных каменотесов. До свидания, Владимир!
57. Юрьев-Польский Этот городок, поставленный Юрием Долгоруким в самом центре Ополья, в своей старой части почти полностью подменен Михайло-Архангельским монастырем, как его выстроили два века назад.
58. Родным и привычным веет от его стен, знакомых форм северных русских монастырей, щемящей грустью саврасовских полотен.
59. Но не к нему едут паломники, а к Георгиевскому собору.
60. Приземистый куб, как бы придавленный к земле главой-луковицей, он совсем не похож на Дмитровский во Владимире, а ведь они почти братья.
61. Строил его сын Всеволода - князь Святослав, строил лучше отцовского Дмитровского. И действительно,

реконструкция показала, что желание Святослава было выполнено.

62. Но через 200 лет собор рухнул, и восстановлен был уже московским государевым строителем, дьяком Ермолиным. Вместо Владимирского красавца мы видим теперь лишь этот куб. Но все же нам есть, за что быть благодарными Ермолину. Ведь он строил без чертежей и планов, а, возможно, и не знал, каким был храм прежде. Но что мог, он сохранил.

63. Он не сбивал резьбу с каменных блоков, как того требовали церковные ортодоксы, не прятал роскошь сказочных сюжетов в глубь стен.

64. Но в большинстве случаев он вставлял старинные горельефы в стены как попало, отчего лишь перепутались страницы каменной книги. Вряд ли это было им сделано нарочно. Скорей всего, некогда было разбираться в замыслах мастеров. Но зато он и редкую красоту сохранил, и быстро произвел восстановление храма.

65. Стены Георгиевского собора как бы отразили в себе все типичные черты русского характера: талантливость и хаотичность, разбросанность и яркость, жадное стремление к неизвестному, удивление над заморскими дивами и неистребимую самобытность, придающую языческую окраску любому сюжету, любой чужой легенде.

66. Но приглядимся к резьбе внимательней. Смотришь и не знаешь, с чего начать. Глаза перебегают с изящной линии вазы на завиток хвоста дикого зверя, или на куст, выросший из его языка. Пресытившись бегом изощренных линий, глаза начинают видеть изображения в их целостности.

67-70, 71. Вот этот лев с ветвистым хвостом, тремя языками и добродушной мордой. Что он здесь делает?

72. Лезем в путеводитель, и оказывается, что это - символ бессмертия Христа и эмблема царственной силы - предмет домогательства хозяина собора князя Святослава. Но что сотворили с этим символом русские мастера?! Сама добрая сказка из языческих времен глядит на нас с этого камня.

73. А это чудо-юдо кто, по-вашему? Ну, конечно, кентавр. Кентавр на христианском храме, да еще в русском платье и с булавой? Оказывается, что кентавр достался церкви вместе с библейской притчей о мудром Соломоне и его храме. И сирены - царь-птицы - замерли на камнях собора.

74. Так на русской почве через византийскую религиозность заново расцветают цветы ранней, древней и вечно юной античности, молодости народов и наций.

75. И цветут так пышно, как... как каменные цветы на этом соборе.

76. Было ли древнерусское возрождение античности?

77-81, 82. Опольские храмы отвечает: да! Вот они, смотрите! До свидания, Юрьев!

83. Суздаль

84. У Суздаля особая история и особая судьба. Он не был основан князем. Напротив, княжеские дружины получали здесь отпор от свободных поселенцев. Обороняясь, они возвели валы, а позже - крепостные стены. Суздаль отстоял свою независимость, зато уступил роль столицы княжескому Владимиру.

85. Но Суздаль не захотел остаться просто большой деревней. Какая-то упрямая сила, вопреки исторической логике, заставляла его жителей

86. соперничать с княжескими городами в красоте и богатстве каменных построек.

87. Кроме того, отказывая во власти князьям светским, Суздаль не мог отказать в ней князьям духовным. С XIII-го века строятся в Суздале монастыри - Ризоположенский, Троицкий, Введенский, Спасо-Ефимьевский и так далее, всего числом до дюжины.

88. Монастырям здесь, на сытой земле Ополя, в гуще трудовых рук суздальцев, среди богобоязненных и предприимчивых купцов, вдали от разорительных княжеских раздоров, было привольно.

89. Да и суздальцам, в свою очередь, монастыри тоже были любимы. Они закрывали город не только крепкими монастырскими стенами, стоявшими вокруг как форпосты.

90. Они еще обороняли город и силой своего духовного авторитета, святостью угодников, поклонением богомольцев. Суздаль избрал себе участь религиозного русского центра, и безукоснительно следовал ей все долгие века русского средневековья.

91. Через монастыри город приручал князей, превращая их в своих меценатов и защитников. И все, что имели суздальцы, они вкладывали в строительство церквей, вначале деревянных, а потом и каменных.

92. Строительство почти не прерывается. Суздальские кирпичники постоянно жгут кирпичи на глинистых берегах Каменки. Из среды суздальских ремесленников вышли крупные мастера. Суздальские зодчие, иконописцы, грамотеи создали настоящие шедевры XIII-го века.

93. Но при всем существовавшем размахе церковного и монастырского строительства сам город оставался все это время деревянным и убогим. Всего 500-600 дворов - не более 5 тысяч жителей. И это - на десятки монастырей и церквей. Таким Суздаль остался и сейчас: небольшой сельскохозяйственный центр, но в то же время - мировая знаменитость русского зодчества.

94. Зодчество Суздаля противоположно зодчеству Москвы и Петербурга, противоположно их царственной пышности и государственным размерам. Он был городом купеческого и мещанского творчества.

95. И навсегда остался памятником народных вкусов.

96. У каждого из нас своя история знакомства с Суздалем. И свой облик его создают и свои воспоминания.

97. Чаще всего это - автобусные экскурсии. Были они и у нас. Но сейчас вспоминаются самые яркие впечатления от лета 1965 года, когда мы плыли к Суздалю древней речной дорогой.

98. Мы проплыли тогда полторы сотни километров по Нерли.

99. И, наконец, ее пересек долгожданный автомобильный мост на Суздаль.

100. Забравшись на него, мы смотрели на зубчатый от церквей горизонт и предвкушали встречу с диковинным городом.

101. Но проходили часы, а мы все не могли отыскать в нерльском берегу устье Каменки. И еще через много часов мы пробирались по вконец обмелевшей речке к городу.

102. Выбившись из сил, мы заночевали, чтобы утром, махнув рукой на водный путь,

103. войти в город пешком, как и полагалось приличным странникам

104. Вот торговые ряды на городской площади - традиционный, в общем, для прошлого века вид, но впервые мы их увидели именно в Суздале, и с тех пор бываем рады увидеть и в других городах. Широка в Суздале торговая площадь. Шумный здесь бывал когда-то базар. И бывает, надеемся, и сейчас.

105. Ведь это как-никак - районный центр. Для всего близлежащего Ополья. Как тысячу лет назад. А вперед? Вот заменят крестьян техникой, и опустеет Ополье, торговая площадь превратится в музейный экспонат, как и все остальное в Суздале.

106. Долго мы ходили по Кремлю: удивлялись звездам Рождественского монастыря..

107. и пялили глаза на архиерейские палаты. В них жил архиепископ - фактический глава всех суздальских монастырей и приходов, то есть на деле - главный хозяин города.

108. Жил он как князь, в окружении старых земляных валов, которые были нужны ему единственно лишь для славы и вящего почета.

109. Удивляли нас скромные размеры Кремля. Правда, это после Московского, единственного, который мы только и знали к тому времени.

110. Удивляла и радовала каменная резьба на соборе, ведь мы Владимира еще не видели.

111. Уже потом мы поняли, что собор Рождества Богородицы как старший брат среди суздальского собрания церквей, первый среди равных.

112. Он не давит, а объединяет, не унижает, а дополняет, не величествует, а скромно вписывается в суздальский ансамбль.

113. Не видели мы к тому времени наших западных городов, их готических храмов.

114-118, 119. Поэтому мы просто замерли в удивлении перед этой колоколенкой: как же он, хитрец, решился так изогнуть шатер?

120. И еще много-много построек увидели и узнали мы за эти годы.

121. Но впечатления Ополя были у начала активного осознания истории родины, и так уж случилось, что не Московский, а Суздальский Кремль с его звездчатым Рождественским храмом первым попал в наши широко раскрывшиеся глаза.

122. И не московские храмы и древние здания московских улиц, загороженные современными зданиями, а суздальский ансамбль, целиком открытый взору, составленный из милых «огородных» церквей и торжественных соборов, поняли мы впервые. А разве только каменных дел мастера жили в этом городе?

123. Музеи Суздаля и многих городов России хранят изделия суздальских златокузнецов и резчиков, презираемую ранее «мазню суздальских богомазов», а ныне величаемую суздальской иконой.

124. Само слово «суздальское» стало для нас синонимом сусального, лубочного, созвучно яркому и звонкому народному искусству.

125. Очень разнообразны облики Суздаля: в зависимости от света, от времени года, от собственного настроения. Посмотрите на зимний Суздаль.

126-130.

131. Есть и деревянный Суздаль-музей. Здесь своя красота, теплая.

132-136, 137. А есть еще и зловещий Суздаль. Суздаль-темница. Суздаль-тюрьма. Хоть и насквозь белый. Но ведь Суздаль - русский город, и поэтому он не ушел от своей неизбежной доли. Его монастыри были постоянным местом ссылок и заточения.

138. Особенно знаменит Покровский, куда московские государи ссылали своих жен и близких. А открывает этот длинный список красавица Соломония, жена Василия III, сосланная за то, что не родила ему наследника. Здесь умерла и мать царевича Алексея. Заканчивается же список этот современными именами.

139. И странная, если не вдумываться, связь государственных российских пристрастий заключается в том, что и после революции здесь сохранилась женская тюрьма. Но теперь уже не для знатных дам, а для знатных революционерок.

140. Сюда входили длинные колонны тридцать седьмого года - колонны бывших большевичек и ЧСИРов.

141. Входили с радостью, потому что после каменных мешков современных тюрем - Ярославской, Московской, Владимирской - участь монастырских затворниц казалась им необычайно завидной.

142. Свидание с небом через решетку и с садом в монастырском дворе (правда, скоро вытоптанном охраной) казалось им несказанным счастьем.

143. Здесь у Оли Адамовой родились стихи о небе и о саде:
На золотом шелку небес/Лиловые клубятся тучи.

144. Раскинул паутину сучьев/Великий обнаженный лес.
Горит парчовая заря /На светлом золоте заката,
Чернеет мощная громада/Старинного монастыря.

145. Недвижен воздух. Силуэты/Мелькают галок и ворон.
До странности похоже это /На старый позабытый сон.

146. Четыре века в этой келье/Затворницы влачили дни,
На золотой закат глядели /Из этого окна они...

147. Чернели те же колокольни/На бледном мареве небес.
И так же сердце билось больно, /И так же жаждало чудес...

148. А я, живя в стране Советов, /Заточена в монастыре.
Гляжу на те же силуэты /На потухающей заре...
149. Бегут часы... Гляжу в окно, /Стихи слагаю безыскусно...
Все это было бы смешно, /Когда бы не было так грустно.
150. Свои воспоминания о Суздале нам хочется закончить
Спасо-Ефимьевским монастырем.
151. Когда мы в тот первый раз подошли к нему, то увидели
толпы людей в старорусских одеждах. Внизу, у Покровского
монастыря, белели полосы снега - и это летом-то! Зрелище это
ошарашило нас.
152. Теперь мы знаем, что здесь Тарковский снимал своего
«Андрея Рублева», ту самую заключительную сцену, когда
мальчик отливает гигантский колокол. Для этого и нужны
были постройки у стен монастыря, и простыни, выполняющие
роль снега. Тогда мы этого не понимали.
153. И только смотря фильм, следя за действием, за страстями
и мучениями Рублева и мальчика-мастера, мы вспоминали и
связывали их истории, историю русского искусства, связывали
их с Суздалем прочно и неразрывно. Так, как оно и на самом
деле есть. До свидания, Суздаль!
154. И снова плывет наша байдарка, на этот раз к Ростову
Великому. Плывет уже не Нерлюю,
155. а рекой Устьей.
156. Но и здесь нам не хватило сил и времени, чтобы довести
до конца водный путь.
157. Доплыв до Борисоглебска, мы оставшиеся до Ростова
километры проехали автобусом.
158. Ростов старше всех опольских городов, может, он даже
старше Киева. Но от Ростова, соперника всех русских столиц,
опоры мятежных князей и бояр, центра оппозиции и
восстаний, сейчас в камне почти ничего не осталось.
159. То, что мы видим, это даже не кремль, а двор
митрополита Ионы Сысоевича, соратника патриарха Никона,
постройка раскольных времен, когда Иону сослали в Ростов.
Весь неистраченный запал организатора и вкус художественно
образованного человека он обратил на прославление в камне

«меча духовного». Постройки Ионы Сысоевича так главенствуют над городом, что ничего другого и смотреть не хочется. Мы и не смотрели.

160. Темные кадры не в состоянии воскресить ростовские краски.

161-164. Так пусть хоть напомнят силуэты, которыми мы любовались: башенками в звонких чешуйках, серебряными куполами ростовской звонницы, золоченым кружевом по белому фону стен и крыш, ползучими лестницами, теремами, хоромами.

165. Справочники могут подробно рассказать, что известно про ростовскую каменную дружину, про мастеров и сохранившиеся постройки.

166. Но для нас этот сказочный ансамбль на берегу озера Неро остался лишь самой последней и самой яркой страницей истории древнего Ополя - колыбели русской нации.

167. Последняя страница - она как бы вобрала в себя всю красоту предшествующих: византийской строгости Владимира, каменной сказки Юрьева, яркого разнообразия Суздаля, деревянных шлемов Севера, узорочья Москвы и других русских городов Поволжья.

168. До свидания, Ростов Великий! Мы не прощаемся с тобой, Ополье!

Сценарий диафильма «Рассказ об иконах»

1. Нас, как и многих, захватила новая «мода» - на любовь к иконной живописи.

2. Да мы и не сопротивлялись. Красивая мода, как мода на цветы.

3. Да и сами иконы для нас - как непонятные цветы забытых названий и забытого смысла.

4-5. А сейчас мы и расскажем все, что смогли узнать и понять в созерцании старых икон.

6-7. Долгое время ничего, кроме досады, при рассмотрении икон я не испытывала. Другие их хвалят, интересуются, а за что? Сейчас, слава Богу, время недоумения прошло.

8. А вообще процесс моего познания икон можно подразделить на следующие этапы. До 20 лет я их не знала, не замечала. Потом пыталась рассмотреть, наслушавшись хвалебных отзывов. Но - успехов никаких.

9. И я начала подумывать, что почитатели икон просто «заелись» и из чистого снобизма восхищаются детскими рисунками старых иконописцев.

10. К 26 годам проснулся интерес к истории страны.

11. Прошлое перестало казаться мне простой черной избой с дикими мужиками и их еще более мерзкими господами. А вместе с тем возникли и новые для меня вопросы.

12. На заре своего существования страна приняла христианство. Почему? Почему все тогда верили в Бога? И что такое вообще вера? Пошли книжки, книжки, выставки, церкви.

13. Оказывается, в христианстве есть очень много привлекательного. Красивые праздники, высокая нравственность, благородные люди. А ведь человеку трудно жить в этом мире, если никакой Бог не создал для него путеводных силовых линий. Христианская же вера была надежной опорой.

14. А потом я со своими отрывочными знаниями христианской истории снова обратилась к иконам. Теперь я понимала в их содержании много больше, но они по-прежнему не задевали моего сердца.

15. И я уходила от них огорченная: иконы не хотели раскрываться передо мной. Никогда мне не проникнуться психологией верующих, которая только и может сделать меня понимающей этот вот лик - икону.

16. Но, видно, не одна я этим мучаюсь. Люди смотрят и сопоставляют, и делают свои маленькие открытия. А другие - пишут книги, чтобы внести ясность в мою голову. И их я с доверием и благодарностью читаю.

17. И все симпатичней и индивидуальней кажутся мне люди-боги на иконах, все более радуется душу их яркий облик, сочетания красок, красота линий.

18. Давайте же вместе войдем в церковь!

19. В храме слилось все: мир прошлый и мир будущий, мир небесный, райский и мир подземный, адовый, жизнь и смерть, свобода и провидение, совесть и долг, бесконечный мир природы и общества и не меньший мир самой души человеческой. Ну, в общем, весь мир, с которым мы так крепко связаны, вписался в церковное здание и воплотился в нем.

20. И этот наш суший мир разместился здесь в строгом порядке, согласно канонам веры. Четыре стены храма, объединенные одной главой - это символы четырех стран света, объединенных вселенской церковью.

21. Алтарь - это пещера в Вифлееме, где родился Иисус.

22. Купол - небесный свод, а на нем изображен Пантократор, Христос-Вседержитель.

23. Он - олицетворение высшей в мире силы, всей человеческой судьбы, без воли которого ни один волосок не упадет ни с вашей, ни с моей головы. Всеведущий, всезнающий движения всех частиц Вселенной - и ныне, и во веки веков. Лапласовское всезнающее существо - лишь бледное подобие этого бесконечного и головокружительного Пантократора,

24. на котором весь мир, вся Церковь держится, под которым все мы ходим.

25. Смотрели ли вы в ночное небо? Когда кончается вечер и зажигается звездами бездонная Вселенная? Без конца и края. Непостижимая, почти невероятная, абсурдная. А не приходило ли вам в голову, что эту бездонную черную невозможность где-то там, за звездами, нельзя оставить без названия? Ибо названная пусть словом «Бог», она уже не так страшна. С ней можно жить и действовать. Не кажется ли вам, что для людей Бог - это необходимая рабочая гипотеза?

26. А вот цветок!.. Не поражал ли вас порядок всех его частиц, из которых состоит все живое, не пробовали ли вы мысленно делить этот цветок на атомы, частицы и, уходя в бесконечность глубин, не убеждались ли вы, в конце концов, в том, что материи нет, что эти цветы - лишь игра отраженных солнечных лучей?
27. И тогда не приходила ли вам в голову простая и все объясняющая мысль о чьей-то вездесущей воле, которая из хаоса каких-то волн и отражений творит наш зримый мир? Не приходило? А вот верующему здесь намного легче...
28. В церкви существует много изображений Бога. Бог являет себя в различных ликах, в трех ипостасях...
29. Бог-Отец. Саваоф. Бог Ветхого Завета. Бог народа Израилева. Бог-Сын. Иисус. Бог христиан, смысл, зерно, стержень веры наших предков.
30. И, наконец, Бог-Дух Святой. Самый невидимый из троих, он полон философских абстракций и символики. Бог книжников и интеллигентов. Он нисходит на верующих, он связывает всех верующих с небом, он всюду и везде.
- 30а. Он - Логос, абсолютная идея мира, сын Вселенной. И кто знает, не таится ли в нем смысл Ветхого Завета?
31. Сейчас же церковь стоит на нерушимой вере в Единую Троицу. На этой иконе по трактовке христиан она изображена в виде ветхозаветных ангелов, когда по пути в Содом и Гоморру они отдыхали в саду у Авраама.
32. А эту икону «Троицы» написал Феофан Грек. Он писал трепетно и страстно. Какая божественная неприступность в этих ликах!
33. Какая дьявольская, непостижимая гордыня водила кистью художника, писавшего Бесконечность!!!
34. Праздник Святой Троицы отмечается в начале лета, во время сенокоса, в ту самую блаженную пору, когда зеленая природа осознает свое могущество.
35. Христиане кончили сеять, и теперь, до сбора урожая, будет работать сама природа, сам Господь Бог.

36. Теперь-то и будет время отдохнуть, размышляя о мире и о Святой Троице.
37. Три ангела, три Бога безмолвно ведут беседу о судьбах человеческих. Беседа идет не столько между ними, сколько в каждом из них. Каждый из них - вмещает сразу троих, и в то же время каждый из них - индивидуален.
38. Средний из них - Христос, ангел в коричневом хитоне, в одежде страдания и любви, указывает на искупительную жертву.
39. Бог-Отец, ангел в синем хитоне, одежде знания, завещает и благословляет жертву.
40. Бог-Дух Святой - ангел в зеленом хитоне, цвета надежды, соучаствует в Великом Совете.
41. Искупительная жертва Христа, смысл которой нам еще предстоит понять, - центр всей беседе.
42. Само трехликое божество, когда каждый из ангелов включает в себя и своих собеседников, - предмет бесконечных дискуссий бесчисленных теологов,
43. темный и непонятный символ, который можно просто отвергнуть как выдумку.
44. Един Бог в трех ликах! Что может быть абсурдней? Но мы ведь способны понять, что одна бесконечность равна трем бесконечностям и включает в себя и их. Так же, как и они включают ее в себя.
45. Может ли математика познать бесконечность? А три бесконечности? Да, теологи математически правы: бесконечный Бог включает в себя всех богов.
45. Но как наука есть островок относительного знания в бесконечном море хаоса, так и церковь есть кораблик твердой веры для верующих людей в море неизвестности и страха. Само церковное здание чаще всего строилось в форме корабля, где притвор - корма, а алтарь - нос. Высоко возносились на этом корабле купола-мачты, неся на себе кресты-паруса.

47. По установившейся традиции на стенных фресках церкви можно было увидеть всю историю человечества - от изгнания прародителей из рая
48. до неизбежного Страшного Суда. Конечно, современный человек не может верить этим фантазиям. Другое дело - метафизический смысл, просвечивающий сквозь эти сказочные сюжеты.
49. Сказка о райских яблоках - миф, но отнюдь не чепуха, понятие первородного греха, лежащего на каждом из нас.
50. Кто из немцев не виноват за фашизм? Кто из американцев не отвечает за Хиросиму? Кто из нас не виновен в преступлениях культа личности? - Символика райских яблок первородного греха - это не оправдание, нет. Это - обязанность каждого искупить свой невольный или вольный грех, это призыв к добру и неустанной работе.
51. По церковной традиции на фресках и иконах часто изображались отцы церкви и святые, идеальные люди, которым так страстно подражали наши предки.
52. Седобородые ветхие старцы с фанатическими глазами - такими они пришли в русскую жизнь из Греции и Палестины.
53. Из истории известно, что много пророков-учителей бродило по дорогам Иудеи и всего древнего мира. Отрешенные от мира и живущие чем Бог послал, они были странствующими мудрецами.
54. Но ведь древний мир обладал высокой культурой, которую развивали весьма почтенные люди. Так почему же не переводились такие бродячие философы?
55. Чтобы понять это, надо затронуть смысл их учения. В основном их речи сводились к обличению правящих властей и людских грехов, к призывам покаяться и измениться. Короче, это были древние революционеры и моралисты, мечтатели и утописты, которые уже тогда выражали тоску цивилизованных людей по утраченной свободе первобытных времен.
56. Да-да, уже тогда, едва выйдя из звериных шкур и одевшись в греческие хитоны, человек ощутил тоску по утраченной

свободе и вознамерился от золотого века первобытного природного рая придти к золотому веку будущего и... к Страшному Суду над ненавистными хозяевами.

56а. Да, да, все наши поиски завтрашнего рая коммунизма отнюдь не новость. Они давно уже были схвачены и уяснены в религиозных учениях.

57. Корни же их перешли в наше собственное, марксистское учение.

57а. Вот перед вами один из самых заметных людей времен Римской Иудей - Иоанн-Креститель, фактический создатель первой христианской партии - секты ессеев, предтеча Иисуса. На иконах он обычно изображается босым, в звериных шкурах, а в деисусном чине стоит слева от Христа.

58. Программа ессеев была проста: скоро придет Великий Вождь, Мессия, или Христос, Сын Божий и Царь Иудейский.

59. Это Мессия должен был устроить революцию, т.е. Страшный Суд, на котором каждому воздастся по его заслугам.

60. Немало было таких пророков и Спасителей в древнем мире. Немало их будет и в будущем. Но только Иоанну и его крестнику Иисусу повезло: они жили в эпоху кризиса Римской империи, и их секте суждено было увлечь за собой большинство людей древнего мира, переведя тем самым этот мир в средневековье.

61. В их программе мечта о возвращении к утраченному первобытному раю была воплощена так полно и глубоко, что многие века после них все бунтари ратовали за идеалы раннего христианства. И, может, будут ратовать в будущем, пока существует цивилизация принудительного человеческого труда.

62. Церковный корабль наполнен изображениями жизни и страданий Христа, его Матери и его апостолов. Иисус из Назарета - мало кто еще сомневается в его реальном историческом существовании.

62а. Евангелисты утверждает, что Иисус родился от Девы Марии, и было это без малого две тысячи лет назад. И все

возликовало в природе: запели ангелы, зажглась Звезда Вифлеемская и привела волхвов с подарками и пастухов к Нему.

62б. И ликуют христиане на Рождество Христово до сих пор. И дарят друг другу подарки и устраивают веселые рождественские каникулы.

63. На сороковой день после Рождества младенец был принесен в храм. Его встретил там старец Симеон, который когда-то, найдя в пророчестве Исаии слова о рождении Бога от Девы, усомнился в них. В наказание пришлось ему прожить триста шестьдесят пять лет, чтобы убедиться в правоте пророка Ветхого Завета.

64. Этот праздник называется праздником Сретенья. В этот день устраивают крестные ходы с факелами. Этот обычай сохранился еще от языческих времен - землю согревали. Ведь в Сретенье зима с летом встречаются.

65. А потом Иисус жил среди людей, набирая силы для свершения Своего подвига.

66. В тридцать лет крестил его Иоанн Предтеча в водах Иордана. И сходил на него Дух Святой. И Бог-Отец свидетельствовал: «Се - Сын есть Мой возлюбленный». Здесь опять появляется Божественная Троица, но с другой стороны.

67. И вообще - не прямое ли это свидетельство об исторической встрече главы секты ессейской Иоанна с Иисусом, объявившим себя Мессией, Христом?

68. Евангелие рассказывает, как Предтеча ожидал Христа и жадно ловил слухи о нем. Наконец, он прямо посылает ему вопрос: «Ты ли тот, Кого мы ждем?». В ответ Иисус просит лишь, чтобы Иоанну сообщили о его чудесах.

69. Были ли чудеса или не были? Но если отбросить самое невероятное, то ведь больных можно вылечить, толпу - утихомиривать, людей - убеждать.

70. Вот сцена воскрешения Лазаря. Читаешь Евангелие и чувствуешь, что вся эта сцена была разыграна для убеждения апостолов. Тогда Иисус сказал сестре Лазаря: «И всякий верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему?» Она на

это отвечала: «Так, Господи. Я верую, что Ты - Христос, Сын Божий, грядущий в мире...» Иисус прослезился, вознес очи горе и сказал: «Отче, благодарю Тебя, что дал мне силы, чтобы поверили, что ты меня послал». И встал Лазарь из гроба.

71. Так действовал плотник Иисус из Назарета, объявивший себя Богом, а потом ставший им для всего европейского мира на тысячи лет.

72. В чем сила его учения? Только в том, что он проклинал богатых и воспевал нищих? Он учил: не убий, не прелюбодействуй, возлюби ближнего... Но ведь он также и провозглашал:

73. «Кто не со мной - тот против меня. Огонь пришел я низвесть на землю. Думаете ли вы, что я пришел дать мир на земле? Нет, говорю вам, но разделение: отец против сына, мать против дочери».

74. Ненависть была в его проповедях, ненависть и фанатизм, и совсем редко - добро. Неужели ненависть и фанатизм - те силы, которые только и могут вести за собой людей.

75. Долго Иисус кружил по стране, опасаясь приближаться к Иерусалиму, что всегда изгонял пророков. И наконец, решился. Не было тогда броневиков, и он въехал в город на уворованном (отнятом) осле.

76. Это был момент наивысшего торжества! Не светились его одежда, как за полгода до этого, на горе Елеонской.

77. Не гремели громы и не падали ниц ослепленные апостолы.

78. Но сейчас он чувствует свое могущество и ведет себя, как Бог и царь. Произносит пламенные проповеди, прогоняет торговцев из храма...

79. Но это - все, что может сделать плотник из Назарета, потому что на деле ведь Он не Бог. И преобразовать этот мир, сделать рай на земле - не в его силах. У истории свои законы. Он мог лишь с честью умереть. Знал ли он о своей близкой смерти? Евангелие говорит: да, знал. Но может ли человек сознательно идти на смерть? История говорит: да, может. Несколькими веками раньше грек Сократ предвосхитил

героическую смерть Иисуса: смерть за людей, за их неразумность, за их грехи.

80. «Виновен в богохульстве» - вынес приговор еврейский суд. «Виновен», - подтвердил римский наместник Пилат.

81-83. Распят, умер, похоронен и воскрес!

84. Второй раз в году торжествует христианский мир - на Пасху, в день славного воскресения Иисуса.

85. Кто не любит этот веселый и вкусный весенний праздник? В нем так переплелись языческие обряды - крашеные яйца и куличи, христианские приветствия - «Христос воскресе» - «Воистину воскресе». Детям - обновки, взрослым - обедалки.

86. На сороковой день после Воскресения Христос явился своим ученикам на горе Елеонской, благословил их на проповедь своего учения и обещал вернуться для суда над живыми и мертвыми.

87. А еще через десять дней снизошел на апостолов животворящий и изначальный Дух, и, наделив их разными языками, отправил по свету нести людям слово о Христе, который был и придет снова. Мир снова приобрел Мессию в будущем, а с ним вместе - надежды и мечты о золотом веке.

88. И действительно, был переломный момент в жизни христианской секты, когда, выдвленная рукой Рима из религиозной общины иудеев, фактически лишенная родины, она отправилась на завоевание мира.

89. Нелегка была жизнь первых христианских проповедников, так как целую революцию надо было совершить в мозгах язычников, чтобы вселить в них идею Единого Бога. Помыслы первых христиан были чисты, ибо по своему опыту знали они, что их вера дает великое утешение. Их ли вина, что потом именем Христа устраивали крестовые походы и жгли еретиков? Наверное, и их тоже...

90. Вот Петр и Павел. Еврейские лица, греческие одежды. На ногах - сандалии. Они для нас - наследники средиземноморской культуры и наши духовные предки. Ибо этот дух и культуру наш народ впитал в себя при рождении.

91. Апостол Петр, любимый ученик Христа и его наместник - глава христианской церкви.
92. Апостол Павел. Типичный политический руководитель, идеолог, хитрый, умный. Верующие его почитают, но любят меньше.
93. Любят тех, кто мученик и страдалец.
94. В православной России существует культ святых мучеников, богоугодных праведников. Им посвящены церкви, приделы в церквях, определены места на иконостасе.
95. Людям, видно, очень хотелось верить, что за мучения на земле они, как и все святые, попадут в рай, а их мучители, все до одного - окажутся в аду.
96. Мало того, что святые были из народа, что их мучили, они занимались множеством полезных и важных дел.
97. Они спасали утопающих.
98. Они исцеляли больных и увещевали безумных.
99. Все это можно увидеть на клеймах, что окружали икону со святым. И все это глубоко западало в неискушенные головы.
100. Но одного культа мучеников было недостаточно, чтобы уравновесить пламя и бунтарство Христа.
101. И потому в третьем столетии нашей эры расцветает культ Богоматери, Девы Марии, Мадонны.
102. Мария родилась у пожилой, уже отчаявшейся четы Иоакима и Анны.
103. В трехлетнем возрасте ее ввели в храм на воспитание, а в 16 лет выдали замуж за престарелого старца Иосифа, 82 лет.
104. Через полгода после свадьбы непорочную Деву посетил архангел Гавриил. Ему доверил Бог сообщить Деве Марии благую весть о том, что она станет Матерью Сына Божьего. Можно поверить этой легенде, можно вместе с Пушкиным шутить по поводу непорочности, но войдите в положение церковников. Родить Иисуса не могла абы какая женщина.
105. Ведь надо было явить миру Божество в человеческом образе. Значит, его Отцом мог быть только Бог, и не могло быть то зачатие плотским.

106. Родив Иисуса и испытав все ужасы его смерти, она прожила еще долгую земную жизнь, пока не устала жить и не попросила Иисуса прекратить жизнь ее.

Как близка ее судьба к судьбам многим женщин. Разве ей только пришлось увидеть смерть своего взрослого сына?

107. В день ее смерти, Успения, все апостолы прибыли проститься с нею.

108. На Руси праздник Успения приходится на окончание жатвы. На полях оставляли полоску, а потом, в Успение, дожинали ее, вязали специальный сноп и воспевали его.

109. Исчезают обряды, почти не заменяются новыми, по крайней мере, такими, чтобы они доставляли душевную радость. Людям приходится в одиночку, лишь с помощью поэзии, сопротивляться надвигающейся рассудочности, иссушающей душу.

110. А может, и не надо жалеть об умирающих обычаях? Наверное, и красота, и ощущение чуда примут новую форму.

111. Ведь эти чувства бессмертны!

112. То, что Мария есть мать Иисуса - это только одна ее сторона. Не только в этом ее величие.

113. По почитаемости она почти равна Христу. И как такое могло случиться? Это, видимо, пошло из эпох еще более древних, чем христианские. У земледельческих племен особым почитанием пользовалась богиня Земли, непорочно рождавшая каждый год Божественного Сына - обновленную природу... Красиво? Верно? У греков - Деметра, у римлян - Церера, у египтян - Исида.

114. Рождение новой жизни, при всех достижениях биологии, остается чудом. Как ни восхищаться женщиной, способной на это чудо? К тому же женщине легче поверить свои беды, она поймет и посочувствует, поможет и заступится перед грозным Богом... Недаром в столь многих видах изображают ее иконы. Одигитрия-путеводительница. Помощница в трудных родах и заступница голодающих.

115. Великая Панагия.

116. Скорбящая, Неопалимая.

117. Казанская, Смоленская, Тихвинская, Владимирская.

118. ...А она в тревоге и печали/Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,/Где престол пожарами повит.
И такое скорбное волненье,/В чистых девичьих чертах,
Что Лик в пламени молитвы каждый миг,
Как живой, меняет выраженье.

Здесь, в Успенском, в сердце стен кремлевских,

Умилясь на нежный облик твой,

Сколько глаз, жестоких и суровых,

Увлажнялось светлою слезой!.. (М.Волошин)

119. Мы очень долго рассказывали вам, что узнали про христианство из книжек и икон. Познает разум. Ну, а чувство?

120. Сейчас нередко можно слышать мнение, что христианская живопись воздействует на верующего сильнее, чем светская на нас. Выходит - обделены мы. Но ведь не всегда так... У кого не было таких минут, когда краски и звуки музыки пронзят тебя насквозь и содрогнут?..

121. И ты почувствуешь себя приобщенным ко Вселенной? Верующий сказал бы, наверное, к Богу!

122. Ведь для христиан фреска, икона - послание из мира Горнего, мира Высшего. Поэтому так величавы фигуры посланцев того мира. Удивительно трудно изобразить Высшее. Но и к этому тоже устремлен разум человека.

123. На этих иконах в закарпатском селе иконописец писал Страсти Христовы. Он без колебания списал лики святых и апостолов со своих деревенских знакомых, но перед Христом кисть его замирает, робеет, сбивается. Он не знает, как его писать. Христос приходил в его видения почти бесплотным, окутанным туманом Божественности. Ну, разве кисть из щетины может передать Божественное? И он, отчаявшись, рисует его так, как может...

124. Понять, охватить своим разумом Вселенную, понять Мир... Не за это ли мы любим Чюрлениса? Не к этому ли стремились великие художники мира и гении?

125. И не потому ли такой интерес вызывает у мыслящих людей христианская живопись, что ставит веру в

Сверхчувственное выше реального человеческого опыта, что дает возможность соприкоснуться с вечным? А так ли это?

126. Свежему взгляду иконы кажутся неумелыми детскими рисунками. Да и что говорить. Не умел иконописец подражать реальному миру. Даже и не старался. Ведь он изображал идеальный мир, принципиально непохожий на мир земной.

127. Чтобы подчеркнуть непохожесть, используется обратная перспектива. Тогда все линии изображения сходятся в глазу зрителя, и он начинает себя ощущать в одном общем месте с Богом. Это - сильное средство.

128. Но есть и масса других: пренебрежение к точности в изображении фигур, пейзажа, света...Фигуры вообще бесплотные. А однотонный фон не означает никакого пространства, а как бы растворяет все незначительные и случайные.

129. Масса символики. Так, волнистые волосы ангела, перевитые лентой - слухи, высшие видения. Круглый нимб - вечная жизнь - все это от римлян.

130. И вообще тут многое что от римлян. Греко-римское искусство было той отправной точкой, от которой христианское искусство пошло в свою сторону.

131. При этом христианство отрицало весь настрой жизнелюбивой античности и создавало взамен... что? - приверженцев сушеных кузнечиков?

132. Было и это, но все же есть красота и в христианском аскетизме.

133. Из иконы в икону следуют символы. Несколько деревьев - лес, башенка - дворец, вынута передняя стена храма, или две башни по бокам - интерьер. Стена с зубцами - город. В этом нет ничего удивительного. Ведь писали по образцам. И хотя существует много икон одного содержания, но одинаковых нет.

134. Меняется колорит, композиция, ритм... И это меняет смысл всего произведения. Посмотрим на Благовещенские иконы. Здесь на архангеле Гаврииле - красный хитон и зеленый плащ - излюбленное сочетание русских

иконописцев...Легкой, горделивой походкой жениха приближается он к Деве Марии. Красиво вторят его движениям складки одежды.

135. В смущении и покорности выслушивает скромная Дева благую весть.

136. А этот Гавриил только секунду назад приземлился. Еще не сложены его крылья, а он уже спешит обрадовать Марию.

137. Такая порывистость пугает ее. Она смотрит недоверчиво, боится обмана.

138. И так во всем. Мы видели уже Марию-мученицу, Марию-царицу, Марию-мать. Каждой художник выражал, конечно, свои понятия, что возникали у него при думах о Деве. И конечно, не все иконописцы были равно талантливыми.

139. Но и тогда можно подсмотреть много интересного и легче оценить лучшее.

140. А это лучшее звучит линиями гибкими и певучими. Или прямыми и стремительными.

141-142. Линии вырисовывают лица - приветливые, одухотворенные, человечески добрые.

143. Линии умеют грустить, скорбеть, верить. Они лишены исступления, суровой трагичности.

144. Лица ожидают, надеются. Лица святых видят все. Это - Рублев.

145. В лицах идущих нет страха перед Всевышним, в лицах идущих - ожидание и уверенность, вера в справедливость. И это тоже Рублев.

146. Три ангела, грусть в их глазах... Грусть в плавности движений, грусть в сиянии красок. Грусть, полная ожиданий и надежд. Поэт находит в ней потерянную рифму, художник - вдохновение, любитель искусства - написанную в красках повесть со времени иконописца, торжестве человеческого духа. И это тоже - Рублев.

147. Не линии, а мазки-наброски лепят лицо праотца Мелхиседека. Неземная мудрость в его морщинах, неземная правда в его глазах. Это - Феофан Грек.

148. Заструились линии, как из пламени свечи. Легли мягкие краски на стены Ферапонтова монастыря. Это - Дионисий.
149. Какой художник оставил нам эту икону, составленную из изящных линий и ярких цветов, в аккомпанементе с умеренным серым, белым и розовым цветами - не знаем!
150. Сочетание больших, ровно покрашенных поверхностей из одного чистого цвета - очень подходило для создания единого плоскостного узора, что так ценилось древнерусскими иконописцами.
151. Во всем мире славятся наши иконы красотой своего колорита и композиции. 152. Красное с золотом делает икону праздничной, совсем в народном духе.
153. Поистине неоценимое богатство сберегли для нас люди. И мы не устанем гордиться ими и радоваться им.
- 154-160. Конец диафильма.

Сценарий диафильма «Два Переславля»

1-6,7. Переславль-Залесский.

8. 1965г В тот год мы купили байдарку. Байдарка требовала, чтобы ее вывозили за город.
9. И вот мы на Плещеевом озере, у начала своего первого трехдневного маршрута.
10. Хороший был маршрут. Прошло столько лет, а мы так отчетливо помним свое опьянение от черной озерной глубины,
11. от вида заповедного Сомина озера,
12. от разноликости Нерли Волжской.
13. Байдарка открыла нам второе зрение, она позволила увидеть, какой ароматный, теплый и гармоничный мир нас окружает.
14. Тогда у нас была старенькая «Смена», заряженная плохой негативной пленкой.
15. Не то, что сейчас, когда мы стали заправскими туристами - глотателями километров и достопримечательностей.
16. Тогда, на Плещеевом озере, наша любовь к старине только начиналась. А было так...

17. Мы стоим на Красной площади Переславля-Залесского перед небольшой мраморной доской на стене собора. Здесь в тереме родился и вырос А.Невский, благороднейший из русских князей и полководцев человек.

18. Он положил все силы свои на отделение России от Запада. Но хорошо ли это? Не будем навязывать свою точку зрения, тем более что тогда, в 1965 году, ее еще не было, но мы интуитивно почувствовали - воля этого человека повлияла на нашу судьбу.

19. Пораженные, мы не можем сразу уйти от Спасского собора и оторваться от Александрова темного лица. Здесь он рос и образовывался умом. «Все это так, - кивает головой Спасский собор, - он был моим учеником, в моих стенах учился размышлять и молиться».

20. «Да, это так, - степенно подтверждают и городские валы. - Это мы вложили в него доблесть и любовь к родине».

21. «Так-так», - шелестят волны Трубежа и Плещеева озера. Они видели, они помнят. Они ведь не просто были, а сами готовили к великому будущему его привычки, характер и судьбу, воспитывали его сердце.

22. И... вот оно, наше открытие, - давно умер Александр, но живы и действуют его воспитатели.

23. Есть дух истории - безликий и глухой,

Что действует помимо нашей воли,

Что направлял топор и мысль Петра,

Что вынудил мужицкую Россию

За три столетия сделать перегон

От берегов Ливонских до Аляски.

24. И тот же дух ведет большевиков

Исконными российскими путями.

Грядущее - извечный сон корней

/Во время революций водоверти

Со дна времен вздымает древний ил,

И новизна рыгает стариной.

25. Мы не вольны в наследии отцов,

И вопреки бичам идеологий

Колеса вязнут в старой колее. (М.Волошин)

26,27. Сознают ли простые советские переславцы, что они - потомки берендеев, поклонников Ярилы-солнца, с непостижимой для мира душой? А и вправду, кто же знает, что есть в душе нашей?

28. И что тянет нас в переславские музеи, в историю нашей прежней веры?

29. Переславль - приморский город. Это понял еще царевич Петр, когда строил свой первый флот и устраивал морские сражения именно здесь. Еще можно увидеть его ботик в местном музее.

30. И мне, взбудораженному Переславлем, эта экзотика не кажется странной.

31. Мы бежим навстречу Плещееву морю, раскрываясь его свежему ветру и, в который раз, взбегая на городской вал.

32. Мы замираем перед видом русской древней Венеции.

33. Наша байдарка уходит в глубину Плещеева озера, удаляясь от музейных берегов, унося двух молодых туристов, тронутых «томлением духа».

34. И покатались чередой города и года. Мы прошагали и отгребли в байдарке не одну сотню, изъездили не одну тысячу километров.

35. Мы стали, наверное, умнее, но как-то неуверенней. Теперь нам уже не удастся не замечать за светлой стороной явления или человека его теневые стороны.

36. Вот ласковый солнечный день. Заводская байдарочная секция отправилась на природу.

37-38. Проводили байдарки через плотину на Кержаче вместе, с шумом и хохотом. А потом налегли на весла, чтобы догнать вот эту первую Олегову байдарку.

39. Олег - очень хороший парень. У него золотые руки, приветливая улыбка, доброе сердце. И все раскрываются ему навстречу. Но, через несколько дней, Олег предаст своих друзей, и не один раз, а сколько потребуется. И даже не за сребреники.

40. А мы будем пребывать в недоумении, пока не поймем, дружба не безгранична, во всяком случае, на пороге бесконечного омота человеческой души. Нет, мы не осуждаем Олега, только грустнее стало в мире от сознания, что человеческая душа - потемки, что ничего мы не знаем ни в людях, ни в себе.

41-42. Мы теперь осторожны и знаем, что придет пора, когда и этот бутончик-колокольчик дочка Галя

43. и сын Тема развернутся к нам своими неожиданными сторонами.

44. И чем больше они вырастают, тем больше подрывают нашу уверенность в возможности познать человеческий мир.

45. Но зато тем понятнее нам вера наших предков в то, что все обо всех знает лишь только Бог Единый.

46. Но не в силах мы поверить в того, кто все знает. Не перешагнуть через себя. И нет никакой надежды, что хоть иногда, хоть изредка, после молитвы, кто-то Всеведающей приоткроет нам истину.

47. Теперь мы лучше понимаем предков и начинаем оправдывать их. Ибо даже если Бог - самообман, и весь мир с его бесконечной сложностью, красотой и целесообразностью - лишь игра природы, все равно, нося в себе веру, они имели любовь к жизни и надежду в борьбе за нее, они жили и творили; познавая бога, они познавали мир и вкладывали добытый мед знания в тысячелетние соты церковных заветов.

48. Лишенные религиозного контакта, мы вслушиваемся в голоса посланников-поэтов:

Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира необходимости и разума
Вселенную свободы и любви./Тогда лишь станешь Мастером.

49. Вот мы приехали на дачу к бабушке. Увидев нас, она отложила в сторону свою святую книгу и ушла с головой в хлопоты.

50. Надо покормить, показать участок, подарить Артемке связанные недавно носки.

51. И при всем этом - такая теплота и доброта в ее морщинках, как и подобает христианке.
52. Но вот прошло совсем немного времени, и мы с ней глубоко рассорились. Этот святой человек изумил нас неожиданной стороной своего внутреннего мира.
53. И мы поняли, что узы веры не всеильны. Бабушка удивила нас еще раз, когда пришла мириться. Сути конфликта она не поняла, себя продолжала считать правой, но ее привели сюда вера в добро, вера в евангельские заветы, желание жить и умереть христианкой.
54. Религиозный опыт тысячелетий помог ей выбрать самой лучшее решение и встать над нашей хваленой культурой чувств. Бабушка не знает себя и не верит себе. Верит она только церкви и ее морали. И не ошибается.
- 55-56. Переделкино. Съезжаются люди к могиле Пастернака, чтобы приветствовать, почтить его память и послушать его стихи. Здесь Петр и все современные «апостолы».
57. Стихи звучат, как будто над головами чтецов - купол вселенской церкви, а сверху глядит на них сама абсолютная истина, внимая самой себе, переселившейся в стихи Юрия Живаго. Не поддаться всем этим чувствам просто невозможно.
58. Но есть в году и другие дни, когда мы выступаем в роли адептов совсем иной веры.
59. Как бы ни были вы ироничны и испорчены, вас тоже захватит это движение: ревом лозунговых динамиков, торжествующим криком красных красок.
60. Артемка на наших плечах вливается в этот мир, крестится в этой красной купели.
61. А как же тихое Переделкино, где от стихов Пастернака в голубое небо струится свет истины?
62. Оно заглушено нашими собственными криками от вида Фиделя на мавзолее. Рев динамика: «Да здравствует!.. Слава!..», - и наши со дна души рвущиеся «Ура!».
63. Потом мы складываем транспаранты, постепенно трезвея, и вглядываемся в красноплощадные ревущие пороги: неужели и нас там носило?

64. А взгляд уже способен различать силуэт Василия Блаженного, неподвижно сопротивляющегося беснующимся волнам, дробящего их и отбрасывающего в заводь брошенных транспарантов. Кто-то сказал: церкви можно разрушить, но религия останется. Здесь же лучше сказать: религия меняется, церковь же остается.
65. Скользит наша брезентовая лодка тихими водами...
66. Год от рода на ней все больше дыр и заплат, но еще больше дыр и заплат в душевной ясности ее хозяев.
67. Все чаще подносят нас воды к церковным дверям, которые, может быть, в один прекрасный день раскроются, и выйдет навстречу белый священник и все объяснит: «Я ждал тебя, дитя мое! Мир житейских иллюзий отпустил тебя. Ты познал, что ничего не знаешь, ничего не способен понять, и мир вокруг тебя стал подобен скопищу омерзительных скользких оборотней, способных измениться в одну минуту. Истина же скрыта от тебя. Она - в Евангелии.
68. Свет его давал силу жизни и правды отцам нашим, так же как будет давать и детям нашим...
69. Так отряхни прах житейской суеты и громко скажи: «Верую, Господи, в правду Твою!».
70. Солотчинский монастырь. Он заложен был последним самостоятельным князем рязанским Олегом на южной кромке Мещеры.
71. Надвратная церковь монастыря украшена керамическими горельефами четырех евангелистов.
72. В жизни они, верно, куда больше отличались друг от друга, ведь так разнится язык их евангелий: лаконичный и пространный, житейски-простой и философски-абстрактный.
73. Нет, мы не будем вспоминать в этой опустелой обители христовых поучений и евангельских притч.
74. Наша лодка еще не пристала к этому берегу, мы остаемся глазающими туристами.
75. Святой отец еще не вышел из церкви, чтобы спасти наши души. А само Евангелие кажется нам лишь любопытной книгой про древних евреев. И чего только в нем находят?

Какой же там свет? Там столько жестокого. Какую абсолютную правду? Там столько противоречий. Нет, нам религия не нужна.

76. Вот церковные здания - это другое дело.

77. В них и красота, и история. История про Глеба Рязанского и супругу его Евфросинью.

78. Про мужицкого архитектора Бухвостова и монастырского наставника Игнатия.

79. Мы неплохо навестились воспринимать историю в церковных зданиях за те семь лет, что отделяют нас от первого толчка.

80. Толчком же стала Красная площадь в Переславле-Залесском. И вот перед нами снова Переславль, правда, Рязанский. Или просто Рязань. Здесь, как и в киевском, так и в том, что за лесом, есть река Трубеж и бывший ручей Лыбедь.

81. Громадный нарядный куб подарил крепостной мастер Бухвостов Рязани, обозначил куполами Переславльский кремль в теперешнем море унылых рязанских домов.

82. Сама современная Рязань нас не трогает. Правда, эти плакаты мы понимаем. Приятно, что город осознает свои истинные ценности. Когда-нибудь они допишут в историю свою еще одно славное имя.

83. Упираемся в предкремлевский парк.

84. Дальше - только холм старого Переславля и луга до Оки.

85. Вот Успенский собор близко. Как я люблю все большое, но не стелющееся по земле, а устремленное вверх.

86. На стенах собора много резьбы, но она не перегружает, не уменьшает его ясности. Она - как прозрачное покрывало.

87- 87а,88. По сложившейся традиции пытаемся сделать обход земляных валов. Последний раз послужили они во времена отца Ивана Грозного, когда рязанский воевода спас московского великого государя, разбив под этими стенами многочисленные отряды крымского хана.

89. Поле под Рязанью тому свидетель. Разбил воевода орду, но не смел гордиться этим.

90. Он оставался покорным рабом трусливого московского царя, от которого с великой радостью принимал подарки внимания.
91. Построек от тех времен не осталось. Все кремлевские здания выстроены уже при царской власти, на трех ее столпах.
92. Эти три опоры: самодержавие, православие и народность... На том стояла, но ведь на том и стоит русская земля.
93. Самодержавие - так нет крепче и полнее руководящей воли нашего славного авангарда.
94. Православие - ничего нет более правильного и святого, чем всеобъемлющее марксистское учение.
95. Народность - все для народа, во имя его счастья и благополучия.
96. Пройдя через современное православие, что-то не хочется верить более древнему. Чем оно лучше? Может, красивей?
97. Ведь когда-то православие выбрал Владимир Красное Солнышко за красоту. Правда, красива эта двухшатровая церковь. Кто сотворил ее?
98. Какой из бесчисленных рабов великого царя - земного бога? Был ли он счастлив? Как ему удалось не зарыть в землю свой талант?
99. Семь лет назад мы на веслах отходили от Переславля-Залесского, усердно гребя, чтобы успеть пройти длинный маршрут. Много изменилось с тех пор. Уже почти заброшена байдарка - путешествовать автобусом и пароходом проще и легче. Но...
100. От незанятости рук и ног скучно в комфортабельной «Ракете».
101. Из крохотных окошек ее унылыми кажутся окские берега с редкими селениями.
102. Перед нами - Старая Рязань, деревушка на месте посадков киевских времен.
103. Не поднялась вновь жизнь на этом холме. Не решились, да и не решаются до сих пор рязанцы селиться на костях и крови своих предков.

104. Мужество тех рязанцев поразило, но не остановило Батю и его полчища. И ушла Рязань в Переславль, да там и прижилась.

105. Поджидаем Касимов. Давно интересовал нас этот город - бывшая столица татарского удельного ханства.

106. Вон Касимов. Как он растянулся по Оке! Сейчас, сейчас мы ступим на землю и раскроется нам, в чем же была сила татарская, что позволило им так крепко врасти в нашу землю и так изменить древних славян.

107-109, 110. В краеведческом музее выставлена эта Дарственная грамота московского государя татарским царевичам Касиму и Якубу на мещерский Городец с удельными деревнями. Так в 1452 году великий князь Василий создал буферное Касимовское ханство между собой и татарской Казанью.

111. Но дело тут не только в защите русских рубежей. В 1450 году Касим разбил войско Дмитрия Шемяки - главного противника московского князя, и тем самым обеспечил создание в будущем единой и неделимой царской Руси.

112. Сам же Касим стал удельным царем над Городцом. Вплоть до петровских времен существовало татарское царство на берегах Оки.

113. Небогаты были касимовские цари, и потому убоги их постройки. Глядя на минарет, кажется, что денег не хватало даже на плотницкий отвес.

114. Царский дворец рядом с мечетью не сохранился, только мавзолей.

115. Мало татарского осталось в Касимове. Нет даже самих татар. Местные жители утверждали, что они все были слишком богаты и потому исчезли отсюда за последние полвека.

116. Богатые татары - какое непривычное сочетание. И, тем не менее, это так: насколько слаб был касимовский царь, настолько благополучны его поданные. Касимовские татары в феодальной России обернулись прогрессивной буржуазией. Крест оказался застойней полумесяца.

117. Красивы русские церкви над Окою, хороша панорама Касимова, сначала - бывшего Городца Мещерского, потом бывшей татарской столицы.
118. Ушли из города татары. Оставили лишь мавзолеи. Как символы. Как вопросы.
119. Муром. Старинный Муром, тот самый, что древнее всех городов русских, тот самый, где тридцать три года сиднем сидел Илья Муромец.
120. На привокзальной площади - бюст Гастелло-муромца. Взмах руки - пропадай все пропадом.
121. Центральная площадь перед дворцом райкома.
122. Но нас тянет туда, где светятся церковные главы. Они нам, выходит, нужнее... Или это только кажется.
123. Семь лет мы решаем этот вопрос. Ездим, смотрим, думаем, обсуждаем, выносим эти мысли на суд друзей.
124. Солнце, что так осветило нашу пленку, не может помочь нам понять суть жизни, истории, мира. Получалось, что все семь лет мы хватались за правду, а она вытекала между наших пальцев пустыми церквями.
126. А может, отбросив тяжелые думы, просто любоваться кружевами крестов, формой маковок, бегом кокошников...
126. пузырями апсид...
127. гранями, красками и узорами вечных изразцов...
128. радоваться новым силуэтам, уставать от однообразия...
129. пресыщаться и скучать.
130. Но тогда придется оставить надежду на то, что когда-нибудь все же выйдет к нам белый священник, притронется рукой...
131. и снимет с души вопрос-камень: «Нужны ли вам русские церкви?».

Сценарии диафильмов «Украина-77»

В 1977 г. мы ездили по Украине, почти по всем ее районам, кроме юго-восточных областей. В трех диафильмах об украинской истории, судьбе сконцентрированы итоги Витиных раздумий и недоумений над украинскими темами. Сценарий диафильма «1. Земля Северская-Украина русская» напечатан в т.1.

Сценарий диафильма «2. Подолия. Украина польская и турецкая»

1-2, 3. Наш автобус мчится по Украине, стремясь скорее доставить нас к ее юго-западным пределам на Днестре.

4. Зачем? - Хочется уехать подальше от русского Северо-Востока, увидеть, как Украину формировали влияния иные - с юга и запада.

5. Мы проезжаем множество людных городов... Умань... Немиров, ... Гайсин...

6. В Тульчине обычная остановка. Только мельком успеваем ухватить низкие ряды провинциальных домов, заброшенный громадный храм, памятник лихому Суворову и

7. новую действенную церковь, большую с серебряным куполом - излюбленное слепящее глаза убранство здешних церквей.

8. Рядом - музей, штаб-квартира знаменитого полководца. Суворов провел здесь немало времени, обучая свои войска в этой, тогда прифронтовой с Турцией зоне. Потом, с разгромом Турции на северных черноморских берегах, Тульчин стал далеким тылом, но по привычке продолжал оставаться любим воинскими частями.

9. Дыхание воинственной дикой степи продолжает до сих пор накладывать свой отпечаток.

11. г. Ямполь мы видели только ночью. В темноте брели от автостанции к днестровскому берегу, чтобы, поставив палатку

в переночевав, рано утром, едва поздоровавшись издали с городским собором,

12. погрузиться на теплоход и отправиться вниз по Днестру.

13. Отплываем от украинского берега. На другой стороне - Молдавия, дружественная сейчас страна. А раньше - источник турецких набегов.

14. Мы плывем сейчас по границе между двумя русскими провинциями, но еще до войны, когда Молдавия большей частью входила в Румынию, граница здесь была настоящей, вооруженной, и красный флаг на советском пароходе имел большой смысл.

15. В этот год мы видели Сейм и Десну, Южный Буг и Тикин, Тясмин и Смотрич, но только по Днепру и вот здесь, по Днестру, удалось проплыть пароходом...

Свежо... На носу ежятся брюнетистые женщины, молдаванки или украинки - кто их знает. Скоро покажется молдавский город Сороки, а дальше - Бендеры и Кишинев.

16. А дальше - Черное море, а за ним далеким и таинственным встанет турецкий берег, Стамбул, бывший Константинополь. Многие века, обратным ходом по Днестру лилась сюда античная культура в ее восточном, византийском варианте.

17. Но вот с 15-го века, с падения Константинополя, по этим же путям стали идти волны турецких, мусульманских влияний. Это южное воздействие, заменившее половецкую степь и восточные орды, тоже необходимо учитывать в балансе сил, породивших нынешнюю Украину.

18. Сороки. Ну, вот и Сороки... С 12-го века здесь стоял лишь гетуэзский замок - склад товаров. Ольтиохия... Сейчас его трудно различить на фоне современных домов.

19. А в 15-м веке после турецкого завоевания и ухода гетуэзцев, молдавский воевода Стефан IV укрепил это место против Польши и Венгрии, назвав его иронически: "Сараки", т.е. "злополучные, горемычные сироты", ибо сбежались сюда, под его защиту, из пещер-щелей все местные жители, напуганные турками.

20. Весь 17-й век крепость отражала набеги валахов-трансильванцев и украинских казаков. Эти набеги превратились в настоящую войну при Богдане, когда украинское казачество, совершив революцию, стремилось расширяться во все пределы.

21. Мы у входных ворот средневекового замка. Он неприступен, как и столетия назад. Правда, сейчас его охраняет лишь висячий замок. И нам остаемся удовлетвориться только наружным осмотром и замка, и города, памятуя: незванный гость - хуже татарина.

22. Мы все же долго не решаемся отойти от крепости, обескураженные неудачей. Ощущение, как будто на границе неожиданно отобрали визу.

23. А ведь эти высокие стены и вправду ограждали европейский торговый мир от местных просторов и от их вольных и жадных на даровщину сынов.

24. Удивляясь гармоничности и экономной ладности этого торгового склада, вспоминали слова "англичанина" Наф-Нафа: "Дом поросенка должен быть крепостью".

25. Именно таких стен, такого дома и не хватало в истории украинскому народу. Всем щедра его земля, сильны люди, богата культура. Одно плохо - слишком простора много в украинских безграничных степях, негде уберечься от чужого глаза, чтобы сотворить что-то свое всем людям и народам нужное.

26. Интересно, что в самих Сороках мы встречали дома, в самой форме которых повторены мотивы гемуэзского замка. Ничто не пропадает даром. Срой гемуэзский замок, он останется вот в таких домах, в памяти народной.

27. Однако формы перенять легко. Гораздо труднее перенять сам западный дух расчета и предприимчивости. Но можно... А для этого перенимающим нужны, прежде всего, стены и запоры, замки и

28. замки...

29. Осмотрев две поздние разоренные церкви и не заинтересовавшись ими, мы поднялись над городом и Днестром

30. и отправились в украинскую Подолию.

31. г.Могилев-Подольский В Украину с юга мы входили пешком. Молдавский автобус довез нас лишь до своего города Атаки, а в напротив лежащий украинский Могилев пришлось переходить по граничному мосту.

32. Свое странное название город получил от основателя, польского воеводы Стефана Потоцкого, женившегося на дочери молдавского государя Михаила Могилы, т.е. в честь тестя. И хотя в нем жило потом много торговых людей, он вплоть до 19 века считался родовым поместьем семьи Потоцких, пока казна не выкупила его у графа за 587220 рублей.

33. В этом Могилевском храме нынче расположен обычный народный музей, от каменных зубил до соцсоревнования.

34. А настоящей истории в нем нет.

35. Только вот эта надпись на наружной стене храма. Но не доступен нам ее краткий язык, неизвестны концы и связи, и потому мы в тот же день поспешили на встречу с главным городом края, старинной столицей Подолии...

36. Город-крепость Каменец-Подольский

37. Уже поздним вечером, на закате мы увидели эту панораму. Огромный старый город в естественной защите

38. неприступных обрывов.

39. Мы уверены: такой сильной крепости нет не только на Украине, но и по всей России. Река Смотрич течет здесь в глубоком скалистом каньоне, а стены и башни - дополняют и завершают всю оборону.

40. План города, отснятый в городском музее, помог нам разобраться в причинах неприступности каменецкой крепости. Смотрич делает почти полную излучину, в какой и располагался веками старый город. Единственный выход из нее - Турецкий мост - был превращен в каменную преграду. И

лишь в последнее мирное время Каменец выбрался за стены крепости.

42. Люди в этом защищенном месте жили всегда, но первые письменные упоминания о ней относятся к 13-му веку. Во времена татарского нашествия крепость все же была захвачена татарами и разорена предельно.

43. И только в начале 14-го века ее восстановил объединитель Западной Руси, литовский князь Гедемин. С конца этого века Каменец стал уже главным опорным пунктом в обороне Подолии против турок и молдаван, рубежом, на котором столкнулись стихии турецкого Юга и польского Запада.

44. В тени высочайших стен Каменецкой цитадели сохранилась

45. деревянная украинская Крестовоздвиженская церковь.

46. Стоит она сиротливо, как будто и в крепость, и в город не пущенная. Как не пускали в свое время высокомерные шляхтичи холопскую, украинскую культуру в свой европейский, панский обиход.

47. А в старом городе сохранилось много памятников польской католической культуры: и ратуша, и кафедральный собор, и монастыри: доминиканцев, бернардинцев и других. Но они сейчас мертвы, не действуют, да и украинской веры рядом не видно.

48. Чтобы разобраться в причинах такой конечной бесплодности украинской земли, нам придется вернуться к истории главных устроителей каменецкой крепости - поляков.

50. С 14-го века усиливалось наступление поляков на эти земли. Теснимые с Запада немцами, перенимая не только их технические приемы, но и их католическую веру, поляки за поражение на Западе брали реванш на Востоке.

51. Долгое время главной преградой к этой экспансии стояла Литва, прямая наследница Киевской Руси. Она храбро защищала единство западнорусских земель со всех четырех сторон: с Юга - от кочевников, с Севера - от немцев, с Запада - от поляков, а с Востока - от татар и московитов, и защищала успешно.

52. Но вот в судьбу народов вмешался любовный случай и династический расчет. Великий литовский князь Альгедас в 1386 году женится на наследнице польского трона - Ядвиге и становится польским королем Ягайло,
54. объединив Польшу и Литву. Путь для польских панов на богатые западнорусские земли был открыт. Сначала на Волынь и Подолию. А затем, после Люблинской унии - и на остальные украинские земли. За Литвой остались права лишь на Белоруссию и восточное Полесье.
55. Феодалная и разбойная Польша обнищавшего, но высокомерного рыцарства, а проще говоря - шляхты, - хлынула в прежде запретные литовским покровительством пределы. Может, Вы подумаете, что это была нормальная трудовая колонизация, что это был свет с Европы? - Вы ошибаетесь.
56. Это был вариант не английской, не протестантской, не буржуазной колонизации, а вариант испанской, католической, феодальной экспансии, которая, как известно, местное население подавляет и паразитирует на его труде, а самих колонизаторов развращает и губит.
57. Начиная с Люблинской унии, шляхта получает от короля богатые украинские земли за верную службу или за иные заслуги. Одно плохо - холопы здесь были слишком дерзкими...
58. Для украинцев сроду было несподручно прятаться в каменных крепостях от врагов. Привычные к оружию руки, смекалистая голова, леса и балки для укрытия - вот что защищало украинского земледельца от степных набегов. И на всю эту вольную и настороженную крестьянскую массу новым хозяевам приходилось смотреть сквозь амбразуры поспешно выстроенных замков и крепостей.
59. Конечно, западная выучка, правильная организация войска и дипломатии, высокие стены замков и точное оружие ставило защиту этих земель от южных набегов на более высокую ступень. Да вот беда: цена у этой защиты была слишком высокой для окружающего крестьянства.

60. Новые господа быстро нашли наиболее выгодную систему извлечения прибыли из этой земли. Барщина давала большое количество хлеба, кож и иного товарного продукта, а продажа их позволяла строить дворцы и костелы не только в Каменце, но и в самой Варшаве. И ездить в Париж. Сколько веков живут цивилизованные люди, столько времени обижаются друг на друга за эксплуатацию. Но обиды бывают разные. Одно дело, когда из своих выделяется организатор, приносящий пользу и себе, и подчиненным ему соплеменникам. А другое дело, когда чужой смотрит на людей лишь как на скот, лишь как на средство создания своей культуры.

61. В общем, при таком положении дел надо было ждать народного отпора, взрыва против польских панов во славу православной веры. И он наступил, этот взрыв, на долгие годы смяв нормальное развитие страны.

62. Восстания украинского казачества, и запорожского, и местного, начали следовать одно за другим.

63. Правда, в начале 17-го века и польским панам, и украинским казакам было не до собственных распрей. Шла великая смута в Московии. Привыкнув ставить на молдавский и даже крымский престолы своих самозванцев, украинские казаки этот же прием применили к России, двинулись во главе с Лжедмитрием на недовольную Борисом Москву. Русская революция 1606-1612 годов, в которой такую большую роль сыграли западные, особенно украинские анархические элементы, послужила как бы прологом к еще более радикальной социальной революции на Украине.

64. В 1648 году к городу подступили восставшие казаки Хмельницкого. Вся Украина была уже беспощадно очищена от польских панов и еврейских арендаторов. Отряды Хмельницкого стояли в самой Польше. И только Каменец-Подольский выстоял четверть века почти непрерывных казачьих осад.

65. Против этих стен штурмы были бессильны. Вода здесь была, припасы хранились немалые, а организовать прочную, на долгий измор осаду, казаки не умели.

69. Польская-армянская-еврейская культура, укоренившаяся в каменецкой излучине, была сохранена. Каменецкие стены спасали ее от уничтожения. Против воли самих украинцев, они сберегли культурный цветок, выросший на подольской почве. Сберегли украинским потомкам во благо.

70. В защитной тени стен крепости мы и заночевали. Поставили палатку поближе к Смотричу,

71. а утром, заглянув в православный собор на другом берегу, таким вот путем перешли в Старый город.

72,73. Лиля делает последние шаги, а, выйдя на берег и увидев над собой турецкий минарет, вспоминает вопрос, услышанный в крепости:

74. "Правда ли, что турки требуют отдать им Каменец на год в аренду?" - и привычное недоумение экскурсовода: "Откуда, мол, берутся такие сплетни?"

75. А ответ прост: вот он, источник. Стоит над городом турецким знаменем, входит в сознание вопросом-занозой.

76. Там же, в крепости, после посещения Круглой и Колодезной башен и страшных глухих подземелий, нас подвели к башне Устима Кармелюка, одного из последних казацких борцов с панами.

77. Устима много раз ловили и сажали, но каждый раз он выходил из заточения невредимым, благодаря силе, ловкости и, если верить экскурсоводам - любви паненок,

78. столь обильной, что из одних только подаренных ему платочков можно было свить веревку для побега с

79. каменецкой высокой башни. Однако мы прощаемся с уникальной каменецкой ключ-крепостью, с тайнами и открытиями ее и осмотрим то, что она хранила - Старый город.

82. Прежде всего, городская ратуша, в которой сейчас расположена картинная галерея и выставки, и ходят редкие туристы.

83. Не только у ратуши музейный, нежилой вид. В запустении монастыри. Еще по скульптуре святого, держащего Мадонну с Христом, можно догадаться, что это
84. собор Доминиканского монастыря, используемый сейчас в утилитарных целях.
85. Скромный еще при постройке (откуда у нестяжателей-францисканцев могли быть деньги на роскошь?) собор францисканцев сегодня почти потерял обличье
86. Божьего Дома.
87. Монастырь тринидитариев. Первый раз встречаем орден с таким редким названием. Но к чему бы ни были призваны его члены, сейчас и им нет места в этом городе.
- 88,89. Мы идем тихими, средневековыми улочками и дворами к Армянскому кафедралу. Наверное, они не изменились с тех пор, когда вокруг города бушевали казацкие страсти и расправы. Впрочем, о расправах над армянами слышно не было. Ведь они занимались только частной торговлей, которая давала им средства для постройки своих особых, никого не задевающих григорианских храмов.
90. Удивительно, что на этом храме вместо традиционного для армян тесаного камня использована деревянная лемеховая крыша украинцев. Как на храме, так и
92. на рядом стоящем гостином подворье, и даже на общественном колодце-роднике... Армяне не соблазнились слишком большими барышами от эксплуатации аборигенов, не теряли к ним приязни, и потому выжили в дружбе с украинцами.
93. А теперь подойдем к главному католическому кафедралу города. Жизнь духовная от него ушла, но он еще крепок, хотя стоит здесь с 15-го века.
94. Века пластами лежат на нем: Придел - в романском стиле,
95. портал - в готическом, а колокольня со временем стала
96. минаретом.
97. Так и жил: достраивался, украшался, менял один орган на другой, менял хозяев - поляков на турок.

98. Никак не уживалась здесь католическая вера с православной. А победила в этой войне третья сторона.

99. В 1763 году украинское казачество во главе с Дорошенко, недовольное и жадной Польшей, и деспотической Москвой, попытались избежать и той, и другой власти. И чтобы обеспечить свою независимость, обратилось за временной помощью к Крыму и за постоянным подданством к Турции.

100. Натиска соединенного турецко-казацкого войска даже Каменец-Подольский не выдержал: сдался, сделав тем самым турецкой всю Подолию.

101. Двадцать лет турки перестраивали и укрепляли город-крепость, главную опору своего владычества в Ляхистане. И потому в народе цитадель до сих пор зовут Турецкой крепостью.

102. Однако недолго каменецкий кафедрал оставался турецкой мечетью, беды от турецкого союзничества украинцы ощутили в первые же месяцы. Грабежи, насилия, угон в рабство. Результатом стало лишь продолжение войн и уход людей на восток, в московские пределы. Обезлюденную Подолию и Каменец турки отдали Польше сами, через 27 лет.

103. Тогда-то и сняли с кафедрала полумесяц, а на вершине минарета по-европейски расчетливо и умело вознесли бронзовую статую Богоматери, как бы бросив ей под ноги всю мусульманскую славу...

104. Однако мы знаем, что и эта победа не оказалась окончательной. Сегодня кафедрал снова повержен, захвачен государственным атеизмом, этим новым и гораздо более прочным мусульманством, влачит жалкое существование,

106. напоминая нам: "Взявший меч, от меча и погибнет".

107. Католицизм пришел на эту православную землю насильно, и печальный конец его здесь закономерен.

108. г. Умань Не только замки и костелы строили на этой земле поляки. Они несли с собой действительно высокую культуру. Мы в этом убедились в Умани. Сегодня Умань - крупный районный город, но, как и 200 лет назад, он славен больше всего замечательным парком.

109. А зовут это чудо - Софиевка.
110. Время создания - последние 4 года 18 века, после окончательного усмирения русскими казацких и польских восстаний.
111. Создатель - не мраморный Парис, но еще более красивый отпрыск знаменитой фамилии: граф Феликс Потоцкий, замысливший пересоздать свое уманьское имение в рай и подарить его молодой жене - гречанке Софии.
112. Зодчий - не Еврипид, а расчетливый немец, т.е. бельгийский инженер де-Менцель, которого увлекла трудная задача - создать в каменистом украинском овраге, на месте пересыхающей летом речки Каменки - водное изобилие прудов,
113. фонтанов, водопадов, подземных рек и озер. Создал два пруда - верхний и
114. нижний с перепадом по высоте в 22 метра и перепланировав весь овраг, он получил материальную основу своей творческой фантазии для воплощения
115. любовных грез поляка.
116. Наконец, строители. Крепостные украинцы. Сотнями и тысячами, в рекордные сроки (даже не за 5, а за 4 года) устроили они все эти бесчисленные чудеса.
117. И эту долину, называемую "Критский лабиринт", украинский вариант Сада Камней, каждый из которых имеет свой облик, свою историю и легенду.
118. И террасу Муз с обелиском и древнегреческими статуями.
119. И Площадь Собраний.
120. В 1831 году царь Николай отнял парк у сына четы Потоцких и подарил своей жене, переименовав, естественно, в "Царицын сад". История весьма характерная для царского благородства. В последующие годы их казенные владельцы мало что прибавили к парку: лишь земли и здания.
121. В наше время идут разговоры о строительстве советской Софиевки. Мол, знай наших, граф Потоцкий. Но это пока только разговоры. Хватило бы поддерживать парк в порядке и извлекать из этого доходы.

122. Ходят толпами люди, впитывают рассказы экскурсоводов, незатейливые истории из жизни греческих богов на мраморных постаментах.

123. Или про реку Стикс с перевозчиком в смерть - Хароном. Приобщают нехотя массы к барской культуре.

124. А в качестве украинских патриотов то выпячивают роль украинского садовника Зарембы, в пику бельгийцу, то про руки крестьян и их светлые идеалы, воплотившиеся здесь вопреки панским прихотям.

125. Можно отмахнуться от этих слов, как от бредней, и попытаться настроиться на истинных создателей Софиевки - графа и инженера. Нет, не из любви к этим двум людям, а из уважения к высаженной ими здесь западной и античной культуре. Ибо те, кто пытается исказить правду о

126. Софиевке, пусть ради благой цели возвеличения крепостных строителей, которым я и вправду очень сочувствую (ведь вполне возможно, что среди них были и мои личные предки) - на самом деле уничтожает всечеловеческую культуру, подсовывая вместо нее узколобый национализм, вредный самим украинцам. Нет, я не сочувствую таким патриотам. Но тема взаимоотношения украинцев с западной, рабовладельческой здесь культурой, меня очень волнует.

127. Каскад "Три слезы" трактуют как слезы по умершему ребенку Потоцких. Но почему бы нам не вспомнить, глядя на него - десятки загубленных мужицких жизней, слезы их жен и детей?

128. А слезы тех, кого кнутом загоняли на барщину? Или вынуждали платить огромный денежный оброк, столь необходимый для устройства версальских увеселений на украинской почве. А слезы тех женок и сирот, которым приходилось закладывать последнее имущество евреям-арендаторам? - Этих слез хватило бы не на один Софийский каскад!

129. - Но погодите, погодите! Почему же считать только крестьянские слезы, только украинские? Почему бы не вспомнить жертвы восстаний, муки и кровь невинных

польских детей и женщин, растерзанных, словно хищными зверями...

130. А кровь евреев? В одном только 1648 году погибло более 200 тысяч евреев! Это по тем-то временам!

131. Да что Хмельница?! В 1768 году в этих местах пробушевала знаменитая Колиевщина, когда гайдамаки вырезали почти всех поголовно, кто контактил с панями. А кто с ними не контактил? И вот, едва успели забыться ужасы Колиевщины, как здесь в Умани строится этот прекрасный парк, руками вконец забитых хлопков. Уж теперь-то, под тяжелой пятой русского царя, под страхом рекрутчины и сибирской каторги, наверное, можно было безопасно утверждаться здесь западной красоте? Но вспомните вихрь 1917 года. Не отсюда ли его истоки? Этих ужасов Украина не избыла до сих пор, нет, не избыла!

132. Таинственна и глубока роль искусства и красоты в нашей жизни. Но, к сожалению, не всегда можно придать им положительный знак. Когда красота чужая, паразитическая, добро, которое она несет, зачастую меньше зла, связанного с ее созданием.

133. "Источник Гиппокрена". По преданию, выбитый копытом Пегаса из скалы и ставший ключом поэтического вдохновения.

134. Каким вдохновением, какими мыслями способно заразить нас зрелище Софиевского чуда?...

136. г. Дубно знают все по повести "Тарас Бульба". Сегодня это ничем не примечательный город, а ведь известен еще с 1099 года. В 14-м веке он был отдан князю Федору Острожскому и вплоть до XX века был владельческим городом, принадлежал напоследок княгине Баратынской.

137. В конце 15-го века был выстроен Дубненский замок, а город обнесен теперь исчезнувшей стеной.

138. Замок неказист с виду, но, окруженный ревой Иквой и рвами, был неприступен, и потому за всю историю его не удалось занять ни татарам, ни, что еще важнее, - казакам. И столь крепка вера в неприступность этого укрепления, что его

до сих пор не выпускают из рук военные, расположив на постой воинскую часть и неодобрительно косясь на фототуристов.

139. Впрочем, если постараться, то можно представить, как из этих крепких стен вылетают на конях польское рыцаря и с ними "наибыстрейший" младший сын Бульбы - Андрий, породнившийся с полячкой... Обычный в те времена факт Гоголь представил, как позорное предательство простодушного Андрия, очарованного интеллигентной полячкой.

140. А там, уже в поле, встретил отступника-сына Тарас и убил его, и поклялся извести всю польскую красоту под корень... (Гоголь): "И выполнил бы он свою клятву. Не поглядел бы на ее красоту, вытащил бы за густую, пышную косу, поволок бы за собой по всему полю, между всех казаков. И сбились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи, разнес бы он по частям ее пышное, прекрасное тело..."

141. С удовлетворением живописует Гоголь бесчисленные расправы Тараса и его коллег за соблазненного младшего и казненного старшего сынов: "А что же Тарас? - А Тарас гулял по всей Польше со своими до Кракова. Много избili они всякой шляхты,

142. разграбили богатейшие и лучшие замки, распечатали и поразливали по земле вековые меда и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребях. Изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утварь, находимые в кладовых. "Ничего не жалеите, - повторял только Тарас, - Не уважили казаки чернобровых паненок, белогрудых светлоликих девиц. У самих алтарей не могли спастись они.

143. Зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки поднимались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы сама сырая земля и степная трава поникла бы долу от жалости. Но не внимали ничему жестокие казаки. И поднимали копьями с улиц младенцев их и кидали к ним же в

пламя. "Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе", приговаривал только Тарас, и такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении".

144. Легче всего представить Тараса и всех казаков только зверями. Так и хочется схватить осатаневших убийц и ткнуть в собственную кровь: "Пейте теперь досыта!" Поляки так и поступают. На берегу Днестра жгут захваченного Тараса, получая взамен от него торжествующие проклятья и заветы на веки веков:

145. "Прощайте, товарищи! Вспоминайте меня и будущей весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте... Что, взяли, чертовы ляхи? Постоите, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера. Да нет на свете силы, которая бы пересилила русскую силу!"

146. Господи, как он прав оказался, этот казак. Тарасов крик остался навеки в украинской душе, воспитывает ее до сих пор.

147. Сейчас костел в Дубно превращен в одно из фабричных помещений, въездные ворота в жилой дом, а на месте бывшего еврейского кладбища построена автобусная станция.

148. Вид дубненского еврейского кладбища особенно удручает: перерезанное дорогами, разбитое, сломанное, обгаженное, оно саднит, как надругательство над памятью основной части горожан. В конце прошлого века пять седьмых здесь было - евреи.

149. Встреченная женщина, простая украинка, с горечью рассказывала о том страхе, который наводили при немцах бендеровцы своими расправами над евреями и поляками. И о том равнодушии, с каким нынешние власти ломали кладбище.

150. Она считает, что Бог за это людей накажет. Наверное, она права.

151. Дорога на Кременец Автобус по маршруту Каменец-Кременец вез нас на север около 7 часов. Хмурым дождиком проводила нас старая турецкая крепость.

152. Хмурыми казались и встречные села: обычные дома и надоевшие красные лозунги с серыми словами.

153. И вдруг что-то изменилось. Дорога пересекла широкую долину с речкой под названием Збруч, выглянуло солнышко, и на нашем пути стали попадаться совсем иные местечки,

154. с костелами, с затейливыми по отделке домами, ухоженными палисадниками, радостной зеленью и чистыми горизонтами.

155,156. Казалось, что и здания, и сама природа задались целью показать нам, как отлична Украина восточнее Збруча, разоренная революционными катаклизмами 20-30-годов, от Украины западнее Збруча, входившего до войны в состав Польши. Пусть костелы сейчас закрыты и пустынные базары и магазины, отпечаток западного духа уже неизгладим в этих селах и людях. Почему? Православие здесь приспособилось к Западу, стало униатством, и пусть не сразу, но униатство стало добровольной религией западных украинцев.

157. В конституционных государствах Австрии и Польше панам-грабителям были укорочены руки. Поэтому польская и украинская культура могли здесь жить рядом, не угнетая друг друга.

158. В местечко Гримайлове еще жив дом, который посещал Адам Мицкевич, и памятник ему. Мы пользуемся этим случаем, чтобы вспомнить стихи великого поляка, воскрешающие легенду этих мест:

159. Замок в г. Скалате

Подводят тараны - и стены во прахе.

Снаряды посыпались градом.

Несчастные матери мечутся в страхе И дети, и девушки рядом.

И крики повсюду: "Спастись мы не можем!

Русь валит, и нет ей отпора!

Так нет же! Мы сами себя уничтожим!

Погибель нам лучше позора!"

160. В неистовстве люди костры разжигают,

Швыряют соковища в пламя,

И хворост приносят, и зданья пылают,

А крики грозней и упрямей:

"Проклятье тому, кто себя не погубит.

Врага ли призвать в городские пределы,
Свободу навек уничтожив,
Иль дать совершиться безбожному делу?
О боже, кричу я - о, боже!"

161 Не нам покоряться противнику злomu.
Мольбу нашу, боже, приемли.
Пускай поразят нас небесные громы
Пусть ляжем мы заживо в землю...

162. И вдруг словно днем посветлели просторы
Окутано все белизною.
К земле опускаю испуганно взор я –
Земли уже нет подо мною...

Так жены и дочери Свитезя-града /Избегли резни и плененья.
На зелень вокруг обрати свое зренья:
То Бог превратил их в растенья.."

163. г. Кременец мы считаем подарком судьбы. Был бы автобус нужного направления - не видать нам Кременца.

164,165. Виды отсюда...

166. Город расположен весь в долине между двумя гребнями кременецких гор. Высота - 400 м. - для Украины это немало.

167. На самой большой высоте, прямо над городом, лежат остатки кременецкой крепости. Как будто боги подняли городскую цитадель на недосягаемую высоту.

168. Первое упоминание о нем содержится уже в Ипатьевской летописи и относится к 1206 году. Разорен татарами, потом был долго замком Свидригайло, главного конкурента литовского великого государя Витовта.

169. В это время Кременец был сильной крепостью, и лишь 17 век его подкосил. В 1648 году он был взят казаками Хмельницкого,

170. превращен буквально в груды камней и, как выразился словарь Брокгауза, с тех пор не восставал из запустения.

171. На городской окраине сохранились казацкие могилы. Православные каменные крыжи, одинаковые до жути, они скорее напоминают не памятники революционерам, а кресты

немецким солдатам, несшим новые порядки в сопредельные земли.

172. Сегодняшний Кременец невелик, но чист и ухожен. Вдоль его основной улицы расположилась и соборы, и магазины.

173. Взгляд останавливается на старых домах необычной конструкции.

173. А на этом доме висит табличка: "XVIII столетие". До чего же приятно видеть такую древность, и столь ухоженной. До чего ж хорошо сознавать себя молодым рядом со столь еще крепким и красивым стариканом!

175. Но и новые дома, которые строят сегодня по склонам кряжа, тоже вызывают наше уважение. Хорошо живут люди.

176. Мы провели ночь в лесу над городом, утром имели возможность

177. пройти его из конца в конец.

178. Первой на нашем пути оказалась деревянная православная Крестовоздвиженская церковь. С шатровой колокольней, любовно украшенная резьбой, в хорошем состоянии. Церковь закрыли всего 12 лет назад, и, как жалуется старушка, только потому, что двух церквей на такой город не полагается.

179. А мы вспоминаем прошлый век: 13 тысяч жителей. Из них православных лишь 6 тысяч, евреев - 5, и полторы тысячи католиков.

180. А было 10 православных церквей, монастырь, костел, синагога, 9 еврейских молитвенных домов. В многонациональном Кременце жили спокойно, под сенью старой крепости, торговали, работали, учились и вырабатывали благорасположенность друг к другу.

181. Отсюда и дух города, возможно, сохранившийся и донныне.

182. Вот над улицей возвышается обезглавленная колокольня бывшего мужского монастыря. Здесь расположилась городская больница.

183. Что ж, все же лучше склада, хотя, без сомнения, было бы еще лучше, если бы больница осталась монастырской, и не только для тела, но и для души.

184. В самом центре города расположился удивительный комплекс, назначение которого мы не сразу поняли. Издали - костел, а вблизи - он оказался настоящим университетским средневековым городком

185. с множеством корпусов, внутренних двориков, спортивных площадок, обсерваторией.

186. В этих тихих корпусах, в окружении тихой природы и чистоты, наверное, очень хорошо учиться. Наверное, могут воспитываться чистые души.

187. Потом мы узнали: здесь был устроен Лицей, при советской власти - пединститут, а сейчас - педучилище. Вот так, не отказываясь от костела, а лишь добавив к нему учебные корпуса, устроили горожане красивейший университет, пусть и носивший имя Лицея. Из костела он вырос цельным и гармоничным, как бы сохранив все сокровища старой культуры.

188. И пусть сегодня у его входа висят безобразные красные доски, мы убеждены, что украинцы будут здесь учиться не только по красным учебникам.

189. Они будут проникаться самым здешним лицейским воздухом, европейским духом старинного красивого города, созданного на этой многострадальной земле трудами множества людей разных вер и крови... И, покидая свою кременецкую

190. "Альма-Матер", украинские выпускники будут отныне не разорять чужую, а создавать свою, национальную, европейскую культуру... Мы верим!!!

Сценарий диафильма «3. Центр – Хмельнищина и Руина»

1,2, 3. С использованием книги А.Ефименко "История украинского народа". 1906г. и стихов Т.Г.Шевченко.

4. В начало своего украинского маршрута, город Запорожье, мы приехали ночным поездом. Приехали с детьми. Какой-то шабашный автобус в третьем часу ночи доставил цыганствующую семейку на остров Хортицу, где среди раскидистых белых акаций она поставила палатку и заночевала.

5. Встала поздно и, позавтракав чем было, вышла на дорогу

6. в поисках знатока или "сичевого патриота", человека, который смог бы показать или рассказать, что осталось на Хортице от жилья и укрепления запорожского вольного войска, этого главного аргумента украинской самостийности.

7. о. Хортица Но мы никого не встретили и ничего не нашли. Взобравшись на железнодорожную насыпь, увидели только зеленое море приречного леса, в котором, видимо, и погибли недолговечные укрепления запорожских казаков.

8. А на турбазе пожилая женщина-инструктор объяснила, что ни в городе, ни на острове от запорожцев ничего не осталось. Только дуб в предместье. Точнее, какие-то остатки, наверное, есть. Но разве найдешь их в зарослях, а на восстановление денег не дают. Может, опасаются усиления украинского национализма... если начнется сюда паломничество.

9. г. Запорожье. Лишь два века существовала эта анархическая республика, на ничейной земле между тремя сильнейшими державами. Будучи чисто мужским братством, в непрерывных походах и осадах, Запорожье нашло-таки способ для себя длительного существования, разместив свои семьи выше по Днепру

10. под Киевом. Вольная страна под анархической защитой запорожцев стала впоследствии идеалом для всего народа. Там, в бывшей гетманщине, сегодня живут наши родичи,

11. туда лежит наш путь по Днепру.

12. Обратнo в город мы возвращались плотиной Днепрогэса, затопившего почти все днепровские пороги.

13. Суда спокойно проходят шлюзом, и лишь после плотинного

14. слива сохранилось несколько седых камней, свидетелей былого. Ведь во все века русской истории днепровские пороги играли огромную роль, как самый большой контакт Леса и Степи, Запада и Востока, Европы и Азии.

15. Сейчас здесь Днепр широк и глубок. Раньше же эти камни высились грозными скалами, мимо которых водопадом проносилась вода Великого Пути из Варяг в Греки.

16. Суда приходилось обносить по берегу, т.е. по Степи, всегда принадлежавшей очередному племени кочевников. Обладая на порогах военным преимуществом, степняки грабили торговцев и даже уводили их в рабство. Вместо торговли господствовала романтика войн и насилия.

17. Так повелось здесь издали, как будто виноваты во всем именно эти зловещие камни. Торговцы и земледельцы здесь сами хватались за оружие, а себе в защиту призывали таких варягов грабителей, и в них перерождались.

18. На этих порогах был убит киевский князь Святослав, внук Рюрика и первый русский завоеватель Хазарии и Болгарии, властитель огромных степных пространств от Дуная до Кавказа и Волги. По облику и повадкам, он был типичным запорожцем, и хотя убит степными конкурентами здесь на порогах, но своей судьбой провозвестил русское будущее всего здешнего края.

19. Земледельческая Русь стала казацкой степью и татарским Востоком и подчинила себе огромную империю. Победив Азию внешне, она сама стала Азией внутренне.

20. С 14-го века Днепр уже потерял важное торговое значение. Зато в его порогах засело запорожское казачество, плоть от плоти нашей. Это сейчас стоит здесь город, а раньше, в сплошных зеленых тугаях, на островах, за бешеными струями, казацкие арсеналы и жилища были почти недосыгаемы...

21. Мы идем к единственному сохранившемуся памятнику на Хортице - 700-летнему дубу, видевшему запорожцев.

22. По преданию, под его огромными ветвями они собирались советами: или выбрать нового кошевого, или решить, в какой

отправиться поход. Ведь теперь не Степь приходила к порогам для грабежа, а наоборот, запорожцы отправлялись в набеги.

23. В 1594 году Лессота свидетельствовал: "В Запорожье всего три тысячи казаков. Живут они в кошах, т.е. в шалашах из хвороста, укрытых лошадиными кожами. Главная власть - войсковое вече, большое для всех и малое для старшин". Особенно подчеркивает Лессота их независимость. Казаки брали жалованье от московского царя за охрану его владений и считали себя вправе уйти на Дон, хотя государство их на Днепре. "Они совершенно свободно вели договоры о службе немецкому императору, заключали союз с татарским ханом, делали нападения на молдавские, татарские, турецкие владения".

24. Вера и происхождение призывали украинцев к защите земли от Юга, и потому они воевали главным образом с татарами и турками. Но то, что они жили за счет отнятия награбленного татарами, объективно интересовывало их в продолжение татарских набегов. В народных песнях, легендах запорожцы под дубом остались сказочно сильными и добрыми рыцарями, защитниками народной вольности и счастья.

25. Историческая же реальность была много сложнее.

26. По Днепру От Запорожья на саму Украину, вверх по Днепру, до Кременчуга и Черкасс мы плыли на "Ракете"...

27. Мы проплывали пустынные берега, шлюзы, городские кварталы Днепропетровска.

28. Ядовитые дымы металлургического и коксохимического комбинатов Днепродзержинска.

29. Днепр как будто превратился в огромную промышленную артерию, по которой выбрасываются в Черное море отходы современных технических колоссов.

30. Земля Украины оказалась богатой не только климатом и плодородием, но и железной рудой и углем. И вот волей партии и народа грохочущие гиганты съедают украинскую землю, коптят лазурное небо и подгаживают днепровскую воду.

31. А ведь еще со школы мы знали: "Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Не зашелохнет, не прогремит, будто голубая дорога реет и вьется по зеленому миру. Нет ему равной реки в мире".

32. Сегодня такого Днепра фактически нет. Он умер. Есть только цепь водохранилищ, плотин и шлюзов. И тягостно плыть

33. среди широчайших водных равнин, едва примечая вдали низкий невзрачный берег. Как будто само море пришло сюда и затопило столько лет обижавшую его реку.

34. с ее порогами и казаками, теми самими, с бритыми головами и чубами, что предавали разорению цветущие берега

35. Анатолии. И повествует Гоголь: "Малая Азия видела чалмы своих магометанских обывателей раскиданными, подобно бесчисленным цветам на смоченных кровью полях и плавающими у берегов... Запорожцы переели и переломали весь виноград. В мечетях оставили целые кучи навоза. Персидские дорогие шали потребляли вместо очкуров и опоясывали ими свои запачканные свитки. Весело плыли назад, к устью Днепра".

36. Свою добычу запорожцы продавали поджидавшим их здесь еврейским и прочим торговцам, а на выручку кормили не только себя, но и семьи. Гетманщина и Запорожье были связаны нераздельно.

37. Днепр был их отцом, Степь - матерью, а сами она воспитали всю Украину.

38. В Гетманщине под прикрытием запорожского заступничества сходились смелые и независимые люди со всей Западной Руси, Литвы и Польши. Опустевшая с Батыева завоевания земля снова наполнилась людьми. И хоть нелегко было женщинам растить детей, когда мужья и братья уходили в казацкие набеги, хоть и боялись они татарского полона и турецкого рабства, все же такая опасная, но вольная жизнь была украинкам больше по нраву, чем холопство у московских бояр или польских панов.

39. Правда, польские короли пытались повлиять на Запорожье и Гетманщину, организовать казаков. И даже установили им жалование за охрану южных границ. Начиная со Стефана Батория, казаки были сведены в 6 реестровых полков по 1000 человек в каждом и распределены - в Черкассах, Каневе, Чигирине, Корсуни, Умани. А во главе казаков был поставлен выборный гетман, только утверждавшийся в Варшаве. Фактически это была автономная земля.

40. Стихи Т.Г.Шевченко

Була колысь гетьманщина,/Та вже не вернеться;

Було колысь - панували,/Та більше не будем...

Ті її слави козацької/Повік не забудем!

Україно, Україно! /Серце моє, ненько!

Як сгадаю твою долю,/Заплаче серденько!

Де поділось козацтво,/Червоні жупани?

Де поділась доля-воля, /Бунчуги, гетьманы?

41. Де поділося? Згоріло?/А чи затопило

Синє море твоїї гори, /Високі могили?

42. ЧеркассиСегодня в бывшей гетманской столице, а ныне областном центре, вместо Днестра можно увидеть только бескрайнюю

43. гладь водохранилища, подошедшего к самому центру старинного города.

44. Впрочем, от старинного города ничего не осталось даже в архитектурных влияниях.

45. Звание областной столицы заставляет Черкасси менять свои дома и улицы на стеклянно-бетонные коробки, потесняя, а иногда и уничтожая дореволюционные особняки потомков

46. русско-польской шляхты и еврейских торговцев.

47. Стираются следы веков, и о прошлом Черкасщины теперь легче судить вне города...

48. Автобус длинной дамбой переезжает Черкасское море, чтобы

49. через Яготин попасть в Переяслав-Хмельницкий. Когда-то торная дорога на Восточную Русь, по которой шло великое славянское переселение, ныне стало обычной дорогой по

необычной дамбе, и мы катим по ней любопытными туристами...

50. Украинский музей деревянной архитектуры в Переяславе-Хмельницком Древний Переяслав богат историческими памятниками, но, кроме того, он имеет на небольшом удалении от себя настоящее музейное село, где стоят десятки хат от первобытных языческих времен до совсем недавних, куркульских.

51. Хаты окружены огородами, которые смотрители возделывают, как свои собственные, что придает деревне еще больший эффект подлинности, а нам - праздничности.

52. Богато, чисто жили предки современных украинцев. Огромные хаты, выбеленные снаружи и убранные рушниками внутри, устланные пахучей травой, с бесчисленной утварью - они хоть кого расположат к восторгам и сентиментальности. Но ведь так оно и было! - Правда, не у всех и не во все времена. Не во все времена - вот это главное!

53. Когда украинский мужик не зависел от мертвящих поборов московского царя или от причуд жадной польской шляхты, он жил именно так, богато, на зависть всем соседям. Упорство в труде, щедрость земли, переимчивость чужих достижений - все это не могло не приносить обилия и довольства. И лишь опасности татарских набегов и запорожских неурядиц возмущали спокойное развитие этих мест...

54. Села жили тогда общинами, сами выбирали себе власть, судей. - Центральная площадь села! Площадь собраний как бы олицетворяла местную власть. Здесь же объявлялся сбор местного казачества в размере сотни или полусотни. Площадь была местом и торжища, ярмарки, и потому дома,

55. выходящие на нее, становились по обычаю торговыми рядами.

56. Однако, хозяйственный расцвет казацкой Украины не мог быть долговечным. Вслед за укоренившимися украинскими поселенцами, на эти земли начинают зариться польские шляхтичи, требуя от короля за свою службу - имений. И со времени Люблинской унии стали получать требуемое. Но как

заставить работать на себя живущих на этой земле вольных людей?..

57. Сегодня польские пионеры с интересом смотрят на украинскую деревню. Возможно, некоторым из них приходится подавлять при этом некоторую неприязнь, воспитанную веками жестоких войн и взаимных расправ.

58. А началась эта братоубийственная рознь между поляками и украинцам именно с года Унии, когда была насильственно стерта граница между двумя родственными, но разными по культуре народами. Граница была снята, но образовавшаяся классово-национальная смесь дала убийственный взрыв, взрыв, затянувшийся на столетия.

59. Ведь шляхтичи, приезжая на пожалованные земли, начинали, прежде всего, строить себе и палаты, и дворцы, замки и крепости - как в Европе, но руками украинцев. А поскольку здешние мужики были ленивыми, т.е. избалованными

60. казачьей вольностью, и непривычны к подневольному труду, то следовало научить их силой. Пусть не сразу, но неуклонно. Нет, не будет так, чтобы "мужик жил пышнейше, нижли пан" - говорили паны.

61. И вот мужиков, прежде всего, переписывали в реестр, уничтожали общинное самоуправление и накладывали непосильные подати. А после разорения мужикам предлагалась фольварочная система, т.е. попросту говоря - коллективная барщина на барских полях, хлеб с которых шел в Европу на продажу. Прямо как в нашу коллективизацию.

62. Село! Село! Веселі хаті!/Веселі здалека палати -
Бодай ви терном поросли! /Щоб люди й сліду не нашли,
Щоб і не знали, де й шукаты.../Гуляє князь, гуляють гості,
Ревуть палати на помості,/ А голод стогне на селі.

63.И стогне вин, стогне по всій Україні.

Кара господтва. Тисячами гинуть
Голодні її люди. А скирти гниють.
А пани й полову жидам продають.

64. Вдумываясь в историю Украины, ее войн с Западом, видишь невинность сторон, видишь трагическую неизбежность всего происшедшего: резни, революций, не раз превращавших украинскую землю в руины.

65. Конечно, Запорожская Сечь не могла не вмешиваться в происходящее закабаление Украины. Не могла не защищать своих родичей и своей православной веры. Постепенно она поворачивает оружие с Юга против Запада, раз за разом поддерживая восстания на Украине.

16-й век Уже в 1591 году произошло восстание гетмана Косинского, в 1595 - восстание знаменитого Наливайко. Правда, последующие затяжные войны с Турцией и Россией прервали процесс закабаления и восстаний, но зато все начинается снова.

66. 17-й век 1630 год - восстание Тараса Трясило. 1633 - восстание Сулимы, 1635 - Павлюка, 1637 - гетмана Острицы. Все эти войны были неудачными. Западная техника и воинская выучка давали полякам многократное преимущество над вооруженными толпами крестьян. А от Запорожья помощь была еще не велика. Ведь многих казаков подкупала перспектива

67. королевской службы в реестровом войске и возможность самим выбиться в шляхту. Так и последняя польско-казацкая война 1638 года закончилась своекорыстным соглашением. Хотя почти вся Украина оставалась панской, но 6 тысяч реестровых казаков сохранили свое жалование. Шляхта могла праздновать победу и уж без опаски приступить к переустроению завоеванных земель на рабской основе. Но она ошибалась в своем самодовольстве! За последующие 10 лет народом был накоплен огромный запас ненависти.

68. И в 1648 году страна услышала о Хмельницком. Богдан был чигиринским сотником 50-ти лет, когда поднял восстание и стал фактически руководителем национальной революции.

69. Он был очень образован по тому времени. Учился в киевской братской школе, а потом в Иезуитском коллегиуме. Под его водительством казаки совершили два похода на

Турцию. Два года он провел в стамбульском плену, много раз участвовал в казачьих депутациях на сейм и к королю. Богдан был богатым хозяином и осторожным человеком. Но в то время обнаглевшая польская шляхта перестала считаться даже с казацкой старшиной. Какой-то мелкий шляхтич Чаплицкий отнял у Хмельницкого и жену, и имение, а когда тот попытался на законном основании защититься и отомстить за оскорбление, то за польского шляхтича встал могущественный род магнатов Конецпольских. Хмельницкий был облыжно обвинен в государственной измене и бежал в Запорожье.

70. С прежней спокойной жизнью было покончено. Запорожье и вся Украина получили опытного и энергичного вождя. Его первым шагом было заключение военного союза с крымско-татарским ханством. Задача борьбы с поляками стала такой понятной, что необходимость этого противоестественного союза ни у кого из казаков не вызвала сомнения.

71. Именно союз с крымцами обеспечил быструю победу украинской революции над польским государством. Но этот же внешний союз и обусловил внутреннюю непрочность достигнутой победы. Украина так и не смогла стать на собственные ноги. Так, был ли прав Богдан, осуществив этот союз-измену? Опыт предыдущих восстаний свидетельствовал, что своей силой Украина освободиться не может. И потому этот шаг был одобрен народом. Но одобрила ли его история?

72. Обеспечив союз с крымским ханом, Хмельницкий стал слать по Украине зазывные листы - призыв к восстанию казаков и всех селян.

73. Видимо, не отставала в этой пропаганде и православная церковь. Ведь идеология всегда необходима победоносной революции. И хотя часть польской шляхты видела надвигающуюся бурю и готовилась к защите, но предотвратить ее уже ничто не могло.

74. В мае 1648 года произошла первая встреча части польских сил - с запорожцами и татарами - на Желтых водах в долине реки Тясмин. Поляки были уничтожены. Уничтожены

коварно, после сдачи оружия и руками татар... Война пошла сразу же серьезно, на уничтожение.

Червоною гадюкою / несе река висти,

Щоб летили крюки в поля /Ляшків-панків йсти.

75. Оставшаяся часть польского войска отступила к Корсуни, к реке Рось, но не удержалась на этом рубеже, была окружена и попала в татарский плен...

76. В том же мае умер польский король, что, собственно, и завершило успех революции. Украина оказалась без панских войск, а Польша - без королевской власти.

77. Хмельницкий стал под Белой Церковью, сзывая к себе всех, способных носить оружие. И Украина поднялась. Как один - вплоть до Волыни и Подолии. С энтузиазмом принялась за очищение земли от панов и арендаторов, т.е. от поляков и евреев, и от их идеологических пособников - ксендзов и католических монахов.

78. Замки и крепости теперь их не спасали, ибо слуги и православные горожане раскрывали ворота для народной расправы. Поголовная смерть была единственным видом кары.

79. Кровь текла рекой. Все жестокости были превзойдены. Одних евреев погибло 250 тысяч. Просвещенной шляхты, наверное, еще больше. А с ними заодно гибли зачастую и православное дворянство. Под знаменем национального восстания свершалась революция социальная.

80. Как будто весь тот пот и жизни, которые польский Запад взял с украинских туземцев, чтобы выстроить здесь свою культуру, теперь был взят обратно кровью неудачливых панов - и за прошлое, и за будущее вперед. Тогда и родилась дьявольская народная поговорка: "Шляхтич та жид тильки печени добри".

81. При этом гибла и западная культура. Народ возвращался к отцовскому наследию, скидывая эту культуру, как лакейскую шкуру. Все сотни тысяч жертв, уничтожение культуры - можно ли их оправдать надеждой на укрепление украинской нации? На ее будущее? Даже если эта светлая цель была бы достигнута?

82. Но в том-то и дело, что эти жертвы не дали Украине ни доли, ни воли... А может, потому и не дали...

83. После следующей крупнейшей победы и позорнейшего поражения "всепольского ополчения" под Пилявцами Хмельницкий вступил в саму Польшу и встал перед ее ключом - крепостью Замостьем. Он был осторожен и не жаждал завоевания Польши. Тогда татарские загоны грабили и брали людей в рабство по всей Польше, вплоть до ее западных границ. Трезвый ум Хмельницкого подсказывал, что Украине трудно, невозможно стать самостоятельной в окружении своих великих соседей, и потому не надо спешить менять польское подданство на московское или турецкое ярмо, что следует добиваться автономии в пределах старого государства. И потому, дождавшись избрания на Сейме нового, угодного Хмельницкому короля, он подчиняется королевскому приказу и удаляется из Польши к удивлению и горю своих горячих соратников.

84. Триумфальным въезд Хмельницкого в Киев в конце 1648 года, изображенный знаменитым памятником, является одним из важнейших психологических поворотов в украинской истории. Ведь тогда-то и родилась украинская мечта о самостоятельности...

85. При звоне колоколов киевских церквей, выслушивая приветствия митрополита и духовенства, бурсацкие канты, посвященные "освобождению Руси от ляшской неволи". Хмельницкий, действительно, мог подумать о себе не как о подданном польского короля, а как о гетмане Божьей Милостью, монархе, а об Украине - как о суверенной стране, использующей противоречия между соседями и их военные силы.

86. Фактической же столицей Хмельницкого, вплоть до его смерти, становится - Чигирин, в 15 км. от которого в родовом селе Субботове он и похоронен.

87. Кстати, этот город основан князем Дмитрием Вишневецким, одним из первых деятелей украинского казачества, оставшимся в народной памяти, как казак Байда. А

вот его потомок - Иеремия Вишневецкий, стал видным польским магнатом и самым способным противником Хмельницкого. Он прославился жестокостью своих расправ над украинцами. Так что украинки пугали детей именем "Яремы". Права народная мудрость: нет страшнее собственных отступников.

88. Чигирин сегодня - совсем небольшой, почти музейный город - так полон он Богдановой славой.

89. Над городом высился Богданова гора. На ней памятник великому гетману и рядом - каменный крест погибшим казакам. С этой горой и памятью о прошлом связано много

90. песен, легенд и стихов Шевченко. Недаром у лестницы, ведущей на гору, сидит каменный Кобзарь, поющий о прежней славе.

Слушайте ж, щоб дитям потим розказать,

Щоб и дити знали, внукам розказали,

Як козаки шляхту тяжко покарали

За те, що не вмила в добри панувать.

91. Для Шевченко Чигирин - святое место. Не только славы Богдана, но и как место сбора восставших веком позже гайдамаков.

Згадайте Богдана, / Старого гетьмана,

Будете панами, / Та, як ми, з ножами,

92. З ножами святими, / Та с батьком Максимом

Сю нич погуляєм, / Ляхив погойдаєм,

93. Та так погуляєм / Що аж пекло засміється,

Земля затрясється, / Небо запалає... / Добре погуляєм!

94. Такова ядовитая погромная память этого маленького города. Ужасы Хмельнищины, через 100 лет их повторение гайдамаками - и всего этого мало. Шевченко зовет к ним вновь. И в следующем, уже нашем веке, на этой земле шествует новая революция, новые руины.

95. ...Но вернемся к событиям Хмельнищины. Зборовский мир был только передышкой. Восставшая Украина жаждала полного освобождения - не только от польских, но и от собственных панов.

96. А польская шляхта не могла примириться с потерей своих имений. И потому снова началась война. Но военное счастье теперь склонилось на сторону поляков. Собрав все свои силы, подкупив и нейтрализовав татар, они нанесли поражение украинскому казачеству под местечком Берестечком в 1651 году.

97. Мемориал в Пляшево Сейчас на поле битвы стоит монастырь, выстроенный в память о погибших казаках.

98. Ой, чого ти почорнило,/ Зеленоє поле?

- Почорнило я од крови/ За вольную волю.

Круг мистечка Берестечка/ На чотирі милі

Мене славни запорожці/ Своїім трупом вкрили...

99. Я знов буду зеленити,/ А ви вже николи

Не вернетесь на волю, / Будете орати

Мене стиха та, орючи,/Долю проклинати.

100. Собор-памятник построен в начале нашего столетия. Больше памятник, чем собор. И расписан для внешнего осмотра.

101. Трагедия украинского казачества, звезда которого так высоко поднялась, а с этого места стала клониться к упадку, даже столетиями позже волновала людей, любивших Западную Русь.

102. Ступени собора спускаются к огромному, как поле, кургану, насыпанному над костями тысяч людей, долгие годы лежащих здесь непогребенными. Что же случилось в этих местах?

104. А случилась решающая битва. Ибо в 48-м году судьба застала панскую Польшу врасплох, то теперь она напрягла все ресурсы ума и силы, ибо речь шла о жизни. Хмельницкий тоже не дремал. Ведь он уже хотел полной победы. Казачко-татарские силы были велики. Но когда в решающий момент татары отказались от поддержки, военное превосходство казаков зашаталось.

105. В тот страшный час Хмельницкий как будто потерял голову. Он бросил войско и помчался к татарам, то ли уговаривать их, то ли спастись бегством. Снисходительная к

нему современная история говорит о Богдановой самоотверженности и о коварстве татарского хана, продержавшего гетмана в плену как раз на время гибели казацкого войска.

106. Но поначалу оно и не думало гибнуть. Используя выгоды местности, где с двух сторон их окружали непроходимые болота, под предводительством полковника Богуна, казаки защищались хорошо укрепленным лагерем. После 10 дней боев Богун решил пробивать оборону, чтобы сохранить основные силы украинской армии. Он навел через болота мосты и начал методически выводить войска.

107. В память об этом исходе от главного собора-памятника ведет через курган-могилу к этой трехглавой церкви подземный склепный ход... Успешности исхода, однако, помешало социальное недоверие в самом казачестве. Обнаружив державшийся в секрете исход, беднота взбунтовалась и кинулась к мосту, позабыв о битве. Этим воспользовались поляки и, смяв оборону, ворвались в лагерь. Лишь немногие смогли спастись из той ловушки, которую казаки устроили сами себе - как из-за связи с татарами, так и из-за взаимного недоверия.

108. Не только здесь, но по всей Украине стали появляться массовые казачьи могилы.

109. По полям Украины потянулись вновь караваны невольников в Туретчину. В 1648 году татары уводили поляков по наущению Хмельницкого, а сейчас, по польскому разрешению, накинулись на украинцев. Стон и плач стояли от вчерашнего союзника.

110. Однако революция не загасла. Скоро Хмельницкий оказался в центре Украины, где началась затяжная партизанская война. Жители сжигали свои дома, как бы отрезая все пути к замирению. И потому поляки должны были пойти на мир с Хмельницким, правда, более выгодным им, чем прежде. Снова восстанавливались панские привилегии, число свободных казаков сокращалось, украинская автономия официально упразднялась.

111. Недавно возникшая мечта Богдана о своем самодержавии пока не осуществилась... Казалось - ну и что с того? Разве факт мирного договора, то есть признание фактической украинской власти не важнее бумаги о подданстве польскому королю? Разве официальное согласие с присутствием польских панов на Украине важнее их фактического усмирения? - Ибо теперь, в окружении вооруженного населения, паны быстро потеряли свою спесь и жадность.

112. Первый этап украинской революции закончился официальным поражением и фактической победой. Украина осталась в составе Речи Посполитой, но уже в качестве самостоятельной силы. Равноправие с другими землями еще не было закреплено законодательно, но ведь не все делается сразу! Конечно, польские паны пытались бы вернуть себе потерянную власть, но при твердой самозащите можно было упрочить украинскую автономию и без роковой помощи извне. Отказ от экстремистских мечтаний о полной самостоятельности и верность простым жизненным интересам могли бы привести к расцвету украинскую нацию в составе польского государства.

113. Во всяком случае, иностранные путешественники тех времен говорят, что, несмотря на все тяготы и опасности гражданской войны, украинские села буквально расцвели.

114. Так, летом 1654 года дьякон, сопровождавший антиохийского патриарха Макария, писал: "О, какая это благословенная

115. страна! Умы наши поражались при виде множества детей всех возрастов, которые сыпались, как песок.

116. Множество домашней птицы и животных, особенно свиней, огромные разнообразные посева, сады и огороды, рыбные пруды и мельницы...

117. Но еще больше приводит в восторг дух народа. Многочисленные храмы, большей частью только что отстроенные, отличаются красотой своей постройки и живописностью своих икон. Казацкие живописцы заимствовали красоты нового стиля от франкских и ляшских

живописцев, и теперь пишут православные образа, будучи обученными и искусными.

118. Прекрасное стройное пение вызывает восторженные похвалы. Общественные пекарни и странноприемные дома, распространение грамотности - после освобождения люди предали с большей страстью учению".

119. Таковы были первые результаты жизни народа в первые годы революционного освобождения.

120. За недолгое время своего пребывания на Украине мы три раза соприкоснулись со свадьбами. XX век, но привычки к гулянию и общению - прежние, и тяга к старинным обычаям тоже.

121. И вот современная невеста идет по улицам своего городка в присутствии многочисленной родни и знакомых.

122. Кланяется каждому встречному и прохожему, даже мальчишке, прося у них прощения и доброго пожелания на будущую семейную жизнь. Наша современница кланяется людям так же, как и сотни лет назад, когда без их помощи и участия невозможно было растить детей в украинских злых просторах.

123. Конечно, от старых обычаев осталось немного. Больше в памяти старых людей, но и сохранившееся свидетельствует о богатых возможностях развития украинских селян.

124. Такая возможность, казалось, наступила на первом этапе хмельницкой революции... Но не компромисса хотели паны, а полного господства. Не слушая собственного короля Яна Казимира, забывая о собственных обещаниях, они раз за разом пускались в контрреволюционные авантюры.

125. Не равноправия жаждала католическая церковь, а господства над православными "схизматиками". Попытки закрывать православные храмы или переделать их в католические - насыщали страну грозovým электричеством религиозных распрей.

126. И горьким запоздалым прозрением служит сожаление Тараса Шевченко, увидевшего, что и украинцев, и поляков в равной степени задавило русское самодержавие.

127. Возможно, именно здесь, в корсунском старинном парке на скалистых берегах Роси, у знаменитого шевченковского каштана, родились эти строки:

128. Ще як були ми козаками,/А уні її не чуть було,
Отам-то весело жилось! / Братались з вольними ляхами,
Пишались вольними степами,/ В садах кохалися, цвіли,
Неначе лилі її, дівчата. / Пишалася синами мати,
Синами вольними... Росли, / Росли сини і веселили
Старі її скорбні її літа.../ Аж поки іменем Христа

129. Прийшли ксьондзи і запалили / Наш тихий рай. И разлили
Широке море слъоз і крові,/ А сирот іменем
Христовым /Замордували, розп'ялы...

130. Отак-то, ляше, друже-брате! / Неситі її ксьондзи, магнати
Нас порізнали, розвели, / А ми б і досі так жили.
Подай же руку козакові / И сердце чистез подай!
И знову шменем Христовым / Возобновим наш тихий рай.

131,132. Не хотели украинской свободы и татары. Им, специализировавшимся на работорговле славянами, была выгодна эта междоусобица. На Украину они смотрели, как на человеческий табун на откорме, из которого следует периодически отлавливать рабов на рынок.

133. Не того хотели и русские. Их цари мечтали о расширении царства, клоня дело к объединению на своем западе сначала всего славянского, а потом и остального мира. Веками вырабатывалась их тактика: разжигать у соседних народов стремление к независимости, обещать помощь единоверцам, а уж потом, надорвав их связи с прежним государством и не дав помощи, достаточной для победы, ждать, когда измученные восстаниями единоверцы сами просили русского подданства, добровольно просились в холопство.

134. Не хотели мира для Украины в составе Польши и православные идеологи, священники и монахи, не для того они поднимали народ на восстание за святую веру, чтобы уступить часть своей паствы проклятым католиком. Война с католиками до полного отделения - вот их принцип.

135. Не о том мечтала и казацкая старшина во главе с Хмельницким. Ее теперь устраивала только полная самостийность и самодержавие.

136. Даже украинские крестьяне и те не желали мириться с Польшей. Да они и вообще не хотели никакого государства, никаких господ, никаких налогов. И в любой момент были готовы подняться и уйти на Дон, к русским казакам, чтобы только не мириться с государственными тяготами.

137. ...Казацкая круглая церковь в Богуславе как бы парит над районным базаром, как бы освящает вольным духом казацких потомков.

138. Степи уже давно нет, распахана, разворочена, перегорожена. Вольница давно устоялась в оковах русского самодержавия, однако круглая церковь все еще стоит над базаром...

139. Богуслав Мы вошли в небольшой украинский городок Богуслав, наверное, почти не изменившийся со времен Хмельницкого.

140. Только значения тогда у него было много больше. Ведь здесь формировался один из 24 украинских полков.

141. Последующая история оставила его в забвении. И живущие в нем наши родственники искренне жалуется на тоску и убогость местной жизни.

142. Но не получают от нас большого сочувствия, т.к. мы с интересом знакомимся с жизнью города, столь типичного для широкой Украины.

143. Эти небольшие горбатые улочки с одноэтажными в зелени домиками вводят нас в пугливый мир нарождавшегося украинского горожанина, зажатого между казачьими грабежами, польской наглостью и еврейской конкуренцией.

144. О том, чтобы взять власть в свои руки и стать, например, вольным городом, о том, чтобы руководить политикой, и через короля скрутить своеволие польских панов и украинских атаманов - не могло быть даже мечты. В слабости городской культуры - одна из главных причин украинской трагедии.

145. Со всех сторон сюда приходили завоеватели и оседали в городах и замках, стенами отделяли цивилизацию от украинцев. А там, где украинцы все же зацепились за городскую почву, их раз за разом отрывало чувство родственности к деревенским повстанцам. Они продавали свое имущество и становились казаками.

146. И горьким парадоксом оборачивалась щедрость украинской земли, настоящей духовной пустыней. Очень редко природная талантливость пробивалась на этом ветру. К таким народным талантам принадлежал, например, Григорий Сковорода,

147. преподававший веком позже вот в этой Переславской бурсе и иных украинских "академиях".

148. Странствующий философ, деревенский проповедник... Из тех обрывков латинской учености, которые попадала с западного стола, он выработал цельное и оригинальное мировоззрение: Он был как раз из тех учителей и мудрецов, народных просветителей, которые способны заложить основы самостоятельной культуры.

149. Мы зашли в тенистый дворик старинной бурсы и дальше - под темные своды класса... Здесь пробивались первые всходы украинской интеллигенции. Но под жгучим солнцем и степными ветрами они быстро превратились в националистический и революционный чертополох.

150. Не всходило добром семя Григория Сковороды и других деятелей украинского просвещения. Неужели так было и всегда будет?

151. На Роси до сих пор пасутся городские утки и гуси. Богуслав до сих пор похож на большое село. Украинские города так и не смогли стать городскими, т.е. буржуазными по духу, не смогли оторваться от сельских идеалов и интересов. И потому не могли родить современной нации.

152-157, 158. Переяслав-Хмельницкий Прибрежные трубежские деревья закрывают общий вид древнерусского города с его церквями и собором.

159. Город здесь, на границе со Степью, стоял с незапамятных времен, и от победы над печенегами получил свое имя.

160. В память о нем русские, переселявшиеся на Северо-Восток, назвали новые города - Переяславлем-Залесским, Переяславлем Рязанским. А сегодня и сам древний Переяслав получил прозвище Хмельницкого, ибо именно здесь Украинская Рада по предложению Богдана приняла решение о переходе в подданство русского царя.

161. Мы приехали в Переяслав воскресным утром. Город туристов и музеев, объявленный символом братского воссоединения народов, предстал перед нами громадным базаром.

162. Но нас все же больше интересовали древние памятники. От начальных лет осталось совсем немного... А этот монастырь - Вознесенский, родился уже в конце 17-го века.

163. Рядом колоколяня. Она постарше. На ее стене -

164. знаки гетманского достоинства - самостийная булава и православный крест. Вот предел мечтаний наших предков, вот ценности, за которые они дрались и на чем погорели. Лучше бы они боролись за одно солнце, за саму жизнь под ним...

165. Знаменитая площадь, на которой в 1654 году собралась казацкая Рада, совет от всех полков, городов и отрядов. Где Хмельницкий январским днем задавал Раде вопросы: "Под кого хотите: под татарского ли хана, турецкого ли султана, польского ли короля или нашего, русского, православного Царя-Надежду?"

166. А подговоренные выборные кричали нестройно: "Хотим под русского царя, и к черту ляхов!" А рядом уже стоял русский боярин и держал заготовленную грамоту: Русский милостивый царь-батюшка соглашался принять своих верных украинцев, подтверждал им все вольности и никаких налогов! Т.е. все, что они хотели. И обещал помощь в придачу. Ибо прекрасно знала московская дипломатия: можно обещать сначала все, что угодно, а дальше видно будет.

167. Многие церкви Переяслава сохранились с тех стародавних времен. С ними можно разговаривать, как со

свидетелями бурных событий, последовавших за так называемым братским воссоединением, которое ни Хмельницкий, ни казаки не принимали всерьез. Сколько раз они клялись в верности и Варшаве, и Стамбулу. Теперь поклялись Москве - ну и что с того?

168. И вот соединенные русско-казацкие войска совершают победное шествие в Польшу и Литву, почти поставив их на колени. Казалось, звезда Хмельницкого снова поднялась высоко, и расчеты его верны. Свое же подданство русскому царю он трактует, как формальность.

169. Однако совсем иное думала Москва. Хмельницкий ведет себя независимо - что ж, надо его проучить. Царь заключает мир с Польшей в 1656 году, - по разделу Украины! Даже не поставив в известность украинского гетмана. Ведь цари не спрашивают совета у своего холопа.

170. Мечта Хмельницкого о независимости снова оказалась под угрозой, теперь уже безнадежной. Старый гетман еще пытается выкарабкаться из западни, спасти свою державу, опираясь на помощь шведов и венгров, но под русским нажимом и угрозой ближних русских войск он смиряется, а через год, в 1657 году - умирает, оставив власть юному сыну Юрию.

171. Богдан Хмельницкий - исключительная личность в украинской истории. 9 лет он был правителем фактически независимой Украины, и потому благодарная народная память окружила его имя легендами. Однако, по иному она оценивает заключенный им союз с русским царем, с москалями.

172. Ой, Богдане, Богданочку! / Якби була знала, -

У колисці б задушила, / Під серцем приспала.

Степи мої запродані / Жидові, німоті,

Сини мої на чужині, / На чужій роботі.

Дніпро, брат мій, висихає, / Мене покидає.

І могили мої милі / Москаль розриває...

Ой, Богдане! / Нерозумний сину!

Подивись тепер на матір, / На свою Україну.

173. Сегодня официальная пропаганда превозносит переяславскую акцию Богдана, как историческое событие. Необходимость удерживать украинцев в орбите самодержавной власти - вот главная причина раздутия этого мифа. На деле - это лишь памятник государственной пропаганде.
174. Истинные же свидетели - украинские церкви напоминают о том, что сразу после смерти Хмельницкого договор с русскими был расторгнут гетманом Выгодским, поддержанным всей старшиной и даже духовенством. Выгодский тогда сделал первую попытку вырваться из русского капкана.
175. Через три года после Переяславской Рады Украина снова вошла в состав Речи Посполитой на довольно свободных условиях Гадяцкого договора. Но эти же старинные
176. церкви могут поведать и о том, что попытки эти оказались запоздалыми,
177. что украинский народ за последующие десятилетия раскололся. Те, кто жаждал спокойствия под русским царем, переселился к России поближе, на левую сторону Днепра, те же, кто боялся восточного рабства, оставались на Правобережье, ближе к полякам.
178. Так, национально-освободительная война на Украине со смертью Богдана превратилась в гражданскую войну самых украинцев, левобережных и правобережных. Единого народа не стало, но мечты о цельной самостийной Украине сгладились не сразу.
179. Когда в 1667 году Польша и Россия заключили Андрусовское перемирие, т.е. окончательно договорились о разделе Украины по Днепру, гетман Правобережья -
180. Дорошенко решил призвать третью силу - турок для объединения Украины.
181. Турция давно следила за распрями в "Ляхистане" и готовилась урвать свой кусок добычи.
182. Летом 1672 года в Подолии появилась на соединение с казаками 300-тысячная янычарская армия во главе с самим

султаном Махмудом. О польском сопротивлении не могло быть и речи. Все крепости сносились с лица земли. На всем пространстве стояло сплошное зарево. Носились клубы дыма...

183. По Бучацкому договору Подолия становилась Турцией, а гетманщина - формально, независимой Украиной под управлением Дорошенко и покровительстве Турции. Однако турецкая помощь, связанная со своеволием и грабежами янычар, оказалась еще тяжелее польской или московской. Никакие призывы и увещевания Дорошенко не помогали.

184. Народ покидал родные места и переселялся на свободные земли Левобережья. Пустели села, пустели города, местечки за местечками... Обозы с пожитками тянулись через Черкассы и Канев. "Истощенные, бесприютные и голодные, даже без лошадей, поиздыхавших от бескормицы,

185. они шли через Днепр на Восток. В 1674 году переселились на Левобережье уманский и брацлавский полки. В 1675 году - корсунский полк. Ничего нельзя было сделать, когда сам народ покидал свою землю, предавал свою родину. Наконец, в 1676 году к русским перешел и сам Дорошенко, отказавшись от гетманского звания и своей мечты. Он окончил жизнь в московской ссылке.

186. С переходом Дорошенко Украина снова объединилась с Россией, но в очередной раз царская Россия предала украинское единство: вместо помощи русские бояре фактически саботировали ее оборону от турок. А в 1681 году заключили Бахчисарайский мир, по которому все Правобережье от Киева оставалось за Турцией. По этому же договору оставшихся жителей центральной Украины согнали, а земли их сделали нейтральной пустыней. Столь удобно разрешился для трех соседних держав украинский вопрос!

187. Послереволюционная "руина" достигла апогея.

188. "Роскошные нивы заросли бурьяном. Нигде нет жилья человеческого, ни призрака стад, которыми еще так недавно славилась Украина. Одичавшие собаки вели ожесточенную войну за существование с волками. Расплодились козы, лоси,

медведи, начали появляться даже дикие кони. Можно было видеть только безлюдные стены, покрытые мхом и поросшие бурьяном, служащие прибежищем гадов.

189. За 5 дней пути не встретишь ни души. Прекратилось движение, заросли дороги. Лишь немногочисленные караваны верблюдов под сильным турецким конвоем ходили меж Каменцем и Шарполом".

190. Таков конечный результат первой победоносной украинской революции через четверть века после ее начала.

191. г. КорсуньЕще один древний город центральной Украины, ведущий свое начало от Ярослава, а имя - от крымского Херсонеса, давшего Руси христианство.

192. Сегодня он пропагандируется в основном как музей корсунь-шевченковской битвы в последней войне, как выставка военной техники тех лет.

193. Нас же, как и других туристов, он привлекает к себе чудесным парком со старым замком на причудливых скалистых островках реки Рось...

194. 1648 год - никого ничему не научил

195. паны и конфедераты превращали украинцев в рабов.

196. кочмари выжимали хохлов досуха...

197. А украинцы - бунтовали!

198. Мы же при встрече с польским замком, выстроенным графом Вишневецким в 18 веке, вспомним время после Хмельнищины.

199. Когда никто ничего не забыл, но ничему не научился.

200. ГайдамачинаВместо казаков появилась на Украине гайдамаки, казацкие партизаны, открывавшие по весне войну с панами. И не было конца этой войне, даже когда в усмирении гайдамаков стали принимать участие русские войска. А два раза - в 1735 и 1768 году русским приходилось усмирять почти общенародные восстания правобережных украинцев.

201. Сегодня на Гетманщине нет памятников бушевавшей два века назад Колиевищины и ее вожакам. В главных пунктах этого восстания стоят лишь памятники последней войны

202. солдатам 1944 года, потомкам и наследникам Железняк и Гонты.
203. Колиевщина началась, по описанию Шевченко, по сигналу, с благословения православных священников и с захвата небольших городков вроде Лысянки и Звенигородки.
204. А потом поднялся весь народ, с каждым часом увеличивая повстанческие войска, убивая поляков и евреев везде, вплоть до укрепленной Умани. "Освященные" ножи селян принесли горя не меньше, чем современные бомбы и снаряды.
205. Горить Сміла, Смілянщина / Кров'ю підпливає.
Горить Корсунь, горить Канів, / Чигирин, Черкаси;
Чорним шляхом запалало, / І кров полилася
206. Аж у Волинь. По Поліссі / Гонта бенкетує,
А Залізник в Смілянщині / Домаху гартує
У Черкасах, де й Ярема / Пробує свячений...
207. Улиць, базари / Кривились трупом, плили кров'ю.
- Мало клятим кари! / Ще раз треба перемучить,
Щоб не повставали / Нехрещені, клятї душі.
208. -Дайте ляха, дайте жида!! / Мало мені, мало!
Дайте ляха, дайте крові / Наточить з поганих!
Крові море... мало моря...
209. Но хватит древних ужасов, хватит шевченковских стихов. Самое ужасное, что это же - стихи, это почти народные песни и думы, а мы все еще удивляемся, откуда взялось горячее для нашей новейшей истории.
210. Автор этих ужасных стихов - Тарас Григорьевич Шевченко, уроженец центральной Украины и великий национальный поэт, наиболее полно выразивший сумрачную душу украинского народа.
211. Гранитные и позолоченные памятники Тарасу Шевченко поставлены по всем городам Украины, наряду с памятниками Богдану Хмельницкому и Владимиру Ленину.
212. Шевченко стал между ними, как связующее звено...

213. Бедное сиротское детство в деревне Кирилловна, в самый разгар крепостничества на Украине. Рабство с раннего детства, и в то же время -

214. - буйные предания и песни родной земли. Образ Кобзаря, народного певца и яростного пропагандиста казацких восстаний, так крепко вошел в его душу, что стал главной жизненной задачей. Певец, призывающий к восстанию, к морю крови - это не Тарас, это сама древняя яростная народная душа в нем говорила.

215. А потом была учеба грамоте у пьянчуги-дьячка. А потом взяли в Петербург, и западное образование легло на бунтующее сердце. Добрые русские баре выучили и даже выкупили из рабства талантливого украинского юношу, но что он мог сделать со своим сердцем?

216. - И вырос из мальчика утонченный и самолюбивый художник и поэт, эстет по виду, большевик-разрушитель по глубинным стремлениям. Высшая культура, помноженная на вековую ненависть - страшное оружие.

217. Как только Тарас стал самостоятельным, почувствовал, что его главное призвание - в поэзии, и нашел единомышленников в Кириллово-Мефодиевском подпольном обществе, так и родились у него эти кровавые бунтарские строки, расплатой за которые стали тюрьма и ссылка.

218. Ожесточенно борется он и с либералами, которые не могут приветствовать народных расправ, посылая проклятья тем, кто "ни зважає Гонту".

219. Призывы к морю крови в нем сочетались с удивительной душевной нежностью и сентиментальностью. Сколько слез он пролил над судьбами украинских дивчаток, обманутых панами и москалями, сколь жалобно описывал судьбы сиротинок, как тосковал по родным зеленым садочкам. И может, эта чрезмерная чуткость и жалостливость и питали его яростный гнев, его ужасные призывы,

220. сделавшие его первым украинским поэтом не только для народа, но и для всех политиков на украинской земле - от большевиков до самостийцев и даже фашистов. Все клялись

его именем, все жалели Украину и призывали покарать ее врагов.

221. г. КаневКанев выглядит ухоженным киевским пригородом, так часто сюда совершаются паломничества с Киева и со всей Украины, так важна могила Кобзаря для украинских патриотов.

222. На удивление нам, Канев, основанный в 11-м веке, сохранил свой соборный городской храм.

223. Этот кирпич - почти ровесник городу.

224. Службы, конечно, нет. Ее заменил музей, "естественно", "по просьбе населения", под властную диктовку.

225. Но даже музей выхолощен. Напрочь освобожден от истории, от ее тягостных уроков. В нем - только собрание предметов декоративного творчества, объектов официальных похвал и восторгов. Но Бог с ним, с этим музеем!

226. Поднимемся по высоченной лестнице вместе со всеми к главной украинской святыне - к могиле Кобзаря на приднепровской горе... Великолепная гранитная лестница поднимается тяжелыми похоронными маршами,

227. чтобы выйти, наконец, наверх, полностью подготовить душу паломника к предстоящему таинству поклонения и клятвы.

228. Сохранился старинный дом, в котором когда-то Шевченко жил в усадьбе своих друзей.

229. Рядом огромный музей жизни и творчества, уступающий по масштабам лишь ленинским музеям.

230. Сохраняется первоначальный чугунный памятник.

231. Но вот и сам памятник, вознесший Кобзаря высоко-высоко, над всем украинским миром, над всеми украинцами, твердящими эти строки наизусть

233. Як умру, то поховайте / Мене на могилі,
Серед степу широкого, / На Україні милій,
Щоб лани широкополі, / І Дніпро, і кручі

234. Було видно, було чити, / Як реве ревучий
... Поховайте та вставляйте, / Кайдани порвіте
И вражою злою кров'ю / Волю окропіте.

235. И мене в сім'ї великій, / В сім'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути / Незлим тихим словом.
236. Вся Украина, вся страна твердит эти "незлые" строки о потоках вражьей крови. Чья же это кровь? Где эти враги? Почему жив и все возвращается этот культ? Почему он не умер? Когда же станет иначе на ласковой Украине?
237. - Не знаем, не знаем, не знаем.
238. г. Киев Вот мы и добрались до столицы Украины, до ее современной и будущей истории. Великолепна панорама древнейшей столицы всея Руси,
239. раскинувшейся на зеленом днепровском берегу вокруг храма Софии.
240. Ближе к берегу видна Киево-Печерская Лавра и Выдубецкий монастырь. На поклон к киевским праведникам и угодникам издавна ходили все православные...
241. Киев церковью и монастырем оказался главной идеологической твердыней украинцев в их противостоянии Польше, но не против православной Москвы. Со времен татарского разора Киев не был в центре украинской истории. Она текла южнее - в Гетманщине и Запорожье. Но духовному вождю и не пристало быть в центре вооруженных восстаний. У него иное предназначение.
242. Здесь, в резиденции киевского митрополита работала и первая славяно-греко-латинская академия. Здесь западная образованность обращалась на дело защиты православной веры. Здесь переводились на украинский язык и казацкие нравы плоды западного просвещения, превращаясь в адскую горючую смесь бурсацкой вольницы. Опасности какого обучения учителя понимали, но они не могли поступить иначе.
243. Ибо запад был рядом и угрожал поглощением. Поблизости от Крещатика, когда-то крестившего древних киевлян, строились католические соборы, грозившие превратить православных не столько в поляков, сколько в холопов и рабов.

244. Не удивляйтесь странности этих кадров, это фотографический брак, результат наложения европейских кадров - на азиатские.

245. Но мне, правда, кажется, что это наложение хорошо выражает деформированность киевского развития...

246. Запад наступал по Крещатику в блеске технических знаний и интеллектуальной культуры, военной организации и завидной по красоте жизни.

247. Православие могло отразить это наступление только усвоением приемов и оружия противника, только обучением. Но как сегодня марксистская пропаганда, борясь с буржуазной идеологией, на самом деле сама перерождается в ревизионистскую ересь, так было и раньше. При этом византийские православные кубы церковью приобретали барочные главы, а в православии возникала украинская ересь.

248. Православные храмы в Киеве довольно сильно отклонились от древнерусских образцов, но своего имени и содержания своего православия они не потеряли. Здесь был передовой рубеж. И этот рубеж русского православия и польского католицизма воспитывал мечту о самостийности Украины.

249. Сегодня старый Киев сложен в основном из многоэтажных домов конца прошлого и начала нынешнего веков, с пышными лепными украшениями и бледно-зеленой или синей

250. по белому раскраской - излюбленными на Украине сочетаниями.

251,252. Сохранившееся - результат недолгого успокоения в гигантском теле имперской России, когда казалось, что правда на стороне отрицателей украинской самобытности. "Нет Украины, есть лишь русские в Малороссии". Но как долго продлится это успокоение?

253. И думается нам, чем больше будут усилия русифицировать Украину, лишить ее польских корней, западных привязанностей, тем упорнее будет ее отпор, тем ужаснее конечная реакция... Древняя казачья кровь все бродит

в современной самостийщине. Запорожские легенды просвечивают киевские стены.

254. Несладко ходишь по городу, думая об этих вещах...

255-256, 257. Государственный университет в Киеве производит гнетущее впечатление, главным образом, из-за плотоядно-кровавого цвета стен. Говорят, он был одним из возбудителей революционной анархии на Украине в 1905 году, храня традиции киевских академий и бурс. В наказание и позор царь повелел выкрасить университет красной краской.

258. Однако никто не умер от позора, а напротив, возгордился, продолжая и сегодня выполнять царскую волю и утверждая студентов в кровавом радикализме. Уроки истории снова не пошли впрок.

259. Из красных стен выступают черные памятные доски о революционных подвигах. Мы же вспоминаем о расстрелах в подвалах, об арестах на улицах, о голоде при урожае, о Бабьем Яре.

260. Но это мы - приезжие, а здешние люди, погруженные с детства в поэтические думы кобзарей о морях крови, наверное, неспособны ужасаться этим черным доскам.

261. Красна до черноты украинская история, и потому безрадостно ее будущее.

262. Но нет, не мирится душа с таким прогнозом. Ведь здесь жил Григорий Сковорода. Ведь с Украины вышел великой демократ Короленко. И их нравственная и правозащитная традиция живет в современных украинских диссидентах. Мирное отстаивание своих коренных прав, отбираемых местными и пришлыми насильниками - наверное, это единственный выход из украинской трагедии, единственная альтернатива.

263. Уже 30 лет, как нет на Украине казаков. Последними были бендеровцы. Как перестали греметь выстрелы, так богатеют и самоосвобождаются люди. И каждый такой мирный год укрепляет наш оптимизм, нашу надежду на будущее этой многострадальной страны.

264. Русские украинского происхождения, мы были в Киеве гостями, и не могли не думать об украинских уроках, о выводах из украинской истории - для всей России. Не ждет ли и ее такая затянувшаяся кровавая судьба?

265. Не могли не бояться: хватит ли у нас у всех энергии и открытости, чтобы противостоять этим кровавым традициям?

266. Давайте не терять надежды!

Сибирь, 1978 г.

Сибирский пост-дневник.

Этим летом мы были в Восточной Сибири: от Забайкалья до Красноярска. Лиля там никогда до этого не была. Мне же везло больше. В далекие годы военного детства нас с мамой эвакуировали в Минусинск, и к Енисею относятся мои первые воспоминания, а уже во взрослом состоянии, пятнадцать лет назад, мое первое горно-туристское крещение прошло в маршруте по Западным Саянам, с последующим выездом в Иркутск и на Байкал. Из-за ожидания нашего первенца, Лиля не могла тогда с нами идти в Сибирь, и вот только нынешним сезоном мы исправили это вопиющее неравенство впечатлений.

Однако прежде чем начать перепечатку Лилиного дневника, зафиксирую походную предысторию. Ведь до самого отъезда мы не знали, сложатся ли все обстоятельства так, чтобы мы могли поехать. Много решалось в самые последние недели и дни, отсюда и сумбур в подготовке, а может, - и настрой похода.

Решается, наконец, трудный вопрос с детьми. Тема - уже достаточно большой и самостоятельный, остается дома и на даче сам, а двойняшек с Галей забирает на месяц в Волгоград героическая бабушка (героическая потому, что в пенсионном возрасте продолжает работать, вести деревенский дом, кормить больную мать, ухаживать за двумя внучатами от старшего сына и переживать за нас. А теперь, еще дочь из Москвы троих детей подбрасывает). Из Сибири мы вернемся не в Москву, а в Волгоград, туда же приедет Тема, и полторы недели проведем одной семьей в путешествии по Волге - до Астрахани и заповедника. Исполним наш недавний обет проводить летний отпуск с детьми.

Решается и вопрос денег. Ведь, хотя мы и не принадлежим к категории "малооплачиваемых тружеников", но для сибирских

расстояний и наши средства кажутся недостаточными. Целый год я лелеял план совместить нашу поездку в Сибирь с сибирской же шабашкой (взяв к отпуску, кроме всего многолетнего накопления отгулов, еще и две недели за свой счет) - тогда мы с лихвой оплатили бы свои путевые расходы. Но подходящей бригады я не нашел и с последним шансом распрощался уже в мае. Мы едем на собственные деньги (отпускные плюс вся наличность сберкнижки) и по минимуму расходов - общим вагоном. Тогда денег нам хватит. Но нервничать пришлось до последнего дня, в который только и выдали нам отпускные деньги.

Осталось решить: что же мы желаем увидеть в Сибири, увидеть и понять? Каков будет наш маршрут? Ответ прост: мы хотим увидеть в Сибири все главное в ее географии и истории. Мы должны увидеть и Байкал, и главные реки - Лену и Енисей, и главные горы - Саяны, и тайгу, и степи. Что касается истории, то Восточная Сибирь, это северное продолжение центральной Азии, прародина воинственных народов, несших на Запад специфику восточного мира, представлялась нам именно глубинной Азией, Монголией и Тибетом одновременно, и потому мы должны познакомиться, прежде всего, с прямыми братьями монголов - бурятами и их ламаистской верой.

Восточная Сибирь была освоена русскими казаками за очень короткий срок - в два-три десятилетия XVII-го века - от Енисея до Селенги и Охотского моря, а потом - влачила застойное существование, вплоть до последнего века. Кто были эти казаки? И почему Сибирь не стала Америкой (ведь почти ровесницы) или Канадой? Мы знаем, что в Сибири многое изменилось со строительством железной дороги, заводов и электростанций. Кем стали теперь сибиряки?

Последние годы мы живем под впечатлением книг Распутина и иных сибирских писателей о деревнях по Ангаре, Енисею... Что покажут нам встречи с их живыми героями?

Сибирь - место каторги и ссылки инакомыслящих из России - от протопопа Аввакума и декабристов до диссидентов. Чем же

страшна эта страна, что стала символом беды и угрозы: "Вот, ужо, сошлют в Сибирь"?..

Времени у нас немного - всего четыре недели, из них дней десять уйдут на дорогу. Поэтому ограничимся югом Восточной Сибири. Да, собственно, здесь сосредоточено все самое интересное. Дальше к северу лишь бескрайняя тайга, больше мошкеры и меньше людей.

Лилино пояснение. Этот дневник, в отличие от других, я начинаю писать заново ровно через месяц после нашего выезда из Москвы. Его предшественник вместе с законченными Витиными комментариями оставлен в поезде. И потому - это дневник-воспоминание (как всегда, Витины тексты курсивом).

Сибирская поездка оказалась для нас "путешествием потерь", из которых потеря путевого дневника была едва ли не самой крупной. Мой рационализм сыграл на этот раз с нами злую шутку. Чтобы не пропадало зря дорогое отпускное время в долгих сибирских поездках, мы набрали с собой работы по редактированию сценарных черновиков (украинских диафильмов) и комментированию прошлогоднего украинского дневника. И, действительно, для скуки в дороге у нас времени не было. И только на обратном пути, перевалив Урал и подъезжая к Казани, мы окончили всю "писанину", и я удовлетворенно и аккуратно сложил ее в полиэтиленовый пакет для долгого хранения, убрал на верхнюю полку с общего стола и... забыл при ночной высадке в Казани! Ухнули в небытие впечатления двух отпусков, т.е. двух лет нашей жизни (случайно осталось лишь несколько страниц сибирского дневника). Конечно, мы попытались их восстановить, но эффект первых переживаний утерян, конечно, безвозвратно.

Особенно не повезло украинскому дневнику. Мы его вспомнили заново, и я уже кончил его перепечатывать. Однако не успел - обыск изъял все материалы по Украине, и отпечатанные, и черновые. Придется вспоминать уже в третий раз. Но в последний ли?

15 июня, четверг. Если правда, что театр начинается с вешалки, то отпуск начинается с описания поезда. Но я начну еще раньше. В последний день перед отъездом я еще на работе. Надо помочь вдруг приехавшему Жене выбрать подходящий для его экономических расчетов пресс, а в два часа получить отпускные деньги.

Наконец, в половину четвертого я дома, но там - еще несобранные рюкзаки, неубранная квартира, а поезд отходит в 19 часов 10 минут... В каком-то чумном состоянии собираемся, убираем, обрабатываем квартиру от тараканов, и в последний момент я еще разбиваю бутылку с подсолнечным маслом и заливаю пол, продукты в дорогу, сумку... Суетимся муравьями...

К вагону прибегаем все же за 15 минут до отхода, и радуемся пришедшим нас провожать Володе и Лиде Сулимовым (до сих пор нас никто не провожал). Лида дарит мне на прощанье плитку шоколада, чтобы помогла в трудную минуту.

Лиля права, поход не задался еще до его начала. Все шло кувыркком и наспех. И я до сих пор плохо понимаю причины. Ведь раньше нехватка времени, небрежность подготовки и даже некоторый авантюризм в летних поездках нам почти не мешали. Спокойствие и готовность скорректировать программу и поведение на самом маршруте приводило, в конце концов, к успеху и чувству удовлетворения.

На этот же раз мы как будто потеряли всю свою бодрость и способность к реагированию, а Лиля потеряла свой обычный контроль над вещами и событиями. Ощущение усталости и изможденности ее не покидало почти весь отпуск, хотя по напряженности он был легче, чем в прошлые годы.

Еще в понедельник были собраны и отправлены из Москвы дети, но до самого четверга мы так и не собрали рюкзаки. Лиля что-то шила, стирала, переделывала... Когда же она приехала домой всего за два часа до отхода на вокзал и предложила мне "быстренько постирать и прогладить мою рубашку для поезда", то я понял, что положение катастрофическое - Лиля просто потеряла временную

ориентировку. И действительно, за оставшиеся два лихорадочных часа мы искали и не находили массы нужных вещей, так и уехав без них. Не нашлась марля для полога (так и мучились от комаров), походный котелок (пришлось взять обычную кастрюлю, приладив к ней проволоку), и так все, вплоть до адреса знакомых в Ангарске, к кому мы, собственно, ехали (за ним пришлось бежать домой с автобусной остановки). И такая же растерянность продолжалась весь поход. С этим связаны и наши потери, и чувство общей неудовлетворенности. Но в чем причина? Накопленной усталости? Раньше мы и работали не меньше, и усталость от работы совсем не вызывала усталости туристской. Скорее, наоборот. Более верным объяснением кажется накопленное чувство старости, потери трепетного интереса к предстоящему отпуску и боязни за его судьбу. Мы заранее знали, что поход планируется нетрудным, ознакомительным, что, в случае чего, всегда сможем его прервать и вернуться. И вот эта "уверенность" деморализовала, навевала сон и скуку. Особенно на Лилию, а от нее - на меня. Конечно, грустно думать, что речь идет о необратимой старости. Ведь большинство людей не теряет бодрости и сил в гораздо более зрелом возрасте (а нам еще не было и сорока). Правильнее искать причину в том обещании, которое мы дали себе два года назад: не ходить более в сложные горы, а ходить летом с детьми. В этом обещании неверно использована частица "а". Нельзя развращать себя понижением требований. Мы должны были обещать себе и серьезные горы, и (одновременно) - походы с детьми. Может, это и трудно совместить, но зато дало бы удовлетворение победой, а не нынешнее чувство усталости от легкой дороги. После Сибири я понял: мы дали себе поблажку, и теперь, если не хотим быстро и окончательно состариться, надо исправить ошибку.

Нет, жизнь еще далеко не кончилась, и у нас впереди еще много трудов и путешествий. Наверное, с годами сил будет поменьше, но будет больше ума и умения. Мы не должны

бросать на совсем свои горы. Иначе дети бросят нас. Мы не должны изменять себе, иначе "усталость" и "старость" быстро изменят нас и возьмут над нами верх. Нельзя терять своих трудовых привычек, иначе мы потеряем себя.

Отъезжаем. Вагон полон, но две верхние полки для нас нашлись. Нет сил двигаться, и я, измученная отправкой детей, последними сумбурными днями, сижу в густой усталости и даже не радуюсь - ни дороге, ни поезду, ни началу отпуска.

Витя хорошо придумал - взять на четыре дня дороги работу: правку и переписывание сценариев про Украину. Эта работа помогла нам сильно сократить дорогу. Просто не следовало браться за нее на следующее утро, тогда не был бы тягостен, не изнурял бы головной болью первый день поездки. Потом работа пошла, несмотря на изматывающую жару, густую копоть, частую перенаселенность вагона...

16-20 июня. Поезд. *Поездка в общем вагоне пассажирского поезда была решена нами заранее. По скорости это почти без проигрыша. Лежачими местами на вторых полках и собственными спальниками мы всегда обеспечены, а работать в общем вагоне часто сподручнее, чем в плацкартном или купированном. Ведь общий вагон идет или почти пустым - и тогда мы вольготно размещаемся одни в купе, или же, наоборот, битком заполняется пассажирами на короткие расстояния, и тогда надо отлеживаться на полках. Но и во втором варианте никто особенно не интересуется твоей работой, не лезет к тебе с расспросами и советами.*

При всем разнообразии пассажиров общего вагона их все же чаще отличает скромность и готовность удовлетворяться малым. Только иногда появляются пассажиры, скажем, более высокого класса, которые не сумели достать плацкартных или купированных билетов и с брезгливостью заползают в наши апартаменты, а свое возмущение и претензии вымещают на общем населении, кляня грязь и отсутствие удобств... Конечно, исконные общевагонные пассажиры гораздо понятнее и приятнее.

Правда, на этот раз нам не везло. Поезд систематически опаздывал (иногда на четыре часа), и этим нервировал нас (мы могли потерять в Улан-Удэ световой день). Во-вторых, мы ехали с пятницы по понедельник, т.е. в дни пик, когда на короткие расстояния едут и студенты домой, и отдыхающие в деревню, и так далее. В-третьих, не прекращалась удушливая и липкая западносибирская жара, которая и сделала нас черными от копоти. В-четвертых, проводником нашего вагона оказался тихий пьяница, кроткого интеллигентного вида, который свое время делил между выпивкой и чтением книг, а уборку вагона и прочие обязанности предоставил своим пассажирам (и вправду, многие женщины не выдерживали, и сами подметали пол, но вот для расчистки туалета без воды - мужчины не нашлись). В-пятых, почему-то встречалось очень много цыган.

Но даже такое "скопление неудач" не поколебало нашей уверенности в том, что в общем вагоне можно себя чувствовать достаточно хорошо. Если, конечно, не нервничать, не привередничать, т.е. не чувствовать себя пассажиром высокого класса.

Из дорожных впечатлений самые сильные - от цыган и от вида обворованной женщины. У нее, стоявшей в кассе с годовалым ребенком на руках, вор не постеснялся вытащить деньги. Она продала кофту за 6 рублей, но до стоимости билета ей было нужно еще около трех. Я легко представила себя в такой ситуации и достала пятерку.

К концу этого же дня я охотно согласилась разменять деньги другой женщине. Но это оказалась цыганка. Когда я поняла это и задрожала, было поздно, она уже держала меня в своих сетях. После ее исчезновения мы не досчитались 75 (!) рублей. Потом были еще две группы цыган, в последней - много детей, но даже к ним я не могла отнестись доброжелательно, хотя годовалая цыганская толстуха была просто загляденье.

А дело было так: поезд стоял 15 минут, и потому я вышел за газетой. Вернувшись, нашел Лилю в растерянности: "Кажется, меня обсчитала цыганка. И зачем я согласилась?"

Потом она рассказывала приблизительно следующее: проходила обычная женщина и спрашивала всех, кто может разменять пятьдесят рублей. "У меня было недалеко, в рюкзаке, 200 рублей. Я их достала и начала отсчитывать пятерки вместо отданной мне бумажки. Но тут "она" вдруг бросила передо мной еще сторублевку для размена. А я уже поняла, что передо мной цыганка, заколебалась, но "та" меня уговаривает: "Чего боишься, вот все твои деньги, помоги мне"... Я отсчитываю дальние, но мелких уже нет, достаю бумажки по 25. Но "та" вдруг не соглашается и говорит: "Не буду я с тобой меняться: вот твои деньги, а я забираю свои". Бросает мне ворох смятых пятерок и, забрав свои, уходит".

Старушка в нашем купе (давняя попутчица, она едет из самого Братска с одним билетом, без копейки, и питается в основном нашим хлебом, остальное не берет), наблюдала в страхе, как происходил размен таких деньжищ: "А ведь было видно, как "она" прятала твои деньги за пазуху, да разве ее остановить... Спасибо скажи, что не все твои деньги забрала...". А потом изводила Лилю тем, что рассказывала меняющимся попутчикам раз за разом, как крупно обсчитала нас цыганка (видно, это было ее главным впечатлением, от всей дороги).

Конечно, "той" уже и след простыл, хотя поезд еще и стоял на этой злополучной станции несколько минут. Досада у нас обеих была, конечно, велика, хотя потеря и была не смертельной (мы с собой взяли все наличные деньги, с запасом).

Запрет на "деловое" общение с цыганами для нас существует давно, но Лилю подвело ее благодушное настроение и обычный, европейский костюм цыганки. Вступив же в "отношения" с ней, обычный человек обязательно должен проиграть - ведь он имеет дело с профессионалом, вернее, с профессиональным охотником, и чем больше он боится и опасается обмана, тем вернее он проиграет. Лиле не повезло, она потеряла слишком много за одну минуту общения, но если

учесть, что на деле это важный урок на всю жизнь, то и такая плата не слишком уж велика.

В подобную ситуацию беспомощности перед цыганами я попал много лет назад, но этого урока мне хватит, наверное, до самой своей смерти. На третьем курсе института, как староста потока, я должен был купить билеты для трех студенческих групп, возвращающихся в Москву с практики в Липецке. Поэтому в кармане у меня было много денег. Но билеты тогда мне почему-то не дали, а деньги я неосторожно вытаскивал у кассы, что, видимо, и было замечено цыганской группой в дальнем углу вокзала.

Как только я отошел от вокзала на квартал, ко мне пристали две цыганки - гадать. Всегда я проходили мимо них, не глядя, - не нужно мне никакое гадание. Но что сделаешь с двумя молодыми женщинами, которые не дают тебе прохода, но так, как будто ты сам навязываешься? Прохожие оборачивались на меня с удивлением, было стыдно, и я был готов сделать что угодно, лишь бы отвязаться. Цыганка же просила только руку, без всяких денег, просто они во мне что-то видят, и им это очень важно. Вот только посмотрят и уйдут, а я буду век их благодарить... А прохожие все удивлялись, и... "Ладно, гадайте, но мне это не нужно, мне скорее идти надо!" Я протянул им руку ладонью вверх, и этим как бы уже попал в их сеть. "Дичь попалась". Дальше я должен был лишь трепыхаться все больше и больше, запутываясь в их липкой словесной паутине. Сейчас я уже не помню весь поток удивлений, восклицаний, обрушившихся на меня и на мою руку - и моя судьба, и мать, и невеста, и дороги, и болезни, и, конечно, казенный дом (обходились ли мы без него в нашей жизни?) - и все это на огромном эмоциональном подъеме. А потом вдруг как бы всплеск: "Не вижу, не вижу, положи скорее рубль на руку, и тогда видно будет, положи, не бойся, отдам обратно, скорее!" И только когда за рублем ушла туда же и трешка (слава богу, это были старые деньги)", я опомнился... Связь между моим карманом в пиджаке, набитом деньгами, и цыганами на вокзале, а

теперь держащими меня за руку и вытаскивающими общественные деньги бумажку за бумажкой, стала очевидной.

Я понял, что глупо попался, что погиб. И это отчаянное понимание вдруг помогло мне грубо вырваться, резко оттолкнуть цыганку и убежать. Слава богу, меня не преследовали, но унижительное ощущение загнанной и почти пойманной дичи осталось на всю жизнь. Я впервые грубо толкнул женщину, но не чувствовал никакого раскаяния, потому что не увидел в "ней" женщину.

А ведь и вправду, это была не женщина, а цыганка, т.е. охотница, хищница, для которой ты не человек, а лишь простодушная и трусливая дичь, предназначенная самой природой ей в пропитание. Парадокс заключается в том, что справиться с цыганками (охотятся у них больше всего женщины) можно только, если перестать видеть в них людей. Я спасся тем, что поступил не по-джентльменски, Лиля при последующих просьбах обмена денег - почти кричала на них, и те быстро и бесшумно исчезали, не говоря ни слова, ибо видели, что "дичь" - не та, не подходящая для поимки. А в противоположном случае неизбежно проиграешь.

Эпизод с "разменом" послужил причиной размышления на тему: "А являются ли цыгане людьми?". Я не расист, и охотно признаю равенство всех наций, независимо от уровня культурного и иного развития и генетической специфики. Но здесь дело в ином. В объекте охоты. В свое время все люди были охотниками, хоть и охотились на разных зверей. Охотничьи племена остались и поныне, хотя численность их уменьшается. Цыганам, однако, уменьшение не грозит. Волею судьбы или случая они специализировались на эксплуатации людей, а людей становится все больше и больше. Людская доверчивость, их желание узнать будущее (при помощи гадания), или простая взаимопомощь (как в случае с разменом), т.е. проявление обычных моральных человеческих действий и чувств, как раз и служит для цыган поводом для извлечения прибыли.

Через день наше купе заняли на несколько часов две цыганки с пятью детьми от 12 лет до грудного младенца. Немного поосвоившись, обе матери оставили младших детей на старших, и пошли, наверное, на промысел. Вернувшись довольно нескоро, с хлебом, колбасой и сладостями, они стали очень трогательно кормить своих детей, а потом забавлялись с младшими, горделиво говоря мне: "Вырастет, человеком будет". Я, конечно, соглашался с ними, но сам больше наблюдал за старшими ребятами, которые уже шастали по вагону с колодой карт, предлагая пассажирам поиграть, а потом считали копейки выручки, и снова играли уже друг с другом, веселясь каким-то карточным выкрутасам. Я смотрел, как эти дети становятся цыганами. Правда, обосновавшись в нашем купе, они приглашали и нас к своему столу, как бы принимая к себе, и Лиля зря беспокоилась о сохранности вещей: в этом положении мы были для них людьми, а не дичью. Но все изменилось бы, выйди мы из их круга. Я уверен: цыгане замечательно добрые и отзывчивые люди, но только внутри своего круга, для своих, но что касается людей остальных, в условиях охоты на доверчивых людей, то на них мораль распространяться не может. Иначе не будет охоты.

Конечно, цыгане обычно не воруют, не грабят, ибо при таких действиях они бы уже давно были поставлены вне закона и исчезли бы. Только соблюдение законов, поведение "на грани их выполнения" позволяет им до сих пор спасаться от преследования и жить организованными племенными группами - таборами. Однако в основе их жизни лежит одинаковое с уголовными шайками умение существовать за счет исключения всего человечества из сферы своих моральных оценок. Вот почему я называю цыган (не по крови, а по занятиям), как и уголовников (последних - в еще большей степени), не людьми, а охотниками на людей.

Потому и нельзя вступать с цыганами в общение, что общение предполагает соблюдение простых нравственных

правил, на отказе от которых и держится весь цыганский промысел. Обращаться с охотниками на людей по-людски - значит, становиться их добычей. Бояться их тоже нельзя. Единственный вариант спасения при столкновении с цыганами - это отказаться от общения и нормальных правил поведения, т.е. перестать быть человеком: нагрубить, накричать, толкнуть и даже ударить - лишь бы прервались отношения дичи с охотником. Надо всегда помнить: цыганка охотится именно на нравственного человека. Грубого, безнравственного (нечеловека) она избегает.

Но наши размышления надо доводить до конца. Возвращаясь в поездных мыслях раз за разом к случаю с "разменом" и к проблеме "люди ли цыгане?", убеждая Лилю, что цыгане на промысле не смотрят на нас как на людей, и потому с ними надо обращаться соответственно, я вдруг услышал от нее вопрос: "Неужели и евреи смотрят на нас, как на "других", как на "нелюдей" ?

Очень опасный, но законный поворот мысли. Ведь, если цыгане существуют в рамках закона, но за счет эксплуатации тех людей, которые их окружают, то, может, и антисемиты правы, утверждая, что необходимо аналогичное отношение к евреям? Наш личный опыт говорит иное: евреи живут за счет своего высококвалифицированного труда, а если кому-то такой труд хочется объявить грабежом, то пусть он присовокупит сюда и всех остальных интеллигентов, а попытка избавиться от них приведет страну к гибели. Получается, что, наоборот, еврейское меньшинство, благодаря своим талантам и традиционной склонности к обучению и интеллекту - обогащает и кормит остальную массу народа, как бы благодетельствует ее. Недаром, еще в Средневековье умные и дальновидные государи не изгоняли, а привлекали евреев в свои страны, надеясь на общий подъем.

Казалось бы, туземцам надо только благодарить и любить своих благодетелей. Но тут есть одно важное "но". Достигнув в массе высокого интеллектуального развития, евреи приобрели и вполне понятное и объективно оправданное чувство превосходства над массой туземцев. Так опять возникает нечеловеческое отношение неравенства, хотя и с противоположным для массы знаком - не эксплуатации, а благодеяния.

Среди наших знакомых, наверное, нет людей, глядящих на нас сверху вниз. Они не отделяются от нас, не считают себя высшими людьми, но среди сионистки настроенных людей такой взгляд возможен. И в таком случае результат для туземцев будет тот же: не видеть в своих благодетелях людей, избавляться от их опеки и благодеяний, жить за счет лишь своих ресурсов, пусть даже хуже. Наверное, эта проблема особенно остра в Палестине. У нас же она парадоксальным образом перевертывается с ног на голову. Евреям, которые вообще-то, в силу своей культуры и образования, имеют право гордиться и смотреть на остальных сверху вниз, создают неравноправные условия, касающиеся работы, и угнетенная антисемитизмом жизнь. Этот случай, когда большинство смотрит на меньшинство, как на нелюдей, и эксплуатирует их знания и способности - тоже может быть прерван только прекращением общения. Что евреи сейчас и делают - эмиграцией.

Чем же закончить эту поездную тему? Отношения людей разных национальностей и групп должны, на мой взгляд, базироваться не на эксплуатации, и не на благодеяниях, а лишь на равенстве. Иначе возникают нечеловеческие отношения, и общественный мир рушится. Но, поскольку отношения людей внутри одного общества не могут быть только равными, то и национальные различия в едином обществе не надо делать существенно разными. Чтобы отношения нравственности не переносились на отношения национальные, люди должны называть себя не по крови, а по имени страны, в которой они живут. Только тогда вместо

проблем цыган останутся только проблемы сугубо нравственного порядка отдельных людей и естественные отношения.

20 июня. На пятый день поезд подошел к Байкалу. Витя увидел его с перевала, а я, с трудом разодрав глаза, в тот же самый утренний час, когда в Москве крепче всего спится, - лишь подъезжая к Слюдянке.

Байкал был еще в утреннем тумане, и как бы нехотя приоткрывал себя, чтобы мы могли полюбоваться его многоцветьем, прибором, бухточками...

В 12 часов этого дня - конец пути, Улан-Удэ. Легкие, готовые радоваться этому городу, настроенные ценить бурят-монголов и их культуру, мы входим в город и начинаем... таять от жары. Но нельзя поддаваться, и мы широко раскрываем глаза. Да они и сами раскрываются, при виде, например, громадной каменной ленинской головы на центральной площади. Правда, потом прикрываются от вихря вездесущего тополиного пуха. Музей закрыт, но у работников его мы узнали, что Иволгинский дацан, главный (и единственный) буддийский монастырь в республике, вновь отстроен после пожара, что рядом есть еще один этнографический музей. Раздумывая, куда нам кинуться в первую очередь, доходим до музея природы в красивой городской церкви, а потом - до Уды. Смываем в ее мягкой, теплой и быстрой воде поездную грязь с тела и головы, и выходим на Селенгу.

В нынешнюю сухость она совсем обмелела, и купальщики доходят пешком до ее середины. От Селенги близко автостанция, и можно узнать расписание автобуса на Иволгинск. Но там все неожиданно решается само собой. Через несколько минут отправляется один из двух (в день) автобусов прямо к дацану. Мы прыгаем в него и катим...

Дацан стоит рядом с деревней Шишкино, которая издали не видна. Яркое двухэтажное здание главного дугана видно в степи издали. Но основное впечатление, конечно, от близкого знакомства - столько мелких разноцветных деталей применено в отделке храмов: ярусные пагодные крыши,

символические слоны, смысла которых мы не знаем. А сколько символов во всех других строениях и фигурах!

Я не знаю, правильно ли сравнивать дацан с монастырем. Но и там, и тут живут монахи. В дацане, правда, для жилья предназначены не аскетические монашеские кельи, а прекрасные деревянные домики. Кроме них, есть еще малые дуганы, высокая гостиница, какие-то ступы, "молельные барабаны", "вечный огонь" с пахучим дымком... Видели лам в красных одеяниях...

Мы не решились навязываться на беседу с ламами (да из этого, наверное, ничего бы не получилось), но послушать разговоры с бурятами на буддийскую тему довелось, и они помогли потом кое-что понять.

Иволгинский дацан выглядит великолепно. Он блестит, как новая копейка. И ведь как быстро выстроен - всего три года минуло с пожара, уничтожившего его предшественника. Быстрота и богатство удивительны в наше время для храмового строительства. Можно подумать, что ламаистская вера и сейчас процветает в бурятских степях. На деле же это не так. Кроме Иволгинского, существует еще один дацан - в Агинске, под Читой. И это - все. Всего два действующих монастыря на весь народ, на весь Советский Союз (ибо, кроме бурят, в стране есть и еще буддисты). Конечно, этого очень мало для народа, но вполне достаточно для властей, озабоченных международным престижем великой азиатской державы, терпимо и уважительно относящейся к буддизму, этой великой вере азиатов.

Нашему атеистическому государству, конечно, не нужна буддийская вера, не нужна конкурирующая идеология. Она нужна для международного престижа, чтобы было, куда привезти иностранных буддистов, чем пыль в глаза пускать. Верующие живут везде, и им нужно много храмов, много дацанов - по всем городам и аймакам. Власти же нужен лишь один дацан - для иностранных гостей. И он-то и отстраивается быстро и с пышностью. Конечно, на деньги самих верующих, на их подаяния. На эти же деньги

отправляют и молодых людей учиться в Монголию на лам, чтобы не вымерли окончательно обитатели дацана. Раньше их отправляли в Тибет, в Лхасу, к далай-ламе, этому буддистскому папе, но теперь Тибет стал очень уж далеким, да и далай-ламы там нет.

Уже в Слюдянке, на обратном пути, попутчик-бурят, по профессии инженер-электронщик, рассказывая, как его товарищ в числе восьми студентов учился в Улан-Баторе, откуда вернулся священником. Правда, из восьмерых учение окончили только шестеро: один был отправлен домой за пьянку, другой - за знакомство с иностранным дипломатом. Наш рассказчик утверждал, что его товарищ перед поездкой был обычным неверующим комсомольцем, но его усиленно приглашали на эту учебу, соблазняя интересной работой и заграничными поездками... правда, после возвращения и получения сана он объявил друзьям, что искренне верит, и ведет себя соответственно, но они ему не верят.

Нам это кажется знакомым, похожим на Загорск, где Лавра и Академия существуют лишь как выставка, как православная витрина для заезжих почетных гостей. Но только здесь - грубее и обнаженнее. Если в России, пусть мало, но существуют православные храмы и для самих верующих, то храмов для верующих буддистов почти нет.

А может, верующих стало мало в Бурятии? Наверное, это довольно верно, хотя и не совсем. Нам рассказывали, что до сих пор в засушливые сезоны люди проводят коллективные моления, которые власти маскируют под народные празднества-обряды. И, кроме того, давняя привычка обходиться лишь собственной молитвой перед домашним алтарем делает вообще трудным учет верующих буддистов в нашей стране.

Начинается процесс религиозного возрождения и среди образованной молодежи. Тот же попутчик рассказывал, что несколько лет назад в Улан-Удэ разогнали толпу верующих буддистов, среди которых были не только буряты, но и русские, и прибалты. Их руководителя-бурята арестовали по

какой-то вздорной статье, а к остальным применили административные меры. В Москве мы узнали, что речь шла о Дандароне. После него ни о каких необуддистах больше не слышно. И это понятно: первая ласточка погоды еще не делает. Однако ее появление - это знак. Вслед за оппозиционным христианством появится и оппозиционный буддизм. Обязательно.

На обратный путь в город автобуса не было, и мы пошли пешком, запасаясь терпением (при этом я растерла пятку). Как вдруг нас догнал газик и подвез аж до Улан-Уде. В результате, на всю экскурсию ушло лишь три часа. Прямо сказка!

Наш шофер (наверное, местный агроном) рассказывал нам о тяготах сухих лет, о нынче начинающейся засухе. Понять его русскую, но по-бурятски невнятную речь, было нелегко, но мы с сочувствием слушали его жалобы.

В этот первый сибирский вечер мы решили провести ночевку в лесу, подъехав к этнографическому музею в сопках над городом. Мы полагали, что легко найдем там стоянку с лесом и водой. Забрав рюкзаки с вокзала, двумя автобусами приехали в дачный поселок и подошли к музею.

Соснового леса оказалось много, но вот ручьи в эту жару пересохли, и мы, напрасно проискав до темноты, вернулись к музею, поставили палатку прямо у забора, выпросили немного воды в ближайшем доме (Витя там узнал, что вода у них привозная), перекусили в темноте и заснули.

21 июня. Музей открывался поздно, в 10 часов, и мы, воспользовавшись плохо закрытой калиткой, вошли без спросу на его огромную территорию. Он, конечно, не столь богат, как в Переславле-Хмельницком, но все основные культуры Бурятии в нем представлены. Даже гуннское городище в будущем оформят (есть соответствующие указания на плакатах). Налицо - эвенкийские, бурятские, русские жилища. В русском комплексе доминирует старообрядческая, добротная, красивая по силуэту Крестовоздвиженская церковь. Много сибирских домов,

богатых и небогатых, нарядных и суровых, с огромными хозяйственными службами.

В бурятском комплексе - войлочные и деревянные восьмиугольные юрты, дуган, перевезенный из Гусиного Озера. Одновременно мы узнали, что в Гусином озере еще цел главный дуган. В Эвенкийском комплексе - несколько шалашей из коры, и олени рога на деревьях.

На этом мы закончили экскурсию и, заплатив за билеты на выходе, уехали в город.

Поезд на Гусиное Озеро, до которого у нас были взяты билеты из Москвы, уходит вечером, поэтому мы снова гуляем по городу, радуемся букинистическому магазину (который оказался самым богатым в Сибири), удивляемся богатому убранству княжеских юрт в краеведческом музее. В оставшиеся несколько часов Витя еще загорелся поехать за город, чтобы найти гуннское поселение, но, слава богу, перетерпел, и до отхода поезда мы купались и стирались в Селенге.

С большим сожалением я отказался тогда от этой возможности. Конечно, Лиля была права: можно было затратить время и силы, а городище так и не найти, гарантий никаких не было... Но, а вдруг... нашли бы?

Пусть эти внешне невзрачные камни неровных фундаментов, но они были бы подлинными свидетелями жизни гуннов, знаменитых гуннов, первых монголов, потрясших всю древнюю Европу. Как же нужны будут эти слайды для будущего диафильма! Как нужно чувство подлинности при его записи... Мучительные колебания переживал я на центральной площади Улан-Удэ в ожидании автобуса, которым можно было бы уехать к городищу, и, уговаривая Лилю пойти одной на пляж, чтобы встретиться уже перед поездом на вокзале. Но ей не хотелось быть одной... И это понятно и хорошо. Ведь так было всегда. Но только раньше не было и таких ситуаций: мы почти всегда жертвовали пляжем, или иным отдыхом, ради возможности еще что-либо ухватить...

А теперь вот усталость пересиливает. И показалось мне предательством покидать Лилю в такой слабости. И потому я отправился на пляж, предав вместе с Лилей наш будущий диафильм, его подлинность.

Вечерняя дорога на юг, в Гусиное Озеро. Витя из окна вагона шелкает бурят-чабанов в монгольской степи. К "Озеру" подъезжаем в темноте....

Мне же эта пустынная дорога запомнилась больше командой пьяных стройбатовцев, ввалившихся на каком-то полустанке нестройной ордой, подтаскивая один другого, и заваливших своими ворочающимися телами все свободные лавки вагона. Лишь время от времени кто-нибудь из них сваливался на пол, и тогда более трезвые и бродящие с разговорами водворяли его на место. Это была обычная компания, солдатская команда, и у них был старший, тоже пьяный, но пьяно заботливый об остальных. Никогда я не видел такой солдатской распущенности, хотя, судя по равнодушию пассажиров, они видят подобное нередко. Вспоминались тут же отцовские рассказы о том, до какого состояния упивались наши, добравшись до винных погребов в освобожденной Европе. Эти-то хоть безоружные, тихие, каким-то пьяным чутьем осторожные и скромные, а те наши, с оружием и разгульные - наверное, были много страшнее. Я как-то физически ощутил опасность от этих людей в форме, вернее, от их распущенности. Дай им оружие и свободу - напьются и все переломают.

В вагоне вообще много военных. Это не удивительно: основная дорога в Китай и Монголию, которая все больше становится прифронтовой дорогой. Судя по газетам, Китай, чем дальше, тем враждебнее, и потому эта земля будет еще больше насыщаться войсками, вот такими стройбатовцами. Кончиться все это может плохо. И не столько для Китая, сколько от собственных же солдат для нас. Тревожно было от этих мыслей.

Вышли в темь и начинающийся дождь. Громыкает, накрапывает дождик, и я легко соглашаюсь на предложение

вокзального сторожа переночевать под его опекой, на вокзальных лавках. Тем более, что он утверждает, что берег озера топок, там нет деревьев и кустов, чтобы растянуть палатку.

Словоохотливый сторож-пенсионер был доволен случайными слушателями и, прежде чем открыть нам вокзал, много рассказывал и о здешнем уродском климате (везде гремит, а дождя нет и нет, а зимой - ветер и мороз, снега иногда совсем не бывает), и о знаменитой облепихе, и о детях своих, а больше всего о Гусином Озере, поселке на нем (5800 километров от Москвы), и о дороге, выстроенной еще до войны экаами. Сам он здесь работает с 1940 года, с года сдачи в эксплуатацию здешнего ремонтного депо, основного на дороге. Его здесь оставили, до пенсии. А теперь-то куда двигаться? Дом есть, и пенсия, и приработок сторожем. Чем же, собственно, отличается судьба этого "свободного" железнодорожника от судьбы заключенного строителя? Может, названием? А, по сути, все были подневольными. Близость войны на этих рубежах всех тогда равняла.

22 июня. Ночь была тяжелой и неудобной, по временам шумной - то от незакрытого крана с водой, то от собирающихся пассажиров. Встав разбитыми и ругая себя, что согласились на вокзальную ночевку, мы поблагодарили старика, оставили в его доме рюкзаки и отправились на знакомство с Гусиноозерским дацаном.

Главный его дуган (может, это здание и по иному называется) кажется больше, солидней и нарядней Иволгинского. Ведь это - один из самых старых дуганов в Бурятии - начало XVIII-го века. Стоит рядом еще один дуган, поменьше, а на остальной территории, огороженной забором с колючей проволокой, лишь обломки - "черепица веков". В не застекленное окно храма заносит непогода дождь, а зимой снег. Грустно смотреть на эти недавно восстановленные, и уже вновь разрушающиеся здания, грустно сознавать, что их красота брошена на поругание ветрам и равнодушным людям.

Старик-сторож говорил, что на реставрацию дацана затратили полтора миллиона рублей. Видя только косметический ремонт здания, мне что-то не верится старику, но чего не бывает. Удручает же, главным образом, нынешняя беспризорность храма. Хотя территория дацана и огорожена, но в заборе и в колючке уже проделаны ходы, и валяются везде бутылки и мусор, а в заколоченном храме видны недавние проломы. Главное спасения для монастыря - это живой хозяин, буддийский монастырь, или хотя бы музей. Но дать этому древнему дацану живых хозяев, душу живую, власти не хотят. И потому так печален вид этих старинных зданий.

Еще мы сходили на кладбище, в надежде увидеть бурятские захоронения, но ничего не нашли и, наконец, вышли к озеру. Витя, конечно, купался, наслаждаясь чистотой, красивой, чуть синей водой, а меня ветер и хмурица неба удержали от этого шага. Теперь жалко.

Нам надо из поселка Гусиное Озеро пробираться к Хамар-Дабану и через горы - к Байкалу. С трудом получаем консультации о пути и на лесовозной машине с шофером-удмуртом (отцом десятирых детей) выкатываем на дорогу. У нашего благодетеля застенчивая улыбка, в разговоре он чуть жалуется на длинный рабочий день, особенно трудный зимой. *В этой лесовозной машине мы, наконец-то, почувствовали, что у нас не много, а мало детей. У нашего шофера хорошая, дружная семья. Это видно по его улыбке. Четыре сына и шесть дочерей. Старший пошел в армию, младшая - учится. Но жизнь уже сделана. Спрашиваю, много ли таких семей в Гусином Озере. Он смеется, что по десять детей только буряты часто имеют, у русских детей меньше. Зарабатывает он до пятисот рублей, да жена - сотню с чем-то. Да еще пособия. Небогато, наверное, но убежден - хорошо живут. Даже завидно. Мы так не можем. Для этого надо посвятить себя только детям, семье. А этого нам не дано...*

Дорога стелется вдоль озера. Сверху смотрим на Гусиное озеро. Ветер расчистил небо, и оно теперь синее, ну совсем

как Севан. И так же стоят пустынные горы на другом берегу. А за ними лежит город Новоселенгинск, где отбывали ссылку декабристы, братья Бестужевы - талантливые люди, принявшие Бурятию как свою вторую родину. Мало того, что они жили здесь, они еще и работали для своей новой родины, вкладывая все свои силы и средства. К примеру, один из Бестужевых выписал сюда тонкорунных баранов и овец. И хоть погибли те овцы, но опыт пригодился.

Декабристы, которые строили огромные музейные дома, выписывали за тысячи километров скот и делали иные огромные траты для развития края, несколько изменили мои представления о "бедных узниках царизма". Даже на каторге и в ссылке они оставались богатыми людьми, экономически независимыми, и при первой же возможности пользовались своими средствами.

Совсем немного было декабристов в Сибири. Считанные десятки. Однако по их влиянию, трудам и результатам видно, что их пребывание составило целую эпоху. Как будто не было до сих пор в Сибири русских европейцев. Так оно и было, наверное. Ведь царские чиновники здесь были лишь исполнителями чуждой воли, лишь винтиками, давящими волю и инициативу купцов, крестьян и иных низших слоев, сводя их общественное значение до нуля. И только декабристы имели силы вести себя здесь достойно и независимо.

Сибирь была открыта русскими в целом много раньше, чем янки захватили Америку. И тем более разительнее сибирское отставание! А все дело - в характере колонизации. Если в Америку ехали свободные люди, и навсегда, то в Сибирь - царевы люди, и на срок. Души, а часто и семьи их, оставались в столице. Сибирь же оставалась безлюдной пустыней. Колонизации ведь почти и не было. И потому Сибирь вместо завоевания независимости и славы нового материка, прославилась на весь мир лишь как место каторги и ссылки. Так было раньше, а как обстоит дело сейчас - нам предстоит увидеть.

А на другом конце озера лежит шахтерский поселок Гусиноозерск. Как будто Гусиное озеро специально открыло людям свои угольные богатства, чтобы они построили ТЭЦ и не посягали на его воду, как у Севана.

Гусиное озеро, и взаправду, очень красиво, с чистой, из каких-то глубинных ключей, водой. Оно вполне могло бы составить славу не только автономной республики, но и любой страны. Но в тени великого бурятского Байкала, в огромной Сибири, оно почти никому не известно, и о туристах на его берегах ничего не слышно (хотя одна турбаза уже есть). А ведь с обеих сторон - железная дорога и автомобильная трасса! И рыбой богато. И старинной памятью. Странно нам это людское невнимание, но, вместе с тем, радостно - пусть подольше достанется Гусиному озеру малолюдья. Может, доживет оно до человека будущего, разумного.

И вот дорога заворачивает в горы. Мощная машина, не снижая скорости, гудя, как самолет, мчит нас к Байкалу. Но через 50 километров в лесном ущелье нас высадили и указали путь дальше, на поселок Таежный, откуда, может, будут машины дальше. Так и пошли.

Бодрыми были только первые шаги под рюкзаками. Сверху обрушилось солнце жарой, сбоку - слепни, снизу - загорелись волдырями ступни в новых ботинках - вот круг моих удовольствий в первый час пути. Голова все же пришла на помощь измученному телу. От жары сняла кофту и положила ее на обгоревшие плечи, в руки взяли по ветке от нападений слепней, а ботинки я заменила шлепками. Освобожденные ноги, казалось, радостно запели и заплясали, и понесли. Но не долго. Идти тяжело. Слава Богу, нас еще раз подвез лесовоз, хорошо подвез, но все равно, до Таежного оставалось 16 километров (как потом выяснилось - 22).

Я уже привык, что в первые дни похода Лиля идет с большим трудом и даже мучениями. Раньше думалось - из-за первых дней акклиматизации в горах, из-за тяжести первого подъема и досадных случайностей с неразношенной обувью. Но тут от ботинок отказаться пришлось почти сразу, крупных

подъемов по автомобильной дороге почти нет, а идти ей так тяжело, как и не припомню раньше. И становится мне страшно.

В этом сезоне мы ходили мало: один-два ходовых дня, и на смену им поезд или машина. А потом снова надо привыкать к ходьбе. И всё же, как бы ни было душно и тяжело, как бы ни досаждали слепни, шли мы достаточно шустро. И я невольно нажимал, мысленно уговаривая Лилю: только не поддаваться усталости, не жалеть себя взаправду, лишь бы не кончать бродячую жизнь. В этом спасение. И Лилия находила ритм, набирала постепенно темп. Бессилие и усталость отступали. Нет, мы еще умеем преодолевать старость!

За десять километров до Таежного нам попался навстречу легковой фургончик и, любопытствуя, остановился. Узнав, что перед ним туристы из Москвы, интересующиеся бурятской культурой, шофер-бурят развернул свою машину и, продолжая удивляться, доставил нас в Таежный, прямо к дому своего родственника-лесничего. Вернее, к его жене - энергичной бурятке пенсионного возраста. Нас кормят и поят. Хозяйка по ухваткам - "из старых комсомолок". Суп здесь весь из громадных кусков баранины и немногих картофелин. Водка обязательна, не допить - оставлять грех на столе. Витя, бедный, старался и за себя, и за меня. При этом разговор за столом становился все оживленнее.

Наш благодетель - Джорджи заведует швейным ателье в Гусиноозерске. А сюда он вместе с закройщицей Анной приезжает для обслуживания клиентов и приема заказов. Из-за нас бедной женщине пришлось выдержать непредвиденную задержку с возвращением домой. Но она спокойна, видно, привыкла к характеру бурятского директора.

Джорджи приятно рассказывать о Бурятии. Это ему принадлежит фраза, ставшая у нас крылатой: "Монголы - это те же буряты, только менее развитые».

Неожиданное участие и гостеприимство бурятского директора в горах Хамар-Дабана напомнило нам столь же неожиданное участие шофера-грузина, который вдруг по

собственной воле повез нас за 20 километров в сторону от Тбилиси, к знаменитому храму Джвари. Только, чтобы услышать из наших уст возгласы восхищения национальной святыней. Гордость за Грузию прямо была из него.

В Джорджи была слышна та же гордость за свою Бурятию, тот же национальный патриотизм. Еще в Улан-Удэ мы с удовольствием отметили активность и интеллигентность бурятской молодежи. Они совсем не выглядели, как вымирающая нация. Наоборот: чувствовался рост и молодое упругое сопротивление чувству неполноценности. Нет, буряты - хозяева здесь.

Конечно, у Джорджи не было бурной грузинской жестикуляции, по национальному темпераменту ему полагалось быть медлительным и невозмутимым. Тем более, удивило нас его оживление и заинтересованные расспросы. Сам он выглядит бурятским интеллигентом. В войну побывал в Европе, почти всю жизнь прожил в Гусиноозерске, почти обрусел. Дочь отправил учиться в Москву, а в нашем лице вдруг увидел первую ласточку, признак того, что не только буряты изучают русскую и европейскую культуру, но и сами русские, не ученые, а просто отдыхающие стихийно едут сюда за бурятской культурой. Он не нам радовался, а начинающейся известности Бурятии, ее начинающемуся культурному равноправию с Россией и Европой. И эти его чувства нам были близки и приятны.

Хозяйка дома, оказывается, была не только женой лесничего, но и заведующей магазином. Велела звать себя Дусей, но в разговор вступала мало. Молчалива, но резка в суждениях.

Так, при обсуждении положения с буддизмом на наш вопрос: "Куда дели лам при закрытии дацанов?" ответила коротко и выразительно: "Арестовали и выслали. И правильно сделали. Так им и надо".

Хозяйка, по-видимому, не разделяла воодушевления Джорджи. Он вытащил ее из магазина, упирая на приезд людей из Москвы, но когда ей стало ясно, что это совсем не ожидаемая мужем комиссия по охране лесов от пожаров

(они явились позднее, и на следующий день мы с ними познакомились), а сугубо неофициальные, обычные русские, то совсем потеряла к нам интерес, и лишь подчинялась инерции гостеприимства под напором Джорджи. Интересно, что может связывать столь различных бурят?

Мне очень интересна была хозяйка. И уже тогда, в судорожном застольном разговоре, я втайне жалел, что не могу ее рассмотреть и понять получше. В городском платье, в какой-то дурацкой соломенной шляпе на голове, нелепой в этом таежном селении, с недовольным выражением на лице, она казалась сначала вульгарной и глуповатой. Осколок комсомольской бесшабашности и резкости в соединении со своим местом в системе власти (господство в Таежном, покорность перед ревизорами из Улан-Удэ и Москвы). Как раз это и создавало ее облик, в котором нет ничего специфически бурятского. Это обычный советский человек довоенной формации, бурятский по форме, социалистический по содержанию. Может, лишь чересчур ярко выраженный. Потому ей и на бурятские традиции глубоко наплевать, как на старые предрассудки. Главное для нее - сегодняшний интерес, дело, т.е. власть. Отсюда и равнодушная реплика на вопрос о судьбе гусиноозерского дацана: "Лам арестовали, чтобы они не мешали, - и правильно сделали. А как же иначе?" Джорджи этой даме - как сын. И как сын - противоположен. Конечно, он тоже советский человек, но уже образован, культурен, успел отбросить мертвые идеалы 20-х годов и вырабатывает в себе бурятское самосознание. Мы спрашиваем потихоньку у подчиненной ему закройщицы, как ей здесь живется. Она отвечает: хорошо, Джорджи (забыл его отчество) - очень хороший человек, "почти русский". А насчет национализма - "есть и у него, конечно, немного". И она засмузилась: то ли этот вопрос ее сильно не задевает, как, например, не задевает русских в Киргизии, в отличие от русских в Узбекистане, то ли стесняется говорить на эту тему в бурятском доме.

Жаль, конечно, если нарождающийся бурятский национализм станет жестким, антирусским (как трудно станет ему сочувствовать). Но в немалой степени это развитие зависит и от нас, от русских. И потому я с энтузиазмом пил водку за процветание Бурятии в поселке Таежном

Лесничий - пожилой, но до сих пор очень красивый бурят, особенно его большеротая улыбка, но, к сожалению, он плохо слышит. Удивительно, как много знакомых выражений я увидела на непривычных монгольских лицах. Это дало мне основание думать, что общего у нас больше, чем различий, что во многих из нас течет восточная кровь.

В Москве некоторые знакомые, уже бывшие в Бурятии, говорили: "Ни о чем не беспокойтесь. Скажите только буряту, и он для вас все сделает. Для них любой из Москвы - начальник. Что они понимают..."

Хорошо, что мы и не подумали следовать таким советам. Может, раньше и было справедливо утверждать: буряты - это те же русские, только менее развитые. Сегодня такое утверждение несправедливо. Что же касается властолюбия или угодливости части бурят, то эти проявления азиатской психологии в полной мере свойственны и нам, русским. Поэтому фразу Джорджи лучше переиначить так: "Бурят - это тот же советский русский, но ярче выраженный".

Палатку мы поставили на берегу прозрачного Темника, едва отговорившись от предложения хозяев переночевать в конторе. После трудного и так бурно закончившегося дня - палатка в красивом месте и славно поющий по камням Темник.

23 июня. Утром оказалось, что машин на Байкал нет, и скоро не предвидится. Таежный недавно поменял хозяев, и теперь его машины возят лес не в Мысовую на Байкале, а в Гусиноозерск. Вот разве что завтра пойдет машина в г.Бабушкин (Мысовая), забрать десятиклассников, доучивающихся там последний свой год. Но это только завтра, и то лишь может быть. Потому решаемся идти сами эти 90 километров до моря. А будет машина - подберет.

Распрощавшись с хозяевами и с поселком, уходим, чтобы, не спеша, насмотреться на Хамар-Дабан.

В туристском описании поселок Таежный фигурирует как последний пункт маршрутов по Хамар-Дабану. Группы от Байкала, как правило, идут самой высокой частью гор, а отсюда уже машинами уезжают или в Гусиноозерск, или опять к Байкалу, но севернее, в город Бабушкин. Однако, сведения справочников о Сибири устаревают быстро, а расстояния между пунктами на деле оказываются большими. Поэтому мы надеемся только на случайную встречу и собственные ноги. Не будет машин, сами дойдем. Было бы у нас побольше времени, хотя бы неделя на Хамар-Дабан, пошли бы его высокой, красивой частью. Но мы спешим к Саянам, к Байкалу, и потому экономим дни и держимся автомобильной дороги.

Идти поутру приятно. Дорога - ясная. Но постепенно жара усиливается, слепни снова поднимаются тучей. И через десять километров мы останавливаемся на совмещенный завтрак и обед у ручья, пересекшего дорогу. Под мостом даже сохранилась глыба льда. При такой жаре! Варим-стираем, а потом я, вместо загаданных полезных дел, сплю. И, проведя так сладко четыре жарких часа, мы пошагали дальше, благодарно поглядывая на тучу, закрывающую жаркое солнце в этом душном ущелье.

Меня особенно утомляло при ходьбе отсутствие обзоров. Эти горы немного похожи на Карпатские - низкие и лесистые. Но, если в Карпатах дороги идут по верхним полонинам, тебя овевают ветры и ежеминутно раскрываются все новые и новые виды, если на Кавказе ты все время видишь манящие снежные вершины над собой, а на Алтае лесная тропа то и дело выводит на луга, по которым вьется долинная река, то в Хамар-Дабане - один только лес, лес и лес. Река течет где-то внизу ущелья, невидимая. По обеим сторонам дороги - поваленный техникой лес, труднопроходимая тайга, окончательно испорченная бульдозерными завалами от первоначальной расчистки. И

больше ничего. За весь день мы встретили всего два приличных места для стоянки: на одном обедали, на другом - заночевали. Только здесь к невидимой реке в основном ущелье из боковых ущелий притекали достаточно мощные ручьи. Одно радовало душу: хорошая и легкая дорога и цветы по ее обочинам. Уж как давно я знаком с жарками, а насмотреться не могу на эти аленькие цветики. Что-то затягивает меня в их огнистое пламя.

За весь день - никаких попуток и людей. Наконец, ближе к вечеру, нас догнала пожарная летучка и подбросила на пять километров. Жаль, что не больше. Это были лесные пожарники - обычные рабочие, поспешающие к месту пожара не спеша, как на место службы.

Нас, было, удивила такая невозмутимость, но потом, наглядевшись даже из вагона поезда на дымы и пламя, поглощающие лес рядом с дорогой и в привычном безлюдье, мы поняли, что пожар в сибирских лесах - явление не совсем примечательное. Леса горят и будут гореть, а пожарная служба может только уменьшать их масштабы. В такой массовой обыденности поневоле гаснет противопожарный энтузиазм.

Пожарники полезли куда-то в гору, оставив машину на дороге, а мы снова взвалили рюкзаки и пошли дальше, сопровождаемые любопытными пожарными собаками. До перевала оставалось еще четыре километра. И вдруг - новая радость. Нас догоняет машина. Теперь - легковушка. Правда, она проскакивает, но потом останавливается. В ней оказываются наши знакомцы - два ревизора из лесной инспекции, которых вчера ждали в Таежном, а утром мы здоровались с ними на подворье. Русский из Москвы и бурят из Улан-Удэ. Там они держались весьма надменно, и здесь не изменились, хотя и попали впросак. Их шофер по незнанию дорог вместо Гусиноозерска повез их на Байкал. Они долго нам не верили, а потом начальник-бурят вдруг стал нас допрашивать: "А как вы сюда попали? Зачем вам надо этой дорогой на Байкал идти от Таежного, когда проще ехать туда

поездом от Гусинозерска?". Я еле выдержала, чтобы не ответить ему такой же грубостью. Наконец, машина развернулась и укатила назад. Удивительно, как быстро власть портит людей, учит хамству. Вот и этот бурят молод сам, и молод его народ, а вот уже воспринял от нас, русских, далеко не лучшее.

Кажется удивительным, как различно можно видеть одних и тех же людей, сколь различен взгляд даже у таких близких людей, как мы с Лилей. Конечно, в этой машине главным был русский из Москвы, а молодой бурят был не начальник, а сопровождающий большого начальника. Своей надменностью меня поразил именно русский - не здесь, на дороге, а там, еще в Таежном, в окружении услуживающих хозяев. Сцену его прохода по двору я запомню как яркую картину, хотя видел ее лишь несколько секунд: высокий седоватый человек в сером городском костюме, с лисьим лицом и презрительно оттопыренной губой, с заложенной за спину рукой. Чуть поодаль - молодой бурят в черном, а перед ним семенит полубочком наша хозяйка - старая комсомолка, с какими-то стаканчиками и колбасой, нарезанной по-городскому. Русский был ревизором, и чувствовал себя монархом в собственных владениях, пашой, калифом на час. А ведь в Москве он совсем иной - скромный и демократичный на улице, подобострастный у высокого начальства. Вот и сейчас, на горной дороге перед нами он иной: видит не местных, а московских людей, и потому на всякий случай сладко улыбается: "Как вы похожи друг на друга... Как хорошо вот так, одним ходить по горам... Как я вам завидую...". Хищная улыбка лисы - казалось бы, чем мы ему можем быть опасны? Для его же бурятского коллеги мы - обычные, рядовые русские, и он искренне не понимает, зачем мы премся по этой пустынной дороге, когда на Байкал проще ехать железной дорогой. Лиля восприняла эти расспросы в штыки, резко обрывая мои объяснения, и только позже я догадался о возможной причине ее нервозности. Она решила, наверное,

что бурят заподозрил нас в поджоге леса. Подсознательная тревога томила ее.

На сегодняшнем дневном привале мы разожгли костер на открытой поляне, рядом с парой молоденьких лиственниц. Вернувшись от ручья с водой для чая, я увидел, что огонь через сухую траву перекинулся на лиственницу и уже обхватил ее ствол. Затушил я все это спокойно, благо вода была в руках, потом рассказал Лиле, и тревога у нее осталась: а хорошо ли мы затушили костер, уходя, и не виновны ли мы в поджоге той поляны? Конечно, эти страхи были напрасны.

Уже ближе к вечеру мы по небольшому дорожному серпантину влезли на перевал и начали длинный-длинный, пологий спуск, перешедший в дорогу по бесчисленным хребтам Хамар-Дабана. В разрывах деревьев видно множество этих хребтов, но мы не увидели Байкала, на что надеялся Витя. Лесовозная широкая дорога, оголенная, с завалами вывороченных деревьев вдоль нее, практически без обзора, была нерадостной. Чтобы наградить себя, несколько раз прикладывались к сулимовскому шоколаду, вспоминая, что Лида была в этих местах и прислала им свой привет.

При накрапывающем дождике дошли, наконец, до хорошего места. Приятной была в этот вечер стоянка и сон на толстом слое мха.

24 июня. В одиннадцатом часу утра, на третьем часу хода нас догнал, наконец, автобус из Таежного. Старенький мотор его исправно брал все подъемы и спуски до самого города, и заглох лишь у самой станции Мысовая. Хотя дорога по байкальской стороне Хамар-Дабана была живописнее, и идти по ней было приятнее, мы, конечно, были рады машине, были рады концу нашего пути по Хамар-Дабану. Ведь впереди еще много предстоит смотреть.

До электрички еще два часа, и мы пошли на берег здороваться с Байкалом "за руку", т.е. поплескались руками в мягкой воде. Рядом двое мальчишек по очереди плавали на надувном

матраце и порой спрыгивали прямо в холодную воду. Привычные, сибиряки.

Потом, когда нас настигла непогода, и Байкал мы видели только в дождь и в холод, Лиля часто вспоминала этих бултыхающихся на солнце мальчишек и жалела, что не поддавалась желанию искупаться вместе с ними. Радость надо брать сразу, не откладывая на завтра...

Электричкой добрались до Слюдянки, наполняя глаза меняющимся цветом озерной воды. Но недалеко от Байкальска с его целлюлозным комбинатом начались пенистые разводы на воде и тяжелый воздух... Тяжелая история.

Наперекор нашим надеждам, оказалось, что автобус в саянский курорт Аршан будет только утром, причем билетов мало, т.к. берут, главным образом, курортников по путевкам. Завтра в шесть часов надо будет встать в очередь. Но это - завтра.

А сейчас остается кусочек солнечного вечера на Байкале, и мы сидим на громадных беломраморных глыбах, которые завезли сюда много лет назад, чтобы сделать дамбу, но потом бросили, решив использовать обычный бетон. Байкал, конечно холодный, но если б солнышко еще продержалось, я решила бы выкупаться. А так выкупался один Витя, поддаваясь своим воспоминаниям.

Заснули тут же, в прибрежном парке, вскипятив чай на старом кострище.

15 лет назад я был с ребятами в Слюдянке, и сейчас пытаюсь припомнить, как тут было раньше. Мрамор добывается недалеко (в горах виден карьер), а мраморную щебенку укладывают даже в железную дорогу, так ее много. И все же к обилию этого роскошного камня трудно привыкнуть. Еще тогда меня поразили три громадные глыбы мрамора в прибрежном парке, на которых женщины складывали прополосканное белье. Сейчас же весь берег завален розоватыми и синеватыми белоснежными глыбами, а

прежняя восторженность сменилась привычной досадой: "Вот, привезли и бросили!".

С удовольствием я показывал Лиле свое давнее открытие: дореволюционный вокзал в Слюдянке частично сложен из мраморных блоков, но за эти годы паровозная пыль сделала их серыми и малоотличимыми от гранитных.

А вот деревянную действующую церковь рядом с вокзалом мы обнаружили только сейчас. Несомненно, я видел ее и раньше, но не запомнил. Не было еще церковного интереса, вот и прошел мимо, как будто она и не существовала. А, впрочем, многое ли изменилось за прошедшие 15 лет? Сбросив рюкзаки, мы зашли за ограду церкви, и улыбчивая старушка рассказала, что у них - очень хороший священник, служба идет, но день будний, и народу мало. Она приглашает зайти, но мы только заглянули - там и вправду стояло лишь несколько человек. Служба шла практически в пустом храме.

С некоторых пор нам стало стыдно заходить в церкви. Первое любопытство уже прошло, а уважение к чужой вере, боязнь нарушить молитвы других людей своим неверием и зевачеством - обострилось. И потому мы быстро распростились со словоохотливой старушкой.

25 июня. Витя ушел к пяти утра в кассу, и вернулся с билетами на автобус, не доходящий до Аршана 25 километров. Ну, я и этому радовалась.

Слава богу, на повороте в ущелье не пришлось долго ждать. Уехали мы на "левом" автобусе и радовались, что эта форма обслуживания и здесь, в Сибири, имеет место быть.

Аршан - городок у взметнувшейся вверх, в серое небо, горы. Пообедали, подкупили продуктов. Но консультации о пути получить не удалось.

Однако, река - вот она, ущелье - вот, дорога казалась ясной.

Курорт Аршан стоит на южном склоне Тункийского хребта, входящего в горную систему Восточных Саян. Дальше на юг лежит широкая долина Иркута, ограниченная с юга горами Хамар-Дабана. Недаром говорят, что Тункийская долина является географическим продолжением Байкальской

впадины. Только вместо воды здесь совершенно плоская степь, лишь кое-где всхолмленная старыми вулканчиками.

Посещение Саян было одной из главных наших целей, наряду с Байкалом и буддистскими храмами. Хотелось этим летом попасть в настоящие красивые горы, хоть ненадолго. Тем более, в горы, в которых мы еще не бывали. Тункийские гольцы как раз и были такими идеальными горами в условиях Сибири. Аршан был идеальным местом, ближайшим к высоким горам. Поэтому мы сюда и приехали. Вдобавок, мы надеялись, что, перевалив через гольцы, мы сможем выйти к селению и какой-нибудь машиной добраться прямо в Ангарск, к своим знакомым.

Однако ни карт, ни хороших описаний и схем в Москве не нашли, и надеялись во всем разобраться на месте.

На курорте люди пьют минеральную воду. Ну, и мы попили, конечно. Ничего водичка. Во фляжку набрали.

Выше курорта - источник, который, по поверью бурят, помогает лечить глаза и просветлять их. Вокруг все деревья обвязаны тесемочками, лентами, тряпочками - просьбами об излечении.

Не задерживаясь, идем дальше. Вот и конец курортной тропы - обрывается перед большим водопадом, первым на Кызарге, и самым мощным. Здесь начинается каньон, и тропа за мостом ползет по его стене.

Пришлось мне обуть ботинки, чтобы придать ногам устойчивость. Речка небольшая, но каньон высоченный, и тянется прямо от зеленой, красивой даже в сегодняшнюю пасмурь воды.

Потеряв тропу после первого каньона, пошли по реке и уткнулись в прижим, но какой - из розового мрамора! Перешли реку вброд около него. Приятно согреть ноги после холодной воды.

Войдя в скальный каньон, мы почти сразу повстречались со спускающейся туристской группой, и долго переждали, пока они пройдут тропку на каменных лбах у реки. У них был двухдневный выход в горы, и рассказать нам о перевале они

ничего не могли. А через полчаса после прощания мы встретили уже гораздо более мобильную четверку резвых парней, буквально промчавшихся мимо нас: "Скажите, туристы давно прошли?" - "Нет, а вы кто, не туристы разве?" - "Мы с вершины. Четверочный маришрут сделали. На автобус торопимся" - "Бегите, ребята, только осторожнее, в реку не свалитесь," - досадливое отмахивание рукой, и они исчезают.

Мимо нас как будто промчалась альпинистская молодость, которая овеяла своим успехом и придала силы. И это особенно заметно было по Лиле. Она как будто возродилась, привыкли к ботинкам ее ноги, не так утомлял рюкзак, мы шли допоздна - и все вверх, круто вверх, а не как в Хамар-Дабане. И к вечеру мы сделали такой путь (за полдня), который, по описаниям, иные группы проходили за два дня. Господи, как надо быть с молодыми!

Еще два раза мы разувались-обувались, переходя реку. Еще долго шли, все хотелось подойти под перевал, стать на границе леса и луга. Но вода кончилась, и мы были вынуждены спуститься.

Недалеко от места ночевки встретили охотника и его напарника, зятя и будущего преемника на этом охотничьем участке. Из веселой беседы с приятными людьми мы неожиданно для себя узнали, что по Китою, т.е. с той стороны перевала до самого селения Дабалы не 20 километров, как у нас нарисовано на карте, а 75, а главное, из Дабалы нет транспорта, а до селения с транспортом (самолетом) еще не меньше 25 километров.

Охотник очень естественен, независим и ироничен - свободный человек.

Охотнику было лет 50, его зятю - лет 20. Возможно, обоим было и больше, но выглядят они очень бодро и молодо. Краткая эта встреча с лесными хозяевами была памятна и радостна для нас. Как будто встретились с героями Купера или Арсеньева на современный лад, как будто убедились, что еще живы подобные характеры. В моем прежнем

представлении охотник-промысловик как тип - ограниченный и архаичный человек. Здешний же "хозяин" говорит свободно - не гладко, не красиво, а именно свободно и уверенно. Дом у него в Аршане и, возможно, общение с курортной цивилизацией обусловило такой феномен. Хочется думать, что таких "хозяев" в Сибири много.

Он обстоятельно ответил на наши вопросы о пути и ночевках и подтвердил по описанию, что на тропе сегодня мы встретили именно соболя, а не другого зверька, рассказывал о медвежьей опасности, смешливо, хоть и настойчиво предупреждал: "Особенно Мишка женщин любит... как она завизжит, сразу догоняет обниматься... Никогда не надо убежать от медведя, а напротив - смотреть прямо на него. Прямого взгляда медведь не выдерживает, смотрит только на ноги человека, и, если они наступают - сам убегает... Конечно, всякие случаи бывают. Можно ненароком и в лапы попасть. Вот как в прошлом году пришлось мне с ним бороться. Он ревет, а я в ухо ему кричу: "Что же ты, дурак, со мной делаешь? Ты ж меня так поломаешь! Насилу уговорил, повернулся медведь и убежал в лес... Потом в больницу вертолетом оттаскивали... Так что не бойтесь, но опасайтесь все же...".

Ночевку устроили на зеленом пятачке у тропы. В этот вечер справляли одновременно и встречу, и прощание с Саянскими горами, потому как решили вернуться назад. Витя предложил завтра дойти без рюкзаков до перевала, посмотреть горы и вернуться к верному автобусу в Аршане.

После ужина вспоминали петые когда-то песни и пели их костру и горам.

26 июня. Солнечное утро, праздничный выход. Крутой подъем - сначала в лесу, потом по открытому склону. Настоящие горы, настоящий альпийский луг с рододендронами - большими, желтыми и маленькими, восково-розовыми, с крокусами (как давно не видела!), с целыми полянами жарков и саранок, с аквилегиями, и

многими другими цветами, имени которых я не знаю до сих пор. Радость земли - солнцу.

Но идти тяжело. Безрадостные мысли кружатся в моей голове. О немощи, о старении, о глупости, позволившей мне идти в горы нетренированной. До перевала доползла непонятно на каких силах, и вместо того, чтобы наслаждаться заперевальным видом - "отбросила копыта", т.е. завалилась на склон и лежала, лежала, лежала... Мне думалось, что я буду лежать все время, пока Витя бегает по окрестностям с фотоаппаратом - мне ничего не надо. Ан, нет. Захотелось посмотреть на перевал, и через две минуты - поднялась на него. Причем возникло удивительное ощущение, что половина усталости ушла в землю.

За перевалом самого Китоя не видно, только его русло. Зато дальше синела наивысшая в этом районе и очень торжественная гора (названия ее я не помню). Фотографируемся на снежнике: я - ближним планом, как будто сижу на снежном перевале, Витя - широким планом, чтобы был виден масштаб нашего снежника. Пока подъем не был так крут, я мечтала прокатиться по боковому довольно длинному снежнику. Чтобы попасть на него, нужно было пройти по небольшому гребню... Но сейчас уже ничего не хочу. И мы сквозим мимо, вниз, к рюкзакам...

Вошли в лес и встретили поднимающихся двух студентов-туристов из Усолья. Они сравнительно легко экипированы, но есть и ружье для охоты, и пила с топором для плота. Уверенные в себе мальчишки. Убеждали нас, что по Китую можно пройти до Ангарска за два дня на плоту. Мы загорелись было, но разумность или неуверенность в своих силах взяли верх, и мы простились.

Несколько дней после этого "прощания" я не мог избавиться от чувства досады и поражения, снова и снова возвращаясь к мотивам нашего отказа и проигрывая разные варианты.

Когда ребята сделали предложение пойти с ними, я отклонил его, подчиняясь инерции уже принятого решения: мы ведь спускались с перевала в Аршан. Но уже через пару минут

после прощания я стал колебаться, и предложил Лиле подумать: может, все же пойти снова наверх, догнать ребят будет пока легко, все равно дальше Китоя они не уйдут. А зато есть реальный шанс водного путешествия на плоту по красивой сибирской реке, а также достаточно быстро добраться прямо до Ангарска. Красиво... Однако я натолкнулся на категорический Лилин отказ.

...Ничего не вышло. Вниз я шел с хмурым ощущением, что своим вчерашним "мудрым" предложением вернуть надорвал Лилины силы. Вчера она шла на удивление бодро, а все от встречи с молодыми альпинистами, вдохнувшими в нее силы идти и идти, как в альпинистской молодости. И так продолжалось вплоть до моего необдуманного предложения повернуть назад после информации охотника. Это предложение тогда не было капитулянтством, а только рациональным, хотя и неприятным вариантом (повторить путь назад). Но для удивившейся тогда Лили было это, по-видимому, как раз предложением отказа, и она на него пошла, потеряв вместе с тем и свои мобилизационные силы. Как будто вся накопленная усталость сразу навалилась на нее. Ночью болела нога, поврежденная еще в далеком детстве при бегстве из осажденного Сталинграда, - и вот когда отдалось! К утру боль прошла, но даже и без рюкзака Лиля теперь шла с огромным трудом. Перемена в ее физическом состоянии была разительной. Как будто после отступного решения тело ее взбунтовалось и отказывалось подчиняться. Я тогда не знал, чем помочь Лиле, и даже не догадывался, что сам виноват. Если бы не было моего предложения, Лиле и в голову не пришло бы отказываться от маршрута, что по туристской и альпинистской логике допускается лишь в крайних случаях. На следующий день нас догнали бы студенты-плотовики, и с их помощью или самостоятельно мы добрались бы, конечно, до цели, пусть затратив на это в два раза больше дней, чем планировали. Зато в памяти остались бы воспоминания о сибирской горной реке и чувство гордости собой.

Лилия была слабее меня, и потому гнала самые рациональные мысли, так похожие на отступничество - если их допускать, то вообще никуда не поехали бы. Но, поскольку предательство супругом маршрута произошло, то Лилино тело за него ухватилось, и уже не желало отступить, не желало слушать никаких новых вариантов, цепко держало Лилию в тисках усталости... А, впрочем, плоты по Китою - при нашей неопытности и Лилиной боязни воды - действительно, страшноватый вариант... Я до сих пор продолжаю себя уговаривать, продолжаю предавать саянский маршрут.

Обратный путь к Аршану идти Лиле было очень тяжело - более убедительного доказательства зависимости тела от духа мне трудно представить.

Дошли до ночевки, взвалили рюкзаки на плечи, и пошла я вниз на тех же неверных ногах. Казалось бы, вверх - не вниз. Действительно, мы дошли быстрее, но мои натруженные ноги плакали и стонали. Сегодня солнечный день, вроде бы - радуйся, но никаких сил нет для радости. Может, только на остановках - большой, для обеда и стирки, и малой, для Витинога купания в зеленой Кынтарге.

Дошли до курортной водички, попили, с трудом избавились от приставшей в тайге тучи слепней-паутов, но, увы... На автобусной станции узнали, что автобусов сегодня (6 часов вечера) никаких не будет. И вообще, на Иркутский автобус билеты распродаются за много дней вперед... Не выходя из города, в сосняке у реки, поставили мы палатку.

27 июня. Встали рано, и все равно билеты получили только на Слюдянку - верим, что поездов до Иркутска много, уедем.

Автобус выкатывает из гор на солнечную долину, но через полчаса вдруг наползает такой густой туман, что солнце исчезает. Мы поражаемся такому переходу от солнечной погоды к "сухому дождю", не догадываясь, что столь низкие и густые облака несут пятидневную непрерывную осень. Впрочем, в этот день дождь еще только собирался, накапливал силы, временами накрапывал, зато ночью стал непрерывным,

и собрал под нашей палаткой ванну, в которой мы благополучно вымочили почти все наши вещи.

Но до того был еще целый день с 11 до 7 часов вечера, ожидания электрички в Слюдянке. На единственный в это время скорый поезд билетов достать не удалось. Витя был сильно раздосадован, а мне этот день безделья был так кстати - отходила от гор. Вышли в уже знакомый слюдянский парк у Байкала и сели на лавке переписывать сценарий, но я быстро отключилась и уснула.

Из-за длинной обеденной остановки в горах (на два с лишним часа) мы не успели к последнему автобусу из Аришана, а, следовательно, и утренней электричке из Слюдянки. В итоге мы потеряли почти полный световой день в Иркутске. Насколько было бы лучше знакомиться с этой старой столицей Сибири без дождя! Все эти задержки и опоздания еще более растравили душу мою и казнили ее за отступнический рационализм, как будто были Божьим наказанием.

Вечерней электричкой взобрались на перевал и смотрели сверху на Байкал в тумане. В полной темноте прибыли в Иркутск. Поколебались немного между электричкой на Ангарск, знакомыми и незнакомыми Иркутска, и отправились троллейбусом к Иркутской ГЭС, к водохранилищу, т.е. к длинному, на 80 километров Байкальскому заливу. Палатку в прибрежных деревья ставили уже при накапывании, а ночью вымокли, но спали под мерный шум дождя хорошо.

28 июня. Иркутск мне понравился. Его нельзя было испортить дождем. При дожде встали, собрали рюкзаки, оттащили их на вокзал, позавтракали в железнодорожной столовой, и пошли по музеям, надеясь, что к середине дня видимость все же улучшится для цветной фото пленки.

В старой части города с бело-красными кирпичными и деревянными, в накладной резьбе, домами много зелени и очень уютно. В доме Трубецких - музей декабристов. Не навязчиво, со вкусом составлена экспозиция. Есть залы,

посвященные отдельным декабристам, их женам, самим Трубецким.

Декабристы были рассеяны почти по всей Восточной Сибири, но Иркутск как будто сконцентрировал в себе память о них. И немудрено: ведь он всегда был столицей, резиденцией губернатора Восточной Сибири. Гуманный и сочувствующий губернатор селил в городе отбывших каторгу осужденных.

В странном диссонансе с привычными представлениями о царской каторге находится экспозиция быта осужденных тогда протестантов. Камера каторжанина изображена богатым кабинетом со множеством книг. Дом ссыльного - это трехэтажный барский особняк, с верхними кабинетами, нижними каморами и "людской" для прислуги, гостиными и спальнями. Даже попав на каторгу, декабристы сохранили свою принадлежность к дворянству, и материальные средства, оставались экономически свободными. Это и давало им возможность оказывать такое сильное воздействие на развитие Сибири, ее культуры, на исследования, на образование.

Последующие поколения революционеров были здесь уже совсем иными - без средств и вкуса к конструктивной работе, они глядели на Сибирь как на тюрьму, из которой можно только бежать для дальнейшей революционной работы.

Память о декабристах сохраняется и в реставрируемом доме Волконских, и в могилах за оградой Знаменского монастыря, рядом с памятником Г.Шелехову.

Шелехов был основателем и строителем русских американских колоний, о чем и славословят стихи Гаврилы Державина на чугунных боках памятника. Купец по происхождению, он стал затем вельможей и директором Русско-Американской компании, вложив всю жизнь в русскую Америку - Аляску, строя там укрепления и города, обучая туземцев православию и хлебопашеству. Однако семью он держал в Иркутске, и похоронен именно здесь. Это очень важно. Так поступал не только он, а, наверное, все русские колонисты. Потому-то Америка и не стала русской, что

селились там не свободно и добровольно, не навсегда, а по царской службе и ради обогащенного возвращения назад.

Только раскрепощение, наступление капитализма и проведение в Сибири железной дороги изменило положение. Вместо каторжников сюда стали прибывать поезда с добровольными переселенцами - для свободной жизни и труда. Тогда-то и стала Сибирь заселяться, тогда и стала русской окончательно.

В XX-ом веке - новый поворот, в Сибири снова стало больше лагерей, каторги, а прирост переселенцев почти прекратился... Долго ли ждать следующего поворота?

В центре сохранились и православные церкви, и польский костел. Две церкви сейчас реставрируются. Золотые маковки, белые стены, красивые наличники и даже изразцовый пояс.

Подальше от центра на горке стоит действующая церковь. Какая красавица! С какой любовью убрана! И стоит высоко, и главы красивые (над притвором их почему-то две).

Соборы Иркутска с золотыми главами на центральной и древнейшей площади выходят прямо на Ангару. Деревянные дома на еще не перестроенных старых улицах, в тиши и зелени, для нас были полны очарования. Особенно в дождевом оформлении, так идущем к потемневшему дереву старинных домов.

Сибирские города и деревни - в основном бесцерковные, раскольничьи или социалистические. И только в Иркутске, под крылом царского губернатора, православие строилось красиво.

В бедных книжных магазинах, в которые мы с удовольствием заскакивали, чтобы стряхнуть дождь, купили только пьесы А. Вампилова и старый журнал Короленко и Михайловского с первыми литературными очерками Федора Крюкова, о котором говорят, как об авторе "Тихого Дона". И очерки эти так и называются: "На тихом Дону".

Конечно, авторство это - только предположение некоего московского литературоведа Д., поддержанное А.И. Солженицыным. Но нам оно кажется столь

правдоподобным, что я, не задумываясь, потратил два с полтиной на номер "Русского богатства" за 1893 год (штамп канцелярии восточно-сибирского губернатора на книге меня тоже завлек), с началом ранней вещи Ф.Крюкова - впечатлений от посещения им во время студенческих каникул родной станции. Стилль рассказа, конечно, сильно отличается от манеры "Тихого Дона", но любовный интерес к казачьей жизни, знание ее тонкостей и особенностей, глубина понимания - все это, конечно, не идет ни в какое сравнение с Шолоховым, хотя в то время Крюкову было столько же лет, сколько Шолохову в годы его дописывания (и искажения) первоначального "Тихого Дона".

В картинной галерее встретились с поленовским "Христом и грешницей", репинской "Пищей" и с "Самаркандом" неизвестного мне художника.

И последнее впечатление от Иркутска - "Белый дом" на набережной, сейчас - университетская библиотека, а рядом краеведческий музей из резного кирпича, куда мы уже не попали.

Выполнив программу осмотра, поздним вечером мы ввалились в теплую квартиру Михайловых в Ангарске, немного стесняясь своих мокрых вещей, но в то же время и радуясь гостеприимству хозяев и сухости красивой квартиры. После ванны, праздничного ужина и разговоров, сушить наши вещи и спать мы отправились в соседнюю квартиру уехавшей на лето в деревню матери.

Наши хозяева - Виктор, Лида и их 18-летний сын Андрюша. С Виктором мы знакомы давно, а Лиду и Андрюшу увидели этим маем, когда они приезжали на защиту отцовской диссертации в Москву. Защита прошла безукоризненно, на высоком уровне. Теперь Виктор - большой начальник. Его работоспособность, изобретательность и золотые руки давно восхищают, и не только нас. Лида преподает в техникуме. Они учились вместе, в 20 лет родили Андрюшу, который сейчас работает слесарем на отцовском предприятии и одновременно учится на вечернем отделении политехнического института.

Наше знакомство зиждется на общности кандидатских тем у Виктора и Лили. Лиля стала ближайшим советником и редактором по части написания самой диссертации. Мы даже шутили, что судьба ее не обделила, и в лице Виктора дала единственного аспиранта. Но зато какого! С нынешнего же года знакомство стало семейным, и мы решили принять давнее приглашение побывать на Байкале вместе. Это было очень заманчиво: кроме поверхностного знакомства с природой и внешним обликом Сибири, пожить в сибирской семье, в ее проблемах, и в городе - через Лиду и Виктора, и в деревне - через его маму.

Виктор, Лидка и Андрюша - представительная и преуспевающая советская семья технической интеллигенции. Трудовая юность, интересная, в общем, работа. Прочное общественное положение и материальное благосостояние. Дом - полная чаша: квартира, автомашинка, моторка, дачный участок, цветной телевизор, ежегодные поездки на черноморские курорты... Книжки, правда, мало - некогда ими заниматься, жизнь и труд заедают.

Хорошая жизнь. Но и в ней существуют вопросы, трудности, и даже недовольство, но все это - в рамках искренних советских людей. Тем не менее, зная в общих чертах о моем диссидентстве, они не пугались его и ненавязчиво, но все же прощупывали иногда мнения по разным вопросам. Изучение друг друга было взаимным. Почти два дня, проведенные в Ангарске, наверное, были интересны не только нам.

29 июня. Сегодня дождь не утих, а сменился дождем с ветром, и мы отставили планы покататься на лодке наших хозяев по Китою и Ангаре. Посмотрели на серый Китой с моста, а на серо-зеленую Ангару мы уже в Иркутске насмотрелись.

Ангарск - новый советский, социалистический город, с регулярной застройкой, т.е. прямоугольной сеткой улиц и до жути одинаковых домов, выстроенных в 50-х годах. В городе единственная достопримечательность - музей часов, собранных местным умельцем. Такое разнообразие часовых форм, столько искусства!

Для Ангарска, родившегося после войны на базе немецкой техники и грандиозных задач, музей часов - как маленькое человеческое улыбочное пятнышко старины и традиций на лице огромного солдафона. Исправить его тупость оно не может, но чуть-чуть оживляет, чуть-чуть извиняет и очеловечивает. С каким удовольствием рассказывал нам Андрюша в Москве об этом музее, говорили о нем и другие. Его знали все в городе, им гордились вне города. Как необходимо это людям, как нужно тепло человеческой истории и искусства. Я уверен: без этого музея город не досчитался бы многих своих жителей, кому его производственная суровость и сталинская регулярность трудно переносимы.

После обеда нас повезли на "Волге" смотреть Александровский централ - это 110 километров в один конец, через Иркутск, на другой стороне Ангары. Но для наших хозяев это не расстояние.

В Александровском центреале сейчас психиатрическая больница с тюремными порядками - ни выйти, ни письма отослать. Надзирательницы пытались отобрать у меня письма своих подопечных. Но с вольного - что возьмешь!

Здание не слишком большое, двухэтажное, замкнутое внутренним двором. Живописные в нем только входные ворота. А для жильцов лишь маленькое утешение - из окон вид приятный.

Александровский централ сравнительно молод. Его построили во второй половине прошлого века на месте винокуренного завода. И в течение почти полувека он перерабатывал в каторжников и ссыльных несколько поколений российских революционеров - народников, марксистов, националистов и других. Кого тут только не было!

Вопреки обычаю, после революции централ перестал выполнять свои функции. Впрочем, такое бывало: вместо одной разрушенной Бастилии создаются десятки новых "домов заключений". Видимо, Александровский централ, с его удаленностью от железной дороги оказался неудобным в

качестве распределителя и слишком роскошным для обычного лагеря. Впрочем, в его окрестностях было настроено много лагерей. Некоторые из них действуют, видимо, и сейчас. С дороги видны огороженные колючкой зоны. Среди них и какой-то особый лагерь для проитрафившихся "славных чекистов".

Мрачным и пустынным выглядит отличное шоссе по правой стороне Ангары. Централ переоборудован в больницу, однако тюремный дух властвует над этими местами - как в характере больницы, так и в характере окружающих ее учреждений. Этот дух здесь, в принципе, непреодолим. Почему? Наверное, от людской профессиональной преемственности. Александровский централ воспитал в окружающих жителях "прекрасных" тюремщиков и служащих, эти традиции передаются их детям. И конечно, грех не использовать столь "прекрасные" тюремные кадры при такой потребности в них, какую испытывали сталинисты в свое золотое время.

На обратном пути хозяева показали свою новую дачу и повозили по Ангарску. Удивительное ощущение осталось у меня от этого знакомства через стекло машины. Правда, оно составлялось из трех компонентов: первоклассной благоустроенности жилых районов, громадной протяженности заводских территорий, окруженных лесом и прорезанных пустынными шоссе, и рассказов Виктора о здешних порядках. У меня даже появилась иллюзия, что мы в городе будущего. О чем мечтали - вот оно! Но как зябко мне здесь. Как неуютно под всевидящим оком директора громадного комбината! И мне не захотелось в это наше (от нашей системы) будущее. И хотя Виктор и Лида сохраняют свою человечность, все же и они поражены метастазами этого тотального порядка. Когда человек существует только для работы, смысл которой ему не нужно и понимать..."

Позднее мы выслушивали об Ангарске разные мнения: и восхищение его чистотой, зеленью, планировкой, и хулу - везде

предприятия, отвратительный воздух от деятельности Ангарского НПЗ и химкомбината, хулиганье и т.п.

Лиля не зря почувствовала в Ангарске облик будущего: он порожден запросами технического прогресса, возник ему на потребу, служит образцом для всех таких городов в будущем. Потом, в иных сибирских городах (Железногорск, Братск), мы обнаруживали те же черты и противоречия: стандартность правильной застройки кварталов при разбросанности и даже хаотичности общего плана, относительно приличное снабжение продуктами (даже в сравнении с Иркутском) и тяга к бегству из города, хотя бы временному, на дачу, хотя природа тут рядом, совсем под боком, подчеркиваемая гордость за город или откровенная неприязнь.

Не раз мы слышали горделивую фразу: "Я здесь с самого начала, я строил этот город». Наш хозяин Виктор - тоже из категории творцов нового города, и потому с таким удовольствием показывает все, что построено его комбинатом, и даже цехом. Вполне понятное чувство. Однако эта гордость совсем не одинакова с гордостью горожанина как за свой личный дом (плод его собственных усилий), так и за свой город (плод общих усилий всех горожан). Фактически, творцом города Ангарска является первоначальный комбинат, вокруг которого и строились жилые кварталы, а практически - генеральный директор комбината. Поэтому гордость первожителя сродни гордости старейшего члена коллектива, старого дружинника у князя-директора, и противоположна гражданскому чувству.

Затем появились новые предприятия, которые, наподобие неких удельных княжеств, строили коробки для своих работников самостоятельно, легко преодолевая сопротивление бессильных общегородских советских органов. Так возникает общий хаос при локальной планировке, так возникают и различные иные противоречия.

Когда город строят сами жители - пусть стихийно и без плана, но, сходясь для общей жизни, они следуют каким-то

определенным житейским правилам и нормам. И в результате возникает стихийная разумная планировка - как в старой Москве, да и в иных старых городах России. Через массу индивидуальных усилий как бы прокладывает себе дорогу наиболее оптимальная и естественная планировка. Когда же город строят только несколько крупных хозяев, "капиталистов" - ничего хорошего не получается. Так было раньше на Западе, то же самое бывает и в наших новых городах.

Мы пришли к мысли, что технический прогресс обязательно сочетается с прогрессом социальным. Тем не менее, облик старых и новых городов говорит об ином. Торжество новой техники здесь связано со строительством новых производственных гигантов и обращением в своих рабочих и служащих все большего и большего числа независимых раньше людей. Вместо инициативных свободных людей появляются винтики в производственной структуре, вместо творчества на земле - стандартные операции в цехах и стандартная жизнь в стандартных домах. Однако неизбежен ли этот процесс, в своем движении до фантастического предела - полного технического закабаления людей? Мне кажется, что такое сочетание технического прогресса и растущего социального рабства - не вечно, и для Сибири тоже. Кончится первоначальное освоение западной техники на этой пустынной земле, и снова поднимутся в цене индивидуальные усилия независимых, свободных людей. При этом гигантские коллективы распадутся на людей, околдованные секретностью и планами города оживут, и Лилю не будет томить тревога за будущее.

Комментарий 2011 года: с большой горечью я читаю сейчас, в наступившем будущем, эти строки, написанные в 1976 г.

30 июня. Третий день дождя. Утром втроем выехали на Байкал, Виктор, как и обещал, взял три дня отпуска, но Лиду, к сожалению, не пустили в связи с экзаменационной сессией.

Длинная-длинная дорога с одним обедом - через Иркутск, Усть-Ордынский - на Ольхон.

Как ни странно, почти вся дорога от Иркутска шла не тайгой, а широкой степью до самого Байкала, а, перебравшись через пролив на остров Ольхон, мы снова катили степью. Байкал и при этом степь - такие пейзажи для меня были неожиданностью. Не удивительно, что эти степи до сих пор заселены степняками-бурятами. Правда, ныне они образуют здесь только национальный округ. Мы надеялись, что в его центре - Усть-Орде, найдем какое-то своеобразие для глаз и фотоаппарата, но на деле увидели обычную деревню русского вида, черную от непогоды. Виктор нас уверил, что ничего примечательного нет, и мы покатали дальше.

Видя мои попытки, он иногда специально останавливал машину около очередного стада, чтобы я мог сфотографировать бурята "за работой". Правда, к моему увлечению относился он скептически, ибо в отношении бурят сам никаких иллюзий не питал.

В Иркутской области всего шесть бурятских районов, и везде дела идут плохо: это и по дорожным ухабам видно. Виктор вырос и учился в Качуге, в тесном соседстве с бурятами. Детские драки с ними прочно определили его отношение к ним: "Правды от них не жди... Спросишь дорогу, обязательно в другую сторону направят... В войну, когда их сначала не брали на фронт, как они измывались над оставшимися русскими женищинами..." (далее следовал рассказ, как у его матери бурят-сосед отнимал подводу накошенного сена, мать отстояла ее только с помощью ружья).

Что мы могли противопоставить этой уверенности, этому опыту, этой правде? Только другую правду, только рассказы о нашем посещении Бурятии, о бурятском гостеприимстве и доброте. И эти две правды надо совместить, хотя бы в собственном разумении. Виктору говорить бесполезно, у него слишком богатый отрицательный опыт. Да это и понятно! Там, где буряты чувствовали себя хозяевами - в собственной

республике, они относились к русским более терпимо и без враждебности. Здесь же, в окружении и под начальством русских, хоть и на своей земле, бурятам было не до гостеприимства. Заворачивается порочный круг взаимной вражды и недоброжелательности, где невозможно найти правых и виноватых. Нельзя народам жить слишком тесно, без раздела, как не следует и семьям жить в коммунальных квартирах - свары почти неизбежны.

Около часа ждали паром на байкальском берегу. Кораблик, на котором умещаются две легковые машины, быстро-быстро перевез нас через трехкилометровый пролив и отправился в обратный путь, а оба Вити занялись мелким ремонтом: погнутым при съезде кронштейном машины, заклинившим выхлопную трубу.

80-километровый Ольхон нас поразили своими видами, которые так и просились на гравюру. Витя говорил о Волошине и жаловался, что мрачная погода мешает работе с фотоаппаратом. К вечеру доехали до залива, перегороженного песчаной дамбой и ставшего отдельным озерком. Правда, Виктор говорит, что в этом озере водятся только "сорные" рыбы (окунь, щука), зато ее официально разрешено ловить сетями. Впрочем, браконьеры ловят и в самом Байкале.

Мы установили машину на камни, разожгли костер, а потом пошли ставить сети в озеро, одолжив резиновую лодку у давно стоящих рядом диких заготовителей рыбы (мать с сыном ловят и солят в бочки).

Это место уже давно облюбовано Виктором в его рыболовных поездках с друзьями или семьей. Песчаная коса, перегородившая байкальский залив, узаконила сети для отрезанной части (омулевым косякам нужна большая вода). Поэтому сюда приезжают даже надолго, как наши соседи: поставили бочки с солью прямо в холодную воду, и складывают туда рыбу. А в воскресенье приезжает на легковой машине отец, и отвозит продукцию домой. И отдых, и подспорье. Сибирские нравы и традиции. При случае,

конечно, бросают сети - и за дамбу, уже на омуля, особенно местные рыбаки, спевшиеся с рыбнадзором.

Местные ловят уже не столько ради себя, сколько для продажи и на выпивку (омуль нормальной величины - полтинник, за бутылку - дешевле). Многие из местных ольхонцев живут очень богато, с машинами и домами, но большинство просто прожигает свою жизнь. Виктор рассказывал, что один из его знакомых неожиданно бросил квалифицированную работу в городе и переехал сюда, стал получать бешеные деньги за рыбу, но "богатства не нашёл" - пьёт.

Мы сами видели, как к ночи подъехала на косу машина типа бензовоза, и молодые ребята вытащили три сети на омуля, а с ними человек, которого Виктор вначале принял за рыбнадзор. Выходит, что в этих местах государственные запреты действуют только на рядовых приезжих рыбаков. В каком-то смысле государственный запрет охраняет здесь, прежде всего, интересы местных браконьеров от пришедшей конкуренции, охраняет рыбу им. Государственный запрет оборачивается монополией местной мафии. Доходы же от такой рыбозащиты делятся пропорционально между надзором и ловцами. Что же изменилось от усиления государственного запрета на частную ловлю? Рыбу все равно ловят и продают, но при посредничестве спивающихся браконьеров и подкупаемых контролеров. Какая же тогда польза от запрета, если он не действует, а лишь обогащает и развращает местных людей?.. Впрочем, может быть, я и не прав. Может, польза от такого запрета все равно есть, но уж очень неприглядна практика его осуществления.

Дождь под вечер как бы утих. Но спать легли все же в машине, троим в "Волге" просторно. Вечернее небо обещало изменение погоды. Лежа, увидели даже звездочку и приготовились к хорошему утру.

Едва заснули, как заметались огни от мотоциклетной фары, подкатили двое местных парней и стали настойчиво нам

предлагать мясо: живого барана. Виктор не менее настойчиво просил их придти завтра (когда нас здесь не будет).

Виктор потом объяснял нам: просто отказать этим молодым бурятам, практически мальчишкам, опасно, могут и стекла у машины побить (он специально информировал ночных пришельцев, что в машине нас трое), а соглашаться на их подозрительного, возможно, краденого барана никак не следует. Мальчишкам позарез нужно выпить, именно сейчас (были бы деньги, а магазин мы "откроем"), поэтому они могли своровать барана не только в колхозной отаре (что, в общем, здесь привычно, и даже существует такса: чабан отдает барана из стада за 50 рублей), но и у собственных родителей, что уже совсем никуда не годится...

Самих мальчишек на мотоцикле мы не видели, хотя голоса у них были не из приятных. И особенно грустно, что это - дети бурят, у которых традиции и нравы должны были быть даже крепче, чем у нас. И вот, какое разложение! Можно понять Викторovu враждебность, и в то же время жаль бурят.

1 августа. День дождя четвертый. Погода не переломилась, и потому мы с грустным единодушием решили уезжать. Делать нечего.

Сети поутру снимали Витя и я, а Виктор снимал нас фотоаппаратом. Попались три большие щуки, очень вкусные, но Виктор был недоволен, и повеселел, когда скупил у более удачливых браконьеров за несколько бутылок водки целый мешок сорной рыбы и несколько десятков омулей. Вычистив рыбу и чуть присолив ее, мы отправились сначала до главного селения на Ольхоне - Хужира, а потом уже в + обратную дорогу.

У Хужира стоит Шаманья скала, где мы надеялись увидеть, как это было обещано путеводителями, пещеру с буддистскими знаками. Долго искали их между современными надписями и все-таки увидели. Здесь живописная бухта, песчаный пологий пляж, дюны с соснами и скалы с прибоем... Если бы не дождь!..

На обратной дороге Виктор показывал нам несколько бурятских моленных столбиков, усыпанных вокруг бутылками - остатками жертвенных возлияний.

Буряты - ламаистский народ, т.е. народ, соединивший в своей вере рафинированный буддизм с языческим шаманством. Здесь, наверное, как раз на Ольхоне, самая северная отметка этой экзотической веры, и здесь было больше всего шаманов. Главная святыня - святая скала - даже сохранила свое название, но превратилась в буддистскую святыню с помощью несложных тибетских иероглифов. Несколько черточек белой краски - и происходит духовное преобразование этакой громады - каменного бога. Потом здесь появились бы ламы-монахи, и жертвоприношения у скал превратились бы в молитвы и изучение буддистской премудрости. Потом выстроили бы монастырь... Этот процесс был остановлен революцией. Буддизм был сметен в этих местах, остались одни буряты, и остались их языческие суеверия. И потому вместо молитв Будде они пьют водку у моленных столбиков.

Уже на "материковом" берегу, когда окончательно стало ясно, что мы уезжаем от Байкала, Витя заставил меня выкупаться. Купание, правда, состояло в том, что, раздевшись в машине, я выскочила на холодный дождь, вбежала по пояс в холодную воду, окунулась два раза, и стремглав помчалась в машину переодеваться. Витя же еще терпеливо поплавал. Вот так мы простились с Байкалом.

Когда стало ясно, что Байкала у нас больше не будет, я настоял на этом ритуальном купании, чтобы Лиля не жалела потом. И правильно сделал. Горечь плохой погоды и неудачных кадров теперь чуть-чуть сглажена этими воспоминанием: хмурым темным небом, отвесными скальными стенами рядом, в тумане напротив и недалеко ущелье страшной Сармы (откуда срывается порой знаменитый байкальский шторм, переворачивающий лодки и суда), и зеленоватая чистейшая вода вокруг тебя, пузырящаяся фонтанчиками от дождя. Тело столь возбуждено, что холода почти не

замечает, и только лоб ломит, когда плывешь брассом, да сжимает сердце, когда подумаешь, сколь часто гибнут здесь люди с перевернутых лодок, тонут в байкальском холоде, просто сердце не выдерживает, хотя и берег рядом, а доплыть не могут... Но у меня дно под ногами, и я не спеша выхожу на берег. До свидания, зеленое чудо!..

Путь наш лежал теперь на Лену, в город Качуг, откуда Виктор родом и где сейчас живет его мама. Полторы сотни километров утомительной для Виктора неимоверно грязной дороги, и мама открывает машине сына ворота.

Анна Михайловна живет теперь здесь только летом и осенью. Ей в этом году 70. Сил все меньше, но к нашему приезду она побелила стены и покрасила пол. Все сама.

Четверых детей подняла. Муж погиб под Сталинградом. Очень у нее славная улыбка, так и хочется ее вызывать.

Разборка вещей, мытье машины, праздничный ужин с пирогами и сон в мягком, за печкой.

Нам посчастливилось ночевать в сибирском деревянном доме, открывать и закрывать его ворота, рассматривать фотографии на стенах, слушать удивительный цокающий говор его хозяйки, коренной сибирячки, впитывать ее рассказы о хозяйственных делах, оценки и суждения относительно современных событий, и привычные опасения: "Не будет ли войны?".

Характер Анна Михайловна имеет достаточно властный. Ведь всю жизнь выдерживала мужскую нагрузку, но детей чрезмерной строгостью не портила. Только раз ударила Виктора в детстве, и до сих пор жалеет, а вышли все дети хорошие. И снова с трудом удерживает слезы об утонувшей прошлой зимой в Ангаре младшей дочери, не найденной до сих пор. Но пересиливает себя, чтобы нас не стеснять и снова - о современных детях, которых, хоть и воспитывают, но воспитать толком никто не может. Она тоже была бы бессильна... И мы соглашаемся с нею, редко в стариках встретишь такое понимание современных трудностей.

И снова: неужели все же будет война? Как все же покалечены люди войной, все несчастья века в ней стянуты.

2 августа. Пятый день дождя. Хорошо было просыпаться от запаха печеного теста. Немного стыдно своей лени, но и приятно, как в родном доме. Воздушные пирожки с морковкой в густейшей, как масло, сметане, пирог с омулем подала нам Анна Михайловна к завтраку.

Здесь у Виктора много дел и знакомых, но он занят, прежде всего, с нами. Поэтому поутру отправились по дороге вдоль Лены искать Шишкинские наскальные рисунки.

Глазастый мой Витя доглядел-таки едва заметную надпись на красных ленских скалах о заповеднике, а, остановившись, мы все уже стали "открывать" один за другим то рисунок зверя, то человека, верхом на лошади, то сцену охоты, то лодочный караван. Часть из них выполнена царапанием, а часть закрашена. Правду говоря, трудно поверить, что в их 15-тысячелетний возраст: почему за эти тысячи лет дожди не смыли краску? А может эта краска, не чета современной? Дай бог, чтобы дожди поскорее смыли краску надписей наших Юриков и Шуриков, которых здесь тоже немало.

Нам очень давно хотелось посмотреть первобытные рисунки в натуре, а не в книге, но только на Лене "сподобились". Ленские скалы, действительно, выглядят гигантской выставкой детского рисунка у дороги. Важно было чувство подлинности и самих рисунков, и места их создания. Именно здесь тысячи лет назад жили охотники, которым нужны были эти рисунки.

Везде охотники становились скотоводами, земледельцами, горожанами, интеллигенцией. Здесь же они оставались охотниками, как будто эта земля самим Богом предназначена была только для охоты. И те, кто приходил сюда, вытесняемый конкурентами с иных земель, или в поисках счастья - как скотоводческие племена из Монголии, или казаки из России, сами становились охотниками. Ленская природа перерабатывала их под уровень шишкинских

рисунков, и они сами начинали рисовать там зверей и символы.

Пожалуй, коренной перелом произошел только в нашем веке, когда в эти места заявили промышленники, горожане. Техника оказалась способной изменить сибирскую тайгу и характер ее обитателей, и сделать стародавним содержание шишкинских рисунков.

После обеда, на который подали пирог со щукой, мы съездили в соседнюю деревню в поисках еще недавно стоявших здесь (но уже исчезнувших) деревянных юрт. А после пешей прогулки по городу вернулись домой.

Качуг считается городом, но на деле это большое районное село. Трогательно видеть, что райком партии расположен в одном из небольших деревянных двухэтажных качугских домиков, как в прежние времена непоказного энтузиазма. Есть и смешные моменты: статуя Молотова, когда-то отбывавшего здесь ссылку, снята, а на бетонном постаменте повешена доска: "В честь постройки первого судна на качугской судовой верфи". Судоремонтный завод и звание районного центра не спасают город от оскудения, начавшегося с того момента, когда он утратил роль главной перевалочной базы из Иркутска на Лену.

Еще в войну сюда тянулись обозы из Иркутска, чтобы перегрузить свои грузы на ленские баржи: зерно и товары для огромных якутских пространств. Сегодня грузовые потоки на Лену идут по дороге Тайшет-Усть-Кут, а Качугу уготована судьба консервировать свою деревянную застройку и медленно, естественно развиваться вместе с сельскохозяйственным освоением окружающих земель. И мы считаем, что Качугу повезло, что лучше изменяться медленней, не ломая ничего зря, чохом. Мы завидуем Виктору, у него ведь сохранилась родина и родной дом, куда он может вернуться как в детство. Хуже тем, у кого родная улица и родной дом уже уничтожены преобразованиями, а еще хуже тем, кто даже не чувствует в этом потери.

На вечер нас пригласили в гости к двоюродной сестре Виктора - Гале. Однако этот вечер не состоялся. Весь сегодняшний день зрело в обоих Витях беспокойство - Лена от дождей так высоко поднялась, что к завтрашнему утру вполне может залить нашу дорогу на Жигалово, откуда начинается пассажирское сообщение по Лене вниз. Тогда придется отказаться от путешествия по Лене, от Илима, Братска...

К четырем часам дня беспокойство это созрело окончательно, и мы кинулись на автостанцию в страхе, что завтра автобусы на Жигалово отменят, а сегодняшний последний автобус в пять вечера уйдет без нас. Нам продали два последних билета. Витя был счастлив, а мне было неловко за то, что сбежали "с гостей", а ведь женщина готовилась.

Распрощались напоследок с нашим шофером и гостеприимным хозяином. Сколько труда Виктор затратил, чтобы повозить нас по дорогим ему местам, не жалея ни сил, ни времени, ни машины. Мы на такую самоотверженность не способны. Погода, конечно, сильно повредила нашей радости, но Виктор, наперекор всему, подарил нам и Ольхон, и байкальскую рыбалку, и сам Байкал с Леной, и... До свидания! Спасибо!

Признаюсь, в момент прощания я был доволен и не только тем, что мы обскачем ленскую воду, но и тем, что освободим, наконец, Виктора от взятых им на себя обязательств возить и улаживать нас. Непривычный к таким благодеяниям, я чувствовал себя не совсем в своей тарелке, хотя и старался убедить себя, что искренняя благодарность здесь единственно возможна.

Слава Богу, но, кажется, эта поездка не была Виктору в тягость. Он в очередной раз съездил на любимый Байкал, забросил сети, набрал рыбы, погостил у мамы и родственников, уже завтра досрочно вернется домой. Мы не были ему обузой - это чувствовалось, были даже интересны. И не только чисто профессиональными темами с Лилей, но и общими, так сказать историческими и политико-

экономическими беседами, которые заводились у нас на долгие часы еще не раскисшей дороги.

Ему, технократу, несомненно, социалистическому человеку, убежденному стороннику порядка, твердого хозяина, плана и дисциплины ("Дай нашему директору область - быстро привел бы все сельское хозяйство в порядок" - пример одной из его иллюзий, пример игнорирования различий между закрытыми особыми целями и заборами комбинатами и живой громадой области). Ему было интересно слышать иные, диссидентские разговоры, мнения и оценки. О нашем же интересе к разговору и говорить не приходится. Ведь все зависит от того, насколько мы поймем друг друга, и не разойдется сильно консервативная (социалистическая) критика действительности и диссидентская, либеральная. Если эти виды критики не будут давать противоположных рецептов, значит, будет возможно движение вперед, если же нет - то впереди глубокое общественное взаимонепонимание, разделение, борьба, разлом и срыв развития... Конечно, мы ни до чего не договорились (да и не договаривались), но прощались не чужими, а хорошими людьми, сблизившимися за это время. И от того хорошее осталось на душе.

При дожде проехали Верхоленск - самое старое поселение по Лене с красивой церковью иркутского типа, и пожалели, что днем на машине не съездили сюда. Шофер вел автобус очень быстро, и его беспокойство передавалось всем. И понятно: в нескольких местах вода поднялась настолько, что лужи на дороге соединялись с речной водой. Понтонный мост поднялся на Лене так, что автобус, даже полностью освобожденный от людей, едва на него взобрался.

Витя мало огорчился и тогда, когда в автобусе узнал, что пассажирская "Зарница" ходит очень редко, и нам дня два придется ожидать в Жигалово.

В Жигалово нашлась для нас дешевая комната в гостинице, и мы обрадовались, что не придется три ночи спать в мокрой палатке.

3 и 4 августа. Событий в эти дни не было. Зато было солнце. Ну, надо же так!

Закончили переписывать украинские сценарии, дочитали книги, дописали дневники, доели пирожки и омулевый пирог Анны Михайловны и Галину сметану, доспали недоспанное, посмотрели два кинофильма, купили книг в жигаловском районном магазинчике, и по моему настоянию даже отослали их домой, чтоб Вите не носить.

Мне давно уже хотелось попробовать гостиничный вид отдыха. Отдельная комната, деньги на пропитание, никаких обязанностей и полная воля заниматься своими делами. Почти как на Западе. Как в таких "разнузданных" условиях (без плана, без маршрута, без самоуды и потогонки) мы уживемся с Лилей?

Два эти солнечные, как бы в насмешку, дня пролетели мгновенно - во сне, в писанине и чтении, но не скажу, чтобы очень уж счастливо. Я убедился, что рассчитывать в будущем на совместную работу с Лилей не следует: при моем участии она мгновенно теряет к работе интерес и почти автоматически засыпает, как будто я обдаю ее какой-то сонной заразой. В Москве эти явления я объяснял большой нагрузкой, усталостью и т.д. Здесь же, в великом "ленском сидении", когда сну были отданы едва ли не две трети времени, стало ясно, что причина лежит именно во мне.

Из взятых в Сибирь трех сценариев два Лиля переписала и отредактировала в поезде, постоянно мучаясь и досадуя на неразборчивость моего почерка. Еще в поезде я виновато вызвался ей помочь - диктовать собственный черновик и, одновременно с этим, совместно редактировать текст. Для меня это хоть и трата времени, но, во-первых, Лилино время - ценнее, из-за нее у нас чаще всего задержки (и это понятно), во-вторых, при совместном редактировании отпадала моя дальнейшая правка и споры-согласования. По идее, мы могли бы делать это сразу, набело (кстати, при записи на магнитофон, при чтении вслух текст приходится править еще на слух, это неизбежно).

Сначала дело пошло, но быстро застопорилось. В Слюдянке за день сидения мы работали вместе не больше часа - Лиля безнадежно засыпала от моего голоса, и здесь она не выдерживала и сорока минут записи. Причем, чем дальше, тем меньше она спорила и возражала. "Совместная работа" превратилась в одностороннюю диктовку постоянно засыпающему секретарю. Но ведь главный смысл работы как раз и был в Лилином творческом участии. Ведь должен быть совместный диафильм! Наконец, я категорически отказался диктовать оставшиеся листы последнего сценария. И тогда Лиля переписала их сама за два часа. Всего делов-то...

Мое устранение вернуло ей творческую свободу и интерес к работе, а также прогнало сон, а меня - лишило иллюзий. По-видимому, теперь моим пенсионным идеалом станет не работа вдвоем, а одинокое сидение в библиотеке. Вдвоем - мы подавляем друг друга. Лучшие в одиночку.

Оставшееся в Жигалове время я поделил между комментированием путевого дневника Лили, чтением книг и хождением по жигаловским улицам. Комментирование я не успел закончить. Взятые из Москвы темы для обдумывания так и остались в бумагах невостребованными.

Жигалово - сравнительно молодое село (его основатель - крестьянин Жигалов, поселился здесь лишь в прошлом веке). Сейчас оно разрослось в небольшой райцентр и напомнило мне окружающими сопками дальневосточный Катэн. И еще тишиной и захолустьем. Очень слаба связь с внешним миром. Самолет, да автобусы из Качуга, да "Зарница" до Усть-Кута. Поэтому в книжной лавке и скопились относительно ценные книги. Я особенно радовался книге Евы Кюри о маме - Марии Кюри-Склодовской. Замечательная это была женщина, и замечательная книга о ней написана. Как ни странно, для меня мало значимы образы великих мужчин, но в душе остаются образы великих женщин. Так и здесь: я понимаю, что Пьер Кюри был, возможно, более значительным ученым, чем Мари, но сердце и душа преклоняются именно перед ней и перед ее самоотверженностью и подвигом. И, наверное, так

чувствую не только я, но и весь мир, который славит Мари гораздо больше Пьера. И справедливо! Подвиг женщины всегда значительнее и ярче, чем у мужчины.

Фильмы, что мы посмотрели в жигаловском широкоэкранном и практически пустом кинозале, по-своему интересны и замечательны: шукшинский "Живет такой парень", добрый и человечный, и второй, не знаю чей; - "Последняя встреча" - профессионально сделанный (особенно понравился прием насыщения цветом кадров воспоминаний от черно-белого до цветного). Второй фильм тоже проблемный, с вопросами, как надо жить сегодня, что лучше - терпимость или фанатизм дела? Но все же он какой-то искусственный, сколоченный, литературный. Попутно он забил мне в голову: не надо на детей кричать и руку на них поднимать, ох, не надо! Во вред это.

5 и 6 августа. Рано-рано мы рассчитались с гостиницей и отправились к пристани, но оказалось, что "Зарницы" не будет, сломалась, Следующий ее возможный приход лишь через два дня. Мы - к самолету, но они не летают - в Усть-Куте идет ремонт посадочной полосы. Что делать?

Но вот недалеко от пристани шлепает на месте лопастями старый грузовой пароход. Он идет в Усть-Кут, и мы с другими пассажирами просимся на него. А когда добродушный капитан заколебался, мы просто бросаемся на бордаж. Капитан говорит сочувственно, что понимает нас, да вот не знает, когда точно поплывем вниз, да и разместить всех нас не просто. Мы убеждаем, что прекрасно доплывем на палубе.

Пароход плывет по Лене.

Еще почти пять часов болтались на виду у Жигалово, но потом прицепили баржу, к ней - нефтяной резервуар на плаву, и поплыли. И как хорошо поплыли. Гораздо лучше, чем в наглухо закрытой "Зарнице", глядя в мутное стекло. А здесь - смотри свободно - хоть назад, хоть вперед, хоть вбок и вверх. Наблюдай жизнь команды.

В команде пять человек. Повар - стройненькая, невысокая, с красивой походкой бурятка, пьющая и курящая мать 14-летнего сына (которого, правда, растит бывшая свекровь), этой зимой израненная любовником, пырнувшим ее ножом. Потом два по очереди пьяных матроса, лет 25-27, один вечно сонный, полнеющий, другой должен нравиться местным девушкам. Затем старпом - на будущий год будет капитаном, ловкий молодой человек, мало мне понятный. И, наконец, - капитан - улыбчивый, добрый, с большим сердцем человек, уставший от этой вечно речной жизни вне дома. Ему осталось два года до пенсии.

Внешне теплоходная жизнь легка и удобна: постоянно работает лишь один из пяти, кто стоит на руле, остальные - почти свободны. На свежем воздухе, на красивой реке. Занимайся полезным делом, читай, совершенствуйся. Вот бы мне. Благословенная работа... Однако нет, не выходит! Команду одолевает скука и непрерывная пьянка. Человеку невозможно уединиться, он всегда на глазах у других и подделывается под уровень самого примитивного общения. Капитану совсем не хочется пить, но куда денешься от команды? То же самое и со старпомом. Свобода от тяжелого труда на этой замкнутой пароходной территории оборачивается почти деградацией. Нет, я перестал завидовать вольготной жизни пароходной команды.

Из пассажиров нас осталось четверо: Мы, жена какого-то капитана и парнишка Артемкиного возраста, собирающийся поступить в Усть-Кутское речное училище. Остальные сошли еще в Жигалово, как только услышали, что, возможно, будет вертолет.

Нам с Витей - отдельная кормовая каюта с двумя кроватями. На грязные матрасы мы постелили куски полиэтилена и крепко спали на панцирных сетках, которые так приятно раскачивались при ходе парохода.

На ночь наш теплоход приткнулся к берегу (здесь на Лене нет бакенов для ночного хождения), но уже в 4 часа машина

затарактела, а волна закачала сетки. Капитан торопился, надеясь в Усть-Куте все же улучшить момент и побывать дома. Лена до Усть-Кута течет в зеленых высоких берегах, из которых иногда выходят на берег ровные луговые площадки, которые будто специально для деревень. И те встречают нас - или заколоченными окнами, или живыми красивыми наличниками. А в одной деревне, к нашему удивлению, сохранилась совсем целой деревянная церквушка, конечно, заколоченная.

Ленские деревни немногочисленны и унылы. Много заколоченных домов. Все понятно и оправданно - торговый путь переместился на Север, земледелие на красных ленских глинах невыгодно, а для охоты деревни не нужны. Старая русская Сибирь умирает - если не прямым сносом, как при затоплении Ангары, то самостоятельным заколачиванием домов - как здесь, на Лене...

И только за 20 километров до Усть-Кута наступает оживление - по берегам начинают тесниться дачные домики самых разных видов. Это уже начинается городская реакция, возврат людей из ненормальных условий к земле и свободе.

За ними с небольшим перерывом мы проплываем длинные километры причалов, плавучих кранов и прочих портовых сооружений - гигантской перевалочной базы с многоэтажными жилыми домами-коробками вдоль реки, этими убежищами современного человека. Как будто сибиряки стеклись сюда со всех ныне исчезнувших деревень, обезлюдив огромные пространства, сами собрались в этот огромный лагерь, а чтобы городская сладкая неволя не была столь постылой, они устроили себе дачные загоны для еженедельных прогулок. Столь же усердно копаются в них, как заключенные ухаживают за цветочной клумбой во время тюремных прогулок.

Да и мы в Москве ничем не лучше - радуемся своей сытой неволе. Везде так капитализм действует, подкупая и подчиняя человека своим техническим задачам. Да, наверное,

в этом и нет ничего ужасного, если нам так хорошо в городе? Только зачем же лезут в голову эти слезливые бредни?

Поток таких мыслей бесконечен и практически неразрешим. Можно только прервать его надеждой, что, переселяясь в город, человек, в конечном счете, не уменьшает, а увеличивает свои возможности и свободу. И, значит, обезлюдивание ленских берегов будет временным, коротким, пока не придет из города новый хозяин.

В Усть-Куте высадились около четырех часов дня. От пристани Осетрово добрались до вокзала станции Лена, от которой с одной стороны идут поезда на восток, а с другой начинается нынешний "комсомольский" БАМ (по БАМу эковскому нам еще предстоит ехать).

Сегодня это однопутная со всеми сопутствующими ей неудобствами и долгими ожиданиями на полустанках (впрочем, начинают и здесь строить второй путь).

В эту ночь нам надо было добраться до станции Хребтовая, а оттуда утренним автобусом до Илимска, где красивая река, старинный острог и память о пребывании Радищева.

Усть-Кут мы недооценили. От старой деревни осталось несколько улиц, а в остальном - это хаотично растянувшиеся вдоль реки стандартные микрорайоны. Запомнилась только отделка железнодорожной столовой, выполненная какими-то талантливыми людьми: выжженная и вытравленная фанера, северные национальные мотивы - вот главный материал. Продуманно и просто! И как красиво!

В поезде рядом с нами уезжала с БАМа насовсем молодая женщина с грудным ребенком. Она привычно и резко ссорилась с мужем, как-то пытавшимся склеить их отношения. Мне было неприятно смотреть на эту эмансипированную дуру, хорошо знающую свои права, но не сознающую ответственности за семью.

7 августа. Поезд выкинул нас ночью на пустынной станции, где нам предстояло узнать, что автобусы в Илимск больше не ходят, т.к. Илимска больше нет. Нет как географического понятия. Затоплен Усть-Илимской плотиной на Ангаре. Часть

жителей переселилась в соседнюю деревню Нижнюю Игирму и, может, они смогут сказать, что случилось с острогом и музеем Радищева.

Додремав остаток ночи, в солнечное, но холодное утро, мы вышли на развилку дорог и "голоснули" лесовозу. Он довольно близко подвез нас к рекомендованной деревне. Оставшиеся девять километров мы собирались протопать ножками. Но довольно быстро встретили двух мальчишек лет десяти, один из которых - бывший илимчанин. Они рассказали нам, что острога у них нет, куда-то увезли, что Илимск затоплен не весь, и верхние дома остались, а скала Радищева, кажется, затоплена. Уговариваю Витю не идти в деревню, а повернуть к недозатопленному Илимску. Но ему хочется увидеть новые дома переселенцев на берегу водохранилища. Встречная машина разрешила Витины сомнения, и мы возвращаемся почти до развилки на старый Илимск.

В кузове вместе с нами ехал старый рабочий, тоже Виктор. Его мать до сих пор оплакивает родной Илимск, а он, хоть и жалуется на пустые магазины, но Сибирь любит.

Мне очень хотелось увидеть воочию распутинских героев, жителей затопленной Матеры. И мы их увидели по дороге, и в самом Илимске. Так что крюк на лесовозе по Илимской тайге не был для нас пустым. За час трясучей дороги наш попутчик Виктор вдоволь насытил наше любопытство, перемежая рассказы приглашениями к нему в деревню и "погостить побольше", упирая, главным образом, на грибы и черничные заросли. Ружье он тоже имел, но охоту он бросил, зверей жалко, хотя мяса здесь почти нет. Колхозников из Илимска выселили на Н.Игирму и организовали совхоз Вереховский. Однако все там не то, не родное, земли бедные, плохие, климат - иной, не долинный, выпаса для скотины почти нет, хозяйство идет через пень-колоду, живут на государственных дотациях. Без заработков люди разбредаются по иным работам, или совсем уезжают. Единственный выход - обещают открыть рядом с селом

рудник стройматериалов, а совхоз сделать подсобным хозяйством.

Что ж - логичный выход. Освоить новые земли в своенравной и трудной Сибири могут только свободные люди, а раз старые поля затоплены, им - не возродиться. Лучше и не мучиться.

Впрочем, наш попутчик сам не жаловался на гибель родного Илимска. Ему важнее были скудость здешнего заработка и беднота магазинного снабжения. Детскость и беззащитность были в его облике. Прирожденный батрак, сейчас он стал рабочим. Но, думается, коренные сибиряки иные.

У начала дороги, которую нам указали дорожники, мы попрощались и пошли напрямик, но до Илимска оказалось не шесть километров, как нам обещали, а двенадцать. И потому, изрядно поволновавшись, туда ли идем, Витя даже бегал вперед без рюкзака. Но, наконец, дорога вывела нас к кладбищу и краю села, покормив на прощанье первой этим летом земляникой.

Стесненный высокими берегами, Илим здесь не так уж широко разлился, как мы ожидали, хотя уровень воды поднялся на 30 метров. Выше теперешнего берега еще довольно много целых домов среди иных погорелых остовов. Но жителей немного. В основном - это дачники из Железногорска, что стоит в 25 километрах отсюда. Нам повезло на встречу с бывшим илимским активистом, ныне пенсионером Иваном Порфирьевичем Шелестовым. Он рассказал о том, как организовывал реставрацию острога. И что теперь их острог стоит в Листвянке на Байкале (для осмотра курортной иностранной публикой). Иван Порфирьевич говорил о горечи переселения, о неосуществленном проекте стройки ГЭС выше впадения Илима в Ангару (тогда Илимск был бы спасен). Но куда там... Деловой, расторопный мужчина, он выбрал для переезда город Железногорск, а здесь живет с женой летом. Дети на выходные приезжают, тоже часто живут. На моторке он

подвез нас к новому мосту, и через полчаса мы уехали в Железногорск на попутной грузовой, переоборудованной в автобус для перевозки дорожных рабочих. Сейчас она везла двоих из них домой.

Удивительно, как широко разлился скептицизм по всей нашей необъятной стране. С привычной ухмылкой похвалились наши новые попутчики бессмысленному головоутиению начальства: посылать машину за полторы сотни километров за двумя железнодорожными рабочими, хотя проще было бы дать им право проезда более короткого пути в поезде. Но начальству сложнее оформлять командировочные билеты, или дорожное начальство уговаривать, проще послать машину. Рабочим же тоже выгодно два дня в неделю не работать из-за переездов. Что же касается дела, то ничего, у "них" (т.е. у государства) "не убудет", "зарплату выдадут".

Тот же безнадежный скепсис у дорожников. Дачную дорогу на Илимск сколько раз начинали класть, и вновь бросали (мы сами видели: запущенная, грязная дорога вдруг сменяется в тайге кучами отсыпанного камня, даже не выровненными бульдозером и поросшие бурьяном, и через 1-2 километра снова перевозданная глина.) Какой-то начальник вдруг бросался на эту стройку, а затем бросал. И ни гравия, ни дороги...

Иван Порфирьевич на наши дорожные впечатления только махнул рукой, указывая на жалкие остатки Илимска: "А это что? Кому эти дома мешали?" - нет, жечь все, даже не затопляемое, затопление все спишет. А сейчас дачи строят, материалы возят". Мы расспрашивали его о причинах ликвидации Илимска, и он охотно рассказывал, как добивались они оставить старинный город на месте, только перенеся выше затопляемые дома. Но судьбу их решила не народная воля, а своекорысть директоров двух леспромхозов, базировавшихся тогда в Илимске. Им было выгоднее поднять людей ближе к лесу и к железной дороге, к Хребтовой (прямо как в сатирических романах, судьбу старинного городка решили два капиталиста). Так и разодрали Илимск между

совхозной Нижней Игирмой и леспромхозовской Хребтовой, а народ большей частью переселился в Железногорск, где платят больше, да и дачу можно построить рядом со старым кладбищем.

Еще рассказывал Иван Порфирьевич, как реставрировали они старинный острог с часовней. "На выделенные деньги нанял я хорошего плотника, посмотрел на старые рисунки, и начал. Помогал я ему. За год сделал. Главное, что основа у острога здоровая. Ведь сколько веков простоял, фундамента почти не было, а не покосился, как иные избы через двадцать лет, бревна не сгнили - умели старики строить. Ну, вот, сомневались, что сумеет наш мастер орла сделать (острог был увенчан двуглавым царским орлом), а он по рисунку и орла вырезал, осиновою дощечкой обил - глаз не оторвешь. Только пил наш плотник. Пока работу не кончил, я давал ему понемногу, а как получил он все за работу, так быстро и пропил. Просили мы потом, чтобы наш острог здесь оставили музеем, но куда там - раз зона затопления!".

Я слушал эту бесхитростную реставрационную историю, и вспоминал, как безобразно долго и плохо реставрируют архитектурные памятники у нас в России - спецорганизации тратят крупные деньги, уродуют их лесами, десятилетиями гноят, а иногда, как рассказывают, даже уничтожают, чтобы скрыть результаты своих дел. Глетворная зараза организованного безделья. Она везде. Мы сами скептики, тоже попались в эти ее сети и запутываемся в собственных шутках и хитростях отлынивания. И нет от этой заразы спасения. И не знаем мы, как разорвать ее порочное влияние.

Железногорск издали - симпатичный, небольшой шахтерский городок, простой и понятный. Обойти его можно за час. Он разместился на террасах высокого берега реки Коршунихи, а на другом ее берегу стоят съедаемая открытым способом железная гора и обогатительная фабрика. По вершинам сопков - тайга. Тут обзорно и просторно. От самого же города осталась в памяти вкусная и дешевая еда в столовой, приличные продуктовые магазины, и общее впечатление, что с

материальной стороной здесь порядок. Вечером загрузились в поезд и поехали в Братск.

8 августа. Оказывается, такой железнодорожной станции - Братск, нет, как нет и единого города, а есть лишь отдельные поселки городского типа. Мы сошли на станции "Падунские пороги". Здесь два поселка: "Падун" - кварталы деревянных двухэтажных зданий в курортной зелени, с резным рестораном и аптекой, с башней Братского острога в парке и "Энергетик" - поселок работников самой ГЭС - современный микрорайон. Мощная стена ГЭС, соединившая оба берега Ангары в ее узком месте, и подстанция с громадными преобразователями - впечатляющее зрелище.

Потом мы прошлись по высокому берегу Ангары от ГЭС до моста на один из островов, чтобы увидеть с моста ее чистую зеленую воду. Острова эти, говорят, тоже будут затоплены, а люди с них - вывезены.

В Братске было много солнца и красоты. Были встречи с доброжелательными людьми, гордящимися, что они здесь уже 20 лет, с палаток. Сосны над Ангарой в скалистых берегах, пароходы вдали на широкой сини Братского моря, блеск воды, байкальская волна на красноватом пляжном песке... Мощные машины с солдатами-рабочими, красивый центральный проспект "Энергетика" и тихая прелесть деревянных кварталов "Падуна". Гостиница "Интурист", и на пляже - чисто одетые, курортные девочки с ракетками в руках - все это убеждало нас в торжестве новой жизни, в благости технической цивилизации. Солнце совсем уничтожило мрачные предчувствия Ангарска.

И все же мы не забывали про затопленные острова, про распутинскую Матеру с ее невырытыми косточками. Пожалуй, Братск в его центральной части - это самое лучшее, что может показать в Сибири технический прогресс. Но почему мы так медлим отдать ему предпочтение?

Дел в Братске больше не было, и мы провели остаток дня на Братском море, вода в котором оказалась даже холоднее, чем в Байкале. Но Витя все равно купался. Вечером с удовольствием

смотрели старую американскую киносказку "Седьмое путешествие Синдбада". Ночевали в сосняке близ вокзала, чтобы назавтра спокойнее купить билеты уже до Волгограда. Теперь мы уезжали из Сибири окончательно, с остановкой в Красноярске.

9 и 10 августа. Целый день и ночь мы провели в поезде, а утром вылезли в Красноярске. Большой столичный город. Здесь все громадно. Величественный Енисей в высоких спокойных берегах, огромные городские кварталы, новые здания и широкие тротуары, красивые старые улицы и краеведческий музей с египетской стилизацией, картинная галерея, к сожалению, закрытый дом Сурикова, красавица-церковь, нарядная после реставрации.

С высокой смотровой точки над городом (у часовни в виде шатровой колокольни) - отличный вид и на город, и на Енисей, и на заповедник "Столбы".

В картинной галерее совсем мало классики, даже Сурикова, который, кстати, представлен совсем необычно: апокрифической картиной "Милосердие" и "Памятником Петру в Петербурге". Зато интересны работы наших ровесников "Рыбаки", "Вера и Надежда", "Портрет инспектора ГАИ Руденко".

А в краеведческом музее, в разделе постройки великой железной дороги, меня поразило высокой техникой фото, выполненное в конце века. На едином листе снято около 200 строителей, с очень четкими чертами лиц. С этой групповой фотографии можно делать индивидуальные.

Город поразил нас масштабами и... смогом. Конечно, виновата еще и погода, но, казалось, что дымки многочисленных фабрик и заводов на восточном берегу Енисея затопили город, и никогда с него не схлынут. Правда, на следующий день солнце разогнало эту мразь, но вряд ли до конца.

Очень заметно отличие Красноярска от более патриархального и старинного Иркутска. Бетон, стекло, гранит здесь не партизанствуют на деревянных улицах, как в

Иркутске, а шествуют величественными, стройными центральными рядами. Конечно, может Красноярск всегда был таким, особенно после пожара конца прошлого века (сохранившиеся в городе деревянные дома тоже внушают впечатление широты и прочности). А может это оттого, что Красноярск - краевой город, и управляет громадной территорией, равной едва ли не половине Европы. И потому у нынешнего руководства есть причины не жалеть всех доступных ему средств на возвеличение своей столицы? Надо признать, эффекта они добились.

К вечеру мы уехали в заповедник "Красноярские столбы". Здесь перед городом кончаются Саяны, образуя не очень высокие зеленые горы, из которых торчат более твердые, не поддававшиеся выветривающему времени, гранитные скалы, сложенные столбами или лепешка на лепешку. И люди, конечно, лезут и лезут на них, соревнуясь в ловкости и силе. Их так и зовут - столбисты, вместо скалолазы.

На одном из столбов, как мы определили, "Бабке", - обведенные траурной рамкой имя, фамилия, даты девичьей жизни, оборвавшейся, видимо, здесь.

На первый столб мы высоко не полезли, поднялись немного, пока было безопасно, чтобы только почувствовать руками столбовые камни. А с плеча второго мы увидели в скупых лучах прячущегося в вечерних тучах солнца край Западных Саян, Манское нагорье и ту границу на севере, где горы кончались, уводя Восточное плоскогорье к Ледовитому океану.

На тропе встретили столбистов, которые ходили к "диким" столбам - от этих "культурных" (т.е. популярных). Они нам очень помогли, указав место ночлега с водой у камней "Фермы". Соблюдая законы заповедника "Не жечь костры", мы славно поужинали, запивая еду водичкой из родника. А перед этим я еще вымыла голову. Хоть холодная вода, но мягкая, и ощущение чистоты все вознаграждает.

11 августа. Утро, на радость нам, солнечное, как будто балует напоследок. Возвращаться в город мы решили иным, не

вчерашним путем, чтобы увидеть другие столбы в ущелье речки Моховой. Правда, путь нам неизвестный, а времени до поезда у нас в обрез, учитывая, что билеты не закомпостированы.

Поэтому с утра мы не залеживались. Подошли обратно к первому столбу, а от него к "Бабке" и "Деду". "Дед" был в нашей обязательной программе. 15 лет назад его покорила наш туристский командор Жилин, и теперь мы приветствовали его в дедовом обличье. Столб интересный: рядом с не очень четким мужским профилем - такой славный бабкин. С дедова плеча мы еще раз увидели зеленый горный мир и Красноярск на горизонте.

Следующий столб - "Львиные ворота" или "Перья" - и на то, и на другое очень похоже. Подошли еще к третьему - "Пророку", но в спешке. Спуск начали по прекрасной тропе, но она скоро кончилась на одной из запрещенных в "Столбах" стоянок.

И полезли мы напролом. Тайга без дороги - вещь суровая. Пришлось, конечно, покоряться. Легче будет, если сбросить с себя груз надежды уехать сегодня. Об этом мы и условились. Времени я не заметила, но, кажется, не больше получаса мы проплутали, без тропы, причем все больше вверх. А потом, обрета, наконец, тропу, шустро двинулись по ней, успевая выхватывать лишь взглядом на горизонте и у себя над головой новые причудливые столбы.

До сих пор помню, как пытела за спиной Лиля, но не отставала, хотя я выбирался из ущелья наверх по самому короткому, а, значит, и самому крутому подъему, рассчитывая, что нужная нам тропа должна идти по верху сопки, соединяя подножья гранитных столбов. Так оно и оказалось.

Конечно, ноги у меня устали, как всегда, и просились из ботинок. Выйдя же на дорогу за гравийный карьер (на территории заповедника) я сунула их в шлепки, и оставшиеся 2,5 километра до автобуса в Базаихе они протопали легко. Все, прощайте, Столбы! Приятное было знакомство.

Последний выход в Сибирские горы, прощание с ними получилось солнечным и радостным. Как будто Сибирь смилоствивилась и вернула нам и удачливость, и хорошее настроение от шустрой ходьбы. Даже случай с потерей тропы как будто стал запланированной трудностью, и не сбил нашего плотного графика. Вот если бы так кончались все наши походы! Спасибо, горы, за эту маленькую прощальную ласку.

Да что Столбы, пора прощаться и с Сибирью, если железная дорога нас не подведет и отправит на Запад.

Последнее Витино желание - искупаться в Енисее в нынешний жаркий день, благо автобусная остановка недалеко от енисейского моста и берега. Я тоже была не прочь, но так беспокоилась за билеты, что не решилась лезть в воду, т.к. процедуры моего раздевания-одевания на голом месте займут много времени, больше, чем у Вити. Отослать же его на вокзал, а самой не спеша искупаться, не догадалась. А вода была теплая, как в Селенге, но это узнало только Витино тело...

На вокзале у больших и нервных очередей Вите пришлось несколько раз проситься, прежде чем его пропустили без очереди (мы приехали за 50 минут до отправления, а очереди стоят по 2-3 часа, не меньше).

И вот теперь мы уже шесть часов едем одни в почти пустом общем вагоне (в купе мы одни). На третью ночь в Казани нам надо выходить. Поезд хоть и пассажирский, но идет быстро - сибирская двухколейка, а станций мало. За окнами - буйное зелено-цветочное лето, несмотря на сушь (перед Красноярском мы видели, как лес горел рядом с дорогой, и не видно было даже людей, тушащих огонь). Небо без облачка. Идет сенокос.

Сибирь выпускает нас с солнечным настроением. И я уезжаю с мыслью - велика эта страна, но тут вполне можно жить. Хотя на родине, конечно, лучше. И дай Бог, чтобы не пришлось менять родину.

Сибирские диафильмы

В диафильмах 1978 года рассказывается об освоении русскими Сибири языческой, о Сибири бурятской и буддистской и, наконец, о Сибири православной и советской. Первый фильм как бы продолжение нашего путешествия по Сухоне в 1967 году на Восток и... завершение.

Второй выходит за рамки чисто русской темы и посвящен осмыслению культуры одной из главных азиатских (и мировых) религий - буддизма в его сибирском, ламаистском варианте. Здесь, в Бурятии, русские как бы дошли до цели своего восточного натиска - до центра земли, до самого Востока, и тут уже необходимо разобраться, что они могут от него получить. Ведь в силу самой своей географии между Западом и Востоком, азиатское наследие должно быть одной из главных составляющих русской культуры (хотя бы ее влияние на целое и не столь заметно с первого взгляда, как влияние Запада). Но, правду говоря, мы с этой задачей не справились, потому что все силы были направлены на первое знакомство с самим бурятским буддизмом, его символикой и историей.

Третий фильм - на материале сибирских городов - говорит, главным образом, о современности. Судьбы православия, буддизма и современной официальной идеологии служат здесь переходным мостом к теме выживания Сибири в столкновении с современной технической цивилизацией. Самая огромная из неосвоенных земель мира начинает необратимо изменяться в ходе индустриализации, возбуждая в нас опасение за существование природы на всей планете.

Оказывается, что взаимодействие России с Востоком имеет значение не только для русской культуры и для судеб России, но и для существования всего мира.

Сценарий диафильма «Сибирь языческая»

1-2,3. Для европейцев Восточная Сибирь начинается с Красноярска на Енисее, а в нем самое интересное - заповедные "Столбы".

4. На городском троллейбусе подъезжаем к одному из ущелий, а затем - восьмикилометровый подъем по шоссе, усеянному на всем протяжении грозными запретами: "Нельзя: ставить палатки, жечь костры, рвать цветы".

5. Хотя, совсем рядом, часть заповедника город отхватил под грохочущий гранитный карьер.

6. И вот мы в невысоких горах, разрывая зелень которых глядят на свет божий причудливые скалы.

7. Мы как будто пришли к исконным жителям этой страшной для европейцев Сибири, к таким древним, что уже окаменели...

8. Скала "Дед". Старческий бодрый профиль четко прорисовывается на синем небесном фоне. Ближе к нам - мягкое очертание старушечьего лица.

9. А мы на них - вроде надоедливых букашек.

10. "Дед и бабка" кажутся русскими. Но с чего бы это? Ведь в этих краях русские живут меньше четырех сотен лет, а настоящие исконные хозяева - охотники-эвенки. Может, они знают и хранят историю и мысли этих великанов...

11. Поднимаемся на второй столб и оглядываемся на горную страну, осматриваем ее всю целиком.

12. Ветра нет, и заходящее солнце прячется в тучах. Тишину нарушают только крики потревоженных ворон. Они пугают и заставляют нас осторожно оглядывать эти гладкие плиты...

13. Внизу виден заповедник и его кордон. Там зверинец и... есть вода. Но ночевать мы будем подальше от зверей и их начальства

14. рядом с ручьем у пустынной "Фермы" - гранитной глыбы в дикой части Столбов".

15. Столбы - это самые крайние отроги Саян. Отсюда они начинают тянуться дальше на Восток хаотичными горными

цепями, вплоть до самого Байкала, и дальше, став Хамар-Дабаном в Бурятии.

16. На западе видны Енисей и Красноярск. За ними - далекая Россия, откуда пришли первые землепроходцы, потомки Ермака.

13. Взгляд на север. К далекому горизонту тянется бескрайнее таежное море, до тундры у Ледовитого океана. Там, где в него впадает могучий Енисей, издавна, еще с новгородских времен, примостилась русская Мангазея.

16. Много веков новгородская купеческая республика в поисках пушнины и серебра осваивала сначала европейский Север, а потом - Урал и Зауралье, Югру. Преемником ее стал Великий Устюг, главная база русских на пути в Северную Сибирь.

19. Год за годом спускались они по Енисею на теплый юг, закрепляясь по берегам острожками-крепостями: Дудинка, Туруханск, Енисейск...

20. А в 1628 году отряды с севера и отряды казаков, воевавшие Сибирь с Запада, встретились под Красным Яром и заложили острог, ставший теперь огромным городом, центром почти части света.

21. По притокам Енисея, а за ним - Лены, казаки всего за 20 лет достигли Охотского моря, освоили земли тунгусов и бурятов у Байкала. В следующие десять-двадцать лет они увидели через пролив Америку, а через Амур - Китай. Кто же они были?

22. В годы революции Лжедмитрия и гражданской войны Смутного времени в России выросла масса инициативных и воинственных людей, которым после упрочения самодержавия Романовых просто было нечего делать. И тогда их революционная энергия нашла выход в молниеносном завоевании величайшей территории мира.

23. А ровно через 350 лет сюда пришли и мы. Не завоевывать, а знакомиться и понимать Сибирь: ее природу, ее людей...Первые русские встретили здесь людей, живших охотой, существовавших слитно с природой, т.е. почти в

идеальных с экологической точки зрения условиях. Цивилизация со временем превратила их из язычников в буддистов и православных.

24. А сможет ли наша техническая, атеистическая цивилизация влиться в Сибирь и не погубить ее?

25. Нынешнее свое название Столбы получили от русских скалолазов, в основном по внешнему сходству, что мало, конечно, отражает их суть.

26. Беркут

27. Перья

28. Пророк - к сожалению, все эти имена не говорят нам ничего о древних легендах.

29. А ведь Столбы вместе со всей Сибирью воспитывали жившие здесь народы и провожали их раз за разом в походы на Запад.

30. Молчат Столбы, не выдают азиатских тайн. Но мы ведь только начинаем

31. свое путешествие.

32. Братск (1632 год). Самым удобным путем на Восток для русских было нижнее течение Ангары. Бедный таежный Север не очень прельщал казацких рыцарей наживы и удачи,

33-34. а Юг был слишком близок к монголам и китайцам, способным дать отпор, и потому они как бы крались по границе китайских влияний.

35. В 1631 году казаки остановились у Падуна на Ангаре и срубили здесь свое разбойничье гнездо.

36. Одна из башен острога жива до сих пор и считается редким музейным экспонатом. Еще бы, всего лишь три острожских башни и сохранилось в Сибири.

37. Надпись воспроизводит донесение казацкого предводителя Митьки Фирсова царю о том, как "Братский нижний острог ставили в круг 120 сажень с четырьмя башнями, да воротами проезжими, на воротах часовня поставлена... А ставили острог служилые люди 23 человека, да промышленные люди, да пашенные крестьяне...".

37а. Казаки встретили здесь удивительно радушных аборигенов и назвали потому их братьями, а свой острог - Братским. Но как мало понадобилось времени, чтобы появилось своекорыстие пришельцев, чтобы гостеприимство сменилось неприязнью, а "братья" превратились в презируемых бурятов, вынужденных восставать и уходить на юг, к китайцам, подальше от притеснения.

38. Не только этим примечателен Братский острог, но и памятью о том, что, едва народившись, он стал государственной тюрьмой для одного из первых русских диссидентов. В зиму 1654 года в башню острога был заточен лидер раскольников протопоп Аввакум.

39. В своем "Житии" он писал: "После привезли меня в Братский острог и в тюрьму кинули... соломки дали и сиди до Филиппова поста в студеной башне... Так зиму в той норе и жил. Что собачка в соломке лежу. Коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьей бил. И батожка не дадут, дурачки! Все на брюхе лежал, спина гнила. Блох да вшей много...".

40. Дожили до наших дней эти бревна из сибирской лиственницы, этот русский сруб, крепость для братьев, тюрьма для своих собственных смутьянов... самое типичное изделие русских революционеров, прообраз будущих вышек и лагерей. Этот тип построек не погиб в Сибири, а страшно размножился.

41. Протопоп Аввакум сидел не только в Братске. Пересылками его довели до самого Байкала, и даже дальше, с отрядом Пашкова - в еще не завоеванную Бурятию. Так землепроходец Пашков сливается в нашем понимании с тюремщиком. Вот какое просвещение несли в Сибирь русские отряды

42. Илимск Другой, еще живой острог - Илимский - мы не застали на месте. После затопления Илимска его увезли в качестве как бы

43. интуристской игрушки на байкальский берег.

44. Мы смогли только погадать, где именно он стоял 300 с лишним лет.
45. Основной путь казаков шел с Ангары через Илим к ленинским притокам - Муке, Купе и Куте.
46. Рассказывают, что, перевалив водораздел, казаки с огромными мучениями волокли свои лодки по первой, мелкой реке, и назвали ее Мукой. Река, в которую влилась Мука, уже была достаточной для купания, и потому назвали ее Купой.
47. В свою очередь, Купа втекла в глубокую болотистую реку, которую эвенки называли Кутом.
48. Этот-то Кут и привел казаков к быстрой Лене, позволившей им отжаться лени на пути к Тихому океану.
49. Сегодня здесь вырос новый город, вокруг многокилометрового порта - главной перевалки с железной дороги
50. на великий водный путь.
52. Правда, теперь он ведет не на Восток, а на Север.
52. Открытый казаками путь к морю Охотскому
53. был заменен более южным, по Амуру, а Усть-Кут долгие годы оставался лишь небольшим сибирским поселком.
54. Однако после войны эвенки провели сюда железную дорогу, и теперь она БАМом продолжается за Лену на восток. Опасность усиления Китая и угроза над Южным Трансибом вновь вынуждает русских осваивать северный путь.
55. Усть-Кут сегодня еще невелик, но и его не минует судьба иных железнодорожных пересечений с великими реками - Новосибирска на Оби и Красноярска на Енисее.
56. И мы глядели на эти серые улочки под зелеными склонами с некоторой даже жалостью,
57. предвидя их близкий конец.
58. Было время, из Усть-Кута плавали казацкие грабительские челны до Витима и дальше - за мягким золотом и "рыбьим зубом".
- 59-60. Сегодня же тут идут огромные государственные суда за якутскими алмазами и чукотским золотом.

61. Но наш путь по Лене в Усть-Куте не начинался, а кончился.
62. Пятый день непрерывного дождя и пасмури выгнал нас с Байкала.
63. "Волга" почти плыла по раскисающей дороге. Даже крепкие руки шофера устали от непрерывного напряжения. Мы ехали в Качуг на Лене, к родному дому и маме Виктора, к теплу и уюту. И было радостно от предвкушения...
64. Стоит вылезти из машины: "Бр-р-р... как холодно и склизко!" Насколько лучше
65. покоиться в машине, переносясь в ней по сибирским просторам. Нам здорово повезло!
66. Но вот и долина Лены, а в ней Качуг - конец трассы от Иркутска.
67. От этого старинного элеватора уходили вниз баржи с хлебом, солью и прочими товарами.
68. Переезжаем понтонный мост через Лену недалеко от впадения Амги.
69. И по деревенским улицам сворачиваем к родному дому.
70. Анна Михайловна по-сибирски сдержанна, но и она не может скрыть своей радости.
71. Машина загоняется во двор, отмывается от глины, а гости, проголодавшиеся, озябшие, вступают в теплую и сытую избу.
72. За пирогом с омулем под сметану и чай - до темноты вели разговоры про прежнее житье, про нынешние заботы.
73. Анне Михайловне 70 лет, но она и в доме побелила, и с огородом управилась, а вот с дровами хуже. Хорошо, сын помочь может... И снова про погибшего мужа, про войну, конечно, про Витю маленького.
74. Вот он, уже большой, стоит возле своей школы, живой, а не памятник, а ведь, наверное, первый качугский кандидат технических наук.
75. С самим же Качугом мы знакомимся на следующий день. Это - судоремонтная верфь, главное предприятие города.
76. Райком партии - в небольшом домике, так что проникаешься симпатией к скромности его хозяев.

77. С удовольствием Витя рассказывает нам о проделках качугского детства. Например, как под Новый год ребята открыли двери местной тюрьмы, выпустили заключенных, а охранника связали.

78. "Да ну, - изумляемся мы. - И что же, вас не арестовали?" - "Нет, на следующее утро заключенные, протрезвав, сами явились в каталажку и развязали охранника. А тот только велел родителям надрать нам уши..."

79. Повезя нас в соседнее бурятское село, чтобы показать деревянную юрту (недавно еще стояла), Витя уже гораздо мрачнее рассказывал про тяжелые отношения с бурятами в детстве, истории драк и обид.

80. Мы все это слушали, и даже не пытались перечить, а только просили остановить машину, чтобы заснять очередного "брата". Мы к бурятам относимся иначе, с симпатией, как к любой малой нации, отстаивающей свое достоинство.

61. Но и против правды Витиногo детства нам возразить было нечего. Наверное, ему попадались плохие буряты, а им до этого еще - плохие русские...

82. А, между тем, дождь все продолжал лить и насыщать влагой горы и доли. Поднявшаяся на несколько метров вода Лены грозила затопить нам автобусную дорогу до Жигалово, откуда начинается пассажирский водный путь.

83. И мы сорвались, уехали из Качуга вечерним последним автобусом. И вовремя...

84. Часть дороги уже была залита ленской водой, автобус с трудом влезал на вздыбившиеся понтонные мосты. Но все закончилось вполне благополучно.

85. А утро осветилось солнцем! Кончилось ненастье!

86. Два дня мы прожили в гостинице, ну, совсем как приличные люди.

87. Только в сумерках выходили бродить по берегам Лены и улицам тихого районного Жигалово.

88. А на третье утро мы напрасно ждали своей "Зарницы". Наплевав на расписание, она не явилась. И мы метались по

берегу в бессильном ожидании. Ну, что было делать? Как же вырваться из жигаловской ловушки?

89. Почтовая амфибия слишком мала, размытый дождем аэропорт не принимает самолеты...

90. И все же выход нашелся. Рядом с берегом шлепал старенький колесник. Недолго думая, мы забрались на него.

91. "Сейчас отправлюсь, - говорил терпеливый капитан "Урана". - Только вот подхвачу баржу из-под нефти". Однако быстро сказка сказывается... За баржей пришел приказ отбуксировать еще и нефтеналивной бак. Значит, еще ждать.

92. Но все имеет конец. И вот отправились. По старинке, на палубе, то поливаемые дождичком, то жмурясь на солнце, засматриваясь на сумрачные красные ленские берега.

95. У буровой сбросили бак и пошлепали быстрее.

96. Михаил Евграфович - опытный капитан. Его перегруженное сердце просит отдыха и, наверное, следующий сезон будет последним - дальше пенсионный отдых. У него есть смена - старпом молодой и хороший.

97. Но в ответственных местах реки к штурвалу встает сам.

98. Вместе с тем, он очень добродушный и стеснительный человек. За весь 350-километровый путь он не взял с нас ни копейки, но очень беспокоился, что не может предоставить нам достаточно удобств.

98. Как жаль, что такие люди уходят. От его молодых преемников такого не дождешься. Такие, как старпом, просто не пустят, потому что "не положено". А такие, как матрос

99. или механик будут драть на выпивку.

100. Наша отдельная каюта занимала всю корму теплохода и имела две панцирные кровати, на которых нас так сладко укачивало два дня.

101. Было в ней и четыре окна, через которые можно было глядеть на ленские берега, не отрываясь от кровати и книг, накопленных в Жигалово.

102. А мимо проплывали берега, которые я и не чаяла увидеть даже во сне. Ангара - да, Байкал - да, но Лена казалась такой же далекой, как Колорадо.

103. И вот она - реальная, с бурой от паводка водой, с лесистыми однообразными берегами.
104. Изредка высокий берег выпускал перед собой низкого собрата
105. для луга или небольшой деревни с одной-двумя улицами.
106. И только один раз встретила нам деревянная церковь, но кадр не получился.
107. Она была похожа на эту - Крестовоздвиженскую в Улан-Удэ, в этнографическом музее, только поменьше.
108. Такая же коренастая, не храм божий, а замок.
109. Приземистость сибирских церквей легко понять через основательность и прочность сибирских домов и дворов, где
110. все приспособлено к самостоятельному существованию.
- 111-112, 113-114. Хозяева этих построек, видно, надеялись больше на себя, чем на Бога.
115. И все же одной церкви на весь наш ленский путь до неловкости мало в сравнении с Россией.
116. А дело в том, что Сибирь вообще, а Лена в особенности - край сектантов, беспоповских, бесцерковных, самых разных и экзотических, даже изуверских толков. Сюда их ссылали в давние времена.
117. Вот один из рассказов-былей Короленки: "Я никогда не видал существа более чистого и непорочного... Она тогда была почти ребенком. По Лене ссыльные отправлялись партиями. Когда барки тронулись по реке, она заметила, что к ней относятся как-то особенно: ее гоняли с места на место, называли поганой. Наконец, стали грозить бросить на берегу Лены.
118. Голые скалы, неприступные утесы и полное одиночество. Они соглашались взять ее с собой при том условии, что она позволит оскотить себя. И вот она поступила в руки "исправителей": ее бросили на дно барки, и здесь над ней провели операцию, которую называли добровольной.
119. Как она перенесла ее, она и сама не знает. На холоде между мрачных скал, в руках жестоких людей, без настоящего ухода...".

120. Тяжелыми страстями была заполнена сибирская жизнь! Как у героев Угрюм-реки... По воле русских властей шли сюда русские изгои: злодеи и правдолюбцы всех мастей - от Аввакума до скопцов, от разбойников до революционеров. Но в Сибири им приходилось вести уже совсем иные битвы. Не за общее дело, а за собственное существование, и потомки их становились трудолюбивыми и крепкими сибиряками.

121. Бесконечные таежные склоны пустынь, и такими были всегда. Русская жизнь в них была разбавлена лишь редкими становищами охотников-эвенков.

122. Примитивные шалаши-чумы, совместные работы и охота, жестокие нравы и шаманья вера - первобытная коммунистическая жизнь, слитная с природой,

123. т.е. как раз то, к чему зачастую звали ссыльные борцы и пророки, звали, сами не понимая, как следует, куда звали. А, попадая на ленские берега, делали нечеловеческие усилия, чтобы не пропасть, не исчезнуть в этом таежном первобытном раю.

124. Мы бы тоже здесь пропали. Ведь без техники европейцы не могут. Но и от идеалов природного рая отказаться невозможно. И вся трудность в том и состоит, чтобы совместить их, достичь в своей жизни природности предков.

125. "Шишкинские писанницы"

126. Академик Окладников писал: "Шишкинские скалы являются для Севера Азии единственной в своем роде... колоссальной картинной галереей прошлых веков, расположенной под высоким куполом голубого неба, на фоне темного эвенского леса и красных ленских скал".

127. Наш друг Витя вырос в этих местах; часто ездил по этой дороге, но не догадывался о всемирно известной выставке первобытного искусства.

128. Он оказался в роли москвича, которого гости-провинциалы вывозят в неизвестные ему раньше музеи и выставки.

129. А нам очень хотелось увидеть наскальные рисунки, увидеть, не рассчитывая особенно на понимание, а чтобы

убедиться, что ученые не шутят над нами, и вправду слышат голоса сквозь толщу тысячелетий. А если это так, то взглядеться в осмысленную работу предков, что-то понять в ней - не есть ли это счастье?

130. К сожалению, охранительная надпись не оберегает древние рисунки

131. от свежих линий, которые порой очень сильно мешают разглядеть, что под ними.

132. Что же увидели и узнали мы из рисунков, первому из которых - более 10 000 лет? Прежде всего - зверей.

133. Они написаны белой, красной красками, грубовато, как будто одним движением.

134. Или процарапаны резцом, создавшим изысканный рисунок. Что заставило наших предков на ленских берегах выйти за пределы обычной жизни охотников и воинов и начать искусство?

135. Как подсказывает этнография, они верили в то, что, нарисовав зверя, можно заморозить и околдовать его, и тем самым обеспечить себе успех на охоте или приручить.

136. Человек не противопоставлял себя, как мы, миру зверей. И тем более не чувствовал своего превосходства над гораздо более быстрым, сильным и ловким, чем он, существом.

137. Он убивал зверя, чтобы сохранить жизнь своего рода, только для еды. А потом просил прощения, устраивал праздники для воскрешения убитых и съеденных им животных.

138. Страшные кары грозили людям, которые убивали зверя не для еды, а просто... Какие же жуткие мифы создадут о нас, убивающих не только зверя, но и все живое, не только руками, но и техникой...

139. Но, может, задумаемся и мы? А выросшую силу свою пустим на поддержание жизни и гармонии мира?

140. Здесь было одно из древнейших мест обитания человеческого рода, его суровая колыбель.

141. В других местах Земли расцветали и гибли цивилизации, текла письменная история. Эта же земля никаких

цивилизаторских извращений не признавала, она мирилась только с нежадным охотником и смелым воином.

142. Среди лосей, медведей, волков и прочих таежных обитателей

143. мы вдруг увидели - верблюдов. Значит, с тех далеких времен приходили сюда степные народы, занимали с боем эти земли и поступали в воспитанники к этим скалам.

144. Идут маршем верблюды. Развешаются стяги над боевыми конями, возможно, даже над ханской ставкой... Монгольские народы переселялись не только на Запад.

145. Они переселялись и по Лене - на Север, становясь якутами в Якутии, долганами - в таймырской тундре, а их предки - индейцами в Америке.

146. Есть что-то особенное в природе этих мест, сурового приграничья, встречи степи и тайги,

147. где люди из охотников становились гуннами, монголами, непобедимыми кентаврами, у которых конь и оружие - лишь продолжение тела.

148. Женщины были им под стать - рожали и воспитывали непобедимых, заселивших весь свет. Какая у них была жизнь? Трудно догадаться по одному этому хороводу. О чем думали, какие легенды слагали, какой веры придерживались?

149. Странные значки и магические символы говорят, что какая-то непонятная вера у наших предков была. И, наверное, от этой веры что-то осталось у нынешних эвенков и бурят.

150. А сумеем ли мы научиться у ленских скал гармоничному сожитию с природой: не брать лишнего, знать ее, одухотворять и даже поклоняться?

151-152. Шишкинские скалы - заповедник памяти, чувств, мыслей наших предков, настоящих Адамов и Ев, содержит, конечно, ответы на все вопросы, но нам они так и остались недоступными.

Сценарий диафильма «Сибирь бурятская, буддистская»

- 1-2, 3. Главной целью нашего путешествия в Сибирь был, конечно, Байкал. Мы много слышали о нем, и уже долгие годы заманчиво манили нас
4. и Песчаная бухта,
5. и остров Ольхон,
6. Култук и Слюдянка,
7. и таинственный Хамар-Дабан.
6. Наши друзья плавали на знаменитом байкальском теплоходе "Комсомолец"
9. и ходили по его берегам походами.
10. Витя из Ангарска много рассказывал о своей рыбной ловле, охоте, даже присылал омуля и звал гостить с истинно сибирским радушием, чтобы поделиться своим Байкалом.
11. И вот, после осмотра Иркутска и гостевания в Ангарске,
12. Витя везет нас на Северо-Восток, к неведомому нам острову Ольхон.
13. Быстро проезжаем Усть-Ордынский бурятский округ
14. и въезжаем в предбайкальское плоскогорье. Здесь нашему хозяину все знакомо.
15. Им все езжено-перезезжено в свободные дни. И он с удовольствием показывает нам
16. и любимые озера с дикими утками (всегда есть),
17. и причудливые скальные выходы,
18. и, наконец, - сам Байкал. Вот, приехали.
19. С обрывистого берега через трехкилометровый пролив видны суровые, безлесные обрывы Ольхона.
20. Не остров, а крепость. Слева бьется волна Малого моря. Хорошо еще, что с близкого отсюда ущелья реки Сармы не дует страшный ветер Сарма. Говорят, он переворачивает пароходы.
21. Наша машина подходит к воде в ожидании парома.

22. И вот он пришел. Небольшой, в общем, катер, но устойчивый на морской волне, уместающий на палубе два легковых автомобиля.

23. Витя доволен донельзя - мы ведь почти не ждали парома.

24. Бьется сзади байкальская волна. Хорошо на душе. Мы все же приехали на Байкал и плывем прямо по священному морю, раздвигаем килем его фантастически чистую воду.

25. И пусть ненастье не ослабевает, заставляя кутаться в одежды, не пускает купаться, непогоде не сломить нашей глубинной радости.

26. Вот колеса коснулись ольхонского берега, и мы покатались уже по байкальской степи.

27. Она особенная. Она всегда кончается водой. Вода врывается в гористую степь такими причудливыми бухтами, что глядеть было ни минутки не скучно, и невольно вспоминались скупые на краску акварели Волошина.

28. Но вот и рыбалка - место ночевки.

29. Байкальский залив здесь перегорожен дамбой и стал озером, куда не может заходить из самого Байкала запрещенный для ловли омуль, зато жирует так называемая сорная рыба: щуки там разные, окуни, сараги. Сети были поставлены на ночь.

30-31. А утром мы снимали улов.

32 Чуть подальше от нас - лагерь семейных заготовителей рыбы.

33. У местных браконьеров за водку можно купить не только щук, но и омуля, что, не задумываясь, сделал Витя

34. для маминых пирогов в Качуге. Хороша рыбка!

35. Из бурятских современных стихов:

С географами в споре /Чуть голос не сорвал:

36. "Байкал, - кричу я, - море, / Не озеро Байкал!

Байкал по праву - море, /Гляди - простор какой!

Он и по нраву море, /Спросите моряков!

37. Седой Байкал, как должное, приемлет

Луны и Солнца сменный караул.

Что может возмутить его? Он дремлет

/Он засыпает, он совсем заснул.

Но иногда угрюмые морщины /Вдруг набегут на светлое чело,
Вздыхают как в тоске его глубины,

Он стонет и рокошет тяжело...

38. Не то его своя забота гложет, /Не то кручина у него своя...

Что ж, видно, как и всех, Байкал тревожат

Извечные вопросы бытия.

39. Меня же Ольхон поразил своим бурятским характером.
Именно здесь, где степь соединена с морем, я убедился
воочию, что Байкал вместе со всей Сибирью есть их отеческое
достояние.

40. Лишь на середине острова, у селения Хужир, лес начинает
теснить и сменять степь, пряча под собой песчаные дюны.

41. На степном просторе мы встречали бурятские
молитвенные столбики-знаки. Рядом валяется обычно битое
стекло - следы возлияния после молитвы, обращенной к
предкам-покровителям. Как похожи они по смыслу

42. эти столбики, на каменные бабы скифских курганов, а
возлияния на них - на поминальные тризны русских князей.

43. Как похожи эти столбики на современные гранитные и
бетонные стелы на могилах утонувших в байкальском холоде.

44. Ведь даже если лодка перевернется недалеко от берега

45. не всем хватает сердца и сил, чтобы преодолеть стужу и
доплыть до берега.

46-47. Бурятские примитивные столбики - зримые свидетели
старой бурятской веры. Но сейчас шаманов не видно, а вот
столбики, молитвы и возлияния возле них живут по-прежнему.

48. А как же иначе? Ведь каждому необходимо, даже атеисту,
вроде нас, помянуть предков и заступников и молить судьбу
об успехах и удачах. А может, дорогие столбики есть и у нас?

А наш атеизм - всего лишь родной брат древнего язычества?

49. Сегодня русские деревни исчезли с лица Ольхона.
Заброшены православные кладбища, но зато жив бурятский
Хужир. Все возвращается на круги своя.

50. У северной окраины Хужиры в море выступили две
знаменитые скалы. Шаман-камень зовут одну из них.

51. Мы долго искали вход в пещеру, где когда-то жил дух Бурхан - хозяин Ольхона, и его сын Орел. У подножья этой священной скалы - место жертвоприношения бурят-язычников.

52. Но над входом в пещеру мы увидели странные значки - тибетские иероглифы. Значит, сюда уже добрались буддистские ламы и укротили язычника, освятили Бурхан, а с ним и весь Байкал сделали буддистским.

53. Это - самый северный памятник буддизма в Сибири.

54. Первая мировая религия, источник всех остальных, до сих пор живет в центре самого большого земного материка

55. и наполняет своей кроткой улыбкой весь мир,

56. входя лучом света в души современного технического человека.

57. Улан-Удэ - столица Бурятии, не имеет буддистских храмов, однако автобусом можно быстрее лошади промчаться 24 километра

58. до Иволгинского дацана - монастыря и одновременно резиденции духовного главы всех советских буддистов - бандидо-хамбо-ламы. В центре - главный храм-дуган, справа - гостиница, а слева - один из монастырских скитов. Такой роскоши построек мы не ожидали. Ведь три года назад дацан сгорел, и мы полагали увидеть лишь обугленные развалины, да ленивую, на долгие годы стройку.

59. Это белое здание - всего лишь гостиница для иностранных буддистов, но именно в нем мы видим причины строительного бума. Впрочем, не знаем, на какие деньги и как было строительство. Наверное, верующие до сих пор жертвуют немалые суммы, да и государство в данном случае шло навстречу ради своего престижа великой буддистской державы.

60. Государственная опека пронизывает сегодня весь бурятский буддизм, от строительных материалов до обучения и воспитания будущих лам. Нам рассказывали, что их вербуют среди способной молодежи, прельщая заграничной работой, а потом отправляют учиться в бывшую Ургу - Улан-Батор.

62. Там их обучают тибетскому языку и письму, а также премудростям канонических книг, английскому языку, международной географии с политикой. Нет, что ни говори, а фасад великолепен.

63. Но отвернемся от фасада. Рядом - Степь! Долгие века ее сыны придерживались черной веры - по цвету своей земли - Матери и материи.

64. Они долго не слушали ничьих проповедей. И только когда буддийские проповедники признали черных духов земли, ввели их в свой пантеон, тогда монголо-буряты приняли богатство индийского вероучения, став фанатическими его приверженцами.

65. Вход в дацан - воскрешает недавнее бурятское предание о прошлом, когда дацаны были школами для всего народа. Со всей степи привозили сюда мальчиков для воспитания и обучения.

66. Наверное, в подобных домах и тогда еще жили дети с учителями, узнавая труд и смирение, книги и молитвы, постигая начальное, и даже среднее духовное образование - задолго до ликвидации безграмотности в самой России.

67. Какими же были ламы-учителя? В Бурятии этого не помнят, ибо с корнем вырвали начала буддистского просвещения. Сейчас безлюдно и тихо в монастыре. Лишь изредка прошуршит фигура в обязательном красном одеянии.

68. И снова безмолвие деревянных скитов, где хозяева безраздельно погружены в созерцание Бесконечного...

69. Будда Шаки-Муни - в истории он известен как индийский принц Гаутама, а в религии он одновременно и всемогущее светозарное существо и, наконец, вообще непостижимая Нирвана...

Все эти три сути, три ипостаси обозначаются коротким словом "Будда". Так же, как и в христианстве, еще более коротким словом Бог намекает и на реального плотника из Назарета, и на всемогущего мирового Творца, и на непостижимый Святой Дух-Логос.

70. А это - практический творец буддизма - ученик Будды, архат, святой и писец-интеллигент, в позе алмазного сидения на мудрых книгах. Архаты в свое время записали учение Будды, перевели его в идейное бессмертие, развили в религию и разнесли по свету...

71. Многоступенчатость загнутых крыш главного буддистского храма напоминает о необычайной расчлененности и утонченности буддистские учения, почти не уступающего в этом современной науке. Крыши как бы возносят к небу вазу "нанчметр", наполненную текстами молитв. Над входом, в окружении священных оленей, стоит Великая Колесница Восьмеричного пути, следуя которому человек может избавиться от страданий и достичь состояния Будды в Нирване.

72. Невозможно пересказать все детали ламаистского стратегического подхода в следовании по Великому пути. На этой иконе представлен лишь общий смысл - избавление от жизненных страстей. Они изображены в виде черного слона. Добрый лама, помогая верующему освободиться от соблазнов материального мира "Сансары", гонит слона по "пути учения". Мешает же этому вертлявый красный черт. Но постепенно слон белеет и, наконец, полностью очищенный, приходит к Будде, сидящему у входа в пещеру.

А что за этим входом? Не сразу, а в самом конце?

73. Там не рай, а Нирвана, небытие, пустота... Наверное, жителям степей величие необъятной пустоты понятнее, чем, скажем, лесовикам. Тем не менее, Нирвана описана в буддизме столь ярко, столь лучезарно, что целые народы оказались подвигнутыми на "путь учения".

74. Все живое имеет в себе частичку Будды, и потому имеет шанс достичь Нирваны. Но не сразу, далеко не сразу, а только двигаясь по ступеням совершенствования, с помощью цепи перерождения от животного к человеку и далее - к бодисатве и Будде.

75. Но не думайте, что в учении о Карме содержится только предвосхищение современной эволюционной теории. Карма

на деле много сложнее, она тесно увязана с этикой, ибо только добрые дела ведут к лучшему перерождению.

75а. Злые же дела отбрасывают существо назад, во тьму неорганического бытия и дальше, в безнадежный хаос космически разрозненных частиц.

76. Так перед человеком открывается широчайший выбор между космосом, полным ужасов, и космическим светлым блаженством, - все это в зависимости от нашего сегодняшнего поведения, ибо по учению Будды нет существования более сознательного, более открытого для выбора, чем у человека. Он может стать бодисатвой и Буддой, а может уничтожиться в хаосе...

77. Так в нашу обычную теплую жизнь вносится пламень нравственного горения, весь смысл которого в самоограничении. Буддистскую философию коротко рассказать невозможно.

78. Лучше вернемся из мира идей к реализму единственно живого в Бурятии, и, как видно на кадре, до сих пор растущего дацана. Но кто живет в этом доме? Наверное, лама. Но кто он? - советский чиновник, или все же хранитель на нашей земле древней мудрости? Подойти к нему, или поостеречься?

79. Сейчас лама откроет двери дугана, введет внутрь прихожан и, возможно, совершит заказанный ими молебен. Но что будут просить у неба эти женщины: здоровья родным, счастья детям или самосовершенствования и избавления от греховных страстей самим себе?

80. В храме они увидят богатейший алтарь со статуями разных воплощений Будд, роскошные занавесы, красочные иконы с мудростью, накопленной за две с половиной тысячи лет. И мы, атеисты, видим: женщины правильно сделали, что пришли сюда, ибо здесь они ближе всего к пониманию бесконечного космоса, ибо именно здесь он понятнее их чувству.

81. Теоретически у буддистов есть четыре типа добрых учителей: лама, бодисатва, Будда превращений и, наконец, Будда всеблаженства. Однако реально для людей добрым другом и наставником могут быть только ламы, и потому

таким громадным уважением они были окружены и знаками признания - от самого легкого - подаяния на жизнь учителя, до самого трудного - исполнения его наставления. Такова теория, а какова практика?

82. В дореволюционной Бурятии каждый третий мальчик оставался в дацане, и после окончания полного курса буддистских наук и аскетических испытаний принимал "великое посвящение", становясь настоящим ламой.

83. Конечно, каждый третий мужчина с высшим духовным образованием - это слишком много для любого народа. Тем более, что не все были способны к этому образованию, не все были совершенны.

84. Но часть из них достигла высот, изумлявших европейцев, как, например, Дандарон.

85. Рядом, под навесом, стоит молитвенный барабан - хуридэ, нагруженный молитвами и священными текстами. Один оборот хуридэ считался равнозначным прочтению всех этих молитв и еще одним хорошим делом.

86. И потому верующие беспрестанно крутят хуридэ, вместо такого же беспрестанного, но еще более утомительного повторения: "Ом-мал-ни, пал-мэхум". И это понятно. Ведь, кроме шаманства, ламаизм впитал в себя, прежде всего, популярное в степи христианство несторианского толка.

87. Интересно, а мог бы ламаизм сыграть в Азии ту же роль, что и католичество в Европе?

88. Важными, а может быть, и духовно основными сооружениями в дацане являются вот такие ступы-субарганы. Не знаем наверняка, а лишь догадываемся, что это хранилища святых великих учителей и Будд, т.е. духовные мавзолеи. В их облике опять же чудится что-то католическое: папская тиара, роскошь сияния белых покровов, золото давней культуры.

89. Ведь и католичество, и ламаизм, рационализируя свои обряды, делали это, наверное, из-за чрезмерной усложненности учения, не вмещающегося в человеческие головы. Так, основа ламаистской учености - тибетская

литература, бережно хранившаяся дацанами, состояла из двух энциклопедий: в первой, малой, было 108 томов, во второй - 225. Идеалом было выучить все эти тома наизусть.

90. Знания этих сотен тысяч страниц не вместить ни одной из ступ: гимны, ритуалы, литургии, философия, богословие, риторика, метрика, грамматика, поэтика, астрономия, астрология, медитация, этика, техника и т.д. - неосвоенный Золотой фонд.

91. Самые богатые собрания тибетской литературы хранились в Лондоне, а раньше - в Петербурге, втором мировом центре буддологии. В начале нашего века на Выборгской стороне был выстроен ламаистский храм. Он был первым буддистом, встреченным нами, он запал в память и позвал к пославшим его бурятам и калмыкам. Буддология, этот онаученный европейский буддизм, была свернута в Ленинграде в эпоху репрессий, и до сих пор не восстановила прежней силы, а храм занят чем-то непотребным, но разве науку это остановит?

92. Так, книга Льва Гумилева, составленная по материалам икон и скульптур одного лишь Агинского (в Читинской области) дацана, стала нашим путеводителем по буддистской Бурятии и этому диафильму. Давайте раскроем эту книгу и остановимся на глобальном вопросе: "Что есть мир?".

93. Будда говорит, что в пространстве рассеяно бесконечное количество шарообразных миров, соединенных по три. В середине каждого мира, входящего в тройку, возвышается громадная гора Мага Меру над материками, где обитаем и мы. Над горой раскинулись 24 неба, а под ней - круги ада с грешниками во власти змея-искусителя Мару. В средних кругах, посреди лам и ступ, по ступеням совершенствования поднимаются люди, а также бодисатвы и Будды. В центре иконы - страдалец за человечество - Авалоки-тешвара, буддийский Христос. "И вся эта система десяти тысяч миров дрожала, и был виден бесконечный могущественный свет"...

94. Миры периодически разрушаются и вновь возрождаются согласно Карме - причинности. Матрейя - вот имя буддистского Мессии, который придет, разрушит этот

исторический мир и построит новый, где восторжествуют справедливость и добро, знание и, следовательно, безгреховность. Ибо ведь от неведения - все грехи человеческие.

95. Так восточные отшельники наполнили древнюю космогоническую систему этнической напряженностью, вызывая из небытия и Бога - страдальца за людей, и Бога - будущего избавителя. Они преобразовали атеизм древнего буддизма в религиозный идеализм.

96. Тем самым они связали пониманием материальный мир Сансары с духовным миром Нирваны столь же крепко, как соединены в символическом жесте пальцы архата.

97. Вот прекрасный живой цветок, но мудрец смотрит на него глазами аналитика и видит пустоту... Он проникает вглубь, и

98. видит лишь редкие частицы рыжей материи в зеленом поле пустоты. Если же делить их дальше, то в бесконечном итоге мы придем к одной пустоте, великому Ничто. Вот строгое древнее доказательство: "Материи нет, есть одно Великое Ничто".

99. Наш яркий, стройный, закономерный, такой разумный мир - и ничто... Как вяжется все это? Но любая религия сводит это противоречие

100. к Великому Творцу, по закону которого наш мир трепещет капелькой на этой нити.

101. И, положа руку на сердце, мы не смеем начисто отрицать возможности существования в таинственных глубинах и делах мира Великого Существа, у которого мы лежим любопытной каплей на ладони, как на этой картине Чюрлениса.

102. И лишь безрассудная атеистическая вера твердит нам: "Нет, не может быть, никто за нами не смотрит, мы не букашки в мире, а его единственные хозяева, и молиться надо не ему, а самим себе и своим детям!".

103. Итак, Сакья-Муни - сперва живой вероучитель, через столетия в глазах людей стал Богом, ушедшим в Нирвану. И только иногда в образе Адди-Будды он появляется к нам

вновь, воплощаясь в человеческие тела. Путем мышления он создает из себя небесных Будд.

104. Один из них, Амиитаба, управляет небесным миром и Западным раем, то есть местом, где души праведников, уставшие в "пути" к Нирване, могут вместе с солнцем зайти отдохнуть от постоянных перерождений. Здесь чудесный пруд, деревья с золотыми цветами, дружелюбные звери и множество праведников. "Он окружен лучезарным сиянием и восхитительными драгоценными камнями неисчислимой ценности. В каждом направлении воздух оглашается гармоническими мелодиями. Небо же полно великолепия, заполнено большими божественными птицами...".

105. В центре рая восседает Амиитаба, не допускающий ночи и мрака в своих владениях, почему его еще зовут и "Буддой бесконечного света". В этой своей части буддизм переключается с древней религией зороастрийцев, поклонявшихся Огню, как бесконечному Свету-правде. Недаром Амиитаба такой красный. Но он лишь один из пяти небесных Будд.

106. Про других мы ничего не знаем. Не разобрались. Сложно. А ведь в них воплощены великие понятия и логические категории - закон, отражение, воплощение и мышление. Понятнее нам прямая генетическая линия буддистского пантеона.

107. Так, всеблаженный Амиитаба, снисходя к человеческим страданиям, сотворил мышлением бодисатву Авалокитешвару, способного на великие деяния для людей. Его живым воплощением считают далай-ламу в Лхасе, как папа римский считается наместником Христа в Риме. Только уверенность буддиста в правде такого воплощения много больше.

108. Ведь на Западе люди лишь с фрейдизмом приняли учение о множестве личностей в одном человеке, в то время как буддизм уже тысячи лет назад воспринял великий тезис брахманизма о реальной многоликости психического мира и способах управления им с помощью йоги. Только на первой

степени бодисатва уже способен в одно мгновение получить 100 созерцаний, показывать народам 100 будд, потрясать 100 миров и освещать их светом, совершенствовать 100 существ, знать 100 прошедших и будущих миров, показывать 100 превращений в своем теле.

109. И в каждой последующей ступени эти умопомрачительные способности увеличиваются в 100 раз.

110. Но не только из Нирваны приходят Будды. Вот Манлэ - врачеватель, был обычным специалистом, но, принося добро людям и совершенствуя свою природу, он стал выше бодисатвы, он стал Буддой.

111. Космическая широта и человеческая глубина взаимопроникают друг друга, все объясняя и направляя дух по Великому Пути - в этом мудрость буддизма... Но вернемся вновь к реальности, в бурятский монастырь, к его бревенчатым кельям и красным ламам в их отшельническом подвиге.

112. "Для мирян Будда оставил десять заповедей, а именно: не убивай, не воруй, не лги, не прелюбодействуй, не клеветничай, не клянись, не скаредничай, не гневись, не уклоняйся от истинной веры...". Человек, который избежал бы этих десяти черных грехов, приобрел бы десять белых добродетелей.

113. В ламаизме путь спасения разработан столь детально, как в армии получение чинов, или у педанта-профессора его наука. Но не будем поддаваться примитивной иронии. Ламаизм-буддизм, возможно, представляет из себя самую универсальную религию в мире, он вбирал в себя многие языческие культы, и без иерархии и упорядоченности ему никак нельзя.

114. Поэтому, наряду с дуганами и ступами, в дацане стоит множество языческих кумирен,

115. а также изображения всяческих тенгриев и ассуров в образах чудовищ, китайских драконов...

116. и сибирских тигров.

117. Буддизм не отверг мифического опыта сибирской земли, а включил его в свой пантеон, свой космос. Он поступил так

же, как современная наука, которая не отвергает старой теории, а включает ее в новую как составной элемент,

118. а на основе такого обогащения широко открывает ворота для уверенных и правильных действий в понятном всем мире.

119. И мы уходим по дороге в мир, покоренные и восхищенные. С дороги оглядываемся на дацан и прощаемся с ним. Даст Бог, и мы еще не раз встретимся с ним в раздумьях и диафильмах.

120. Горы Хамар-Дабана

121. Идти под рюкзаком в прибайкальских горах по летнему зною было очень тяжело, и мы "надевали" на фотоаппарат столь мрачные очки,

122. что с трудом различаем себя на этих слайдах.

123. Поэтому мы с удовольствием пользовались услугами мощных лесовозных машин, почти единственным транспортом этих мест.

124. Наш первый водитель и отец десяти детей, забросивший нас из поселка Гусиное озеро в самое сердце Хамар-Дабана, низких и хмурых гор.

125. Два дня мы провели в этих горах. Два дня изнурительно тяжелого хода, перемежающегося стоянками на безлюдных и тихих местах, где истомленное тело льнет к воде, к земле и к цветам.

126. Эти цветы слились в нашей памяти с красочными видениями буддистских дуганов и икон, с их бесконечно сложным смыслом

127. и прихотливой формой.

128. Каждый из них интересен, в каждом - жизнь Вселенной, каждый способен дать жизненный урок, если бы мы только могли понимать, как авторы этого бонского гимна:

129. Будь вечным, неба сапфир! /Пусть желтое солнце мир
Наполнит своим цветом /Оранжево-золотым.

130. Да будут ночи полны /Жемчужным блеском луны!
Пусть от звезд и планет /Опускается тихий свет.

131. Пусть в небе мчатся ветра. /Пусть поит дождь океан!
Пусть будет вечной земля, /Родительница добра.

132. Здесь так зелены поля, /Так много прекрасных стран...
133. А эту ночь мы провели на берегу большой таежной реки Темник, рядом с леспромхозовским поселком Таежный, бывшим когда-то бурятской деревней.
134. Справа, в форменной куртке - бурят-лесничий, а в зеленой панаме - его энергичная жена, заведующая магазином и первая дама в поселке, возбуждающая в лесничем энергию и деятельность, что вполне соответствует буддистскому представлению о том, что именно женская страсть "Шакти" побуждает на деятельность бодисатв-лесничих.
135. Нас кормили, поили и разговоры говорили. Мы выспрашивали, понятно, о духовной Бурятии.
136. А нам больше - о хариусе и облепихе.
137. И об охотничьих удачах в Хамар-Дабаньем заповеднике.
138. Под этой лиственницей, убаюкиваемые говором Темника, полные разговоров и впечатлений, мы заснули.
140. Дацан в поселке Гусиное озеро
141. Это конечно, не интуристский объект. Построенный два века назад, он долгое время был главным в Сибири и резиденцией самого бандидо-хамбо-ламы.
142. Белые колонны входной террасы - для торжественности.
143. Кажется удивительным, что именно буддизм преодолел язычество бурят, несмотря на давнишнюю миссионерскую деятельность в этих краях русского православия. О причинах этой неудачи писал еще князь Щербатов при Екатерине,
144. что проповедники православия не только не принимают на себя труд изучить язык инородцев, перевести на него священные книги, но "токмо так, как в баню, так их на крещение водили, и, дав им крест, который они по глупости своей неким талисманом почитают, образ, который они чтут за идола, и запрет есть мясо на пост, чего они не исполняют, считали свое дело законченным".
145. "И если, хотя и мало, что противу правил и преданий Христова закона приметят, то не токмо жестоко их тела наказуют, но и разоряют их колико можно".

146. А буддизм вот никто не навязывал. Его принимали. Сорок дацанов выстроила бурятская степь за короткий срок.

147. Буддизм здесь цвел до конца двадцатых годов нашего атеистического века, после чего дацаны были закрыты, а ламы - репрессированы. То же произошло и в Калмыкии.

148. А потом коммунистическими стали и священная Урга в буддистской Монголии, и еще более священная Лхаса в Тибете. А это - почти все страны северного буддизма. И уже на нашей памяти коммунистическими стали страны южной ветви буддизма: Вьетнам, Лаос, Камбоджа. Откуда же у буддистов такая восприимчивость к коммунистической реформации? Неужели из-за внутреннего родства?

149. Нет, неправда! Не предтечей, а жертвой стал здесь смиренный буддизм. Даже смилив в свое время воинственность степняков и устремив их силы от войн к небу, он, видно, не преодолел законы азиатской земли.

150. Последние оказались сильнее, и вот буддизм фактически уничтожен новой воинственностью. Но окончательно ли?

151. Вспомним Чингиз-хана. Ведь буряты в этих селенгинских областях считают себя прямыми потомками Чингиза. Вспомним, что Чингиз всегда был и остается до сих пор национальным героем простых монголов, создателем нации.

152. Чингиз вел монголов в бой под знаменем национальной черной веры. Их вела убежденность в своей правоте поистине мирового порядка.

153. Но, через два века после побед Чингиз-хана, у его детей иссякла скрепа - монгольская вера. И потому снова в Китае победило конфуцианство, на Западе - ислам, а монгольская империя распалась.

154. На смену сплоченным конным сотням и непобедимым туменам пришла духовная сплоченность разбросанных по степи лам - святых учителей. Народ воинов с такой же неукротимостью стал народом, штурмующим буддистское небо.

155. Небо! Если подчинить землю трудно, то завоевать небо, по-видимому, невозможно. Но иногда и невозможные задачи влияют на людей и народы благотворно.

156. Медленно, очень медленно укреплялся буддизм в степи.

157. Спасаясь от русских притеснений, бурятские роды в XVII-ом веке ушли от Байкала в южную Монголию, но потом под давлением китайцев откочевали снова к русским, но уже с собственной независимой верой, с правом на самоуправление в Степных Думах и привилегиями охранных казачьих полков.

158. Эти привилегии начала давать Екатерина Великая, за что ламы причислили ее к божествам, назвав земным воплощением Белой Тары - богини милосердия.

159. Это был взаимовыгодный союз царского трона и буддийского духовенства, ибо за духовную и бытовую самостоятельность буряты добросовестно охраняли русские границы и ловили беглых каторжников, служа царям столь же верно, как когда-то свободные швейцарцы служили как охранники, - всем королям Европы.

160. Сегодня буряты утратили свою особую охранную роль. Они садятся на коней лишь для исполнения пастушьих обязанностей. Иного просто нет. Нет теперь и трудолюбивых земледельцев, которыми были буряты в XIX-ом веке. Есть просто совхозники.

161. Нет теперь и предприимчивых торговцев, ремесленников, которых в большом числе поставляла бурятская степь в предреволюционные годы. Всех их смял великий перелом, оставив одних соцработников на конях и машинах, - как и все мы сейчас...

162. В тридцатые годы вдоль Гусиного озера стали строить железную дорогу на юг, в Монголию, крепя оборону против японцев.

163. Строили ее когорты заключенных, и Гусиноозерский дацан стал центром большого лагеря, бурятскими Соловками.

164. Сейчас забор с колючей проволокой уже не охраняется солдатами с автоматами и овчарками, а только очерчивает

дацан от случайных прохожих, но на самой буддистской вере остались колючки молчания.

165. Сдержанно волнуется таинственное море бурятских душ, ожидающих буддистского воскрешения.

166. Паломничество в буддистские горы

167. Буддизм зародился в Индии, на склонах Гималаев.

168. А в XX-ом веке по следам паломников в Гималаи и Тибет потянулись европейцы, и среди них автор этих картин - русский художник Николай Иванович Рерих, выявивший миру поразительную красоту и духовность этого горного мира...

169. Но это было раньше, а теперь для нас доступны только бурятские горы.

170. И вот от Байкала автобусом мы поднимаемся к источникам Аршана в Саянах.

171-172. Дорога идет Тункинской впадиной вдоль широкого здесь Иркутта.

173. От Аршана просматривается вся долина.

174. Хамар-Дабан на юге, а на переднем плане - потухшие вулканы.

175. Сади же, почти сразу за курортной тропой, взметнулся высь Тункинский хребет, прорезанный реками, вдоль одной из которых мы и намереваемся проникнуть к снегам и перевалу.

176. Сразу за курортными зданиями начинается священный лес, в котором из-под камней течет волшебная, излечивающая глаза вода. Верующие в это ныне не могут строить храмы и ступы, и свои чувства выражают подношением лесу шелковых халдаков.

177. Мы не смеялись над суевериями, а уважительно внимали и боязливо оглядывались на курортные павильоны,

178. у дверей которых ожидали своих матерей, возможно, будущие Чингизы или Гесеры.

179. Широкая тропа довольно скоро привела нас на верх речного каньона

180. и остановила перед водопадом.

181. По шаткому мостику мы перешли Кынтаргу и начали взбираться по склону каньона.
182. Напугав и заставив мобилизоваться, тропа повела себя несколько спокойнее, щедро раскрывая красоты ущелья.
183. У нас были еще водопады - аршаны, для отдыха.
184. Был и розово-белый мрамор для любования
185. или даже купания.
186. Тропа, лепящаяся по гранитному боку ущелья, где невозможно разойтись двоим, отвесные скалы каньона, куда не достают лучи солнца.
187. Узкие бревна переходов - чем труднее путь, тем явственнее в памяти картины из гумилевской и прочих о буддизме книг.
188. Пусть караваны Рериха и иных путешественников шли в настоящую Лхасу, мы тоже идем в буддистские горы, поднимаем свои рюкзаки в высокое небо. Мы тоже паломники.
189. Гумилев рассказывал, что в Центральной Азии сходились проповедники многих религиозных систем. Но, при всех своих идейных переменах, горные народы оставались верны себе и сохраняли свою первоначальную основу - веру в духов земли и неба.
190. Горы величественны и прекрасны, но они же изменчивы по погоде и смертельно опасны, поэтому горцы так склонны одушевлять их и видят в них живых противников.
191. Чтобы здесь выжить, человек должен быть богатырем, противостоять коварной природе
192. этой горной ведьме, а также дакини, небесным тенгриям и асурам.
193. В этой жестокой борьбе воспитывалась независимость и мужество, как у женщин, так и мужчин. Из этой же борьбы и выросла их приверженность к древней религии "Бон".
194. Бон вырос на каменистой почве диковинным жизнелюбивым цветком. Из стремления к победе он стал учением борьбы за правду и верность, превознося труд и устройство нашего прекрасного мира.

195. И хотя потом буддизм вытеснил бон, но только после того, как принял его принципы.

196. Многое, если не все, в горах зависит от того, будет ли непогода, неожиданная и негаданная. Лишь иногда при закате солнца по пляске легких облачков, голубоватых бликов или вечерних полутеней горцы угадывали приход великих и гневных богинь по имени "дакини - небесные плясуны".

197. Вот портрет одной из них. Трудно произнести слово "богиня", глядя на это чудище. Она не из ласковой Греции, не из теплой Индии, а из суровых гор Азии, где солнечная погода на каждом шагу оборачивается такой гневной харей с человеческими черепами на чреслах и в волосах.

198. Дакини трехглазы - это символ божественного всеведения, вседесущности. Потом, когда народная натурфилософия переплелась с этикой, эти всевидящие глаза стали следить за грешниками.

199. Красный отсвет зари на темном лице стал лютым гневом на человеческую греховность, а страшные клыки и зубы стали перемалывать тела презренных - порывами ураганного ветра и острыми камнями пропастей, ледовым холодом высот и жарой пустынных смерчей.

200. И это уже не дакини, а гневный бодисатва, ставший по совместительству богиней Зари. И зовут эту Аврору - Ваджраварахтой - хозяйкой молнии. Она вся - гнев и пламень, мировой космический пожар. Страшнее нее, пожалуй, только настоящая мировая революция - светопреставление.

201. Вот такой дух таится в зеленой сибирской земле на краю темно-синего небесного моря. Вот истинный облик Азии, и ее священного Байкала. И стоит богиня, обвитая мудрым зеленым змеем Нагом, в красной луже крови.

202. Она попирает при этом туши поверженных свиней, этих символов материального благополучия и богатства. Оттого и ее саму зовут в просторечии Алмазной свиньей. Ну, чем не заря будущего?

203. Дарма-раджа, или царь веры, которому подчинены локопалы, т.е. хранители всех четырех стран света, в ламаизм

тоже пришел из древних горских легенд, еще в VIII-ом веке, когда тибетский маг и волшебник Самба реформировал буддизм и тибетский красношапочный ламаизм.

204. Одетый в китайскую шапку и тигровую шкуру, он восседает на китайском льве-драконе. Тибетский дух и китайский дракон сошлись на красном кровавом фоне - погрании человека. И все это - в самой человеколюбивой и гуманной религии - в буддизме!

205. Даже Дзамбала-бодисатва и владычица богатств в старобурятском изображении не лишена общих азиатских черт: ни гневного пламенного ореола, ни китайского синего дракона вместо лошади. Дзамбала как бы предсказывает нам: Азия есть Азия, и сам капитализм здесь будет таким же страшным и кровавым.

206. А вот еще один покровитель богатств и царь северных азиатских пространств - весьма почитаемый бурятами Кубера, в окружении своих всадников: генералов и демонов.

207. А это - Махакала, победитель индуизма... Но, наверное, хватит азиатских ужасов с красно-черными ликами.

208. Оглянемся на многокрасочный мир в саянском ущелье.

209. Выбравшись из первого каньона с kloкочущими водопадами, с предательской тропой, неожиданно обрывающейся провалами в земную пропасть,

210. и завораживающими глаз скальными откосами,

211. мы попали в дремучие заросли горной тайги с упавшими деревьями, диковинными цветами

212. и прошмыгивающими зверьками.

213. "Смиряться телом, отдыхали духом", пока не выбрались на открытую каменистую поляну, где горы расступались, а большая вода в дни половодий расчистила себе путь от деревьев. Здесь хорошо было полдничать, приводя в порядок свою память.

214. Когда-то такими же естественными каменистыми дорогами пробирались в суровые горы из благословенной Индии проповедники буддизма.

215. Иные из них стремились в горные выси ради личного спасения. В необыкновенной красоте и суровости

216. становились они святыми отшельниками, размышлением постигая мир, молитвой спасая его, советами горцам - преобразуя.

217. Нужную людям мудрость они как бы брали из самой земли, из ее цветов и солнца, наподобие солнечных генераторов преобразуя льющийся кругом свет в человеческий духовный опыт:

218. Смотри, вокруг тебя великий свет!

Он есть и ничего иного нет.

Ты думаешь, что видишь крепкий дом,

Что лес густой раскинулся кругом,

Что там утес, а там - крутой овраг –

Ошибся ты - твое сознание мрак!

219. Есть только свет, легко пронзивший твердь,

Поняв его, преодолеешь смерть.

Подобно слову, он сияние льет,

Как снопы светил размером с небосвод.

220. Весь мир подернут сетью из лучей .

В нем все багряных молний горячей!

Краснеет солнца окоем /От солнца, погружившегося в нем.

221. Земля от блеска символов светла,

А люди исцеляются от зла,

От бед былых и от духовных мук,

Едва поймут, что мир - лишь свет вокруг.

222. Но некоторым буддистам выпала иная, не отшельническая, а, скорее, апостольская судьба. Так, в XVII-ом веке некоторые из них попали во владения первого тибетского царя-объединителя. Сронцангпабо нуждался в новой религии, которая сломала бы бон. Ибо сломать веру подчиненных и дать им чужую - уже тогда значило, что и сегодня: подчинить духовно, властвовать физически.

223. По совету своих буддистских жен - непальской и китайской принцесс, царь сам стал буддистом и создал монахам все условия проповеди народу, а своим строптивым

приближенным, упрямым бойцам, стал рубить головы. Так короткий буддизм стал пользоваться как средство в гнусном деле укрепления тирании.

224. Не в первый раз происходит этот перевертыш. И, наверное, не в последний. И чем гуманнее проповедь, чем крепче привязывает она души людей, тем удобнее и лучше бывает приспособить ее для целей деспотизма. Так бывало не только в Тибете.

225. А Сронцангабо был объявлен буддистами перерождением Авалокитешвары, бодисатвы милосердия, т.е. объявлен живым богом, и власть свою упрочил, казалось бы, до предела.

226. Но это возвеличение его и сгубило. Простые тибетцы еще радовались, когда царь рубил головы вельможам, но когда он стал богом и повелел всем сидеть с монахами в горных пещерах на постной пище - вместо былых военных походов за добычей и славой - они возмутились, убили царя, а буддистов прижали,

227. восстановив в правах старую родовую веру - жизнерадостный бон. Министр Мажан стал у власти при малолетнем внуке грозного царя и не боялся интриг буддистов, ибо сама вера запрещала им убийства.

228. Однако буддисты-заговорщики в этих мрачных горах нашли способ убить, не убивая. Они заманили Мажана в пещеру, вход завалили камнями, а народу объявили, что внук первого царя Тисрондецан

229. стал бодисатвой мудрости Манчжушри, который принял гневную форму Ямантаки, вверг под землю губителя буддистов Мажана.

230. Так в Тибете был произведен окончательный буддистский переворот. Родился тибетский ламаизм, а в храмах

231. стал преобладать бодисатва мудрости Манчжушри.

232. Как правило, под его ногами - поверженный под землю Мажан, ставший там царем ада и мучителем грешников - быком Ямой.

233. Но еще чаще сам Манчжушри изображался быкоголовым, под стать самому Яме.

234. В этом образе прекрасно воплощена вся суть северного буддизма: и его дикарская вера в быкоголовых богов и демонов, и фрейдистская вера во множественность существ в одном, и уверенность в том, что добро, решившееся на борьбу со злом, само должно походить на зло, что бодисатва, изгоняющий Яму, сам должен быть злее и страшнее этого же Ямы, и, наконец, вера в женское активное начало.

235. Если присмотреться, то можно заметить, что синий Ямантаки держит перед собой зеленую женщину с запрокинутым в страсти лицом. Это - шакти, вдохновляющая бодисатву на подвиг и возбуждающая в нем страсть к действию и победе над врагами учения. Такое соединение - очень частый символ буддийских икон, так как он теряет свой эротический смысл, становясь лишь значком энергии.

236. Однако если на защиту веры богов побуждает шакти, то и в людских грехах виноваты больше женщины, и потому Ваджрадакини с таким сладострастием топчет грешницу,

237. гвоздит ее копьём, попирает искаженное мукой тело страшной божественной ступней. Вместо богородицы с ребенком на руках - страшная громадная черная лапа на обнаженном теле! Вот корень различий между Европой и Азией.

238. Быть растоптанной в гареме или храме, или быть пленницей, безвольно перекинутой через седло отвратительной богини Лхамо, или в страсти возбуждать повелителей, - а в противовес им - гигантские фигуры жестоких Лхано или Дакини. Наша совесть отказывается верить в них, как в иконы, как в идеалы многих людей. Скорее, это лишь свидетельства бурной и жестокой борьбы людей в высотах и пустынях центральной Азии.

239. Но то - не полная правда. Женщины, рожавшие и растившие этих степняков и горцев, были все же людьми, а не только страстями, имели и достоинство, и спокойствие матерей. Просто не может быть иначе!

240. Великая Азия, источник бурь и революций, страстей и несчастий, была для многих людей - и родиной, любимой и ласковой матерью.
241. И мы идем по ней, пробиваясь к альпийским цветущим лугам, к заоблачным высям.
242. Не выходя из леса, повстречали местных хозяев - охотников с каким-то необычным грузом за плечами. Они ответили на наши вопросы и обнадежили на завтра.
243. Проведя ночь у последнего ручья, утром мы без рюкзаков вышли из тайги и начали подъем к перевалу, к снегу.
244. Нас обливает щедрый свет, и только тяжесть подъема застилает глаза, прерывая в памяти древние ламаистские легенды о борьбе мрака и света в каждой из человеческих душ:
245. Свет сгущается, приходит жуть,
Предвещая страшный миг рожденья,
Это он указывает путь, /Замкнутом во мраке заблужденья.
246. Это он, как шелковый утес
Появляется в небесной сфере,
Несказанный ужас он принес
Для коснеющих в нечистой вере.
247. Тем, кто ценит свой убогий ум,
Для себя лишь ищет преимуществ,
Страшно угрожающее Хум, /Средоточье мировых могуществ.
248. Знание - лазурная гора, /Звездными горящая огнями,
Ради просветленья и добра /Льет повсюду гибельное пламя.
249. Он сжигает глупость, грязь и тьму,
Очищая в трех мирах планеты.
250. Дольний мир, покорствуя ему,
Превращается в обитель света.
251. Целых два часа мы поднимались на этот перевал.
252. Снежник у перевала, правда, небольшой. Ведь Саяны, хоть и в Азии, но не Тибет, и наша дилетантская экскурсия в бурятский буддизм - лишь летнее любопытство.

И все же мы рады своему выходу и своей маленькой победе. Ведь мы старались, и что поняли, то поняли, а что не узнали - пусть объяснят те, кто сюда еще приедет.

253. Обязательно приедут - ведь без буддизма не обойтись. Мы смотрим вокруг - то через снега, то через альпийские цветы. И поражаемся контрастам этой земли.

254. В ней лед и стужа - рядом с красотой цветов и солнцем.

255. Погружаясь в нежный мир саянских соцветий, так созвучный кроткому прекрасному буддизму, мы вспоминаем краски икон в бурятских дацанах -

256. духовные цветы азиатской глубины, и думаем о том, как рос буддизм от никого не трогающего Будды в небе -

257. - к многорукому бодисатве, помогающему силой людям, а от него -

258. - к локопалам и дармопалам, хранителям рая, защитникам веры с мечом в руке, наподобие тибетских императоров

269. и монгольских ханов.

260. Дальше - хуже и страшнее. Кровью наливаются кроткие азиатские цветы. И вот дух земли идам Самбара топчет, как слон, грешников,

261. а небесные плясуны грозят им мечом и пожаром.

262. А разве красные демоны, огненные воины, поджигатели и духовные хунвэйбины - не последнее слово в буддизме? Разве не полыхают здесь, уже какой век, войны и революции, выплескивающиеся на весь мир?

263. Но, возвращаясь из Азии домой, вспоминая не только азиатскую, но всю, и, прежде всего, европейскую историю, на многое глядишь спокойнее. Так, вспоминая кровь европейской Реформации и революций, мы верим, что так здесь будет не всегда.

264. Мы не боимся этих гор, и потому спокойно спускаемся

265. к воде Кынтарги

266. и дальше, к курортным радостям Аршана,

267. заканчивая тем самым буддийское лето свое.

Сценарий диафильма «Сибирь православная и советская»

1-2, 3. Старая столица К сожалению, весь день лил дождь и затемнил фотопленку. Так выглядит Иркутск в десяти минутах ходьбы от центрального проспекта.

4. Подобной же стеклобетонной роскоши в Иркутске пока еще немного, и потому

5. из всех сибирских старых городов он показался нам самым интересным и исторически значимым.

6. На кадре слева мы видим стену обкома, расположившегося прямо в старом центре, рядом со Спасской церковью, построенной всего лишь через 50 лет после того, как пришли сюда первые русские люди.

7. В 1652 году остановились вон на том острове посреди Ангары, напротив впадения Иркуты, казаки Ивана Позабова, и срубили ясачное зимовье. Весной их залило половодье, и потому они переселились на эту площадь, тогда, конечно,

8. бывшую просто высоким берегом Ангары. Маковки иркутских церквей стали одеваться в золото намного позже, когда город уже окреп.

9. А с 1822 года он стал столицей губернатора Восточной Сибири. Он был православной столицей - вот главная причина того, что именно Иркутск, находившийся в середине страшной Азии, в 70 километрах от Байкальского провала,

10-11. стал похож на древний белокаменный русский город.

12. Крестовоздвиженская церковь на краю старой части города оставлена верующим и служит до сих пор Божьим домом.

13. С большим достоинством стоит она на зеленом пригорке, и обрадовала нас своим богатством: множеством изящных маковок

14. и бесчисленными настенными карнизами, фронтонами, украшениями столь необычными, что невольно мы подумали о влиянии буддистского зодчества.

15. Помню, как долго мы шли под дождем к этому храму, привлеченные издали каким-то индийским силуэтом.

16. А вблизи он оказался обычным поздним храмом с большим центральным куполом.

17. Если переехать речку Ушаковку (ныне почти везде взятую в трубы), то попадем в бывшее предместье города.

18. Во главе его стоит Знаменский монастырь, заложенный еще в 1693 году. Там похоронены многие знаменитые русские люди русской Сибири.

19. Помянем их!

20. Памятник на могиле Григория Ивановича Шелехова, русского Колумба, открывателя и хозяина Аляски. Почти 20 лет продолжалась его колонизаторская деятельность: строительство поселков, укрепленных фортов, торговых складов и школ, обучение алеутов хлебопашеству и обращение их в православие. Энтузиазма у Шелехова было, наверное, не меньше, чем у англичан, ставших американцами.

21. Шелехов был от рода курским мещанином, потом удачливым купцом, но стал вельможей и директором Русско-Американской компании. Однако семью он держал в Иркутске, и похоронен здесь, а не в Америке. И это показательно. Сибирь и Аляска так и не стали для русских новой родиной, Новым Светом, потому что не вельможи становились купцами и "отцами-основателями", а, наоборот, купцы превращались в вельмож и царских чиновников. И потому Сибирь так и не стала Русской Америкой, а мечты Потанина и других энтузиастов "Молодой Сибири" прошлого века остались беспочвенными.

22. В Знаменском монастыре похоронены и иные люди - декабристы, ставшие из царских офицеров государственными преступниками. Многие из них почти всю жизнь отдали исследованию и освоению Сибири, и память их заслуженно чтится тут.

23. Это - могила княгини Екатерины Трубецкой и ее детей, не вынесших сурового сибирского климата. Первая русская женщина, пошедшая вслед за мужем-декабристом на новую родину, она была вместе с тем и великой матерью. Такие люди

и обживали по-настоящему Сибирь, только они и делали ее русской.

24. А при выходе из Знаменского монастыря нам показали еще одну могилу. Зимой 1919 года на льду Ангары, напротив устья Ушаковки, был в спешке расстрелян адмирал Колчак.

25. Этот храбрый офицер и приполярный исследователь был продолжателем декабристских традиций и заслуживал бы нашей доброй памяти. Но в годы гражданской войны он бросил свой авторитет и силы на защиту сначала погибающей учредительной демократии, а потом - на "спасение России".

26-27. Декабристский Иркутск. На этих деревенских по виду улицах они жили в ссылке, в пору расцвета своих сил и деятельности. Нам хотелось бы понять, что чувствовали европейские образованные люди, вдруг очутившиеся на всю жизнь в центре Азии. Что они могли сделать?

28. Дом Волконских на реставрации и закрыт для посещения.

29. Зато дом Трубецких пригрел нас, обсушил и открыл собранные в нем богатства.

30. Одна из первых реакций - это удивление перед налаженным бытом, и даже роскошью дома политического ссыльного. Но не забудем, что декабристы не лишались своих имений и экономической независимости.

31. И эта независимость давала им возможность хранить здесь культуру, высаживать и оберегать в суровой Сибири ростки Европы.

32. Конечно, в старом Иркутске жили не только декабристы. Еще до них купец Сибиряков выстроил Белый дом близ Ангары, самое прекрасное здание старого Иркутска.

33. Оно стало впоследствии частью университета и его библиотеки.

34. Мы видели и другие красивые старые жилые здания.

35-36,37. А потом в город пришел первый поезд, пробившийся из России на гребне экономического подъема после освобождения крестьян. Первому поезду поставлен в Иркутске памятник, и заслуженно, потому что он разорвал извечную преграду пространств между Европой и Азией.

38. Сибирь пошла вперед, пусть медленно, но - лиха беда начало!
39. К сожалению, до сих пор социально Азия осталась Азией, а железные дороги она использует для того, чтобы самой добраться до Европы и установить там свои каторжные порядки.
40. Александровский централ Центральная пересыльная каторжная тюрьма Сибири была расположена в 76 километрах от Иркутска, в селе Александровском.
41. Сюда присылала Россия своих политических преступников, и отсюда по три тысячи в год их распределяли по всей Восточной Сибири.
42. Дряхлеющая православная монархия пыталась сибирской каторгой подавить своих социалистических конкурентов.
43. После революции тюрьмы эти были закрыты, а потом централ сделали психиатрической лечебницей. Однако вид у нее самой и ее подопечных за решеткой - самый тюремный.
- 44-45. Не переводится дух насилия ни в этом месте, ни в самой Сибири.
46. На унылой и пустынной дороге в Александровское стоит памятник погибшим в последней войне сибирякам. А мы думаем, когда же будут памятники или хотя бы восстановление памяти о погибших в Сибири заключенных?
47. Когда же эта память встанет открыто, заклеят зло и вырвет из земли его черные корни?
48. Светлое око Сибири
49. Про Иркутск теперь можно сказать, что он стоит в конце байкальского залива, созданного подпором Иркутской ГЭС.
50. "Ракета" домчит до самого Байкала за час с небольшим, как электричка в пригородную зону.
51. И вот оно, славное море необыкновенного холода, глубины и, конечно же, радости!
- 52-53, 54. Мы же увидели Байкал впервые рано утром из поезда, спускавшегося в Слюдянку.
55. Увидели через промышленный пейзаж.

56. Потом поезд шел по восточному низкому берегу к Улан-Удэ, и озеро открылось нам как бескрайнее синее море.
57. Чуть отодвинувшиеся от воды, горы Хамар-Дабана с редкими снежниками тоже привлекали глаз.
58. Мы надеялись побывать и там тоже.
59. Круго-Байкальскую дорогу с ее многочисленными мостами и туннелями строили в XIX-ом веке, и довольно долго, начиная с 1867 года, когда сюда были свезены поляки - участники восстания 1864 года.
60. Их главным местом поселения была Слюдянка и соседний Култук. Здесь они снова подняли восстание, стремясь прорваться в Бурятию, а потом в Монголию, и, через Китай - в свободный мир, но потерпели поражение. Байкальская польская организация погибла после первых же сражений. Десятки были убиты и ранены, руководители расстреляны.
61. Памятника полякам нет, есть только православная церковь в центре Слюдянки, стоящая, верно, от времен железнодорожного строительства. А за ней видно здание вокзала, выложенного по-царски, из гранитных и мраморных блоков; его строил зодчий из Италии. Это здание как бы соединило для нас старинные соборы Фиораванти в Кремле и выстроенное по шведскому проекту московское мраморное метро.
62. Впрочем, мрамора в Слюдянке много. Он дешев настолько, что сотни метров железнодорожного полотна устланы им, как щебенкой. А из этих мраморных плит хотели устроить дамбу от байкальских волн, но построили из бетона. И мраморная россыпь теперь - лишь экзотическое место для туристов.
63. Потом мы бродили по Хамар-Дабану, искали в просветах между елями и склонами хребтов далекую синюю гладь
64. и вместе с одной из байкальских речек спешили вниз к озеру и к городу Бабушкину, названному в честь расстрелянного здесь за транспорт оружия в 1905 году революционера. Еще одна огневая страница в истории холодного моря.

65. Солнце жаркое, но холодно. И все же мальчишка-сибиряк на надувном матрасе, который, кстати, быстро намокает, плещется в воде. А мы, уставшие, сидим на камешках, щуримся на свет, отражаемый Байкалом, и ожидаем ближайшего поезда.

66. Железная дорога отходит от Байкала по долине Селенги. Селенга собирает воду со всей Монголии и Бурятии и несет ее

67. в Байкал, чтобы, профильтровавшись в нем, вылиться Ангарой на далекий Север.

68. И вот - Улан-Удэ.

69. Но, прежде чем говорить о современности, зайдём в городской этнографический музей. История этого края начинается с 1668 года, когда здесь в отрогах Яблоневого хребта русские поставили первое зимовье для сбора дани-ясака с туземцев.

70. Потом сюда сослали опальных стрельцов, и возник Удинский острог. Но в 1668 году отчаявшиеся буряты не побоялись ружей и пошли приступом, чтобы сжечь дома и уничтожить неожиданных пришельцев.

71. Тогда-то и была построена вместо острога деревянная крепость, а Верхне-Удинск стал русским городом. Буряты, конечно, были побеждены и рассеяны.

72. Но сегодня удинский музей хранит не только русские избы, но и бережно укрывает полиэтиленом бурятские войлочные юрты.

73. Позже буряты стали делать свои юрты из дерева, а в хозяйстве применять русские приемы.

74. Так они постепенно осваивались в новой культуре, и потихоньку возвращали себе свое хозяйское право на эту землю.

75-76. В этнографическом музее много интересного.

77. Сам Улан-Удэ сохранил дореволюционный облик деревянных правильных кварталов, а также несколько православных храмов. Ведь в свое время он был одним из административных центров Даурии, забайкальского казачества.

78-79. На наших слайдах остались лишь два удинских храма, схожих друг с другом.

80. Одигитриевская церковь построена в 1714 году. В ней даже чувствуется какой-то азиатский, кхмерский дух. То ли сама земля каким-то мистическим образом влияла на строителей, то ли более опосредованно - южноазиатские храмы отразились на приемах мастеров.

81. А здесь эти забытые мотивы лишь полнее проявляются для нашего глаза.

82. В старом центре города по русскому обычаю выстроены были в XVIII-ом веке Малые,

83. а в XIX-ом веке - Большие торговые ряды с Гостиничным двором. Ведь город стоял на перекрестке важнейших торговых путей, из Монголии и Тихого океана.

84. Буряты - скотоводы и кочевники, были вместе с тем и активными участниками в этой торговле.

85. Бурятское инородческое меньшинство овладевало экономическими рычагами и европейской культурой.

86. А когда в деревянный Верхнеудинск пришла великая революция, она означала и возвращение в город ее окрепших изначальных хозяев.

87. Верхнеудинск стал столичным Улан-Удэ.

88. Театр оперы и балета - одно из самых помпезных зданий в городе. Постройка сталинских времен, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

89. Впрочем, говорят, бурятский балет, действительно, славен мастерством и хорошей школой. Ведь, как известно, в области балета - мы впереди планеты всей.

90. Но стоит отойти чуть в сторону, и видишь, что эта "роскошь" - вывеска и фасад. Нарядные дома стоят лишь вокруг центральной площади, а дальше - или старые, еще прежние деревянные улицы, или стандартные коробки, или просто пыльный пустырь. Азия...

92. Наверное, то же самое происходит и с литературой. Беспризорными выглядят Горький, Маяковский, Толстой в чахлом городском парке, как будто выброшенными на

задворки соцстроительства. Ими клянутся, их подсеребривают, но что берут от них?

93. Да и жива ли в наше время бурятская культура? Способна ли она перерабатывать чужую культуру, как раньше? Без своих буддистских основ, без идеологической самостоятельности?

94. Оживлены улицы Улан-Удэ. Часто встречаем богато одетых людей.

95. Среди них много бурятской молодежи, студентов. Они веселы, чувствуют себя здесь привольно, хозяевами. И это приятно. Радостно ощущать рост молодой и здоровой нации, ее напор.

96. На селенгинском берегу я исподтишка наблюдал и даже фиксировал типичную бурятскую пару. На их лицах печать европейского воспитания и образования. Как они их приняли? Не знаю. Но это современная Азия: европейская по форме, но вот какая по содержанию?

97. А у этой молодой женщины, я бы сказала, буддистская отрешенность. Глядя на нее, мы вспоминаем о Дандароне, буддистском учителе, проповеднике, последнем духовном принце Бурятии. У нас, понятно, его портрета нет.

98. Последние свои дни в 1975 году Дандарон провел в третьем заключении в исправительном лагере на берегу Байкала. Неизвестно, почему именно его снова посадили после сталинских лагерей. Вроде бы поводом стало строительство священной ступы на могиле предков без дозволения властей, а на деле, скорей всего, этим поводом стала растущая его популярность среди молодежи. И только среди бурятской.

99. Дандарон не считал свои заключения горем. Архату заключения только помогают на священном пути, только улучшают его Карму. В самых суровых условиях он не терял своего достоинства, привлекая этим разных людей, даже бывших коммунистов и партработников... Своею жизнью он показал, какие потенциальные глубины заложены в древнем буддистском учении.

100. И когда осенним днем пришла его смерть, он принял ее как благо, передав людям свою радость.

101. Его ученики говорят: Дандарон не умер, Дандарон ушел в беспредельные глубины, но примером он всегда с нами. И они - тоже Бурятия, возможная Бурятия!

102. Когда выходишь на центральную площадь Улан-Удэ, то тебя едва не сбивает с ног неожиданность встречи с огромной отрезанной головой, но не из пушкинской поэмы, а из социалистической реальности.

103. Знакомый архитектор рассказывал нам впоследствии, что в осуществлении этого кощунственного замысла сыграла большую роль денежная заинтересованность: ленинградским скульпторам работа оплачивалась по кубометрам скульптуры... И они постарались!

104. Но видны в этом творении и азиатские вкусы заказчиков. И вот новый черный Будда-Ленин взирает на всегда людную площадь все понимающими глазами, как бы оценивая: "Ну и ну... Что вы еще учудите?".

105. И снова Байкал

106. Священное море и современная индустрия - каковы их отношения?

107. Нынешняя техника не может не влиять на Байкал и не губить его. Это кажется неизбежным. Растет население и его подвижность. Растет туризм.

108. Неизбежно растут и нужды промышленности в его лесе, руде, воде... Но остановимся.

109. Вот знаменитый целлюлозный комбинат БЦК. На его строительстве настаивали военные ведомства и местное начальство. Первый секретарь республики даже пробовал объявить протестующих ученых врагами бурятского народа, но времена пошли не те.

110. Поэтому комбинат был снабжен дорогими очистными установками, а озеро-море правительство взяло под охрану. Однако мы сами видели грязные разводья на воде от комбината, ощущали густую вонь.

111. Вредные вещества скапливаются в байкальских глубинах, а там они уничтожают байкальскую особую жизнь. А ведь существуют иные, безотходные технологии, с замкнутым водооборотом.

112. Но эти решения требуют увеличения средств и противоречат примитивно понятой хозяйственной выгоде. Ведь в эти экономические расчеты не включают стоимость Байкала, а она громадна. Пять национальных доходов страны стоит только одна байкальская вода.

113. Еще труднее оценить богатства окрестных лесов, того живописного мира, о котором пророк Аввакум когда-то писал:

114. "Бесчисленные здесь кабаны, лоси, гуси-лебеди, яко снег зимой...".

115. Наши предки успели уже многое взять от Байкала. Сегодня нет ни богатых птичьих базаров,

116. ни лежбищ байкальских тюленей - пресноводных нерп.

117. Скудеет и хиреет главное богатство - омулевые косяки. И началось это оскудение уже давно. Статистика свидетельствует, как стремительно падал улов с сотен тысяч пудов рыбы в начале прошлого века

118. до немногих тысяч пудов в его конце. И - всего лишь с помощью древнего невода и лодки.

119. Сегодня оснащенность рыболовного и прочего флота на Байкале резко выросла. Возросло и мастерство.

120. Однако уловы падают. И современные рыбаки заняты неэффективным процеживанием уже опустошенных предками и браконьерами озерных вод.

121. Конечно, невозможно не трогать Байкал, не пользоваться им, но здесь нужна мера, учитывающая права будущих поколений.

122. Но как трудно принять на себя всю полноту ответственности, как трудно удержаться от хищничества.

123. И вот, только отшумела полупоражением битва за чистоту стоков Байкальского целлюлозного комбината, как с северных заснеженных отрогов байкальских гор доносятся

еще более тревожные вести: геологи нашли свинцово-цинковые руды.

124. Когда на реке Холодной будет выстроен рудный комбинат, в Байкал потекут такие ядовитые и грязные стоки, что отходы БЦК покажутся "всего лишь газированной водичкой". Велик технический прогресс нашего времени, но еще более велики беды и опасности, которыми он грозит священному морю Азии.

125. Еще рано говорить о его полной гибели, а только о необратимом загрязнении и уничтожении его священного смысла. Но разве этого мало?

126. Разве невозможен путь, когда интересы художника и туриста будут значить не меньше, чем интересы заводчика и военспеца?

127-128. Мы верим, что так оно ни будет!

129. Экологические проблемы Сибири, конечно, одним Байкалом не исчерпываются. Эти трагедии продолжаются и у дочери Байкала - Ангары, да и не только у нее.

Мы находили их даже в самых благополучных местах социалистической Сибири.

130. Железногорск Он стоит на реке Коршунихе. Типичнейший шахтерский соцгородок. Вскрытый машинами голый склон горы и железорудный карьер. Руду везут на обогатительную фабрику слева. Речка внизу превращена в ее технологический пруд.

131. Справа амфитеатром расположился весь легко обозримый городок. Несколько кварталов стандартных жилых многоквартирных домов, неплохое снабжение продуктами, набор культурчреждений: клуб, кинотеатр, стадион - ну, все, что надо для сытной, хоть и скучной жизни. Сам Железногорск уничтожает не так уж много - лишь несколько рудных гор, да одну речку, да тайгу в округе, - но люди, которых он воспитывает, скукой обеспеченной работы, становятся способными на гораздо большее.

132. Ангарск Один из промышленных центров Восточной Сибири, Ангарск нам показывали его старожилы и хорошие

знакомые - подобно американцам, со своего собственного автомобиля.

133. Когда-то здесь пролегла лишь кандаляная дорога во глубину сибирских руд, о чем напоминает этот памятник, а в послевоенное время было размещено отобранное у немцев и у японцев заводское оборудование.

134. В те же годы руками пленных и заключенных был выстроен регулярный двух- и трехэтажный желтоцветный город, восхищающий приезжих правильной планировкой и снабжением, лучшим, чем даже в областном Иркутске.

135. А вокруг города по притоку Ангары Китою и самой Ангаре - огромные пространства, огороженные под строго охраняемые предприятия.

136. Здесь ведут комфортабельную жизнь люди, работающие над силами, способными перевернуть не только Сибирь, но и всю Землю, люди безгласные и техничные, подчиненные анонимной воле. И нам страшно от такого будущего.

137. Братск Увидели мы, как ни странно, что вместо города Братска на железной дороге оказались лишь три мало связанные друг с другом станции. На одной из них, близ ГЭС, мы остановились.

138. Поселок энергетиков, обслуживающий крупнейшую в мире гидростанцию, очень благоустроен. Есть даже гостиница для интуристов.

139. Но человек все равно стремится из современных многоэтажных домов к саду, личному куску земли - даже под шелестом воздушных электропередач. Новый город - и старые, неизменные идеалы.

140. Вот знаменитое, поющее под гитару Братское море, гигантский резервуар байкальской воды, затопивший своим холодом сотни километров плодородной ангарской долины, целые деревенские миры и человеческие судьбы, как это описано В.Распутиным в романе "Прощание с Матерой".

141. Вот он - воплощенный технический прогресс - Братская ГЭС. Громада не хуже египетских пирамид. Не только красота, но и величие,

142. ибо за ней вместо тысяч загубленных рабов стоят тысячи затопленных гектаров ангарских земель и труды многих тысяч предков, их осваивавших.

143. Как и все крупные гидростанции, Братскую ГЭС творил Гидропроект, тот самый, что родился в 30-е годы при НКВД, чтобы строить Беломорканал, а потом еще более крупные волжские стройки коммунизма, но теми же самыми методами.

144. Сейчас Гидропроект не подчиняется КГБ, а плотины, в основном, возводят не заключенные, а вольнонаемные люди. Но ведь главное не изменилось...

145. Высоким ангарским берегом мы удаляемся от плотины, наслаждаясь ярким по-южному солнцем, соснами, над скалами и темно-зеленой водной гладью.

146. Вглядываемся в еще не затопленные острова. Постройки еще видны, но людей, наверное, уже свезли. Хотя и не понятно, почему. Пересекаем притоки. Велика Ангара, и неиссякаема ее водная сила.

147. Вслед за ангарской водой мысленно уплываем к Усть-Илиму, а потом к Богучанам, где строят новую ГЭС,

148. где вновь останавливают живой хрусталь байкальской воды...

149. и превращают ее в зыбь водохранилищ, романтизированных нашими стихами и песнями.

150. В ресторане зеленого деревянного поселка "Падун"

151. веселятся под шум Братского моря-кладбища.

152. А мы выглядываемся в Ангару, на ее живом участке стараемся хоть как-то запомнить дочь `смогут, но как же они будут жить без рек и долин?

153. Путешествие в Илимск Мы ехали в Илимск к острогу и месту ссылки первого русского диссидента Радищева.

154. Рано утром мы вышли со станции Хребтовая и попутками двинулись в сторону Илимска.

155. Но попутчики, дорожные рабочие, ошарашили нас сообщением, что Илимск затоплен, а илимчане разбросаны по окрестным поселкам и деревням.

156. Но мы уже не могли остановиться, и двигались к бывшему городу Илимску, чтобы отдать дань его славной памяти.

157. Заброшенная таежная дорога...

158. Прошагав безлюдные двенадцать километров, забеспокоились, правильно ли мы идем.

159. Но тут начался постепенный уклон, и стала угадываться впереди большая вода.

160. Илимское водохранилище не кажется громадным, но ведь сам Илим был небольшой рекой, и потому неширокой была его животворящая и теплая долина.

161. По ней нас повезет над затопленным Илимском-Китежем Иван Порфирьевич, один из активистов-илимчан, а ныне пенсионер.

162. Он вез нас над своим Илимском, над жизнью своей и своих предков, похороненных в многокилометровой водной бездне, к новому шоссежному мосту, и рассказывал.

163. Много рассказывал и о том, как просили Гидропроект использовать иной вариант, но которому ГЭС строилась чуть выше устья Илима. Но цифра большей мощности генераторов для верховных проектировщиков была важнее интересов поколений, будущих и прошлых.

164. Впрочем, верхнее, новое кладбище под воду не ушло, хотя без людского внимания оно быстро захиреет, прибавив еще один камень к виновности Гидропроекта.

165. Но он - не единственный виновник; когда затопление стало неизбежным, жители требовали спасти Илимск, передвинув затопляемые дома на взгорье.

166. Однако местные власти решили иначе. Директору леспромхоза легче оказалось переселиться на Хребтовую, где и железная дорога есть, и хороший лес еще не весь вырублен. Директору совхоза хотелось переселиться куда угодно, чтобы закрыть разваливающееся хозяйство, получить государственные деньги за потопление и начать жизнь сначала. И вот эти два госкапиталиста, два банкрота

окончательно решили судьбу старинного городка, вопреки очевидному желанию его жителей.

167. Принуждаемые к отъезду, владельцы даже незатопляемых домов тоже стали жечь свои дома, чтобы получить за них деньги. Затоплен и сожжен, а жители разбросаны, как в войну. Где еще, в каком месте может столь полно и нахально разбойничать монополистический капитал?

168. Древний острог - увезен на Байкал, а жильё Радищева и та скала, у которой он, по преданию, работал, тоже затоплены.

169. Остался лишь самодеятельный памятник всем революционерам, сооруженный в недавние годы местным учителем и школьниками. Наивной кажется эта новая коммунистическая "ступа". И что она может сообщить затопляемому будущему?

170. И все же мы ей рады. Ведь поставил ее человек, уважающий предков и любящий эту землю.

171. Красноярск - 1628 года рождения.

172. В свой предпоследний день отпуска мы смотрим на краевую столицу Восточной Сибири, на ее многоэтажные громады в полумгле тяжелого промышленного воздуха.

173. Скольким взглядом по широким проспектам.

174. Смотрим на роскошь облицованных гранитом и мрамором столичных новостроек.

175-176, 177. Затерянными кажутся среди них здания старинного города.

178-179. Нигде в Сибири мы не видели такой городской мощи, как будто сподобились увидеть ее будущее.

180. Новый стадион, ставший гордостью и символом города, расположен посреди Енисея на "островках отдыха".

181. Высшая точка над городом - Черная сопка, с которой связано много эвенкийских легенд, смотрит на это

182. промышленное чудо, наверное, с восхищением и страхом.

183. Гораздо ниже - наша смотровая площадка.

184. Отсюда мы видим, как на деревянные дома старого Красноярска наступают кварталы многоэтажных громадин, а

на них - в свой черед, наползают дымы из труб многочисленных заводов правобережья.

185. Неужели городу предстоит быть задушенным смогом? Мы не хотим в это верить. Люди не допустят, и город у красного енисейского яра станет жить в гармонии с природой. Но это произойдет лишь тогда, когда мы станем умнее. Мировая история подсказывает, что выход люди находили. И мы обращаемся к истории Красноярска...

186. В 1628 году здесь пристала ватага енисейского воеводы Дубенского с единственной целью: через устроенный острог пограбить туземцев. И пограбили. Пушных зверей повыбили. Зато в Сибири людей прибавилось.

187. Потом стал город. Совсем небольшой, скорее даже маленький. Через двести лет, когда в 1823 году он вырос до губернского центра, в нем жило лишь три тысячи человек. Но и этой малости хватило, чтобы держаться здесь царской власти, чтобы принимать высланных из России преступников, вытаскивать из недр серебро и золото, а из леса - пушнину. Добываемая роскошь уходила в метрополию, европейскую Россию.

188. А здесь она оседала лишь блесками в убранстве редких православных церквей.

189. Таких, как эта, единственная отреставрированная в городе
190. красавица.

191. В тридцатые годы прошлого века появились первые тротуары в городе (до этого лошади тонули в грязи), в 40-е годы - первая парикмахерская.

192. В пятидесятые годы появились первая гимназия и первая городская библиотека... Такой "прогресс" мог тянуться не одну тысячу лет.

193. Но вот в город пришла железная дорога, и преобразила его. Она набила его промышленностью, нагнала новых людей и насытила их.

194. И что же, погибла Сибирь? Нет, она лишь изменилась, стала кормить уже миллионы трудолюбивых крестьян-переселенцев, и дала соки их культура.

195-198,199. Но разве сравнить прежние масштабы и нынешние? Прежнюю штольню с современным карьером-разрезом, паровую машину с ГЭС, пушку - с водородной бомбой, или прежний город - с нынешним гигантом?

200. Какой же выход? - Мы не знаем. Закрыть технический прогресс? - Не выйдет. Остаться в его власти безвольно? - Погибнешь. Как-то ограничить, направить верно? - Но как?

201. Мы знаем только: всем надо думать, все помнить и понимать, бояться и стараться, ценить и охранять цветы духовные и цветы живые.

202. Тогда, быть может, мир спасется...